

ДС 14

ЛЮБА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

К 37889

С. М. КАШТАНОВ

ФИНАНСЫ *средневековой* РУСИ

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук

А. А. ЗИМИН,

член-корреспондент АН СССР

В. Л. ЯНИН

МОСКВА «НАУКА» 1988

ББК 63.3(2)4
К31

Рецензенты:

доктора исторических наук
В. Б. КОБРИН, А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

Каштанов С. М.

К31   **Финансы средневековой Руси.** — М.: Наука, 1988. — 248 с.
ISBN 5-02-009418-8

Монография посвящена изучению финансовой (прежде всего налоговой) системы на различных этапах развития феодальной Руси XIV—XVI вв. В монографии вводится в научный оборот большой комплекс источников (изданных и неопубликованных), дается теоретическая постановка вопроса о феодальных финансах. Автор исследует две стороны истории налоговой системы на Руси: во-первых, происхождение и модификацию податей, повинностей и пошлин в связи с ходом социально-экономического процесса, во-вторых, налоговую политику княжеских правительств, степень зависимости ее от объективных экономических условий и от потребностей государства, связанных с выполнением его внутренних и внешних функций. Для историков.

0505010000-235
К—042(02)-88 34-88-III

ББК 63.3(2)4

Научное издание

Каштанов Сергей Михайлович

ФИНАНСЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства С. А. Левина

Художник Ф. Н. Буданов. Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор Н. Н. Кокина. Корректоры Р. В. Молоканова, Е. Л. Сысоева
ИБ № 37945

Сдано в набор 11.02.88. Подписано к печати 12.07.88. А-10577. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,5
Усл. кр. отт. 15,5. Уч.-изд. л. 19,7. Тираж 4150 экз. Тип. зак. 1315. Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-009418-8

© Издательство «Наука», 1988

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «финансы» происходит от средневекового латинского термина *financia*, означавшего «наличность», «доход». Под финансами первоначально понималась совокупность денежных средств, находящихся в распоряжении государственной власти, затем это слово приобрело более широкий смысл и стало обозначать денежные средства, денежные обороты вообще.

Современная финансовая проблематика весьма разнообразна. Она включает в себя вопросы денежного обращения, кредита, частного и государственного бюджета. Финансы теснейшим образом связаны с производством, распределением, обменом и потреблением, т. е. со всем кругом производственных отношений. Историю финансов невозможно изучать в отрыве от истории государственного аппарата и основных проблем внутренней и внешней политики.

На VIII Международной конференции («неделе») по экономической истории в Прато (1976 г.) обсуждалось соотношение государственных финансов (прежде всего системы налогообложения и расходов на государственные нужды) с уровнем производства и потребления. Было подчеркнуто отсутствие прямо пропорциональной зависимости между уровнями производства и налогообложения и наоборот. Рост податей и пошлин зависел во многих случаях не от подъема производства, а от потребностей внешней политики, увеличения расходов на военные нужды и т. д.

Состояние источников по истории Руси XIV—XVI вв. не позволяет в полной мере осветить все аспекты избранной нами темы и установить, даже схематично, все взаимосвязи, объясняющие функционирование механизма финансов. Задачи работы ограничивались также тем, что автор был не в состоянии заново переисследовать все группы необходимых источников. Это касается прежде всего нумизматического материала. Не будучи нумизматом, автор не ставил перед собой цели непосредственного изучения монетного материала. Еще менее целесообразным казалось повторение выводов существующей специальной литературы, которая используется лишь для сопоставления с наблюдениями, сделанными на основании письменных источников.

Из всей финансовой проблематики внимание автора было сосредоточено на вопросах налогообложения и налоговой политики. В предшествующей дореволюционной и советской литературе

история финансов Древней Руси понималась прежде всего в этом смысле.

Исследования первой половины XIX в., посвященные истории русских финансов, отличались ярко выраженным юридическим подходом к теме, обобщением данных за несколько столетий в плане выведения «средних норм», иллюстративным использованием материала. Наряду с работами сводного характера (Ю. А. Гагемейстер, Д. А. Толстой) появлялись труды, характеризующие отдельные группы налогов — прямые (В. Е. Кури), косвенные (Е. Г. Осокин). Значительный подъем в изучении истории русских финансов наблюдается в конце XIX — начале XX в., когда стали активно привлекаться материалы писцовых книг и вообще круг исследуемых источников существенно расширился. В это время особенное внимание было уделено древнерусским окладным единицам, и в первую очередь системе сошного письма. Значительный вклад в разработку данной проблемы внесли труды Н. И. Миклашевского, А. С. Лаппо-Данилевского, П. Н. Милюкова, М. А. Дьяконова, С. Б. Веселовского и др. Правда, изучалась по преимуществу финансовая система XVII в., а история предшествующего периода затрагивалась попутно, но тем не менее ряд наблюдений имел большое научное значение. Исследование истории самих налогов и пошлин не отличалось систематическим характером, хотя некоторым из них посвящались отдельные монографии — ямской гоньбе (И. Я. Гурлянд), пососной службе (А. И. Яковлев). Впрочем, и здесь материал XVII в. преобладал. Подробнее других коснулись истории прямых налогов в XVI в. П. Н. Милюков и Н. А. Рожков. Обобщающая статья о таможенных пошлинах была написана С. А. Шумаковым.

В советской историографии 20—40-х годов XX в. изучение истории финансов Руси заняло подчиненное место в общем исследовании социального строя русской деревни (С. Б. Веселовский) и города (П. П. Смирнов).

Заметной вехой в разработке новых подходов к анализу жалованных грамот как источника по истории финансов явилась монография Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» (М., 1951. Ч. II). Ряд ценных наблюдений, касающихся налоговой политики в XVI в., содержится трудах И. И. Смирнова, Б. А. Романова, А. А. Зимина, А. Т. Николаевой и др. П. А. Садиков собрал большой материал для реконструкции истории складывания финансовых учреждений во второй половине XVI в. Н. Е. Носов занимался изучением таких вопросов, как история городского дела, пососной службы в связи с формированием системы местного управления в первой половине XVI в. (1957 г.). Затем он затронул вопрос об отмене тарханов в 1551 г. (1969 г.). Этого вопроса, равно как и других аспектов истории податного иммунитета, касался также автор настоящего исследования. О налогах и повинностях XIV—XV вв. писали А. Д. Горский и В. Л. Янин. А. И. Копанев плодотворно изучал особенности налогообложения крестьян русского Севера.

Значительный интерес представляет коллективный трехтомный труд по аграрной истории Северо-Запада России (руководитель авторского коллектива А. Л. Шапиро), где исследуются финансы главным образом частнофеодальных хозяйств и одновременно характеризуется государственная налоговая система в Новгородской земле. С этой работой связана статья более общего характера о налогах в России второй половины XVI — первой четверти XVII в., принадлежащая перу Г. В. Абрамовича (1972 г.). В последнее время появились работы Е. И. Колычевой о налогообложении и повинностях XVI в.

Возрос интерес к истории финансов на Руси и за рубежом (книга В. Шульца об иммунитете, статьи М. Рублева о размерах ордынского выхода и др., М. Злотника о финансовой политике 1462—1584 гг.).

Состояние историографии и направленность интересов автора определили профиль настоящего исследования. В нем предпринята попытка систематически проследить состояние финансов и перипетии налоговой политики в связи с развитием русской государственности. Задача эта в таком объеме ставится впервые. Автор сознает, что отдельные стороны финансовой истории остались вне исследования. Так, весьма важным было бы изучение государственных расходов, составляющих вторую часть бюджета. Однако сведения о них казались нам настолько разрозненными, что от постановки и решения этой задачи пришлось отказаться. Весьма трудно проанализировать взаимозависимость финансовых обязательств населения и его экономического потенциала. Вследствие скудости источников и невозможности сопоставления ряда данных этот вопрос затрагивается лишь постольку, поскольку удастся найти на него хотя бы неполный ответ в сохранившемся материале.

В основу исследования положен анализ актовых источников посредством методики, разработанной в дипломатике.

Автором были учтены замечания М. Е. Бычковой, А. И. Клибанова, Г. А. Некрасова и Н. В. Синицыной, принявших участие в обсуждении работы.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ В XIV—XV вв.

Налоговая политика XIV—XV вв., поддающаяся изучению по актовому материалу, касалась прежде всего взаимоотношений между княжеской властью, с одной стороны, светскими и духовными феодалами — с другой. Поэтому, изучая финансовую политику XIV—XV вв., мы неизбежно сталкиваемся с проблемой эволюции феодального иммунитета в это время.

В древнейшей русской иммунитетной грамоте (XII в.) «дань» передается монастырю вместе с селом («[Буи]це ... с данию») ¹. В данных и меновных грамотах XIV в. нет выражения «с данию». В XIV в. мы видим несколько различных принципов решения финансово-иммунитетной проблемы в отношении частнофеодального землевладения.

Из 15 иммунитетных грамот XIV в. шесть содержат безусловное освобождение от дани и других налогов ², две — освобождение в счет уплаты определенного годового оброка ³, некоторые грамоты — в основном рязанских князей — передают землю с разными пошлинами («резанкою» и др. ⁴, иногда — со «всеми пошлинами» ⁵ и с «поземом» ⁶). Такая форма пожалования, видимо, не означала освобождения от главного прямого налога, ибо в грамотах нет статьи типа «данници... ать не занимать... люди ни про што...», которую находим в рязанской грамоте 1371 г. ⁷ Рязанские грамоты XIV в. не употребляют термина «дань», хотя в рязанских грамотах XV в. он встречается.

В одной рязанской грамоте конца XIV в. дается освобождение от «тягости» на три года. Одновременно в грамоте есть постановление: «...ни ямщик, ни боровщик, ни бобровник» [не въезжают] ⁸. Среди перечисленных чиновников не находим данщика. Отсутствие упоминания о нем вполне соответствует тому, что грамота предоставляет лишь временное освобождение от «тягости», очевидно являвшейся одной из разновидностей «дани». Следовательно, если в рязанской грамоте имеется распоряжение типа «ни чяшници мои, ни ключници, ни поездове, ни ямник, ни боров-

¹ ГВНП. № 81.

² АСЭИ. Т. III. № 2, 116, 178, 322; Т. II. № 340; ГВНП. № 86.

³ АСЭИ. Т. III. № 190, 238.

⁴ Там же. № 309, 314—316, 322, 324, 325.

⁵ Там же. № 314, 322.

⁶ Там же. № 322, 325.

⁷ Там же. № 322.

⁸ Там же. № 324.

ник» [не въезжают] ⁹, то это можно считать признаком освобождения от основных поземельных налогов (яма и др.), кроме «тягости».

Сам принцип временного освобождения от «тягости» рязанская грамота вводит впервые в истории налогового иммунитета на Руси. Появление указанного принципа показывает разложение понятия о полном податном иммунитете. Выделяется какой-то налог или налоговый комплекс («тягость»), уплата которого становится обязательной. Практика уплаты «тягости», как позволяет думать отсутствие упоминания о ней в ряде рязанских грамот XIV в., предшествовала введению принципа временного освобождения. Необычное для XIV в. ограничение податного иммунитета в Рязанском княжестве, возможно, связано с его наибольшей близостью к Орде, удовлетворение фискальных претензий которой требовало чрезвычайного напряжения местных финансов ¹⁰.

Какое значение вкладывалось в термин «дань» в жалованных грамотах, выдававшихся в других районах Руси? Была ли это только княжеская дань или здесь подразумевалась также дань татарская? Вернее первое. Татарская дань носила специальное название — «выход». Термин «выход» в актовых материалах впервые встречается в московско-тверском докончании 1375 г. ¹¹ Московско-серпуховской договор 1389 г. показывает, что «выход» — это часть «дани», собранной князем: «А что наши данщики сберут в городе и в станех и в варях, тому ити в мою казну, а мне давати в выход» ¹². В том же договоре размер «ординской тягости» и «протора» с Серпуховского удела определяется в размере 320 руб. в случае общего сбора в размере 5000 руб.: «в пять тысяч руб. триста рублей и дватцать руб.» ¹³. Размеры «дани» с других московских уделов зафиксированы во второй духовной Дмитрия Донского (1389 г.): с Коломны и коломенских волостей — 342 руб., со Звенигорода и со всех звенигородских волостей — 272 руб., с Можайска и со всех можайских волостей — 167 руб., а с «отъездных мест» — 68 руб., с Дмитровского удела — 111 руб. ¹⁴ При сложении это дает 960 руб., что ровно в три раза больше, чем серпуховская дань (320 руб.). Возможно, такая пропорция отражает какое-то более раннее положение дел, когда с Московского

⁹ Там же. № 325.

¹⁰ О том, что понятие «тягость» или «тягота» связано с финансовыми требованиями Орды, свидетельствует грамота тверскому Отрочу монастырю 30-х годов XV в.: «...придет к нам коли из Орды посол силен, а немочно будет его опровадити, ино тогды архимандрит с тех сирот пособит в ту тяготу, с половника даст по десятку тверскими кунами; а нам и тогды не послати к монастырским людем ни по что» (АСЭИ. Т. III. № 117). Очевидно, эта статья заимствована из грамоты Отрочу монастырю 1362—1364 гг., конец которой не сохранился (Там же. № 116). В договорных грамотах XIV в. употребляется выражение «ординская тягость» (ДДГ. № 5, 11, 13. С. 20, 31, 38).

¹¹ ДДГ. № 9. С. 26. Подробнее о дате договора см.: Зимин А. А. ХДДГ. С. 286.

¹² ДДГ. № 11. С. 31.

¹³ Там же; ср. № 17. С. 49.

¹⁴ Там же. № 12. С. 35—36.

княжества бралось 1280 руб., делившихся на четыре части по 320 руб. каждая. Подобная ситуация могла возникнуть в результате раздела Иваном Калитой Московского княжества между четырьмя наследниками: Семеном, Иваном, Андреем и княгиней «с меньшими детьми». Но могло быть и иначе: общая сумма составляла не 1280, а 960 руб. и собиралась с трех уделов — Семена, Ивана и Андрея, княгиня же только участвовала во взносах. Конечно, конкретная сумма «выхода» с того или иного удела зависела от размеров последнего. После обособления Серпуховского удела на нем осталась обязанность платить свою старую долю — 320 руб., а за Московским княжеством тоже сохранился прежний оклад. В конце правления Дмитрия Донского оклад татарского «выхода» с Московского княжества равнялся 1000 руб.: «А то возмут в тысячу руб., а будет боле или менши, ино по тому розочту». Не исключено, что этот оклад был установлен еще при Калите, когда Серпухов входил в состав его княжения. Однако во времена Дмитрия Донского серпуховская дань бралась уже не в московский оклад (1000 руб.), а в великокняжеский (5000 руб.). Оклад московской дани составлял $\frac{1}{5}$ великокняжеского.

Практически каждый князь Московского княжества должен был собрать со своего удела меньше, чем назначалось, ибо часть суммы шла с владений княгини-матери: в коломенскую дань она вносила $47 + 22 = 69$ руб., в звенигородскую — $50 + 45 + 9 + 9 = 113$ руб., в можайскую — $22\frac{1}{2} + 7\frac{1}{2} + 22 + 10 + 9 + 6\frac{1}{2} + 6\frac{1}{2} = 84$ руб., в дмитровскую — 30 руб. Кроме этого, князь Иван, получивший по духовной только волости Раменейце и Сохну, давал с них в дмитровскую дань 10 руб. По своим платежным обязательствам княгиня-мать занимала первое место в феодальной иерархии: с ее территорий собиралось в целом 296 руб. дани, что превосходило размер сборов старшего сына Василия ($342 - 69 = 273$ руб.) и младших, Юрия ($272 - 113 = 159$ руб.), Андрея ($235 - 84 = 151$ руб.), Петра ($111 - 30 - 10 = 71$ руб.) и Ивана (10 руб.), взятых в отдельности.

Нельзя думать, что сборы с владений княгини были дополнением к общей сумме с каждого удела — ее деньги входили в эти суммы как их составная часть, ибо в источнике говорится: «и княгиня моя даст ему в то серебро...»

Весьма близкую, хотя и не вполне тождественную картину распределения количества собираемой дани внутри княжества рисует духовная Владимира Андреевича Серпуховского¹⁵. В пяти-тысячный оклад дани с великого княжения серпуховские князья должны были внести 320 руб. Норма, известная нам уже из договора 1389 г. Однако сложение всех указанных в духовной долей дани серпуховских князей дает число несколько большее, чем 320: 88 руб. с Лужи (княгиня-мать), $48\frac{1}{2}$ руб. с Серпухова (старший сын Иван), 33 руб. с Боровска (Семен), 76 руб. с Ярославца (Ярослав), 42 руб. с Радонежа (Андрей), 41 руб. с Пере-

¹⁵ ДДГ. № 17. О дате см.: Зимин А. А. ХДДГ. С. 290—291.

мышля (Василий) = $328\frac{1}{2}$ руб.¹⁶ Доля княгини здесь, как и в Московском княжестве, превосходит долю каждого из сыновей в отдельности. Разница лишь в том, что в Серпуховском княжестве княгиня-мать не вкладывается в доли сыновей, а платит отдельно, как обособленная удельная правительница.

Еще до составления духовной Владимир Андреевич давал великому князю дань с Волока, а затем с Углича и Городца. По договору 1390 г.¹⁷ дань в Волока, равнялась 170 руб. и вносилась в пятитысячный великокняжеский оклад¹⁸. После обмена Волока и Ржевы на Городец и Углич Владимир Андреевич обязался в 1401 г.¹⁹ платить Василию I с Углича 105 руб., а с Городца 160 руб.²⁰ Интересно при этом, что дань с Углича вносилась в семитысячный оклад, а дань с Городца — в полуторатысячный. Семитысячный оклад фигурирует также в духовной Юрия Галицкого 1433 г.²¹ На этом основании М. А. Рублев делает вывод, что общий размер «выхода» в 1389—1390 гг. составлял 5000 руб., а в 1401—1433 гг. — 7000 руб.²²

Повышение оклада с 5000 до 7000 руб., вероятнее всего, связано с получением Василием I в 1392 г. ярлыка на Нижегородское княжение. В духовной Владимира Андреевича упоминается «новгородцкой» (имеется в виду нижегородский) «выход» — 1500 руб.: «...возмут дани з Городца и з Городецких волостей в новгородцкой выход, в полторы тысячи рублей, возмут сто руб. и шестьдесят рублей, по нашему докончанию»²³.

Духовная Владимира Андреевича подтверждает также установленный в договоре 1401 г. размер дани с Углича — 105 руб., хотя и не говорит, в какой оклад собирается угличская дань. Кроме того, в духовной приводится общая сумма дани серпуховских князей (585 руб.) из расчета 320 руб. с основной территории удела + 160 руб. с Городца + 105 руб. с Углича: «А то возмут дети мои и княгини моя дань су-уделов своих, и з Городца, и з Городецских волостей, и су-Углича поля в шестьсот рублей без пятинатцати рублей»²⁴.

Остается неясным, на какую территорию распространялся оклад в 500 руб., остающийся после вычитания из 7000 руб. прежнего великокняжеского оклада (5000 руб.) и нижегородского (1500 руб.). Может быть, эти деньги падали на муромскую, мещерскую и тарусскую части присоединенных в 1392 г. земель?

¹⁶ ДДГ. № 17. С. 49.

¹⁷ Там же. № 13. Подробнее о дате см.: Зимин А. А. ХДДГ. С. 287.

¹⁸ ДДГ. № 13. С. 38.

¹⁹ Там же. № 16. Подробнее о дате см.: Зимин А. А. ХДДГ. С. 289—290.

²⁰ ДДГ. № 16. С. 44.

²¹ Там же. № 29. С. 74. Подробнее о дате см.: Зимин А. А. ХДДГ. С. 297.

²² Roublev M. Le tribut aux Mongols d'après les testaments et accords des princes russes // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. 1966. N 4. P. 525, 527; см. также: Павлов П. Н. К вопросу о русской дани // Учен. зап. Краснояр. гос. пед. ин-та. 1958. Т. 13. (Сер. ист.-филол.; Вып. 2).

²³ ДДГ. № 17. С. 49.

²⁴ Там же.

Во всяком случае, к 1433 г. раскладка ордынской дани существенно изменилась. Так, со Звенигорода и звенигородских волостей бралось «в семтысячной выход» 511 руб., а с Галича 525 руб.²⁵ По второй духовной Дмитрия Донского со Звенигорода требовалось почти вдвое меньше — 272 руб., о дани же с Галича там не говорилось. Какие конкретно были произведены перерасчеты в связи с перераспределением уделов, выяснить трудно.

Дань, взимавшаяся для уплаты «выхода», автоматически становилась княжеской собственностью в случае падения власти Орды на Руси. Этой оговоркой обычно сопровождаются все указания относительно уплаты татарского «выхода» или «дани». Например, во второй духовной Дмитрия Донского читаем: «А переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть»²⁶. Жалованные грамоты не проводят каких-либо различий между княжеской «данью» и «выходом». Последнее понятие в них не фигурирует. Как правило, князь, от чьего имени составлен документ, декларирует отмену необходимости взимания его дани («моя дань»). Это объясняется тем, что в XIV—XV вв. всякая уплата «выхода» осуществлялась через посредство великокняжеской власти; следовательно, для частного лица или монастыря взимаемая с него дань была данью в пользу местного князя, когда речь шла о светской дани, или церковного иерарха, если дело касалось церковной дани с причта сельских церквей. Права платить дань непосредственно татарам не имели, по крайней мере со второй половины XIV в., не только частные лица, но и удельные князья.

В грамотах Северной Руси XIV в. дань еще не выделена из общего перечня платежей и повинностей как обязательный для уплаты налог. Возникновение здесь оброчного принципа было основано именно на концепции полного податного иммунитета. Являясь материальным выражением вассальной зависимости феодала от князя, оброк был своего рода «выкупом» за сохранение налогового иммунитета в полном объеме.

В грамотах первой четверти XV в. дань уже отделяется от других налогов. Безусловное и бессрочное освобождение от нее²⁷ уступает место временным льготам²⁸ и оброчному принципу²⁹. В большинстве случаев временные освобождения касаются только дани. Освобождение от других налогов носит постоянный характер, восходя к традициям полного иммунитета.

В. Шульц считает, напротив, что «срок освобождения, как правило, относился не только к дани, но и ко всем другим перечисленным существенным налогам. То же нужно предполагать и для тех срочных освобождений первых четырех десятилетий XV в., в которых это прямо не сформулировано». Автор выска-

²⁵ Там же. № 29. С. 74.

²⁶ Там же. № 12. С. 36.

²⁷ АСЭИ. Т. II. № 9, 24, 44, 45; Т. III. № 53, 56-а, 481.

²⁸ АФЗХ. Ч. I. № 211, 230, 234; АСЭИ. Т. II. № 435, 437; Т. III. № 239.

²⁹ АСЭИ. Т. I. № 29; Т. II. № 435.

зывает убеждение, что «тянуть в дань» означало больше, чем уплату лишь дани³⁰. В обоснование своего тезиса Шульц ссылается на две грамоты: неопределенной даты (около 1418 г.) Нижегородскому Благовещенскому монастырю³¹ и 1435 г. светскому феодалу Михаилу Яковлевичу³². В первой из них вообще нет выражения «потянут в дань». В ней различаются по объему привилегий, предоставленные «пошлым» (старинным) монастырским людям и новым, призванным из других княжеств. О «пошлых» сказано: «...коли придет моа дань, и игумен за них заплатит по силе. А опричь того не надобе им ни мыт, ни тамга, ни побережное, ни костки, ни осмничее...» Относительно пришлых постановление следующее: «не надобе моа дань на десять лет, ни ям, ни подвода, ни мыт, ни тамга, ни инаа никотораа пошлина. А уживут десять лет, и они потянут с старожильцы по силе».

Поскольку старожильцы освобождены постоянно от мыта, тамги и т. д., но не освобождены от дани, то совершенно ясно, что пришлые потянут с ними «по силе» в дань. Шульц, очевидно, полагает, что пришлые должны были потянуть также в ям и подводы, ибо старожильцы не освобождены от этих повинностей. Однако выражение «по силе» определяет лишь основание участия в уплате той или иной подати («по силе» согласно тяловым возможностям хозяйства, как в XVI в. — «по книгам», т. е. в соответствии с кадастром).

Шульц исходит из теории создания иммунитета княжеской властью. В указанную теорию вполне укладывается его концепция изначальной обязательности всех существенных налогов. В то же время источниковедческие наблюдения автора недостаточны для сделанного им вывода о характере льгот в первые четыре десятилетия XV в. Довольно редкое включение в этот период яма в перечень временных освобождений связано, по-видимому, не с отсутствием финансового иммунитета, как полагает Шульц, а с ограничительными тенденциями великокняжеской политики, которые получают дальнейшее развитие позднее.

Грамоты, показывающие сравнительно небольшой объем постоянных финансовых привилегий некоторых феодальных владений, не свидетельствуют о том, что в льготных грамотах временность освобождения распространялась на все перечисленные в них налоги. Случаи заведомо ограниченного налогового иммунитета поддаются выделению и объяснению. Так, при передаче феодалу права на волостную землю, находившуюся ранее непосредственно в княжеской компетенции, в грамоте 1420/21 г. оговаривается необходимость поставки дани и яма³³. Грамота Троице-Сергиеву монастырю 1425 г. создает даже впечатление

³⁰ Для последующих десятилетий он, напротив, признает, что временный характер освобождения касался лишь дани. См.: Schulz W. Die Immunität im Nordöstlichen Russland des 14. und 15. Jahrhunderts // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. B., 1962. Bd. 8. S. 190, 197—199.

³¹ АФЗХ. Ч. I. № 234.

³² АСЭИ. Т. I. № 177.

³³ АФЗХ. Ч. I. № 226.

(возможно, обманчивое), что «старожильцы» его переславских сел были освобождены лишь от второстепенных налогов³⁴. Две грамоты декларируют право монастырских людей не тянуть к стану³⁵. И все же этих примеров ограниченного иммунитета, на наш взгляд, мало для того, чтобы принять как общее положение мысль, высказанную Ю. Г. Алексеевым: «Жалованные грамоты только допускают льготу, т. е. временную отсрочку в платеже дани... в принципе все трудящееся население должно было платить дань... Сказанное о дани вполне относится к таким повинностям, как ям и подвода...»³⁶

Выплата «дани» и уплата «оброка» в XV в. зачастую совпадали, ибо «оброк» платился «в дань», а «дань» — «в оброк»³⁷. Это значит, что дань не собиралась княжескими агентами с феодально зависимых крестьян, но сам феодал выплачивал князю или его представителям либо волостным властям назначенную сумму дани-оброка³⁸.

Во второй четверти XV в. процесс ограничения финансовых привилегий приобретает более широкий размах. Если в первой четверти века грамоты белозерских князей предоставляли всегда полный податной иммунитет, то теперь и в Белозерском княжестве наряду с грамотами старого типа³⁹ появляются акты, фиксирующие лишь временное освобождение от дани (правда, первоначально в них устанавливался очень большой срок льготы — до 30 лет, однако к середине XV в. он был резко сокращен)⁴⁰. Кроме того, и сюда проникает оброчный принцип⁴¹. В других районах бессрочные и полные освобождения довольно редки⁴². Наиболее типичны для этого времени грамоты, освобождающие на определенный срок от дани⁴³. В ряде грамот конца 30-х—40-х годов в перечне бессрочных освобождений дань не фигурирует⁴⁴. Весьма выразительно освобождение от дани на срок противопоставляется бессрочному освобождению от других налогов в грамоте Василия II Троице-Сергиеву монастырю 1442/43 г.: «...и кто у них в тех селех и в деревнях ныне живет людей старожилов, и тем людям не надобе никоторая моя дань, князя великого, на пять лет. А кого к себе перезовут

³⁴ АСЭИ. Т. I. № 44.

³⁵ Там же. № 34, 35.

³⁶ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л. 1966. С. 116.

³⁷ АСЭИ. Т. II. № 435.

³⁸ Там же. Т. I. № 29, 30; Т. II. № 435; АФЗХ. Ч. I. № 226, 230, 234; ГВНП. № 89 (ПРП. Вып. II. С. 195—196).

³⁹ АСЭИ. Т. II. № 48, 50, 65, 66, 68, 74, 76, 79, 80, 323, 324.

⁴⁰ Там же. № 67, 92, 98; АФЗХ. Ч. I. № 277.

⁴¹ АСЭИ. Т. II. № 51.

⁴² Там же. Т. I. № 140, 166, 172, 189, 199; Т. III. № 117, 220.

⁴³ АФЗХ. Ч. I. № 198, 231, 232 (АСЭИ. Т. III. № 297; ср. № 294), 233; АСЭИ. Т. I. № 52, 128, 135, 139, 175, 191, 192, 218, 219, 224, 225; Т. II. № 317, 321, 322; Т. III. № 34, 70, 253, 356; Каштанов С. М. Очерки. С. 352, 353. № 7, 8.

⁴⁴ АСЭИ. Т. I. № 133, 139, 191, 200, 217—219; Т. II. № 95, 345; Т. III. № 87; Каштанов С. М. Очерки. С. 362. № 10.

в те села и деревни и на пустоши людей из ьных княженей... и тем людям не надобе никоторая моя дань, князя великого, на десять лет. Также тем людям, старожилцем и пришлым, не надобе ям, ни подвода, ни коня моего кормити...» и т. д.⁴⁵

Оброчный принцип в этот период, как и раньше, провозглашается не очень часто⁴⁶, но следует помнить о принципиальной близости между уплатой дани и взносом оброка. В грамотах подчеркивается обособленность иммунитетных владений в тяглом отношении, их изолированность от черных волостей⁴⁷.

Дальше других по пути ограничения податного иммунитета пошли рязанские грамоты, которые включают в число обязательных налогов дань, тягость и ям⁴⁸. Из грамот Центральной Руси расширенной норме ограничения следуют пока еще немногие. Так, в грамоте 1435 г. светскому феодалу «его «сироты» принуждаются к уплате дани и яма в пользу князя⁴⁹. В двух грамотах Троице-Сергиеву монастырю (1448 г. и 1447—1455 гг.) дается временное освобождение от дани и яма⁵⁰. В грамоте ему же 1434—1447 гг. впервые фиксируется обязательность для крестьян иммунитетного владения «рубить город»⁵¹ («городное дело»). Упоминание о том, что митрополичьи крестьяне «делали города Володимеря», находим в грамоте 1459 г.⁵² Традиционная формула об уплате дани по истечении урочных лет заменяется в грамоте 1438 г. более широким обязательством: «потянут в дань и в пошлины...»⁵³

Очевидно, в этот период в наиболее уязвимом положении находился иммунитет городских дворов феодалов. В грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю 1448—1462 гг. на двор в Вологде упоминается о том, что Василий II «дал грамоту свою горожаном вологжаном и сотыцким на их двор на монастырьской, а велел есми был им тянути к ним их людям манаырьским, хто у них в том дворе в монастырьском живут людей, в всякие проторы и в розметы и в все пошлины...»⁵⁴.

В 50-х — начале 60-х годов XV в. ограничительные формулы находим уже в ряде грамот. Однако, всегда ли за ними кроется реальное ограничение, сказать трудно. Весьма решительные выражения содержатся в грамоте 1451 г. на монастырские варницы и село у Соли Галицкой, где временное освобождение дается не только от оброка-дани, но и от яма, волостных проторов и подвод⁵⁵. Такое ограничение, возможно, объясняется соседством этих владений с солигалицкой посадской общиной и ее борьбой против монастыря.

⁴⁵ Каштанов С. М. Очерки. С. 353. № 8.

⁴⁶ АСЭИ. Т. I. № 115, 221; Т. II. № 51, 349, 448; Т. III. № 491.

⁴⁷ Там же. Т. I. № 107, 156.

⁴⁸ Там же. Т. III. № 328, 352, 354; Голубцов И. А., Назаров В. Д. С. 88. № 14.

⁴⁹ АСЭИ. Т. I. № 117.

⁵⁰ Там же. № 195, 217.

⁵¹ Там же. № 115.

⁵² АФЗХ. Ч. I. № 172.

⁵³ АСЭИ. Т. I. № 131.

⁵⁴ Там же. Т. II. № 103.

⁵⁵ Там же. № 351.

В двух грамотах светским феодалам расширительно сформулированные заключительные статьи указывают, что после истечения льготных лет крестьяне должны тянуть в дань, «проторы» или «потуги»⁵⁶.

В грамотах монастырям временность льготы иногда довольно определенно распространяется на весь комплекс налогов, но внимательный анализ текста заставляет усомниться в возможности буквального понимания широковешательных формулировок, поскольку в грамотах либо содержится заключительная статья о необходимости потянуть только в дань⁵⁷, либо тут же менее привилегированным категориям людей дается бессрочное освобождение от всех налогов, кроме дани⁵⁸. Весьма характерна специальная оговорка относительно дани в грамоте 1454 г., содержащей бессрочное освобождение от дани и других налогов: «...и тем людем их всем не надобе моя дань, великого князя, впрок, ни ям, ни подвода, ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят...» и т. д.⁵⁹ Словом «впрок» (постоянно) подчеркивалась исключительность привилегии, так как чаще освобождение от дани лимитировалось во времени. Другие налоги такой оговорки не требовали, и в этом плане они здесь противопоставлены дани.

Общая ограничительная тенденция в отношении дани становится в середине XV в. более рельефной, чем раньше. Бессрочное освобождение от нее встречается все реже, особенно в грамотах московского великого князя⁶⁰. О том, что с имунистов могли потребовать дань, свидетельствует начало одной статьи в грамоте 1438 г.: «А коли на грамотницех дань велю взяти...»⁶¹. Абсолютно преобладают в этот период освобождение на срок⁶², невключение дани в перечень постоянных освобождений⁶³ и очень распространившаяся практика принуждения к уплате дани в форме оброка (эта практика была введена для всех вотчин Кирилло-Белозерского монастыря, для ряда монастырских дворов, варниц и др.)⁶⁴.

Попытки включить ям в число обязательных повинностей еще весьма робки. Встречающееся в грамоте 1458 г. на д. Яковльскую

⁵⁶ АФЗХ. Ч. II. № 1; АСЭИ. Т. III. № 179.

⁵⁷ АФЗХ. Ч. I. № 145, 171; АСЭИ. Т. I. № 280.

⁵⁸ АСЭИ. Т. II. № 359; Каштанов С. М. Очерки. С. 375—376. № 18.

⁵⁹ Каштанов С. М. Очерки. С. 368. № 15.

⁶⁰ АФЗХ. Ч. I. № 278; АСЭИ. Т. I. № 245, 250; Т. II. № 163, 356, 452, 454; Т. III. № 49, 96, 118; Каштанов С. М. Очерки. С. 366, 368. № 14, 15.

⁶¹ АСЭИ. Т. I. № 131.

⁶² АФЗХ. Ч. I. № 96, 145, 171, 172, 225; Ч. II. № 1; АСЭИ. Т. I. № 239, 243, 254, 278, 280, 291; Т. II. № 153, 156, 164, 169, 351, 359, 360; Т. III. № 54-а, 101, 179; Каштанов С. М. Очерки. С. 375—376. № 18; Голубцов Н. А., Назаров В. Д. С. 81. № 2.

⁶³ АФЗХ. Ч. I. № 145; АСЭИ. Т. I. № 236, 246, 247; Т. II. № 169, 359; Т. III. № 236; Каштанов С. М. Очерки. С. 375, № 18; Голубцов Н. А., Назаров В. Д. С. 81. № 2.

⁶⁴ АФЗХ. Ч. I. № 96, 173; АСЭИ. Т. I. № 237, 239, 289; Т. II. № 103, 126, 136, 140, 156; Т. III. № 13, 118 (о «дани неминучей»).

требование поставки дани и яма⁶⁵ восходит к упоминавшейся грамоте 1420/21 г. на ту же деревню. Кажется, можно говорить о наличии аналогичного требования в одной белозерской грамоте⁶⁶. Имеется случай невключения яма и подвод в перечень податных освобождений⁶⁷.

Городовое («городное») дело, эта сравнительно новая и важная повинность, активно внедрялось правительством. Свобода от нее не рассматривалась в качестве обычного права иммунитетных вотчин. Очевидно, в случаях отсутствия освобождения от городского дела требовалось его исполнение. В одной льготной грамоте при наличии временного освобождения от дани за крестьянами закрепляется обязанность делать городовое дело даже в течение льготного срока⁶⁸. Впрочем, в ряде грамот, предоставляющих податные привилегии, городовое дело фигурирует, свидетельствуя об освобождении от него. Выражение «ни города делати» встречается в грамотах 1380—1382⁶⁹, 1425⁷⁰, 1448—1461⁷¹, 1454 гг.⁷², вариант «города им не делати» — в грамоте 1438 г.⁷³

Другая формула того же освобождения — «ни города не делають» — известна с 1404 г.⁷⁴ и употребляется иногда в более поздних грамотах — 1438⁷⁵, 1453 гг.⁷⁶ Конкретного указания, какие города следует «делать», в грамотах обычно нет.

Исключением является грамота 1430-х годов (без точной даты), где говорится: «ни Володимеря города рубити, ни Новагорода Нижнего»⁷⁷. Субстантивированное определение повинности — «городное дело» (в составе формулы «ни городное дело») — возникает несколько позже глагольных описаний. Оно фиксируется в грамотах начиная с 1418—1419 гг.⁷⁹ Освобождение от «городного дела» включено в последующие грамоты 1425⁸⁰, 1425—1427⁸¹, 1426⁸², 1435—1447⁸³, 1436⁸⁴, 1441⁸⁵, 1445—

⁶⁵ АФЗХ. Ч. I. № 225.

⁶⁶ АСЭИ. Т. II. № 153.

⁶⁷ Там же. Т. III. № 236.

⁶⁸ АФЗХ. Ч. I. № 172.

⁶⁹ АСЭИ. Т. II. № 340.

⁷⁰ Там же. Т. I. № 44; АФЗХ. Ч. I. № 211.

⁷¹ АФЗХ. Ч. I. № 278.

⁷² Чтение «городское» вместо «городное» в копии XIX в. с предшествующей копии грамоты 1425 г. (Там же. Т. II. № 437) противоречит всем другим случаям написания этого термина в грамотах XV в. и кажется нам следствием ошибки позднейшего переписчика. Чтение «городовое» в списках XVII в. с грамоты 1436 г. (Там же. Т. I. № 128) — тоже модернизированное, но в духе XVII в.: в списке той же грамоты, относящемся к началу 30-х годов XVI в., этой модернизации еще нет (Каштанов С. М. Очерки. С. 87, примеч. 8; С. 421. № 49).

⁷³ АСЭИ. Т. II. № 435.

⁷⁴ Там же. № 437 («ни городское дело»).

⁷⁵ Там же. Т. I. № 49.

⁷⁶ АФЗХ. Ч. I. № 198.

⁷² Каштанов С. М. Очерки. С. 366, № 14.

⁷³ АФЗХ. Ч. I. № 231.

⁷⁴ АСЭИ. Т. III. № 53-а.

⁷⁵ Там же. Т. I. № 133.

⁷⁶ Там же. № 246.

⁷⁷ Там же. Т. III. № 87.

⁸³ АСЭИ. Т. II. № 76.

⁸⁴ Там же. Т. I. № 128 (Каштанов С. М. Очерки. С. 421. № 49); Т. II. № 321; Т. III. № 34.

⁸⁵ АСЭИ. Т. III. № 70.

1446⁸⁶, 1448—1470⁸⁷, 1450⁸⁸, 1451⁸⁹, 1454⁹⁰ и 1455 гг.⁹¹ Формула «ни городное дело» есть также в сомнительной с точки зрения подлинности грамоте 1433 или 1443 гг.⁹²

В новую фазу финансовая политика Русского государства вступает в период великого княжения Ивана III. Грамоты, фиксирующие в том или ином объеме освобождение феодальных владений от основных поземельных налогов и таможенных пошлин, Иван III выдавал главным образом до 80-х годов XV в. За 80-е годы таких грамот Ивана III известно очень мало, а от 1491—1503 гг. не дошло ни одной его грамоты подобного содержания.

За 60—80-е годы насчитывается всего 12 случаев предоставления Иваном III бессрочного⁹³ и 11 случаев предоставления временного⁹⁴ освобождения от дани. Вскоре после вступления на престол Иван III отменил освобождение от дани для нескольких вотчин Симонова⁹⁵ и Спасо-Евфимьева⁹⁶ монастырей. Иван III совершенно не поддержал оброчный принцип⁹⁷. В 60-х годах он приступил к ограничению освобождения от яма, вводя в жалованные грамоты оговорку: «опроче одного татарьского яму» или «опричь татарьского яму» и т. п.⁹⁸ Правда, для всего периода 60—80-х годов в его грамотах случаи безоговорочного освобождения от яма⁹⁹ преобладают над случаями ограниченного освобождения. Но в некоторых грамотах ям вообще не упоминается в перечне важнейших освобождений¹⁰⁰.

⁸⁶ Там же. № 491.

⁸⁸ Там же. Т. I. № 237.

⁸⁷ Там же. Т. II. № 136, 140.

⁸⁹ Там же. Т. II. № 153, 156, 452.

⁹⁰ Там же. Т. I. № 250; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 368. № 15.

⁹¹ АСЭИ. Т. II. № 164.

⁹² *Каштанов С. М.* Очерки. С. 432. № 61.

⁹³ АСЭИ. Т. I. № 331, 455, 491—491-а, 492; Т. II. № 216; Т. III. № 109, 195, 291; АФЗХ. Ч. I. № 1, 251, 252; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 396. № 31. Мы не учитываем здесь случаи освобождения от дани в сомнительных грамотах, подозреваемых в подложности (*Каштанов С. М.* Очерки. С. 433, 436. № 62, 63).

⁹⁴ АСЭИ. Т. I. № 541; Т. II. № 373, 397, 466, 473; Т. III. № 42, 71, 97, 106; АФЗХ. Ч. I. № 212; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 398. № 32.

⁹⁵ АСЭИ. Т. II. № 349.

⁹⁶ Там же. № 452.

⁹⁷ Нам известен лишь один случай проведения оброчного принципа в грамотах Ивана III (Там же. Т. I. № 541). В упомянутых ограничительных подтверждениях грамот Симонову и Спасо-Евфимьеву монастырям одновременно с отменой освобождения от дани отменялся и оброчный принцип (Там же. Т. II. № 349, 452). В одном случае Иван III нарушил оброчный принцип под видом пожалования: отдал «соль оброчную» «братъи в хлебы» (Там же. Т. I. № 491—491-а).

⁹⁸ Там же. Т. I. № 304, 312, 320—322, 346; Т. II. № 363, 364; ср.: АФЗХ. Ч. I. № 123; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 378. № 19.

⁹⁹ АСЭИ. Т. I. № 309, 310, 388, 398, 412, 416, 419, 492; Т. II. № 216, 373, 466, 473; Т. III. № 42, 72, 97, 106, 109, 195, 278, 291; АФЗХ. Ч. I. № 1, 151, 210, 212, 251; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 385, 392, 394, 396, 398. № 25, 29—32. Не учитываем освобождения от яма в двух сомнительных грамотах Ивана III, подозреваемых в подложности (*Каштанов С. М.* Очерки. С. 433, 436. № 62, 63).

¹⁰⁰ АСЭИ. Т. II. № 266, 397; Т. III. № 85; АФЗХ. Ч. I. № 252; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 378—380. № 20. В одном из списков грамоты 1447 г. Симонову монастырю в подтверждении Ивана III сказано: «опрочь дани да яму» (АСЭИ. Т. II. № 249. С. 346).

О реальности распространения на монастырские владения обязанности выполнять «татарский ям» свидетельствует указная грамота 1462—1466 гг. В ней (в порядке, правда, осуждения действий местных властей) говорилось, что они распространяют на троицкие вотчины Переславль-Залесского уезда повинность, определяемую здесь как «проезды татарские», от которых чинится «убытков много»¹⁰¹. В тот же период были выданы две жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю, содержавшие освобождение от яма, «опрочь татарского яму», его переславских владений¹⁰². Вместе с тем указная грамота предписывает не «метать» на троицкие села татарские проезды: «И вы бы на их села проездов не метали татарских. А имете на их села метати проезды, и вы и их убытки татарских проездов мечите на свои волости, которые волости тянут в те проторы». Поскольку ни в одной из сопоставляемых грамот нет даты и все они датируются по игумену Васьяну 1462—1466 гг., мы не можем сказать, отменяла ли указная грамота обязанность исполнять татарский ям или она предшествовала грамоте, устанавливавшей эту повинность для монастырских земель¹⁰³.

В 60-х годах было начато ограничение таможенных привилегий иммунистов путем включения в грамоты небольшой оговорки: «опрочь церковных пошлин»¹⁰⁴. В грамоте 1483 г. подчеркивается необходимость уплаты основных таможенных пошлин (тамги, мыта и восмничего) с «перекупново товара»¹⁰⁵. В грамоте 1487 г. светскому феодалу требуется уплата «пятна» (пошлины с купли-продажи лошадей) не в пользу феодала или его приказчика, а в пользу великокняжеских пятенщиков¹⁰⁶.

Под «церковными пошлинами», вероятно, подразумевались те таможенные поборы, взимание которых осуществлялось церковными учреждениями и заменяло ругу. Еще в духовных Ивана II говорилось об отдаче $\frac{1}{4}$ коломенской тамги «к святен Богородици на Крутицю», а московских косток — «на Москве к святен Богородици и к святому Миханлу»¹⁰⁷. В разные периоды правительство по-разному решало вопрос, как довольствоваться церковные учреждения — ругой из княжеских доходов или предоставлением права сбора таможенных и проездных пошлин.

Включение в грамоты Ивана III оговорки, требующей не уклоняться от уплаты церковных пошлин, может свидетельствовать о переходе их сбора в руки светских властей. Это предположение подкрепляется некоторыми конкретными данными, правда более поздними. Так, в грамоте 1506 г. углицкого князя Дмитрия Ива-

¹⁰¹ *Каштанов С. М.* Очерки. С. 384. № 23.

¹⁰² АСЭИ. Т. I. № 322; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 378. № 19.

¹⁰³ Позднее, в 1467 г., другой игумен, Спиридоний, получил еще одну грамоту на переславские владения, которая содержала ту же оговорку: «опрочь яму татарского» (АСЭИ. Т. I. № 346).

¹⁰⁴ АФЗХ. Ч. I. № 210; АСЭИ. Т. I. № 346, 388, 412; Т. II. № 266; Т. III. № 72.

¹⁰⁵ АФЗХ. Ч. I. № 1.

¹⁰⁶ АСЭИ. Т. III. № 109.

¹⁰⁷ ДДГ. № 2. С. 16; ср. С. 19.

новича Кирилло-Белозерскому монастырю сказано: «...а наместники мои углещики... и все пошлинники... никоторых пошлин не емлют, опрочь церковных пошлин, а дают с павоска церковных пошлин грамоту (!), а с возов дают два алтына»¹⁰⁸. Чтение «грамоту», особенно в сопоставлении с упоминанием далее алтынов, выглядит явно ошибочным. Мы имеем дело со списком XIX в., где «грамоту» написано вместо «гривну» по недоразумению¹⁰⁹. В грамоте 1546 г. указывалось, что местные органы великокняжеского управления в Переславле-Залесском взымали со слободок Троицкого Данилова монастыря «по две гривенки з двора по тому ж, как с тяглых з городцких людей»¹¹⁰. Переславские «гривенки», возможно, какая-то разновидность церковной «гривны».

На финансовую политику Ивана III весьма существенно повлияли события конца 70-х — начала 90-х годов XV в.: присоединение Новгорода, Твери, наиболее значительных уделов, окончательное падение ордынского ига. Государь «всея Руси», менее, чем прежде, заинтересованный в поддержке крупнейших феодалов, прекратил предоставление им податных привилегий.

В грамотах удельных князей второй половины XV — начала XVI в., а также в грамотах великой княгини Марии Ярославны, татарского царевича Мухаммед-Эмина, сыновей-соправителей Ивана III Ивана Ивановича Молодого и Василия Ивановича не наблюдается столь же последовательной борьбы за ограничение податного иммунитета, как в грамотах Ивана III. Здесь мы встречаемся с еще распространенной практикой бессрочных¹¹¹ и временных¹¹² освобождений от дани. В двух грамотах земля передавалась «з данью»¹¹³. Довольно часто фиксировалось постоянное освобождение от яма¹¹⁴. Формула «опрочь татарского яму» в удельных грамотах не привилась¹¹⁵. Между тем уже в этот период ограничивались суверенные права мелких князей в отношении главнейших налогов. Это вело к ограничению иммунитета их вассалов. В грамоте Федора Ивановича Юхотского гово-

¹⁰⁸ ЛОИИ СССР. Колл. II. № 112. Стб. 127—128.

¹⁰⁹ Каштанов С. М. Очерки. С. 135, примеч. 50.

¹¹⁰ Добронравов В. Г. № 7. С. 23—24; ср. С. 37—39.

¹¹¹ АСЭИ. Т. I. № 349, 436, 517, 519, 575, 618, 637; Т. II. № 180, 195, 200, 204, 386; Т. III. № 198, 200, 201, 207, 215; АФЗХ. Ч. I. № 264; Т. II. № 3, 4, 14, 17, 18, 25, 26.

¹¹² АСЭИ. Т. I. № 305, 336, 401; Т. II. № 218, 221, 222, 232, 265, 391, 475; Т. III. № 58, 77, 203; АФЗХ. Ч. I. № 86, 97; Голубцов И. А., Назаров В. Д. С. 86, 88. № 11, 16. В 1473 г. великая княгиня Мария Ярославна в подтвердительной подписи к грамоте Василия II 1454 г. разрешила Троице-Сергиеву монастырю «на пять лет дани не дати», юридически отменив тем самым, возможно, уже на практике нарушенное постоянное («впрок») освобождение от дани, зафиксированное в этой грамоте (Каштанов С. М. Очерки. С. 369. № 15).

¹¹³ АСЭИ. Т. III. № 78, 79.

¹¹⁴ Там же. Т. I. № 305, 325, 336, 341, 349, 399, 400, 401, 502, 517, 519; Т. II. № 180, 191, 192, 195, 199, 200, 382, 386, 415, 417, 426, 475; Т. III. № 58, 64, 65, 77, 203, 232, 269; АФЗХ. Ч. I. № 71, 86, 97, 264; Ч. II. № 3, 4, 14, 17, 18, 21, 25, 26; Голубцов И. А., Назаров В. Д. С. 86, 87, 89. № 11, 12, 16.

¹¹⁵ АСЭИ. Т. I. № 323.

рится: «...опроче великовъ князя службы и яму»¹¹⁶. В изучаемых грамотах нередко проводится в жизнь оброчный принцип¹¹⁷, а иногда дается освобождение от оброка на определенный срок¹¹⁸. Но уплата оброка не освобождала от городского дела¹¹⁹.

В нескольких грамотах имеется заимствованная из великокняжеских актов оговорка: «опрочь церковных пошлин»¹²⁰. В грамоте Марии Ярославны 1466 г. находим наиболее ранний случай отмены права монастырского «пятна»¹²¹. Аналогичное постановление содержится в грамоте волоцкого удельного князя 1479 г.¹²²

В сохранившейся тверской великокняжеской грамоте 1483 г. дается льгота от дани и других налогов на 20 лет¹²³.

В рязанских великокняжеских грамотах продолжается вплоть до начала XVI в. практика временного освобождения от дани, яма и тягости или тягли¹²⁴ (в одном случае — только от тягости¹²⁵).

В конце XV в. происходят некоторые общие изменения в финансовом положении крупных землевладельцев. Появление целого ряда грамот, особенно великокняжеских, не содержащих податных освобождений или фиксирующих только свободу от мелких повинностей и земских разметов, создает юридическую основу для нарушения местными властями финансовой замкнутости иммунитетных владений. Об активности местных сборщиков свидетельствуют княжеские грамоты, правда весьма немногочисленные, в которых запрещается нарушать иммунитетные права. Одна из них сообщает, например, что городецкий сотник заставлял крестьян Троице-Сергиева монастыря ставить наместничий двор в Городце и «тянул» их «во все пошрины»¹²⁶. Другая грамота предупреждает старосту и крестьян Аргуновской волости, чтобы они крестьян троицкой деревни «в тягль не тянули ни в которую»¹²⁷. Дмитровским властям запрещалось брать человека с троицкого двора на великокняжескую «службу»¹²⁸.

Важным юридическим источником ограничения податных привилегий становятся писцовые описания. В подтверждении 80-х годов (датируется по игумену Макарию) к одной из прежних грамот Иван III велит соблюдать ее «до описи»¹²⁹. О ненарушении грамоты «до описи» говорится также в указной грамоте 1487 г.¹³⁰

¹¹⁶ Там же. Т. III. № 201.

¹¹⁷ Там же. Т. I. № 337, 400, 458, 518, 572, 575; Т. II. № 182, 202, 415, 426; Т. III. № 65, 180, 269; АФЗХ. Ч. I. № 284.

¹¹⁸ АСЭИ. Т. I. № 337; Т. II. № 221, 222. Ср. временное освобождение от «рыбного»: Там же. Т. II. № 248, 253.

¹¹⁹ Там же. Т. I. № 345.

¹²⁰ АФЗХ. Ч. I. № 71; АСЭИ. Т. I. № 518, 519; Т. II. № 180, 200; Т. III. № 77.

¹²¹ АСЭИ. Т. III. № 203.

¹²⁶ Там же. Т. I. № 473.

¹²² АФЗХ. Ч. II. № 4.

¹²⁷ Там же. № 332.

¹²³ АСЭИ. Т. III. № 158.

¹²⁸ Каштанов С. М. Очерки. С. 400. № 33.

¹²⁴ Там же. № 355, 360, 361, 363, 369.

¹²⁹ АСЭИ. Т. I. № 349.

¹²⁵ Там же. № 333.

¹³⁰ Каштанов С. М. Очерки. С. 402. № 35.

За ограничение податного иммунитета центральное правительство боролось наиболее последовательно в 1491—1513 гг. С. Б. Веселовский указывал, что в 1506 г. прекратилась выдача грамот с податными освобождениями светским феодалам¹³¹. Это неточно. Автор имел в виду весь комплекс грамот, как великокняжеских, так и удельнокняжеских. Однако в 90-х годах XV в. — начале XVI в. грамоты, фиксирующие податные привилегии, выдавались светским феодалам только в Рязанском княжестве¹³² и в уделах¹³³. По распоряжению Ивана III льготная грамота светскому феодалу была выдана в последний раз в 1489/90 г.¹³⁴ В данной грамоте 1499—1501 гг. новгородским помещикам Кулибакиным разрешалось взимать с крестьян «доход... по старине, опрочь великого князя дани»¹³⁵. Аналогичное по содержанию распоряжение в грамотах 1504¹³⁶ и 1508 гг.¹³⁷ другим новгородским помещикам: земля отдается «з доходом з денежным и хлебным и с мелким доходом, опричь моей, великого князя, обежные дани». Под «обежной данью» подразумевался, вероятно, уже целый комплекс прямых налогов, взимавшихся с обжи.

Сохранившаяся в дефектном списке грамота Ивана III 1504 г. Н. П. Сатину, предоставляющая освобождение от дани на срок¹³⁸, либо вообще подложна¹³⁹, либо является исключением из правила¹⁴⁰. Можно, следовательно, сказать, что в целом с 1491 г., после ликвидации последнего крупного удела — Углицкого, правительство Ивана III прекращает предоставление податных освобождений как светским, так и духовным феодалам. Такая сугубо ограничительная политика в основном была продолжена Василием III до 1513 г. (включительно). Объем ограничений выясняется из подтверждающей подписи Василия III 1507 г. к жалованной грамоте Симонову монастырю 1462—1463 гг. Согласно подписи 1507 г., с монастырских владений надлежало взимать ям и таможенные пошлины (мыт, тамгу, пудовщину, померное и пятоно)¹⁴¹. К этому необходимо добавить городовое дело и посошную службу, которые не упомянуты в грамоте 1462—1463 гг.

Новое направление в политике Василия III наметилось с 1514 г., когда Спасо-Евфимьев монастырь получил освобождение на три года от дани, городского дела, портного, тукового, наместничьего корма и «иных пошлин» и на один год — от ямских денег (яма)

¹³¹ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.: Л., 1947. Т. I. С. 138.

¹³² АСЭИ. Т. III. № 359—362, 369.

¹³³ АФЗХ. Ч. II. № 21, 34; АСЭИ. Т. III. № 64.

¹³⁴ АСЭИ. Т. I. № 541.

¹³⁵ Голубцов И. А., Назаров В. Д. С. 87. № 13.

¹³⁶ Самоквасов Д. Я. [Т. I.]. С. 4—5.

¹³⁷ ЛОИИ СССР. Ф. 238 (Собр. Лихачева). № 33/2 (ХП-III. № I-47).

¹³⁸ АСЭИ. Т. III. № 186.

¹³⁹ Зимин А. А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. // Тр. МГИАИ. 1963. Т. 17. С. 408, примеч. 36.

¹⁴⁰ Подробнее см.: Каштанов С. М. История. С. 224—225.

¹⁴¹ АСЭИ. Т. II. № 364.

и посолской службы¹⁴². В 1515—1518 гг. Василий III выдал первую серию тарханных грамот. С этих пор правительствами Василия III и Ивана IV неоднократно выдавались грамоты с податными привилегиями (особенно много таких грамот феодалы, преимущественно духовные, получили в 40-х годах, в период так называемого «боярского правления»)¹⁴³. Выдача льготных и тарханных грамот в XVI в. была своего рода реакцией на то широкое нарушение податного иммунитета, которое началось на рубеже XV—XVI вв. и продолжалось в течение всего XVI в., имея свои периоды «приливов» и «отливов». В некоторых отношениях эта реакция восторжествовала. Так, отмена права «пятна», проводившаяся в ограниченных масштабах в последней трети XV и первой трети XVI в.¹⁴⁴, в конечном счете не увенчалась успехом. В грамотах центрального правительства она встречается в последний раз в 1548 г.¹⁴⁵, а в грамоте удельного князя — в 1561 г.¹⁴⁶ Повторение этой нормы в грамотах 1548 и 1561 гг., равно как и в грамоте 1543 г.¹⁴⁷, объясняется тем, что они воспроизводят формуляр грамоты 1511 г.¹⁴⁸ Насколько реальным было ограничение права монастырского пятна в 40—60-х годах XVI в., неясно. Во всяком случае, грамота 1551 г. Богоявленскому монастырю предусматривает явку игумену или приказчику лошадей, покупаемых и обмениваемых монастырскими крестьянами «промеж себя»¹⁴⁹, хотя речь тут идет о вотчинах в иных уездах, чем те, которые фигурируют в грамотах 1543, 1548 и 1561 гг.

Таким образом, шедшее на протяжении XV — первой половины XVI в. ограничение финансовых привилегий светских и духовных феодалов не было совершенно однолинейным процессом. Во-первых, периоды уменьшения податных освобождений чередовались с периодами восстановления и даже расширения финансовых льгот крупных землевладельцев, прежде всего монастырей. Во-вторых, попытка лишить духовных феодалов их прав на взимание торговых пошлин в пределах монастырских вотчин не увенчалась полным успехом (так, право на конское пятно в конечном счете осталось в руках монастырских властей).

¹⁴² ЦГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. 1. Кн. 1. Л. 415 (ХП-I. № 118).

¹⁴³ Каштанов С. М. История. С. 253—376; Он же. Очерки. С. 57—149.

¹⁴⁴ Каштанов С. М. История. С. 249—251.

¹⁴⁵ ЦГИА СССР. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 4. № 1517. Л. 22 об. (ХП-I. № 570; АММС. I. № 18, С. 105—106).

¹⁴⁶ ЦГИА СССР. Ф. 834. Оп. 4. № 1517. Л. 38—38 об. (ХП-II. № 808; АММС. I. № 33. С. 144).

¹⁴⁷ ЦГИА СССР. Ф. 834. Оп. 4. № 1517. Л. 19—19 об. (ХП-I. № 448; АММС. I. № 14. С. 98).

¹⁴⁸ Никодим. Описание Московского Богоявленского монастыря. М., 1877. С. 9—11. (ХП-I. № 100; АММС. I. № 3. С. 65—67).

¹⁴⁹ ЦГИА СССР. Ф. 834. Оп. 4. № 1517. Л. 30 об. (ХП-I. № 646; АММС. I. № 21. С. 112).

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОПИСАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV — СЕРЕДИНЫ XVI в. КАК ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Средневековые описания различных земельных владений и переписи населения являются чрезвычайно ценным историческим источником, характеризующим активное воздействие феодальной надстройки в лице королевского (княжеского) правительства на феодальный базис. Эти переписи были средством расширения и укрепления феодальных отношений, поскольку они санкционировали права феодальной собственности. В писцовых книгах и сотных грамотах совершенно ясно, как ни в одном другом источнике изучаемого периода, показывается внутренняя структура феодальной земельной собственности, при которой в роли собственника земли выступает феодал, крестьяне же являются только владельцами своих участков¹. Четкая фиксация в материалах писцовых описаний такого характера отношений собственности была важным способом укрепления прав феодалов на землю.

Кроме того, составление переписей преследовало цели увеличения контингента феодально зависимых людей и усиления личной несвободы крестьян, «сидевших» на земле феодала. Включенное в перепись население попадало в феодальную зависимость и от государства. Перепись оформляла фактически уже существовавшее неполное владение феодала личностью крестьянина, в той или иной мере «прикрепляла» последнего к первому. Писцовые описания способствовали усилению феодальной эксплуатации крестьянства.

Таков в общих чертах классовый смысл писцового дела.

Значение переписей как средства борьбы за землю и рабочие руки было хорошо понято самими феодалами, которые прибегали к составлению сеньориальных писцовых книг и земельных описей².

Правительственные описания ставили перед собой, однако, и другие задачи. Будучи формой закрепления суверенитета того

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 356—358.

² АФЗХ. Ч. I. № 265. С. 237; Греков Б. Д. Вотчинные писцовые книги // Сб. статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Л., 1922. С. 181—191.

или иного княжеского правительства над территориями, подвергаемыми переписи, они являлись серьезным орудием объединительной политики московских великих князей и, наоборот, в руках удельных князей служили контрмерой, направленной на сохранение уделов. Помимо этой общей задачи, писцы выполняли функцию выделения, уточнения и по возможности расширения фонда государственных и дворцовых земель. Частичная редукция и секуляризация феодальных вотчин в пользу государства, особенно в городах, писцами всегда имела в виду. Наконец, писцовые описания играли значительную роль в деле ограничения податного иммунитета духовных и светских феодалов. Население феодального владения, записанного в писцовую книгу или сотницу, должно было при отсутствии жалованной «тарханной» (или «безданной») грамоты, выданной уже после окончания работы писцов, платить налоги и исполнять главнейшие повинности в пользу государства. Это усиливало власть правительства и укрепляло государственные финансы, приводя вместе с тем к дальнейшему росту феодального гнета.

Занос в писцовые книги и сотницы данные, касающиеся ремесла и торговли, писцы, конечно, не ставили перед собой какие-нибудь специальные задачи, отличные от тех, которые были указаны выше. Объективно же благодаря этим сведениям писцовые описания представляют собой ценнейший материал для изучения производительных сил феодальной Руси.

Приемы составления писцовых книг и сотниц претерпели со второй половины XV в. до середины XVI в. заметную эволюцию. Нам кажется поэтому неправильным давать подробную суммарную характеристику формуляра сотниц и писцовых книг за весь рассматриваемый период. Следует отметить пока только четыре постоянных элемента формуляра сотниц: 1) указание имен писцов; 2) указание уезда, стана (волости), где расположены земли, охваченные переписью; 3) определение владельческой принадлежности земель; 4) перечисление населенных пунктов описываемого владения (сел, деревень и др.).

В буржуазной историографии писцовым книгам уделялось много внимания.

Советский исследователь Г. Е. Кочин, проследивший судьбу писцовых книг в русской дореволюционной литературе, правильно отмечает, что дворянская историография, которая занималась главным образом историей государства и государей, не могла серьезно заинтересоваться писцовыми книгами и только буржуазные исследователи, ставившие своей задачей изучение народного хозяйства и его истории, вплотную приступили к анализу писцовых книг³.

В мелкобуржуазной и буржуазной историографии первоначально господствовал выборочный метод изучения писцовых

³ Кочин Г. Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Проблемы источниковедения. М.: Л., 1936. Вып. 2. С. 146, 161—162.

книг, когда случайные данные возводились в степень типичного явления (П. А. Соколовский, В. И. Сергеевич)⁴. Затем, в связи с развитием буржуазной статистики в эпоху империализма, особое распространение получил метод средних цифр (А. С. Лаппо-Данилевский, Н. А. Рожков)⁵.

Сотницы Северо-Восточной Руси конца XV — начала XVI в. не были предметом специального и всестороннего источниковедческого исследования. Впервые в массовом порядке их использовал П. Н. Милюков в своей развернутой рецензии на книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве»⁶. Милюков изучил значительное число сотниц, подавляющее большинство которых в то время, когда он работал над рецензией, еще не были изданы. Милюков не только ввел в научный оборот новые документы, но и дал довольно четкое решение вопроса о времени установления поземельных размеров сохи (50-е годы XVI в.), а также определил количество четвертей, которым измерялись сохи в землях, различных по качеству и владельческой принадлежности⁷. Однако Милюков изучал сотницы в одном, весьма узком аспекте — как источник по истории окладных единиц. Он не отметил роль сотниц в деле укрепления феодальных отношений⁸, обошел важнейшие проблемы, непосредственно касающиеся сотниц, — рост крестьянской зависимости, усиление финансового гнета и др. Составив список всех известных ему упоминаний о писцах и их деятельности⁹, Милюков не попытался дать сколько-нибудь подробную политическую историю писцового дела. Он ограничился самыми общими замечаниями по этому поводу¹⁰. Не изучая проблему соотношения сотниц и писцовых книг, Милюков различал два типа сотных грамот: 1) определяющие сохи в четвертях (со второй половины XVI в.), 2) не указывающие четвертные размеры сох (сотницы первой половины XVI в.)¹¹. Попытка Милюкова вывести размеры сохи первой половины XVI в. из числа населявших ее крестьян¹²

⁴ Там же. С. 154—158, 160.

⁵ Там же. С. 173—175; см. также: *Черепнин Л. В.* А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед // *Вопр. истории.* 1949. № 8.

⁶ *Милюков П.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892.

⁷ Там же. С. 45—52.

⁸ Точно так же представители английской буржуазной историографии (Ф. У. Мейтленд и др.) считали «Книгу Страшного суда» (*Domesday Book*) чисто финансовым документом, не раскрывая ее значения для феодализации Англии. Это было критически отмечено еще в дореволюционной русской литературе. Подробнее см.: *Левицкий Я. А.* Проблема раннего феодального города в Англии и Книга Страшного суда // *Средние века.* М., 1951. Вып. 3. С. 133.

⁹ *Милюков П.* Указ. соч. С. 157—173.

¹⁰ Там же. С. 50—51.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² На основании свидетельства одной сотницы автор считает, что соха приравнивается к 32 «однокольцам». Под «однокольцем» он подразумевает владельца одной «колышки» или «телеги» (Там же. С. 43).

весьма интересна, хотя и вызвала критическое отношение к себе в историографии¹³.

М. А. Дьяконов, рецензировавший «Спорные вопросы», не высказал каких-либо принципиальных соображений по поводу анализа сотниц, данного Милюковым, однако некоторые его частные замечания заслуживают внимания¹⁴. Дьяконовым был дополнен имеющийся у Милюкова список указаний на документы, где упоминаются писцы и писцовые книги¹⁵ (впоследствии новые дополнения внес С. А. Шумаков¹⁶).

Вскоре после появления работ Милюкова и Дьяконова Шумаков напечатал ряд сотных грамот XVI в.¹⁷ Эти издания, вышедшие в свет в начале XX в., были, пожалуй, первой публикацией более или менее значительного комплекса сотниц XVI в. Факт очень позднего опубликования сотниц отражает недостаточное внимание дореволюционной историографии к писцовым описаниям¹⁸.

В советское время сотницы первой половины XVI в. изучал С. Б. Веселовский. Он широко использовал данные сотниц для показа происходившего с конца XV в. процесса укрупнения сел и деревень. Его анализ сотных грамот в этом плане оказался наиболее плодотворным¹⁹. Свидетельства сотниц и писцовых книг о развитии ремесла и торговли Веселовский приводил для показа роста землевладельческих центров и не подвергал их специальному исследованию²⁰. Подобно своим предшественникам, Веселовский не останавливался на значении сотниц как средства укрепления феодальной собственности на землю и закрепощения крестьянства, не подчеркивал их роли в качестве орудия централизаторской политики.

По мнению Веселовского, ранние писцовые описания (XIV—XV вв.) «преследовали только фискальные цели и не сопровождалась ни проверкой прав владения, ни тем более — измерением и межеванием земель»²¹. Все задачи писцов этого периода ограничивались, согласно Веселовскому, составлением «списков селений и живущих в них тягловцев» и определением «окладов тягла»²². Автор предполагает активное вмешательство княжеских писцов XIV—XV вв. в дела феодальных вотчин. Он пишет: «Приезжая ежегодно для сбора дани и налогов в частные владения, писцы-

¹³ Дьяконов М. А. [Рец. на кн.:] Милюков П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892 // ЖМНП. 1893. № 7. Отд. 2. С. 206.

¹⁴ Любопытна, например, догадка о количестве вытей в сохе до 1551 г. (Там же. С. 210 и след.).

¹⁵ Там же. С. 225 и след.

¹⁶ Шумаков С. А. Обзор. Вып. IV. С. 219—220.

¹⁷ Шумаков С. А. Сотницы. Вып. [I] — VI; Он же. Обзор. Вып. II. С. 117—123.

¹⁸ См. аналогичные наблюдения Кочина в отношении публикации писцовых книг (Кочин Г. Е. Указ. соч. С. 147—148, 157—158).

¹⁹ Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936. С. 69—129.

²⁰ Там же. С. 92—94 и др.

²¹ Там же. С. 40—41.

²² Там же. С. 46.

данщики вели точный учет налогоплательщиков, регистрировали вновь поселившихся тягловцов, отмечали сроки полученной ими льготы и вычеркивали из своих книг выбывших»²³. Веселовский думает, что писцы XIV—XV вв. гораздо меньше считались с феодальным иммунитетом, чем администрация XVI—XVII вв.: «...писцы-данщики в отличие от городских приказчиков XVI в. и воевод XVII в., сидевших в городах и принимавших там все доходы, были частыми гостями боярщин и монастырщин»²⁴. В основе взглядов автора лежит его концепция происхождения «вотчинного режима»²⁵. Переломным моментом в истории писцового дела Веселовский считал конец XV в., когда в связи с ликвидацией феодальной раздробленности на писцов «была возложена, сверх фискальной кадастрации, сложная задача обмера земель и межевания»²⁶. С этого времени установились описания «нового типа», являвшиеся переходным этапом «к порядкам XVII в.»²⁷.

В настоящее время благодаря новым капитальным изданиям актов значительно увеличилось количество опубликованных сотниц конца XV — первой половины XVI в.²⁸ Издан целый ряд писцовых выписей и сотных второй половины XVI в., относящихся к Русскому Северу²⁹. В области изучения писцовых книг достигнуты значительные успехи. В трехтомной монографии коллектива ленинградских авторов под руководством А. Л. Шапиро по-новому раскрыто содержание новгородских писцовых книг XV—XVI вв.³⁰ Значительный вклад в изучение и публикацию писцовых книг и сотных Северо-Восточной Руси XVI в. внесли М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин, В. Б. Кобрин, В. Б. Павлов-Сильванский, И. В. Левочкин, Б. Н. Флоря, В. А. Кучкин, Е. П. Маматова, Е. И. Колычева, А. Л. Шапиро и др.³¹

²³ Там же. С. 49.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 39—40, 49; см. также: Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926.

²⁶ Веселовский С. Б. Село и деревня. С. 40; ср. С. 41.

²⁷ Там же. С. 45.

²⁸ См.: например: АСЭИ. Т. I. № 621, 649; АФЗХ. Ч. I. № 12, 165, 166 и др.; АРГ. № 164, 190 и др.

²⁹ Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2: Северные писцовые книги, сотницы и плажежицы XVI в.

³⁰ Аграрная история Северо-Запада России, Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Новгородские пятины. Л., 1974; Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Север. Псков; Л., 1978.

³¹ Подробнее см.: Маматова Е. П. Писцовая книга Рузского уезда и вопросы социально-политической истории России 60—70-х годов XVI в. // Сов. арх. 1976. № 3. С. 68—69; Колычева Е. И. Государственное землеустройство в конце XV—XVI вв.: (Эволюция основных принципов сошного описания в центральных уездах) // XXV съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР: (Социально-политическое развитие деревни): XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Уфа, 30 сентября — 3 октября 1982 г. М., 1982. II. С. 221—225; Она же. Податное обложение в центральных уездах России // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 107—115; Она же. Казанские писцовые книги второй половины XVI в. и свое-

В дореволюционной историографии неоднократно ставился вопрос о степени достоверности писцовых книг³². Основанием для недоверия к ним служили противоречия между описанием конкретных пунктов и общими итогами. Кочин подчеркнул ограниченность метода буржуазных историков и источниковедов, изучавших писцовые книги в отрыве от сходных с ними по форме и содержанию документов (дозорных книг, ободных грамот и т. п.)³³. В накопившейся к настоящему времени литературе, как буржуазной, так и советской, намечены, однако, основные пути расширения источниковедческой базы для исследования вопросов, поднимаемых писцовыми книгами и сотницами.

Рост феодального землевладения и перераспределение земельных фондов внутри класса феодалов ярко отражены в частноправовых актах и жалованных грамотах, но материалы сотниц и писцовых книг часто содержат сведения о таких владениях (обычно мелких), приобретение которых по актам проследить невозможно.

Когда предметом изучения является внутренняя структура феодального владения, распределение земли между крестьянами, степень заселенности владения и т. п., сотницы и писцовые книги оказываются важнейшим источником, не знающим себе равных по обилению фактических данных.

Анализ писцовых описаний в качестве источника по истории крестьянской крепости требует сравнения разновременных сотниц и писцовых книг, относящихся к одним и тем же землям. Такое сопоставление позволяет понять, насколько «крепки» земле были крестьянские семьи. Весьма интересные наблюдения об эволюции холопства сделаны в советской историографии на основании исследования новгородских писцовых книг.

Самостоятельное значение имеют материалы писцовых книг и сотниц, касающиеся развития ремесла и торговли, хотя иногда они могут быть дополнены свидетельствами духовных, таможенных, жалованных грамот и некоторых других документов.

При изучении политической истории писцового дела и общей компетенции писцов надо широко использовать, помимо сотниц и писцовых книг, правые и разъезжие грамоты, где деятельность писцов нашла весьма заметное отражение.

Как источник по истории финансов писцовые книги и сотницы дают богатый материал для суждения об окладных единицах. Но в сотницах первой половины XVI в. почти не встречается

образе владельческой ренты в дворцовых и поместных землях // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС: XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Казань, 22—25 октября 1986 г. М., 1986. С. 233—236; Она же. Аграрный строй России XVI в. М., 1987; Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л., 1987.

³² Кочин Г. Е. Указ. соч. С. 164, 167, 172—173, 185.

³³ Там же. С. 185—186.

указаний на виды налогов и пошлин, собиравшихся в пользу государственной власти. Это, конечно, очень затрудняет изучение налоговой системы первой половины XVI в. Приходится привлекать к исследованию данного вопроса другую документацию — указные, жалованные, уставные наместничьи, таможенные грамоты.

Необходим конкретно-исторический метод изучения сотниц, предполагающий периодизацию их в рамках исследуемого отрезка времени. Вследствие того что в числе задач, ставившихся перед писцовыми описаниями, важное место отводилось борьбе с остатками феодальной раздробленности, можно рассматривать появление сотниц и писцовых книг в связи с деятельностью вполне определенных правительств. В первой половине XVI в. различные земли и даже отдельные уезды носили еще «живые следы прежней автономии»³⁴, без учета которых трудно приблизиться к правильному пониманию изучаемых явлений.

Исследователями уже давно отмечен тот факт, что в жалованных льготных грамотах XIV — середины XV в. в отличие от грамот конца XV—XVI в. нет формулы, предписывающей крестьянам, живущим во владениях феодала-иммунитета, платить дань и некоторые другие главные налоги «по книгам» или «чем их писец опишет». Они должны были платить дань «по силе». Таким образом, запись иммунитетных вотчин в «книги» источники относят к периоду начиная с конца XV в. В судебном списке 1540 г. старожилы Симонова монастыря следующим образом доказывали принадлежность монастырю спорных земель: «а имян... у нас тем пожням и наволоком нет, и в книгах... великого князя в писцовых у нас и у них не писаны, потому что... те пожни наволоки по реке по Кестме изстари монастырские, а спор... о тех пожнях и о наволоках не бывал ни с кем»³⁵. Аналогичную картину можно наблюдать в вотчинах Спасо-Прилуцкого монастыря. В указной грамоте 1521 г. вологодскому городовому приказчику сказано, что старинные монастырские покосы писец Юшко Юматов не писал: «Юшко у них тех покосов не писал, потому что те покосы монастырские изстарины». Эти покосы не подлежали обложению оброком в противоположность записанным в писцовую книгу³⁶. В 1536 г. не велено было писать в «данские книги» села и деревни Симонова монастыря, освобожденные от дани Василием II: «...что им дал прадед мой князь великий ту дань и со всеми пошлинами к своей церкви к святому Василью на полати на поминок своей душе. И даньшики мои дмитровские тех монастырских сел в данские книги не пишут, ни дани, никаких своих пошлин не емлют»³⁷.

Итак, в первой половине XVI в. существовало разделение монастырских земель на «старинные» и новые. Вполне возможно,

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153.

³⁵ АСЭИ. Т. II. № 433. С. 477 (АГР. Т. I. № 58. С. 71).

³⁶ ЛОИИ СССР. Собр. Головина. № 48 (ХП-I. № 172).

³⁷ ГИМ. Сим. кн. 58. По Дмитрову № 7. Л. 479 об. — 480 (АФЗХ. Ч. IV. № 54. С. 58).

что «старинных» земель к XVI в. осталось мало, но важен сам факт неподведомственности их писцам, которые не имели права описывать эти земли именно вследствие их «старины». Значит, еще в XVI в. по традиции оставались вне переписи отдельные земельные владения, приобретенные в XIV — первой половине XV в.

Официальное деление земель на «старинные» и новые возникло, очевидно, в связи с началом писцовых описаний второй половины XV в. Самой трудной задачей писцов была перепись имунитетных «боярщин и монастырщин». В факте описания, даже если последнее заключалось в простом перечислении сел и деревень, крупные феодалы не могли не видеть посягательства на их землевладельческие и политические права. Подготовительная работа к описанию феодальных владений началась задолго до конца XV в. Великокняжеская власть активно вмешивалась в земельные тяжбы, возникавшие между феодалами (а также между черными крестьянами и феодалами). В качестве судьи по земельным вопросам великокняжеское правительство ставило под свой контроль земли феодалов-имунитов в разъезжих, отводных, правых грамотах. Еще раньше такой контроль стал осуществляться в жалованных грамотах, хотя он был явно недостаточен, так как жалованные грамоты XIV—XV вв. говорят о наиболее крупных владениях феодалов и часто не перечисляют все тянувшие к селам деревни и т. п. Запись в судебный или межевой документ середины XV в. уже снимала с феодальной вотчины покров «старины» и давала формальное основание для включения земель в писцовую книгу. Симоновские старожилы ясно указывали, почему монастырские пожни не попали в писцовые книги: «...потому что... те пожни наволоки... изстари монастырския, а спор... о тех пожнях и о наволоках не бывал ни с кем»³⁸.

Межевание выступает как основная функция первых известных нам писцов конца XV в. Так, дьяк удельного углицкого князя Андрея Васильевича Большого Митя Демидов, названный свидетелем в правой грамоте «писцом», был по существу лишь устройтелем поступивших в фонд удельного князя земель. Он «приежщал... в то село пашню на государя наряжати». Припущенным к селу деревням он «давал... траву по реке по Кестме». «Да и межю... Митя Демидов меж села великого князя Шилина и деревни Долгово Бору и меж села Веси Егонския Симонова монастыря и деревни Погорелки розъехал». Таким образом, «книги... письма Мити Демидова»³⁹ являлись скорее отводными, чем «писцовыми» в привычном смысле этого слова.

Не менее показательно дошедшее до нас описание вотчин Кирилло-Белозерского монастыря (около 1492 г.)⁴⁰. Этот документ сам себя именует по-разному: «грамота отводная» и «описная книга». «Описная» — почти что «писцовая». Писали ее «белозерс-

³⁸ АСЭИ. Т. II. № 433. С. 477; АФЗХ. Ч. IV. № 63. С. 71.

³⁹ АСЭИ. Т. II. № 433. С. 476; АФЗХ. Ч. IV. № 63. С. 69—70.

⁴⁰ АСЭИ. Т. II. № 290.

кие писцы», названные в других местах «отводчиками» и «розъежщиками». Книга носит характер отводной грамоты. Перепись вотчин Кирилло-Белозерского монастыря была более решительной мерой, чем простой отвод. Она сопровождалась проверкой актов, закреплявших монастырские права владения. Причем подлинники этих документов были предварительно затребованы в великокняжескую канцелярию, где их проверял дьяк Василий Далматов. В «описную книгу» попали не только те вотчины, из-за которых возникали тяжбы, но и земли, как будто не оспаривавшиеся у монастыря другими владельцами. Таким образом, по мере развития писцового дела покров «старины» срывался уже с весьма широкого круга иммунитетных вотчин.

Особенностью «описной книги» около 1492 г. и, можно думать, «книг... письма Мити Демидова» являлось отсутствие в них указаний на дворы и населявших их крестьян, а также на количество сох. Такие книги представляли собой, очевидно, первоначальную форму писцовых книг. Переходным видом описаний, приближающимся к позднейшим, были переписи, где называются населенные пункты и указывается число сох, но нет перечисления дворов с крестьянами⁴¹. Связь их с ранними книгами ясно выражается в отсутствии перечня крестьянских дворов.

Следовательно, практика описания вотчин крупных феодалов зародилась сравнительно поздно, по-видимому, вскоре после окончания феодальной войны второй четверти XV в., когда Московское княжество заметно усилилось. Цель первоначальных описаний и межеваний, так или иначе затрагивавших вотчины феодалов-иммунитов, состояла прежде всего в четком разграничении феодальных владений, в уточнении фонда государевых (будущих «дворцовых») и государственных (черных) земель. Это имело большое значение как для укрепления великокняжеской власти в целом, так и для централизации государственных финансов в частности. Нельзя, конечно, считать, что при описаниях правительство только ущемляло права феодальных господ. Рост классовой борьбы на данном этапе вынуждал представителей господствующего класса искать у центральной власти активной поддержки прав собственности на землю, которая в значительной своей части являлась захваченной феодалами крестьянской землей.

Из разъездов и следует выводить исходные формы писцового дела, возникшие во второй половине XV в. Сначала урегулирование отдельных споров, затем выяснение границ и состава всего комплекса уездных владений того или иного феодала и уже после этого составление единой писцовой книги уезда⁴² — таковы, думается, стадии развития писцовых описаний во второй половине XV в.

⁴¹ Шумаков С. А. Сотницы. [Вып. I]. С. 122—124, 128, 134—136. № I—II, V, VIII; АРГ, № 190.

⁴² Очевидно, так надо понимать, например, выражение в «описной книге» около 1492 г., с которой было « в большую книгу... списано» (АСЭИ. Т. II. № 290. С. 210).

Писцы существовали и до середины XV в., но, во-первых, в подведомственности у них были главным образом черные земли; во-вторых, они, скорее всего, учитывали людей, а не поселения. Отношение этих писцов к крупным сеньориям не определялось, конечно, какими-либо твердо выработанными правилами. В жалованных льготных грамотах, служивших средством ограничения феодального иммунитета, князья в XV в. стали более или менее последовательно требовать уплаты дани по истечении срока льготы. Писец-данщик должен был настаивать, чтобы феодал выплатил дань сюзерену. Но так как правительство еще не имело возможности описать, поставить под свой контроль хозяйство крестьян и феодалов, писцу-данщику ничего не оставалось, как ждать выплаты дани «по силе» с известного числа крестьян. Выражение «по силе» грамоты применяют, имея в виду тяглоспособность крестьян, однако многое зависело и от усмотрения феодала, от его заинтересованности в сохранении хороших отношений с сюзереном. Ф. Энгельс указывает: за то, что глава феодального государства «позволял» феодалам «закабалать своих крестьян», феодалы «позволяли ему облагать этих же крестьян государственными податями»⁴³.

Происхождение сотниц связано со взиманием дани в черносошных землях. Сотенная организация черных крестьян, первоначально, может быть, только «численных» людей, лежала в основе сбора дани по «сотням». Русь в этом отношении не была исключением. В английской системе обложения XIII в. также применялись «сотенные свитки»⁴⁴. Когда возникли сотницы, сказать трудно. Упоминаемые в источниках XIV—XV вв. «данные» и «численные» люди были, очевидно, записаны в какие-то документы. Во всяком случае, предположение А. А. Зимина о том, что сотницы появились раньше писцовых книг, кажется вполне убедительным. За такое предположение говорит и эволюция термина «сотница». «Сотная», «сотница» превратилась в конце концов в «сотную выпись», «выпись с книг»⁴⁵. Значит, сотница была когда-то самостоятельным документом; она сохраняла свое старое название некоторое время после того, как утратила прежнее значение и стала лишь выписью из писцовой книги; затем ей дали модифицированное определение.

* * *

«Писчее» фигурирует уже в жалованной грамоте тверских князей Отрочу монастырю 1362—1364 гг. Наиболее ранние случаи упоминания «писчей белки» — пошлины в пользу писца — относятся в жалованных грамотах к 1380—1382 и 1404 гг. О княжеских писцах речь идет в докончании Василия II с князем Михаилом

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 250.

⁴⁴ Подробнее см.: Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.; Л., 1947. С. 48, 199 и др.

⁴⁵ Милюков П. Указ. соч. С. 21.

Андреевичем 1447 г. В духовной Василия II 1462 г. предусмотрено, что каждый удельный князь пошлет писцов описывать свой удел⁴⁶. Когда точно совершился переход от описаний старого типа к описаниям нового типа, сказать трудно. Вероятно, это произошло в середине — второй половине XV в. В этот период становятся известны имена конкретных писцов. Первое из таких известий о деятельности определенного писца относится к 1464/65 г. В 1464/65 г. великокняжеский писец М. Б. Волинский писал Костромской уезд⁴⁷, занимавший важное стратегическое положение между присоединенным в 1463 г. Ярославским княжеством и Галицким уездом, недавним центром удельнокняжеской оппозиции. В 60-х или 70-х годах XV в. Алексей Полуектов описывал Владимирский уезд⁴⁸. В конце 60-х или в начале 70-х годов XV в. Вологодский уезд описывал Федор Мячков, дьяк вологодского удельного князя Андрея Васильевича Меньшого. Возможно, в 1481—1482 гг., после смерти Андрея Меньшого, имела место посылка великокняжеских писцов в Вологодский уезд⁴⁹. В 1481—1482 гг. великокняжеский писец Федор Киселев подверг переписи нижегородские земли⁵⁰. Описание Нижегородского уезда как средство усиления там великокняжеской власти было серьезной задачей в обстановке борьбы с Казанью, находившейся поблизости от Нижнего Новгорода.

В 1486 г., после смерти верейско-белозерского князя Михаила Андреевича, московские писцы появились на Белоозере⁵¹. Поспешная посылка писцов в Белозерский край объясняется весьма напряженными отношениями Ивана III с братом — углицким князем Андреем Васильевичем Большим, еще с 1472 г. затаившим обиду на великого князя, который отказал ему в праве на выморочный Дмитровский удел. Андрей Большой ждал удобного случая, чтобы получить компенсацию. Описание на великокняжеское имя белозерских земель было важным мероприятием Ивана III по укреплению единого государства. В связи с новым обострением

⁴⁶ АСЭИ. Т. II. № 340; Т. III. № 53-а, 116; ДДГ. № 44, 61. С. 128, 197; см. также: *Чечулин Н. Д.* Начало в России переписей и ход их до конца XVI в. СПб., 1889. С. 7—8.

⁴⁷ АФЗХ. Ч. I. № 254, 258. С. 218, 220, 223 (упоминаются без даты книги Михаила Борисовича Волинского; о дате см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 286, 518).

⁴⁸ АФЗХ. Ч. I. № 204. С. 181; АСЭИ. Т. III. № 105. С. 143. Книги упоминаются без даты. Алексей Полуектов был дьяком еще Василия II (*Каштанов С. М.* Очерки. С. 360), затем Ивана III — до 1475/76 г.; в 1467—1473 гг. — в опале (подробнее см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 420—421; АСЭИ. Т. I. № 339. С. 246, примеч.).

⁴⁹ Об описании Ф. Мячкова см.: *Рыков Ю. Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // ЗОР. М., 1982. Вып. 43. С. 98. № 4. Вологодским писцом 80-х годов XV в. мог быть Юшка Юматов, упоминаемый в грамоте 1521 г. (ЛОИИ СССР. Собр. Головина, № 48).

⁵⁰ АФЗХ. Ч. I. № 240. Федор Михайлович Киселев был весьма близким к великому князю лицом. Жалованная грамота ему содержит важные податные и судебные привилегии (АСЭИ. Т. I. № 398). Вероятно, вместе с Ф. Киселевым Нижний Новгород описывал Ив. Волинский (*Дьяконов М. А.* Указ. соч. С. 225).

⁵¹ *Миллюков П.* Указ. соч. С. 157.

отношений между Иваном III и Андреем Большим в конце 80-х — начале 90-х годов XV в. в 1490 г. Белоозеро было вновь подвергнуто переписи⁵². Еще одно описание Белоозера состоялось сразу после «поимания» Андрея Васильевича Угличского, в 1491/92 г.⁵³ Видимо, в начале 90-х годов правительство отправило писцов и в Галицкий уезд⁵⁴.

В конце 1491—1493 г. особое внимание было обращено на земли присоединенного Угличского удела. Очевидно, в это время Андрей Карамышев описывал по заданию Ивана III центральную часть удела — Угличский уезд⁵⁵. Одновременно великий князь послал писцов писать принадлежавший Андрею Звенигород⁵⁶. Возможно, к 1492—1493 гг. относится и описание Бежецкого Верха⁵⁷, входившего в состав удела Андрея Большого. Боясь усиления

⁵² АГР. Т. I. С. 9—10.

⁵³ АСЭИ. Т. II. № 289, 290.

⁵⁴ РИС. Т. V. С. 16, 17.

⁵⁵ Каштанов С. М. Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. статей. М., 1978. С. 210—211.

⁵⁶ Милюков П. Указ. соч. С. 158.

⁵⁷ АСЭИ. Т. II. № 407, 433. В некоторых работах указывается, что упомянутый в этих актах в качестве писца Бежецкого Верха Алексей Вокшерин описывал Бежецкий Верх в 1506 г. (Веселовский С. Б. Дьяки. С. 102) или 1505—1507 гг. (Зимин А. А. Дьяч. ап. С. 229, примеч. 119). С такой датировкой согласиться нельзя. Документ, на который ссылается С. Б. Веселовский, — правая грамота 1505—1506 гг. (АГР. Т. I. № 21; АСЭИ. Т. III. № 48) — относится не к Бежецкому Верху, а к Плесу, к территории, находившейся в позднейшем Кинешемском уезде: по определению И. А. Голубцова, «почти на стыке с Нерехотским и Юрьевецким уездами» (АСЭИ. Т. III. С. 72). Да и Алексей Вокшерин фигурирует тут не как писец, а как дьяк великого князя. А. А. Зимин ссылается на симоновский судный список 1540 г. (АГР. Т. I. № 53. С. 70; АСЭИ. Т. II. № 433. С. 476), но там письмо Алексея Вокшерина не датировано. Оба автора как бы отвлекаются от того факта, что вместе с Вокшериным Бежецкий Верх описывал Василий Башиня. У Веселовского сведений о нем не находим. А. А. Зимин (Указ. соч. С. 225) пишет: «Около 1492—1503 гг. Василий Башин описывал Бежецкий Верх». Ссылка дается на те же документы второго тома АСЭИ — № 407 и 433, из которых первый датируется в издании 1492—1503 гг. Следовательно, письмо Вокшерина и Башинны получает две взаимонесключающие датировки: 1505—1507 гг. (по Вокшерину) и 1492—1503 гг. (по Башинне). Василий Башиня в 70-х годах XV в. был дьяком Андрея Васильевича Угличского (не Вологодского! — Зимин А. А. Указ. соч. С. 225; ср.: АСЭИ. Т. III. № 58-а, 59-а). Именно как государственный деятель Угличского удела он и был привлечен сразу после ликвидации этого княжества к работе по описанию Бежецкого Верха. Отождествление Василия Башинны с позднейшим Василием Башениным (Зимин А. А. Указ. соч. С. 225) может основываться только на списке XVI в. со списка одной меновой грамоты 60-х годов XV в., касающейся земель Присецкого села в Бежецком Верхе. Там сказано: «А другая меновная грамота утерялась великого князя у писца у Василья у Башенина, и яз, Василей Башенин, дал сесь список с меновные грамоты, доколе ся доишу меновные; а к сему списку яз, Василей, и руку свою приложил» (АСЭИ. Т. I. № 270). Однако не исключено, что в списке XVI в. «Башенин» — результат правки переписчика, менявшего неизвестного ему «Башину» на известного «Башенина». Василий Башенин был писцом Соли Галицкой в 1498/99 г. (Там же. № 621). Его книги упоминаются в грамотах 1501 г. (Там же. Т. III. № 250. С. 270) и 1507 г. (АРГ. № 32). Ведал сбором таможенных пошлин в 1500—1502 гг. (Зимин А. А. Указ. соч. С. 225). По законам словообразования, Башенин — сын Башинны.

новгородского сепаратизма в связи с ликвидацией Углицко-Бежецкого удела, московское правительство отправило писцов в Новгород⁵⁸. В ряду этих событий стоит и описание Тверской земли⁵⁹. Исследователи обычно просто констатируют факт посылки писцов в 1491/92 г. в Тверь и бывшие тверские уделы (Старицу, Зубцов, Опоки, Клин, Холм и Новый городок), не объясняя, почему Тверь не была описана сразу после ее присоединения в 1486 г.⁶⁰ Присоединение Твери вызвало, очевидно, сильное недовольство удельно-княжеской оппозиции. Опасаясь феодального мятежа, Иван III не прямо включил Тверскую землю в состав великого княжества, а сделал это в компромиссной форме, отдав Тверь в удел своему сыну и соправителю Ивану Ивановичу Молодому. Даже после смерти Ивана Ивановича в 1490 г. великий князь не решился открыто управлять Тверской землей, ставшей формально уделом другого сына Ивана III — Василия. Вполне вероятно, что именно из-за Тверской земли, на которую мог претендовать и Андрей Большой, когда умер Иван Иванович, обострился конфликт Андрея с великим князем. Во всяком случае, Иван III считал возможным послать писцов в тверские владения только после того, как был схвачен и посажен в темницу глава удельно-княжеской оппозиции Андрей Большой. В 1491/92 г. писец В. И. Голенин писал Переславль-Залесский уезд⁶¹, тесно примыкавший к Кашинскому уезду бывшего Тверского княжества и к ликвидированному Углицкому уделу.

Возобновление деятельности писцов в Новгородской земле (в Обонежской и Деревской пятинах) в 1496 г.⁶² связано с началом войны между Россией и Швецией и приездом Ивана III в Новгород в конце 1495 — начале 1496 г. В 1496 г. писцы были в Дмитровском уезде⁶³, а в 1498/99 г. — в Соли Галицкой⁶⁴. Дмитров и Галич являлись старинными удельно-княжескими землями, в конце же 90-х годов XV в. остро стоял вопрос о распределении уделов между сыновьями Ивана III⁶⁵.

Последующая серия описаний, датируемая 1498—1500 гг., затронула Московский уезд⁶⁶ и уезды к югу и востоку от Москвы, главным образом пограничные с Рязанским княжеством. Среди

⁵⁸ Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских. СПб., 1853. С. 11.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 223; Т. 12. С. 232; Т. 27. С. 362; Т. 28. С. 156; Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Ист. арх. М., 1951, Т. VII. С. 264.

⁶⁰ См., например: Лаппо И. И. Тверской уезд в XVI в.: Его население и виды владения. [М., 1894]. С. 7—8.

⁶¹ Смирнов М. И. Соль Пересл. № 12. С. 68; АФЗХ. Ч. I. № 22. «Новое» переславское письмо В. И. Голенина упоминается без даты в грамотах 1506—1507 гг. (АСЭИ. Т. III. № 25, 26).

⁶² НПК. Т. I—II; Неволин К. А. Указ. соч. С. 12.

⁶³ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 225.

⁶⁴ АСЭИ. Т. I. № 621.

⁶⁵ Каштанов С. М. История. С. 121.

⁶⁶ АФЗХ. Ч. I. № 39; АСЭИ. Т. I. № 624; Т. II. № 418, 419, 421; Т. III. № 50.

них — Коломенский⁶⁷, Каширский⁶⁸, Владимирский⁶⁹ и Юрьев-Польский⁷⁰. Московское правительство могло в это время опасаться за южные уезды, близкие к Рязани, и восточные, на подступах к Казанскому ханству, в связи с усложнившейся внешнеполитической ситуацией. Так, неизбежность войны с Литвой была ясна уже летом 1498 г.⁷¹

В другом направлении развернулись описательные работы с конца 1499 по 1505 г. Кроме Московского⁷², они охватили уезды к северу от Москвы — Дмитровский⁷³, Ростовский⁷⁴, Ярославский⁷⁵, Костромской⁷⁶, Вологодский⁷⁷, Белозерский⁷⁸. Трижды за это время посылались писцы в Новгородскую землю: в 1498—1499 гг. подверглась переписи Шелонская пятина⁷⁹, в 1500 г. — Вотская⁸⁰ и в 1505 г. — снова, Шелонская⁸¹. Описание преследовало цель искоренения остатков сепаратистских тенденций на севере в условиях войны с Ливонским орденом⁸².

После смерти Ивана III развитие писцового дела приостановилось примерно на пять лет — до 1510—1511 гг. В целях укрепления своей власти в уделе предпринял описание Бежецкого Верха один из младших сыновей Ивана III — князь Семен Иванович. В симоновском судном списке 1540 г. говорится, что «писцы княж

⁶⁷ Об описании прямых данных нет, но в 1498 г. здесь действовал судья, решавший дела по земельным спорам (АФЗХ, Ч. I. № 117).

⁶⁸ АГР. Т. I. № 57. С. 96, 100 (упоминаются книги письма Д. Д. Хромого 7008 г.).

⁶⁹ В одном документе без даты, который отнесен Л. В. Черепниним к периоду «после 1498—1499 гг.», упоминается «опись» «великого князя писца Петра Заболотцкого» (АФЗХ. Ч. I. № 192. С. 173). Докладную грамоту П. Г. Заболотскому о спорных землях Черепнин датирует 1498—1499 гг. (Там же. № 206). Писцовые книги П. Г. Заболотского составлялись в 1498/99 г. (Там же, № 166).

⁷⁰ Писцовые книги К. Г. Заболотского 1497/98 г. (Там же. № 165).

⁷¹ *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства, Вторая половина XV в. М., 1952. С. 428.

⁷² АСЭИ. Т. I. № 649; Т. III. № 48-а, § 6 доп. С. 73.

⁷³ *Милюков П.* Указ. соч. С. 158.

⁷⁴ Писцовые книги 1500/01 г. В. М. Чертенка Заболотского и Д. Д. Загряжского (АФЗХ. Ч. I. № 12; в заголовке ошибочная дата — 1490—1491 гг.; в тексте: «лета 7000 девятого»).

⁷⁵ В правой грамоте 1501 г. фигурирует ярославский писец Я. Д. Морозов (АСЭИ. Т. III. № 221).

⁷⁶ Костромские книги письма Г. Р. Застолбского 1501/02 г. (АФЗХ. Ч. I. № 169; ср. акты его судебной деятельности: Там же. № 254, 258; АСЭИ. Т. I. № 639, 640; Т. III. № 45, 48).

⁷⁷ Книги письма Ф. Ф. Липятина 1502/03 г. (АФЗХ. Ч. I. № 170). Как писец Липятин решал в 1503—1504 гг. земельные дела в Вологодском уезде (АСЭИ. Т. II. № 306—308; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 484. № 84).

⁷⁸ В 1504—1505 гг. белозерским писцом был В. Г. Наумов «с товарищи» (АСЭИ. Т. I. № 658; Т. II. № 309, 310, 338; АФЗХ. Ч. I. № 306; упоминается также в правой грамоте 1511 г. — АФЗХ. Ч. I. № 309. С. 261, 262, 264—266).

⁷⁹ НПК. Т. IV. С. 1—232.

⁸⁰ Там же. Т. III.

⁸¹ *Милюков П.* Указ. соч. С. 159.

⁸² О войне 1501—1503 гг. и экономических связях в это время см.: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 292—298.

Семена Ивановича Иван Данилов да Третьяк Лызлов... писали весь Бежитцкой Верх»⁸³. Судные списки писца Ивана Данилова фигурируют в правых грамотах 1509/10 г.⁸⁴ и мая 1510 г.⁸⁵ Как действующее лицо в этих грамотах выступает и дворцовый дьяк Третьяк Лызлов. Таким образом, описание Бежецкого Верха состоялось после января 1509 г., когда князь Семен Иванович получил удел⁸⁶, и до мая 1510 г. Около 1511 г. самостоятельное существование Бежецкого удела прекратилось⁸⁷. Возможно, в связи с ликвидацией Бежецкого удела правительство Василия III предприняло весной — летом 1511 г. описание соседних с Бежецким Верхом уездов Белозерского и Пошехонского. Белозерские писцы Иван Микулич Заболоцкий и дьяк Андрей Харламов рассматривали в это время земельные тяжбы, которые вели волостные крестьяне с крупными духовными феодалами — Кирилло-Белозерским, Троице-Сергиевым монастырями и митрополичьим домом, размежевывали земли и рыболовные угодья⁸⁸.

Обострением русско-казанских отношений объясняется описание в 1510—1511 гг. основных уездов на пути из Казани в Москву — Владимира⁸⁹, Нижнего Новгорода⁹⁰ — и расположенных вблизи от Нижнего Новгорода Балахны⁹¹ и Арзамаса⁹².

В 1515 г. был описан Малый Ярославец⁹³, прежде чем его отдали в управление с судом и данью служебному князю Василию Ивановичу Шемячичу.

Московско-рязанский конфликт 1518—1519 гг. и борьба правительства Василия III за присоединение Рязани обусловили необходимость посылки писцов (очевидно, в 1518 г.) в пограничный с Рязанью Перевицк⁹⁴.

В 1519—1521 гг. состоялось новое описание Бежецкого Верха. Нами была обнаружена выпись из бежецких книг на владения Троице-Сергиева монастыря, которая не имеет даты, но по составу упоминаемых владений относится к промежутку не раньше 1519/20 г. и не позже 1520/21 г.⁹⁵ В судебном списке, выданном Симонову монастырю в 1540 г., указано в числе прочих описаний Бежецкого

⁸³ АСЭИ. Т. II. № 433. С. 476; АФЗХ. Ч. IV. № 68. С. 70.

⁸⁴ АРГ. № 57.

⁸⁵ Там же. № 61.

⁸⁶ Наиболее ранняя его грамота — от 18 января 1509 г. (Там же. № 50; подробнее см.: Кашианов С. М. История. С. 249).

⁸⁷ Кашианов С. М. История. С. 249; Он же. Из истории последних уделов // Тр. МГИАИ. 1957. Т. 10. С. 290—291.

⁸⁸ АЮ. № 15. С. 28—29; АГР. Т. I. № 24, 25, 65. С. 23—26, 119—120; АФЗХ. Ч. I. № 305, 309.

⁸⁹ АФЗХ. Ч. I. № 167 (книги Ивана Харламова и Федора Ходыки).

⁹⁰ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 225; АФЗХ. Ч. IV. № 10.

⁹¹ Писцы — Иван Захарьич и дьяк Суморок Путятин. См.: АГР. Т. I. № 51. С. 68. Уточнение территории см. в более поздней грамоте: Там же. № 75. С. 209.

⁹² Миллюков П. Указ. соч. С. 159.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А. Н. Пискаревым. СПб., 1854. С. 18—19.

⁹⁵ АРГ. № 190. С. 186—190, 324—325.

Верха письмо Андрея Чоботова и Федора Ходыки⁹⁶. Судя по контексту, они действовали после писцов князя Семена Ивановича Ивана Данилова и Третьяка Лызлова. Про Андрея Чоботова и Федора Ходыку говорится, что они «писали весь Бежицкой Верх подлинно»⁹⁷. Андрей Чоботов был в августе 1521 г. воеводой на Рязани⁹⁸, а Федор Ходыка известен как дьяк Василия III в 1506—1512⁹⁹ и 1519 гг.¹⁰⁰ Таким образом, троичский документ является скорее всего монастырской выписью из книг Андрея Чоботова и Федора Ходыки. Единственное возражение, которое может быть сделано против этой атрибуции, заключается в том, что троичская выпись дает только перечень сел, деревень и других объектов, но не упоминает дворы и живущих в них крестьян, в то время как отрывок из книг Чоботова и Ходыки, приведенный в симоновском судном списке 1540 г., носит характер подворного описания сел и деревень¹⁰¹. Однако различие типов описаний, выписывающееся из данного сопоставления, скорее связано с особенностями монастырских выписей, чем с различиями в оригинале самих книг.

Описание Бежецкого Верха около 1519—1521 гг. объясняется смертью в 1518 г. Семена Ивановича, номинального владельца Бежецкого Верха и Калуги, и возможными претензиями на выморочное наследство со стороны других удельных князей, его братьев, прежде всего Дмитрия Жилки, обладавшего соседним Угличским уездом, который во времена Андрея Большого составлял единое целое с Бежецким Верхом.

Исключительное внимание уделяло правительство Василия III территориям, на которые претендовал брат великого князя Андрей Иванович, чье положение при Василии III было весьма шатким. С 1519 г. в удел Андрея входили Старица, Верея, Алексин, некоторые «замосковские» волости. До этого времени он был лишен завещанного ему Иваном III удела. Уже в 1516—1518 гг. наблюдается активизация князя Андрея Ивановича. Учитывая его последующую политику, можно думать, что он уже в этот период искал поддержки в Новгороде. В 1516/17 г. и позднее правительство пыталось укрепить свои позиции в Старице, Верее, Твери¹⁰², Новом городище, «замосковских» волостях, Новгороде, куда были посланы писцы.

Вся работа писцов в годы регентства Елены Глинской представляла собой серию вполне целенаправленных мероприятий по закреплению в числе великокняжеских территорий ликвидированных уделов — Бежецкого, Дмитрово-Звенигородского, затем Старицкого.

⁹⁶ АСЭИ. Т. II. № 433. С. 476; АФЗХ. Ч. IV. № 63. С. 70.

⁹⁷ АСЭИ. Т. II. № 433. С. 476.

⁹⁸ БРК. С. 67.

⁹⁹ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 556; Зимин А. А. Указ. соч. С. 276—277.

¹⁰⁰ Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 340 (из какого источника почерпнута эта дата и насколько она верна, неизвестно).

¹⁰¹ АСЭИ. Т. II. № 433. С. 477; АФЗХ. Ч. IV. № 63. С. 74.

¹⁰² АРГ. № 138.

В 40—50-х годах XVI в. перед писцовыми описаниями ставятся задачи, уже не столько связанные с присоединением или сохранением за правительством определенных территорий, сколько вытекающие из необходимости повсеместной борьбы против привилегий крупных феодалов. Меняются и масштабы деятельности писцов.

В конце 30-х — начале 40-х годов появляются так называемые «большие писцы». «Большими» они назывались, может быть, вследствие того, что им поручалось писать весь уезд. Писцы же предшествующего времени нередко писали только отдельные части уезда.

Следовательно, успешный ход объединения государства не замедлил сказаться на характере писцового дела.

* * *

В материалах писцовых описаний отразились важнейшие моменты развития производительных сил Северо-Восточной Руси. Прежде всего сотницы и писцовые книги показывают быстрый рост сел, обусловленный, несомненно, успехами земледелия. Некоторые митрополичьи села уже в конце XV в. насчитывали до 16—18 крестьянских дворов. Еще более крупные размеры сел наблюдаются в первой половине XVI в. Одно из крупнейших поселений — митрополичье село Бисерово Коломенского уезда — в 1535—1536 гг., например, состояло из 53 дворов. В деревню входило, как правило, два-три двора. Но это число в конце XV — первой половине XVI в. проявляет постоянную тенденцию к увеличению. Расширение сел и деревень объясняется как естественным приростом населения, так и стремлением феодалов укрупнить владельческие поселки с целью усиления феодальной эксплуатации. Кроме того, развитие земледельческих центров — сел и деревень — в значительной мере зависело от улучшения приемов и орудий обработки почвы. Судя по сотницам и писцовым книгам, конец XV — первая половина XVI в. — время, когда феодальное землевладение (особенно церковно-монастырское) пускало все более и более глубокие корни. Незначительное количество пустошей при наличии починков и незапустевших деревень свидетельствует о росте феодального землевладения. В починке поселялся обычно один дворовладелец, реже два. Записи «деревня... пуста» и указания на пустые дворы нехарактерны для большинства сотниц первой половины XVI в. Их можно встретить скорее в монастырских сотницах 50-х — начала 60-х годов XVI в., когда рост налогового бремени и отмена податных привилегий имунистов усилили тенденцию разорения крестьянского хозяйства.

Из сотниц и писцовых книг мы узнаем о существовании деревенского и вотчинного ремесла. Не являются исключениями сотницы, дающие длинный список ремесленников самых различных специальностей. В этом отношении наиболее характерна сотница 1544 г. на села Троице-Сергиева монастыря Кумганово и Медну

Новоторжского уезда¹⁰³. Сотницы, относящиеся к северным уездам (Костромскому, Вологодскому и др.), показывают интенсивное развитие товарно-денежных отношений, наличие в монастырских вотчинах не только «деловых», но и «торговых» людей. Интересны сведения о приобретении иностранных товаров. Некоторые водяные мельницы были оборудованы импортными колесами. Так, в сотной 1543/44 г. на вотчины Спасо-Прилуцкого монастыря Вологодского уезда упоминается «под манастырем на реке на Вологде мельница монастырская на одной трубе, два колеса немецкие»¹⁰⁴. Большое значение для изучения истории ремесла имеет писцовый материал, касающийся городов. Сотницы на переславские, солигалицкие, нерехотские и другие дворы Троице-Сергиева монастыря, митрополичьего дома характеризуют крупных духовных вотчинников как видных солепромышленников. В писцовых книгах и сотницах содержатся данные относительно рыбных промыслов феодалов, черных и дворцовых крестьян.

Исследуя сотницы конца XV — начала XVI в., можно заметить постепенное увеличение в деревнях количества дворов, где находился не только дворовладелец, но и дворовладелец плюс еще один крестьянин (далеко не всегда родственник). Этот факт весьма знаменателен. Он говорит о появлении прослойки крестьянства, послужившей основой для формирования позднейших категорий зависимых людей — захребетников и затыглых, которые были не в состоянии самостоятельно тянуть тягло.

Очевидно, не случайно подъем писцового дела совпадает с изданием Судебника 1497 г., ограничившего право крестьянских переходов. Оба эти мероприятия взаимно дополняли друг друга, усиливая прикрепление крестьянина к земле. Сотницы 30-х — начала 60-х годов XVI в. дают возможность сделать вывод, что в феодальную зависимость попадали наряду со старожильцами «приходцы», которых записывали в книги¹⁰⁵.

По материалам писцовых описаний прослеживается и расширение штата вотчинной администрации. Феодалы были вынуждены усиливать аппарат сеньориальной власти в условиях роста эксплуатации крестьянства.

* * *

Наиболее ранним из дошедших до нас типов сотниц является, очевидно, простейший. Сотницы этого типа включают в себя (помимо имен писцов и землевладельцев) перечисление деревень без

¹⁰³ Рубцов М. К. Материалы для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв.: (Документы Троице-Сергиевской лавры на земельные владения в пределах Тверского края). Старица, 1905. Вып. II. № 6. С. 17—21.

¹⁰⁴ Шумаков С. А. Сотницы. [Вып. I]. № X. С. 70.

¹⁰⁵ Там же. Вып. II. № I, III, V, VI и др.; Каштанов С. М. По следам троичских копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря) [Ч. 2] // ЗОР. М., 1979. Вып. 40. С. 45. Прил. № 3. (Л. 70 об., 72 об.).

указания дворов и сох. В дальнейшем эта категория сотниц дала такие, где помещалось итоговое число сох, а затем и дворов. Наиболее развитой вид сотниц указанного типа предполагает перечисление дворовладельцев каждой деревни и в итоге указание на число дворов, людей и сох.

Переход к четвертному измерению пашни происходил уже в 40-х годах XVI в. на дворцовых землях. Но и в сотницах, оперирующих четвертным измерением, оно не сразу было применено к каждой отдельной деревне. Сначала число четвертей называлось лишь в итоге. С конца 60-х годов XVI в. установился подробный формуляр сотниц, предусматривающий запись количества пашни, числа дворов, копен сена для каждой деревни.

Наблюдения над эволюцией формуляра сотниц позволяют понять, как вначале ставились, а впоследствии уточнялись задачи писцового дела. Запись земель была первоначальной целью правительства. Взять под контроль привилегированные «боярщины» и «монастырщины», освященные древним правом неприкосновенности, — вот с чего приходилось начинать. Только после этого встала новая задача — включить в перепись зависимое от феодалов население, обложить его податями. Чем дальше развивалось писцовое дело, тем яснее становилась роль писцовых книг как средства закрепощения крестьянства.

ТЕНДЕНЦИИ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ
И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВ
В ПОЛИТИКЕ
ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
И УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ В НАЧАЛЕ XVI в.

В конце XV в. сложились политические предпосылки для создания централизованной системы финансов. Однако экономическое состояние и политический строй России еще не были готовы к последовательной централизации финансов. Выделение в 1503—1504 гг. уделов сыновьям Ивана III вновь открыло дорогу тенденциям феодальной раздробленности, хотя, может быть, и менее сильным, чем до 1491 г. (когда был присоединен удел углицкого князя Андрея Большого). К 1504 г. образовались два удела — Дмитровский и Углицкий, позднее возникли Бежецкий и Старицкий. В стране оставался также Волоцкий удел (до 1513 г.). Создание уделов не сразу, но существенно повлияло на финансовую политику центрального правительства, не говоря уже о том, что в уделах проводилась особая политика в отношении финансов.

Продолжая политические традиции XV в., Иван III в своей духовной распределил уделы таким образом, что ни один из удельных правителей не получил достаточно компактного территориального комплекса. Владения старшего удельного князя, Юрия Ивановича, были расположены в разных областях к северу (Дмитровский, Кашинский уезды), западу (Рузский, Звенигородский уезды) и юго-западу от Москвы (Брянск, Серпейск)¹. Такая же рассредоточенность характеризует уделы Дмитрия, Семена и Андрея. Отсутствие территориальной целостности удельных княжеств ограничивало силы и влияние их суверенов.

Иван III выделил в уделы лишь те районы, которые либо еще в XV в. относились к числу удельных, либо являлись вновь присоединенными. По сравнению с завещанием Василия Темного духовная Иван III зачисляет в уделы гораздо меньшее количество уездов и волостей Московской земли. Свыше половины всей территории, занятой в первой трети XVI в. уделами, состояло из бывших тверских и литовских уделов. Экономические и политические связи этих земель с Москвой не успели достаточно развиться и укрепить. Управление ими при посредстве удельных князей московского дома (тверские уделы) или под их формальным суверенитетом (литовс-

¹ ДДГ. № 89. С. 359—360.

кие уделы) великий князь считал, очевидно, наиболее гибкой формой приобщения этих территорий к жизни в составе единого государства. Однако столицы присоединенных крупных политических объединений, таких, как Новгород, Тверь, Ярославль, Белоозеро, в духовной Ивана III закреплены за наследником престола, ибо в руках удельных князей они могли превратиться в слишком серьезные оплоты борьбы против центральной власти.

Успехи, достигнутые в ходе объединения страны, позволили Ивану III в его завещании закрепить верховные права удельных князей в ограниченном объеме. Еще Василий II исключил из удельного подданства числяков и ордынцев, передав их целиком под власть великого князя². Иван III, повторив это постановление, усилил его прямым запрещением удельным князьям «вступаться» в числяков и ордынцев: «А мои дети Юрьи, Дмитреи, Семен, Андреи у моего сына у Василья, а у своего брата старейшого, в числяки и в ординцы не вступаются ни во что, ни в земли их, ни в воды не вступаются, и не обидят их ничем»³. В разъезжих Ивана III на удел князя Юрия Дмитровского 1504 г. специально оговаривалось, что земли числяков и ордынцев, перешедшие из великого княжения в удел (из переславских станов и волостей в дмитровские и кашинские⁴, из московских — в дмитровские⁵, из Можайских — в рузские⁶, из клинских — в дмитровские⁷), должны в отличие от прочих категорий земель оставаться «по старине» в подведомственности у великого князя — наследника престола (Василия III): «... и тем численным людем и ординцом тянути по старине всякое тягло с числяки и с ординцы к сыну моему к Василью. А сыну моему Юрью в численные земли и в ординские не вступати с ничем».

Младшие сыновья Ивана III лишались возможности распоряжаться судьбой своих уделов, так как, согласно духовной Ивана III, при отсутствии у них мужского потомства уделы после их смерти переходили к великому князю⁸. Удельным князьям запрещалось чеканить собственную монету⁹.

Разумеется, уплата татарского «выхода» также оставалась монополией великого князя. Общий оклад «выхода» составлял 1000 руб., т. е. равнялся прежнему (конца XIV в.) окладу с Московского княжества, но был в семь раз меньше великокняжеского оклада первой трети XV в. Этот размер (1000 руб.) установился не позже 1481 г., когда он впервые упоминается в договорных грамотах Ивана III с Андреем Углицким¹⁰ и Борисом Волоцким¹¹. В грамотах 1481 г. речь идет о «выходе» в «Орды» (во мн. ч.), в духовной Андрея Вологодского около того же времени говорится, что великий князь за него «в Орды давал, и в Казань, и в Городок царевичю»¹².

² Там же. № 61. С. 194.

³ Там же. № 89. С. 354.

⁴ Там же. № 94. С. 378.

⁵ Там же. № 95. С. 395.

⁶ Там же. № 96. С. 400.

⁷ Там же. С. 404.

⁸ Там же. № 89. С. 362.

⁹ Там же. С. 361.

¹⁰ Там же. № 72. С. 254, 256—257, 259, 262, 265, 267.

¹¹ Там же. № 73. С. 270, 272, 274—275.

¹² Там же. № 74. С. 275.

В духовной Ивана III предназначение «выхода» определено более пространно: «А дети мои, Юрьи з братьею, дают сыну моему Василью съ своих уделов в выходы в ординские, и в Крым, и в Азтархань, и в Казань, и во Царевичев городок и в ыные цари и во царевичи, которые будут у сына моего у Василья в земле, и в послы в татарские, которые придут к Москве, и ко Тфери, и к Новугороду к Нижнему, и к Ярославлю, и к Торусе, и к Рязани к Старон, и к Перевитску ко княж Феодоровскому жеребью Рязанского, и во все татарские проторы, в тысячу рублев»¹³.

Раскладка тысячерублевого выхода выглядит по духовной Ивана III следующим образом: с великого княжения — 717 руб. 102 $\frac{1}{2}$ деньги, с Дмитровско-Кашинского удела — 81 руб. 180 денег, с Углицко-Зубцовского — 58 руб. 107 денег, с Бежецко-Калужского — 64 руб. 190 денег, со Старицкого — 40 руб. 103 $\frac{1}{2}$ деньги, с Волоцкого — 37 руб. 100 денег. В сумме это дает 1000 руб. 183 деньги.

Как и для более раннего времени, неясен способ вычисления точного размера «выхода» (вплоть до $\frac{1}{2}$ деньги) с каждого удела. Яснее только принципы раскладки. В основе расчетов, судя по указаниям источников, лежала система сошного письма. В духовной Василия II (1461—1462 гг.), где размеры «выхода» не определяют-ся ни поудельно, ни в общем виде, есть прямое распоряжение о по-сошной раскладке его: «А как почнут дети мои жити по своим уделом, и моя княгини, и мои сын Иван, и мои сын Юрьи, и мои дети пошлют писцев, да уделы свои писци их опишут по крестному целованью, да по тому письму и обложат по сохам и по людем, да по тому окладу моя княгини и мои дети и в выход учнут давати сыну моему Ивану съ своих уделов»¹⁴.

Предусматривается «опись» и возможное изменение после нее размеров «выхода» в договорных грамотах Ивана III с Борисом Волоцким¹⁵ и Андреем Углицким¹⁶ 1473 г.: «А выход ти мне давати по тому, как еси давал мне после отца моего, великого князя, доколе опишемся, по духовной грамоте отца своего. А как опишем свои отчины, и тебе мне давати по той описи». Аналогичная статья, но с указанием общего тысячерублевого оклада и конкретной величины «выхода» с удела содержится в упоминавшихся договорных грамотах Ивана III с теми же князьями 1481 г. Однако эти дополнения при сохранении в грамотах 1481 г. ссылки на духовную Василия II могут создать впечатление, что оклад в 1000 руб. и названные здесь поудельные размеры «выхода» были установлены еще Василием II. Отсутствие подобных указаний в его духовной и в договорных грамотах Ивана III 1473 г. позволяет, напротив, думать, что размер «выхода», объявленный в грамотах 1481 г., — новый, очевидно, сниженный по сравнению с предшествующим периодом и это снижение размеров «выхода» нельзя не связать с «Угорским стояни-

¹³ Там же. № 89. С. 362.

¹⁴ Там же. № 61. С. 197.

¹⁵ Там же. № 69. С. 226, 228, 231.

¹⁶ Там же. № 70. С. 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249.

ем» 1480 г. и падением золотоордынского ига. Впрочем, фактическое сокращение размеров «выхода» могло иметь место еще раньше. Ахмат требовал с Ивана III дань в размере 4800 руб.

В послании Едигея к Василию I (около 1408 г.) сказано: «... а что еси имал во твои державе со всякого улуса со двою сох рубль»¹⁷. Это значит, что с сохи бралась полтина (100 денег). Указание на «полтину» как размер «великой» дани с деревни содержится в летописной статье 1384 г.: «Тое же весны бысть велика дань тяжела по всему великому княженью, всякому без отдатка со всякие деревни по полтине, тогда же и златом даваше в Орду, а с Новгорода с Великово взя князь великий тогда черной бор»¹⁸. В. Н. Татищев под 6783 (1275) г. рассказывает, что великий князь Василий Ярославич «прииде... во Орду и принесе дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша 2 мужи работнии»¹⁹. Поскольку новгородская гривна XIII в. превратилась в рубль, под полугривной можно понимать половину рубля, т. е. опять-таки полтину. Степень достоверности и источники татищевского известия установить трудно.

В новгородской грамоте 1461 г. о предоставлении Василию II на год «черного бора» с новоторжских волостей говорится: «А брати князя великого черноборцем на новоторжских волостех на всех, куды пошло по старине, с сохи по гривне по новон, а писцу княжу мортка с сохи»²⁰. Размер сохи здесь указан примерно такой же, как в известии Татищева: «А в соху два коня, а третье припряжь» или «четыре пещи за соху». После присоединения Новгорода Иван III «велел въспросити, что их соха? И они сказали: 3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади орет; а кто на трех лошадех и сам третей орет, ино то соха»²¹. Иван III хотел установить ежегодную дань по полугривне с обжи, но новгородцы упростили его взимать в год по полугривне с сохи, т. е. в три раза меньше. В летописи указывается размер полугривны: 7 денег. «Новая» гривна грамоты 1461 г., вероятно, равнялась 14 деньгам.

В. Л. Янин считает Новоторжскую землю основной территорией, с которой Новгород давал «черный бор» для уплаты ордынского «выхода»²². В 1339 г. с новоторжцев было взято «бора» 1000 руб.²³ Вместе с тем размер «выхода» с Новгорода не ограничивался 1000 руб. Так, в 1327 г. новгородцы дали татарам «2000 серебра»²⁴. Если исходить из того, что в начале XV в. с сохи бралось «выхода» по полтине, а всего с Новоторжской земли взималось «черного бора» 1000 руб., надо будет допустить вероятность су-

¹⁷ СГГД. Ч. 2. № 15; ЦГАДА. Ф. 181 (Библиотека МГАМИД). № 20. Л. 440 об.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 211; см. также: Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: (Материалы юбилейной научной конференции). М., 1983. С. 102.

¹⁹ Татищев В. Н. История российская: В 7 т. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 51.

²⁰ ГВНП. № 21. С. 39. О датировке грамоты см.: Янин В. Л. Указ. соч. С. 104—105.

²¹ ПСРЛ. Т. 6. С. 217.

²² Янин В. Л. Указ. соч. С. 106.

²³ Подробнее см.: Там же. С. 101—102.

²⁴ Подробнее см.: Там же. С. 100.

ществования в пределах этой территории примерно 2000 сох. По норме 1461 г. («новая гривна» = 14 денег с сохи) это дает 28 000 денег, или 129,62 новгородских рублей. Такая сумма означает уменьшение тысячерублевого «бора» в 7,7 раза. Аналогичное явление наблюдается и в Северо-Восточной Руси. По договорной грамоте 1390 г. серпуховской князь Владимир Андреевич давал с Волока в пятитысячный оклад 170 руб.²⁵, по духовной же Ивана III волоцкий князь Федор Борисович был обязан давать с Волока и половины Ржевы «выхода» в одностысячный оклад 37 руб. 100 денег. «Выход» с Волока сократился, таким образом, в 4,53 раза. Учитывая, что в 1390 г. не указывался «выход» со Ржевы, а в духовной Ивана III «выход» определен не только с Волока, но и с половины Ржевы, можно говорить о сокращении собственно волоцкого «выхода» не менее чем в пять раз.

Означало ли такое снижение суммы «выхода», что налоговое бремя во второй половине XV — начале XVI в. значительно уменьшилось? Метаморфозу «выхода» следует, по-видимому, связать с вопросом о периодичности его выплаты. Янин полагает, что «черный бор» взимался через каждые 7—8 лет²⁶. М. Рублев привел примеры, говорящие о принципе ежегодного сбора «выхода» с уделов. По его мнению, московский великий князь получал «выход» с уделов ежегодно, однако сам давал «выход» в Орду не обязательно каждый год²⁷. Этому выводу несколько противоречит довольно длительное сохранение в духовных и договорных грамотах князей оговорки о том, что если великий князь в Орду не даст, то и с удельного князя не возьмет²⁸. Правда, формула могла и отставать от жизни. Во всяком случае, выявленные Рублевым намеки на ежегодный сбор «выхода» с уделов содержатся в договорных грамотах 1434, 1445, 1447 и 1450 гг.²⁹ Что касается наблюдений Янина о взимании «черного бора» через 7—8 лет, то они наиболее убедительны для середины и конца XIV в. Скорее всего, сбор «выхода» через 7—8 лет осуществлялся в XIV — начале XV в. В середине 30-х и в 40-х годах XV в. московская великокняжеская власть пытается превратить «выход» из чрезвычайного сбора в постоянный, ежегодный и соответственно уменьшает норму «выхода» с сохи. Не случайно после 1433 г. из духовных и договорных грамот князей исчезают упоминания о размере «выхода». И лишь с 1481 г., когда ордынское иго пало, указание на тысячный оклад (вместо семитысячного) официально появляется в междукняжеских соглашениях, а затем и в духовной Ивана III.

Иван III стремился придать «выходу» с уделов постоянный характер. В его духовной нет традиционной фразы о том, что если

²⁵ ДДГ. № 13. С. 38; см. также выше, гл. I.

²⁶ Янин В. Л. Указ. соч. С. 106—107.

²⁷ Roublev M. The periodicity of the Mongol tribute as paid by the Russian princes during the fourteenth and fifteenth centuries // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. В., 1970. Bd. 15. S. 12.

²⁸ См., например: ДДГ. № 34, 73. С. 88, 270 и др.

²⁹ Там же. № 34, 41, 44, 45. С. 88, 122, 128, 165, 167; Roublev M. Op. cit. S. 11—12.

«переменит бог Орду» и уплата «выхода» в Орду будет отменена, то удельные князья могут взять «выход» со своих уделов в свою казну³⁰.

Ограничение их прав шло и по другим линиям. В удельных подгородных московских селах, носивших много черт торгово-ремесленного, городского уклада и дополненных посадскими дворами, все важнейшие уголовные преступления (душегубство, разбой, татьба с поличным³¹) во всех случаях, независимо от владельческой принадлежности тяжущихся, судил представитель Москвы³². Это означало и уменьшение доходов удельных князей от судебных пошлин.

Сокращение прав удельных князей в отношении жителей подмосковных торгово-ремесленных сел и посажан было одним из проявлений складывавшегося союза великокняжеской власти и городов. Несколько меньше были стеснены полномочия удельных князей в селах, полученных ими в московских станах³³.

Имунитетно-финансовая политика князя Юрия Ивановича Дмитровского прослеживается с апреля 1504 г. Грамоты Юрия 1504 г. обнаруживают сильную зависимость его от Ивана III. Так формуляр несудимой и заповедной грамоты митрополичьему дому на села и деревни в Дмитровском уезде³⁴ почти целиком совпадает с формуляром мартовских грамот Ивана III 1504 г. митрополиту Симону³⁵. Грамота 1464 г. удельного князя Юрия Васильевича, непосредственно относившаяся к некоторым из пожалованных сел³⁶, не была учтена, за исключением статьи о смесном суде. Посланная в мае 1504 г. кашинским и дмитровским мытчикам указная грамота Юрия о безмытном пропуске митрополичьих лодок и саней с рыбой³⁷ в точности повторяла соответствующую грамоту Ивана III 1499 г.³⁸ Проезжая грамота удельного князя Симонову монастырю³⁹, видимо, основывалась на тексте более ранней грамоты Ивана III той же корпорации⁴⁰. Грамота Юрия Ивановича Троице-Сергиеву монастырю на села в Каменском стане Дмитровского уезда⁴¹ воспроизводит все финансовые и другие привилегии, которые содержались в жалованной грамоте Ивана III 1473 г. на те же объекты⁴². Грамота Юрия 1504 г. на кашинские села Троице-Сер-

³⁰ Еще в духовной Василия II такое постановление имелось (ДДГ. № 61. С. 197).

³¹ В духовной Ивана III говорится о «душегубстве» и «поличном». «Поличное», видимо, разбой и татьба с поличным.

³² ДДГ. С. 361.

³³ Подробнее см.: *Каштанов С. М.* Из истории последних уделов // Тр. МГИАИ. 1957. Т. 10. С. 277—278.

³⁴ АФЗХ. Ч. 1. № 88.

³⁵ Там же. № 70, 113, 134, 150, 224, 311, 313.

³⁶ Там же. № 86.

³⁷ Там же. № 286.

³⁸ Там же. № 293.

³⁹ АСЭИ. Т. III. № 427.

⁴⁰ Там же. № 432. Здесь грамота предположительно датируется 1505 г., что маловероятно. О датировке грамоты см.: *Каштанов С. М.* Нарушил ли Иван III свою духовную грамоту: (Об одной ошибке в датировке грамоты) // Вопр. архивоведения. 1965. № 2. С. 59—62; *Он же.* История. С. 203—205.

⁴¹ АСЭИ. Т. I. № 652.

⁴² *Каштанов С. М.* Очерки. С. 391—393, № 29.

гнева монастыря Пестово и Михайловское⁴³ в своей иммунитетной части является дословным повторением грамоты 1485 г., выданной князем Иваном Ивановичем Молодым на с. Пестово⁴⁴. Юрий лавировал между Иваном III и крупными землевладельцами удела. Чтобы не вызвать против себя недовольства последних, он боялся сократить их привилегии. Для ограничения иммунитета имели значение только грамоты, повторявшие содержание грамот Ивана III 90-х годов XV в. и начала XVI в., поскольку в них отсутствовали сколько-нибудь существенные финансовые освобождения.

Грамоты Юрия, относящиеся к уездам Рузы и Звенигорода, появились во второй половине 1505 г. В районе Рузы интересы Юрия Ивановича могли сталкиваться с интересами волоцкого князя Федора Борисовича, брат которого Иван Борисович еще до 1503 г. владел Рузским уездом⁴⁵. 17 июня 1505 г. Юрий выдал несудимую грамоту одному из светских феодалов Рузского уезда — С. М. Бортеневу⁴⁶. Может быть, в связи с этим Федор Борисович в июле 1505 г. предоставил И. А. Кожухову жалованную грамоту, частично освобождавшую от налогов (подвод, городского дела и др.) и княжеского суда его вотчины в Волоцком уезде⁴⁷. Одновременное получение жалованных грамот военными вассалами князей в смежных уездах враждующих княжеств является обычно показателем напряженных взаимоотношений между княжествами. Окончательно закрепил Юрий свой суверенитет над Рузой и Звенигородом уже после смерти Ивана III, в декабре 1505 г., выдав заповедную грамоту Савво-Сторожевскому монастырю на его обширные леса в Рузском и Звенигородском уездах. В ней он зафиксировал полномочия своих наместников, перед которыми предписывалось «ставить» нарушителей заповеди и с уличенных брать штраф в размере 2 руб.⁴⁸

Другой удельный князь, следующий по старшинству после Юрия, — Дмитрий Иванович получил свой удел не позже мая 1504 г. 20 мая 1504 г. он уже выдал несудимую грамоту Покровскому Углицкому монастырю⁴⁹, а в 1505/06 г. от его имени производились земельные разъезды в Угличском уезде⁵⁰.

Напротив, младшие удельные князья, Семен и Андрей, не получили уделов ни в последние годы княжения Ивана III⁵¹, ни в начале княжения их старшего брата Василия Ивановича. В декабре 1505 г. грамоты на земли в Бежецком Верхе, который предназначался Семену, подтверждались на имя Василия III⁵². Подтверждение Василием III актов на бежецкие владения наблюдается так-

⁴³ АСЭИ. Т. I. № 653.

⁴⁴ Там же. № 519.

⁴⁵ Подробнее см.: *Каштанов С. М.* Из истории последних уделов. С. 283—284.

⁴⁶ АСЭИ. Т. III. № 66.

⁴⁷ АФЗХ. Ч. II. № 34.

⁴⁹ Там же. № 83.

⁴⁸ АСЭИ. Т. III. № 61.

⁵⁰ АРГ. № 6, 7.

⁵¹ Правда, сохранился список разъезжей, где от имени Ивана III Андрею отводился Старицкий уезд (*Каштанов С. М.* История. С. 199, примеч. 115).

⁵² АСЭИ. Т. I. № 304, 568.

же в апреле 1507 г.⁵³ Василий приобрел Бежецкий Верх еще в 1502 г.⁵⁴ По его грамотам земельные разъезды в уезде Бежецкого Верха состоялись в 1503/04⁵⁵ и 1505/06 гг.⁵⁶ Василий III не выпускал из своих рук и Калужский уезд, завещанный наряду с Бежецким Верхом Семену. В марте 1506 г. великий князь выдал грамоту Лужецкому монастырю на село в Калужском уезде⁵⁷.

Аналогичные сведения имеются и в отношении уездов, которые по духовной Ивана III должны были отойти Андрею (Старицкий, Верейский). Жалованная грамота Василия III 1511 г. Троице-Сергиеву монастырю касалась его села в Верейском уезде⁵⁸. В декабре 1517 г. Василий послал указную грамоту «на Старицу на городок к наместником» о разборе в Москве спорных заемных дел⁵⁹.

В связи с противоудельной активностью Василия III Юрий Иванович проявил большую поспешность в деле укрепления своих политических позиций в уделе. В январе—апреле 1506 г. он выдал ряд несудимых грамот своим военным вассалам на земли в тех станах Кашинского уезда⁶⁰, которые находились вблизи Переславского уезда. На район Переславля обращается внимание и Василий III. В феврале 1506 г. он выдает жалованную грамоту Никольскому на Болоте монастырю на село и деревню в Переславль-Залесском уезде⁶¹. В феврале 1506 г. Василий III и Дмитрий Углицкий выдали жалованные грамоты, имевшие отношение к волжскому торговому пути, пролегавшему через Дмитровский удел. Великий князь наделил специальными привилегиями власти Кирилло-Белозерского монастыря для проезда из Белоозера в Москву и из Дмитрова и Ярославля обратно в монастырь⁶². Дмитрий Иванович разрешил купчине Кирилло-Белозерского монастыря бесполошинно проезжать через его княжество в Дмитров с солью и обратно с рожью⁶³. Судя по сочетаемости маршрутов и по одинаковому количеству зимнего транспорта, упоминаемого в обеих грамотах (30 возов), речь шла об одной и той же экспедиции, издавна снаряжавшейся монастырем. Поездки по этому пути предусматривались, вероятно, еще в грамотах тверских великих князей Бориса Александровича 1428—1434 гг.⁶⁴ и Михаила Борисовича 1471—1475 гг.⁶⁵, а также великой княгини Марии Ярославны 70-х годов XV в.⁶⁶ Состав транспорта, зафиксированный в грамоте Дмитрия Углицкого, — павозок или малое судно летом и 30 возов зимой — на первый взгляд совпадает с указанным в грамоте Михаила Борисовича. Однако на самом деле Дмитрий санкциониро-

⁵³ Там же. Т. II. № 364, 366.

⁵⁴ Там же. Т. III. № 82.

⁵⁵ Там же. Т. I. № 644, 645.

⁵⁶ АРГ. № 5.

⁶⁰ Первая из этих грамот, от 2 января 1506 г., — Андрею Бедову (Там же. № 66).

⁶¹ ХП-I. № 26.

⁶³ ЛОИИ СССР. Колл. II. № 112. Стб. 127—128 (ХП-III. № 1—37).

⁶⁴ АСЭИ. Т. II. № 53.

⁶⁵ Там же. № 203.

⁵⁷ Можайские акты. № 1.

⁵⁸ АРГ. № 88.

⁵⁹ Акты Юшкова. № 104.

⁶² РИБ. Т. 32. № 77 (ХП-I. № 77).

⁶⁶ Там же. № 207.

вал вдвое больший оборот летних экспедиций, дав монастырю право посылать павозок «двожды летом». В грамоте Василия III состав летнего транспорта определяется так: «в судне в большом или в малых в дву судах». Поскольку в грамоте Дмитрия посылка павозка предполагалась «двожды летом», это давало в сумме два павозка или одно большое судно, т. е. соответствовало норме грамоты Василия III.

Обе грамоты, как Василия III, так и Дмитрия, существенно отличаются от грамот Михаила Борисовича и Марии Ярославны объемом привилегий. Если в грамотах 70-х годов XV в. с монастырских экспедиций запрещалось взимать мыт, тамгу, восмничее, весчее, кости, побережное и т. д., то грамоты начала XVI в. освобождают только от мыта и явки. В грамоте Дмитрия Ивановича указан размер проездных пошлин, которые надлежало брать с кирилловской экспедиции: гривну «церковных пошлин» с павозка и два алтына с возов (с малого судна разрешалось не платить ничего). Главное отличие грамот начала XVI в. от более ранних состоит в том, что в них нет освобождения от тамги, т. е. все торговые операции монастыря признаются подлежащими таможенному обложению.

Итак, сравнение грамот начала XVI в. с грамотами 70-х годов XV в. показывает увеличение торговых оборотов монастыря (рост состава летнего транспорта), ликвидацию таможенных и сохранение в урезанном виде проездных привилегий крупного духовного феодала.

Возможно, и Юрий выдал соответствующую грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю на проезд через его княжение, однако она не сохранилась или не разыскана. Вместе с тем есть другие акты, показывающие безразличное отношение Юрия Ивановича к району вблизи волжского пути. Военные вассалы дмитровского князя Спешневы получили несудимые грамоты на земли к югу от Кашина, лежавшие в бассейне Волги (Чудской стан), а также на владения в западной части Кашинского уезда (Суходольский стан)⁶⁷, порубежной с Бежецким Верхом, где Василий III вопреки духовной Ивана III утвердил свой суверенитет.

Раздача великокняжеским правительством в марте — мае 1506 г. иммунитетных актов феодалам Радонежского⁶⁸ и Переславль-Залесского⁶⁹ уездов побуждала Юрия укрепляться в соседних с Переславлем землях. Апрелем 1506 г. датируется несудимая грамота Юрия светским феодалам Трестиным на сельцо в Большой половине Задубровской слободы Кашинского уезда, расположенной недалеко от Переславля⁷⁰. В угличском уезде активную политику проводил удельный князь Дмитрий Иванович. 4 апреля 1506 г. он выдал обельно-несудимую грамоту влиятельному Московскому Симонову монастырю на деревни «в Углецком уезде на Устюжне». Грамота запрещала притягивать монастыр-

⁶⁷ АРГ. № 14.

⁶⁸ Там же. № 15.

⁶⁹ Там же. № 19.

⁷⁰ Акты Юшкова. № 67.

ских людей к сотским и десятским во всякие проторы и разметы⁷¹. Эта финансовая привилегия, не означавшая освобождения от основных налогов, была все же довольно существенной в условиях, когда широко нарушался податный иммунитет, а статья о проторах и разметках редко включалась в жалованные грамоты.

В марте 1506 г. Василий III и Юрий выдавали грамоты на земли близких между собой уездов — Можайского и Рузского. Василий III усилил свои позиции на подступах к Рузе, пожаловав 2 марта 1506 г. несудимую и заповедную грамоту Лужецкому монастырю⁷², крупному вотчиннику Можайского уезда, соприкасавшегося с Рузским. Вскоре после появления этого акта, 15 марта 1506 г. последовала выдача Юрием Ивановичем несудимой грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю на деревни в центральной части Рузского уезда⁷³. Имеется глухое упоминание о жалованной несудимой грамоте «за красною печатью» Клинской Изосиминой пустыни от 17 июля 1506 г.⁷⁴ Вероятно, ее выдал Василий III и относились она к землям Клинского уезда, расположенного между Волоцким и Дмитровским уездами.

В марте — апреле 1507 г. Василий III укреплял союз с влиятельными землевладельцами Переславль-Залесского и Юрьев-Польского уездов, находившихся восточнее Дмитровского уезда (выдача грамот Переславскому Горицкому⁷⁵, Симонову⁷⁶, Троице-Сергиеву⁷⁷ монастырям). В грамоте Василия III от 27 апреля 1507 г. Симонову монастырю на вотчины в Московском уезде⁷⁸ фигурируют в числе прочих монастырские села в Раменейце. В духовной Ивана III волость Раменейце завещалась не Василию, а Андрею Ивановичу⁷⁹. Грамота 1507 г. показывает, что Василий закреплял за собой Раменейце, игнорируя права младшего брата.

Юрий в это время активно искал поддержки крупных духовных феодалов. 25 апреля он выдал тарханно-проезжую грамоту Троице-Сергиеву монастырю⁸⁰. Грамота разрешала беспопыльный проезд по Дмитровскому и Кашинскому уездам монастырского «купчины» в судне, на телегах или возах. При этом дмитровские и кашинские наместники и волостели не должны были судить монастырского купчину и его людей и давать на них приставов. В грамоте устанавливалась подсудность членов экспедиции (в исковых делах) самому удельному князю или его боярину введенному.

В грамоте обходятся молчанием такие существенные вопросы, как маршрут, цель поездок монастырского купчины, состав това-

⁷¹ ГИМ. Сим. кн. 58. По Городецку № 30. Л. 349 об.— 350 об. (ХП-I. № 38); АФЗХ. Ч. IV. № 1.

⁷² Можайские акты. № 1. ⁷³ АФЗХ. Ч. II. № 35.

⁷⁴ ХП-III. № 1-40; *Каштанов С. М.* История. С. 239—240, примеч. 3.

⁷⁵ ХП-I. № 48.

⁷⁶ ЦГАДА. ГКЭ. По Переславлю-Залесскому № 28/8770 (ХП-I. № 50); АФЗХ. Ч. IV. № 8.

⁷⁷ АРГ. № 34.

⁷⁸ ГИМ. Сим. кн. 58. По Москве № 41. Л. 188—190 (ХП-I. № 55); АФЗХ. Ч. IV. № 4.

⁷⁹ ДДГ. № 89. С. 360.

⁸⁰ АРГ. № 33.

ров, количество зимнего транспорта — возов или телег. Вообще в грамоте нет формального различения летнего и зимнего транспорта, хотя ясно, что судно использовалось летом. Весьма архаичен перечень пошлин, приведенный в этой грамоте: 1) мыт, 2) кости, 3) тамга, 4) осмниче, 5) побережное, 6) ззорное, 7) гостиное, 8) явленное, 9) мостовое, 10) «ни иных некоторых пошлин».

В предшествующих сохранившихся проезжих грамотах Троице-Сергиеву монастырю точно такого перечня пошлин мы не находим. В грамоте Василия II на поездке нерехотского соловара 1447—1455 гг. таможенный раздел следующий: 1) мыт, 2) тамга, 3) восмниче, 4) кости, 5) «ни иные некоторые пошлыны, опричь церковных пошлин»⁸¹. Этот формуляр повторен в грамоте Ивана III 1462—1466 гг. на ту же тему⁸². Несколько иной состав пошлин в трех грамотах тверского великого князя Михаила Борисовича 1461—1466 гг. на проезд через Тверское великое княжение: а) в Прилуки и Присеки (Углицкий удел)⁸³, б) на Шексну⁸⁴, в) в Новгород⁸⁵: 1) мыт, 2) тамга, 3) кости, 4) побережное, 5) явленное⁸⁶, 6) «ни иных некоторых пошлин»⁸⁷.

Сочетание этих двух формуляров при наличии дополнительных элементов можно усмотреть в грамоте Ивана III 1462—1466 гг. Троице-Сергиеву монастырю на проезды на Углу и Белоозеро: 1) мыт, 2) тамга, 3) восмниче, 4) весче, 5) явленное, 6) побережное, 7) деларное, 8) контарное, 9) детиное, 10) «ни иные... некоторые пошлыны... опричь церковных пошлин»⁸⁸. Элементы 1—3, 10 заимствованы как будто из нерехотской грамоты, 5—6 — из тверских грамот, хотя в обратной последовательности. Другие княжеские грамоты с проездными привилегиями, выданные Троице-Сергиеву монастырю, отличаются более кратким перечислением пошлин. Если отбросить завершающую формулу о неуплате «некоторых» (или «всех») пошлин, то останутся освобождения от тамги и восмниче⁸⁹; мыта и тамги⁹⁰; мыта и явки⁹¹ (другая последовательность — явки и мыта⁹²); мыта и мостового⁹³; мыта⁹⁴; поватажного, поледного и явленного⁹⁵.

⁸¹ АСЭИ. Т. I. № 202.

⁸³ АСЭИ. Т. I. № 294.

⁸² *Кашианов С. М.* Очерки. С. 381.

⁸⁴ Там же. № 296.

№ 21.

⁸⁵ Там же. № 297.

⁸⁶ Так в двух грамотах (Там же. № 294, 297), в одной грамоте — явка (Там же. № 296).

⁸⁷ Цит. по: АСЭИ. Т. I. № 297. С. 211.

⁸⁸ Там же. № 318.

⁸⁹ Там же. № 245. С. 173 (грамота Василия II 1453 г.); *Кашианов С. М.* Очерки. С. 397. № 31 (грамота Ивана III 1481 г.).

⁹⁰ АСЭИ. Т. I. № 41 (грамота Василия I ранее 1425 г.), 530 (грамота Ивана III 1486 г.).

⁹¹ Там же. № 377 (грамота волоцкого князя Бориса Васильевича 1467—70-х годов).

⁹² Там же. № 533 (грамота углицкого князя Андрея Васильевича 1487 г.).

⁹³ Там же. № 292 (грамота дмитровского князя Юрия Васильевича 1461—1466 гг.).

⁹⁴ Там же. № 295, 303, 352, 358, 505 (с оговоркой: «опрочь церковные пошлыны»), 552; *Кашианов С. М.* Очерки. С. 385, 403, 408—409. № 24, 36, 39.

⁹⁵ *Кашианов С. М.* Очерки. С. 380. № 20.

Особый состав таможенных элементов в жалованных грамотах Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю. В первой из них, около 1450 г.⁹⁶, содержится восемь пунктов: 1) гостиное, 2) никоторых пошлин, 3) подоральное, 4) подзорное, 5) описчее, 6) подъездное, 7) побережное, 8) померное⁹⁷. Во второй грамоте, примерно 1474/75 г.⁹⁸, на один элемент меньше: 1) никоторых пошлин, 2) гостиное, 3) поральное, 4) подъездное, 5) подзорное, 6) описчее, 7) померное⁹⁹ (нет побережного).

Нужно отметить формулярную близость между второй грамотой Новгорода Троице-Сергиеву монастырю и грамотой Ивана III Кирилло-Белозерскому монастырю 1480 г.¹⁰⁰ В этих грамотах одинаковый перечень пошлин, что невозможно объяснить, не допуская факта существования жалованной грамоты Новгорода Кирилло-Белозерскому монастырю, лежавшей в основе грамоты Ивана III. Такой же список пошлин в жалованной проезжей грамоте Ивана IV от 5 февраля 1534 г. Спасо-Прилуцкому монастырю¹⁰¹. По составу пошлин и по другим особенностям формуляра грамота 1534 г. ближе всего стоит к кирилловской грамоте 1480 г.:

Кирилловская грамота 1480 г.

«Коли их лодья поидет
в нашу отчину в
Двинскую землю с
их товаром,
и мой наместники
колмогорские, и емец-
кие, и орлецкие, и их
тиуни и все пош-
линники
с их лодьн с одное
пошлин не емлют
никоторых,
ни гостиного,
ни порального,
ни подъездного
ни подзорного,
ни описчего,
ни померного.
Также и зиме с их
възов
не емлют никоторых

Прилуцкая грамота 1534 г.

«Коли их насад поидет
в нашу отчину в
Двинскую землю с
их товаром,
и мой наместницы
колмогорские, и емец-
кие, и орлецкие, и их
тиуни и пош-
линники
с их насада с одного
пошлин не емлют
никоторых,
ни гостинного,
ни порального,
ни подъездного,
ни подзорного,
ни описчего,
ни померного.
Также и зиме с их
возов, на которых
из того насада товары
повезут,
пошлин никоторых

⁹⁶ Обоснование датировки см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 288—289; Он же. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. II. С. 96, 134, 135.

⁹⁷ АСЭИ. Т. I. № 220.

⁹⁸ Обоснование датировки см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 295—296; Он же. Актовые печати. Т. II. С. 131, 134, 135.

⁹⁹ АСЭИ. Т. I. № 453.

¹⁰⁰ Там же. Т. II. № 256.

¹⁰¹ ГБЛ. Ф. 711 (Собр. А. П. Гранкова). № 86/145. Л. 8. Список XIX в. Грамота упомянута: Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // ЗОР. М., 1982. Вып. 43. С. 89.

пошлин.

А ходити им одною
лодьею одна на
год.

А в ту лодью им
и на возы чюжого
товару, опроч мана-
стырского товару,
не класти.

А ватаманов
их, ни осначев на-
местници мои и
их тиуни не
судят ни в
чем,

опроч одного
душегубства.

А хто ся поимает
у их человека за полиц-
ное, и мои наместники
и их тиуни велят его
отдать на поруце, да
учинят им срок стати
передо мною, перед вели-
ким князем.

А людем наместни-
чим к их ватаману
на их лодью,
ни в козву¹⁰² не ходити
незванным»...

не емлют.

А ходити им
одним насадом одна на
год.

А в тот насад им и
на возы чюжого товару,
опроч манастирского
товару,
не класти.

А ватаманов их
и осначев намест-
ници мои и их
тиуни не судят
ни в чом,

опричь душегубства, и
разбоя, и татбы с
поличным.

А людем наместничим
к их ватаманам на их
лодью, ни в козу¹⁰³
незванным не ходити»...

Таким образом, за исключением расширения судебных полномо-
чий наместников, грамота 1534 г. не отличается от грамоты
1480 г. почти ничем. Возможно, в основе грамоты 1534 г. лежала
грамота Ивана III Спасо-Прилуцкому монастырю примерно того
же времени, что и кирилловская.

Отметим теперь взаимосвязь троицких и кирилловских проез-
жих грамот.

Грамота Юрия 1507 г. Троице-Сергиеву монастырю своими
наиболее специфическими пунктами (побережное, зорное, явле-
ное) напоминает проезжие грамоты Кирилло-Белозерскому мо-
настырю тверского великого князя Михаила Борисовича 1471—
1475 гг.¹⁰⁴ и великого князя Ивана Ивановича Молодого 1486 г.¹⁰⁵
Однако полностью возвести формуляр грамоты 1507 г. к ки-
рилловским грамотам 1471—1475 и 1486 гг. нельзя, поскольку

¹⁰² В АСЭИ вместо чтения «в козву», признаваемого опиской, предлагается чтение «к возу». Но ср. грамоту 1534 г.

¹⁰³ В Новгородской земле словом «кова» обозначались кол, пень, свая для при-
чалки судна, пал (Словарь русских народных говоров. Л., 1978. Вып. 14.
С. 23; ср.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка.
М., 1955. Т. II. С. 69, 70 — каба, кава). В грамотах 1480 и 1534 гг.,
скорее всего, и имеется в виду свая для причалки судна, а не «воз».

¹⁰⁴ АСЭИ. Т. II. № 203.

¹⁰⁵ Там же. № 271.

между ними нет совпадения первых элементов. Покажем соотношение формуляра грамоты 1507 г. с предшествующими:

Троицкая грамота 1507 г. (АРГ. № 33)	Кирилловская грамота 1471—1475 гг. (АСЭИ. Т. II. № 203)	Троицкая грамота 1461—1466 гг. (АСЭИ. Т. I. № 297)	Троицкая грамота 1447—1455 гг. (АСЭИ. Т. I. № 202)
1. мыт	1. мыт	1. мыт	1. мыт
	2. тамга	2. тамга	2. тамга
	3. восмничее		3. восмничее
2. костки	4. костки	3. костки	4. костки
3. тамга			
4. осмничее			
5. побережное	5. побережное	4. побережное	
6. ззорное	6. съзорное		
7. гостиное			
8. явленное	7. явленное	5. явленное	
9. мостовое	8. езовое		

Комбинация элементов 1—4 грамоты 1507 г. является гораздо более редкой, чем структура формуляра сопоставляемых с ней грамот. Такое сочетание первых четырех элементов имеется только в проезжей грамоте Василия II Кирилло-Белозерскому монастырю 1446—1447 гг.¹⁰⁶ Можно указать еще несколько грамот, где тот же порядок перечисления четырех указанных пошлин, хотя освобождения начинаются не с них, т. е. они не занимают первых мест в перечне платежей. Это две грамоты Василия II: на села Симонина монастыря (1445—1453 гг.)¹⁰⁷ и митрополита Ионы (1448—1461 гг.)¹⁰⁸ — и две грамоты Ивана III на вотчины монастырей: Кирилло-Белозерского (1471 г.)¹⁰⁹ и Троице-Сергиева (1481 г.)¹¹⁰. В кирилловской грамоте 1471 г. прямо сказано, что она выдается по грамоте Василия Васильевича. Возможно, и троицкая грамота 1481 г. была выдана на основании предыдущей грамоты Василия II. Формуляр, следовательно, был апробирован правительством Василия Темного, и создание его относится к концу 40-х — началу 50-х годов XV в.

Присматриваясь к грамоте Василия II Кирилло-Белозерскому монастырю 1446—1447 гг. и видя в ней ряд сходных черт с грамотой Юрия 1507 г. и с грамотой Михаила Борисовича 1471—1475 гг. (освобождение от побережного, явленного, ззорного), а также учитывая вероятность определенной синхронности выдачи Великим Новгородом проезжих грамот Троице-Сергиеву и Кирилло-Белозерскому монастырям, невольно задумываешься об утраченных звеньях в активном материале, реконструкция которых подсаживается логикой текстологического исследования.

Приведем перечень пошлин в грамоте 1446—1447 гг.: 1) мыт, 2) костки, 3) тамга, 4) восмничее, 5) гостиное, 6) весчее,

¹⁰⁶ Там же. № 96.

¹⁰⁷ Там же. № 345.

¹⁰⁸ АФЗХ. Ч. I. № 145.

¹⁰⁹ АСЭИ. Т. II. № 192.

¹¹⁰ Там же. Т. I. № 492.

7) побережное, 8) семежное, 9) явленное, 10) ззорное, 11) «ни иные некоторые пошлины, опрочь церковных пошлин». Грамота касалась проезда по всему великому княжению, в ней есть статья о несудимости в пути и суде великого князя в исковых делах. Таким образом, грамота, подобная этой, но выданная Троице-Сергиеву монастырю, по всем статьям могла служить протографом грамоты Юрия 1507 г. Однако имеющиеся различия грамот в расположении и составе пунктов, следующих после 4-го, заставляют предположить, что между грамотами Василия II и Юрия Ивановича должны были быть еще грамоты или грамота, где и осуществилась переработка формуляра. Отнести эту переработку к началу княжения Юрия Ивановича нельзя, ибо грамоты первых лет его правления носят сугубо подражательный характер, а переработка сделана в духе гораздо более раннего времени, чем то, когда выдавалась грамота Юрия.

Рассмотрим подробнее признаки, сближающие грамоту 1507 г. с кирилловской грамотой 1471—1475 гг. и разъединяющие ее с грамотой 1446—1447 гг. Во-первых, это определение состава едущих. В грамоте 1446—1447 гг. указаны чернец или белец, их люди монастырские и наймиты; в грамоте 1471—1475 гг. — игуменов купчина, его люди¹¹¹ и наймиты; в грамоте 1507 г. — купчина и его люди. Грамота 1507 г. следует, как видим, более поздней традиции, называя главу экспедиции «купчиной», а не чернцом или бельцом.

Во-вторых, в грамотах 1507 и 1471—1475 гг. одинаково отсутствуют попавшие в перечень 1446—1447 гг. весчие, семежное и оговорка «опрочь церковных пошлин». В-третьих, ззорное, наиболее специфический элемент этих грамот, в актах 1471—1475 и 1507 гг. упоминается после побережного и до явленного, в то время как в грамоте 1446—1447 гг. явленное предшествует ззорному.

«Ззорное» или «съзорное» — термин крайне редкий. Кроме рассматриваемых проезжих грамот 1446—1447, 1471—1475, 1486 и 1507 гг., он встречается еще в трех жалованных грамотах XV в. Кирилло-Белозерскому монастырю: верейско-белозерского князя Михаила Андреевича 1448—1470 гг. на проезд монастырской экспедиции по всей его «вотчине»¹¹², вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого 1467¹¹³ и 1471 гг.¹¹⁴ на дворы и торговлю в г. Вологде. В первой из этих грамот «явка» (вместо «явленного») фигурирует в начале перечня пошлин, а «съзорное» — в середине, после «побережного»; в двух вологодских грамотах «зъзорное» стоит после «явленного». Другими словами, все три грамоты находят место для сзорного, идя в русле ранней формулярной традиции, запечатленной в грамоте 1446—1447 гг.

¹¹¹ В публикации подлинника «людеи» (Там же, Т. II. № 203. С. 132). Может быть, вернее чтение «людее»?

¹¹² Там же. № 133.

¹¹³ Там же. № 180.

¹¹⁴ Там же. № 200.

С этой грамотой их сближают и другие моменты — освобождение от весчего во всех трех актах и гостиного в двух ранних, предоставление несудимости в пути и права подсудности в исковых делах самому князю в грамоте 1448—1470 гг.

Обобщая наблюдения о месте сзорного в перечне пошлин, можно сказать, что начало 70-х годов XV в. является тем рубежом, до которого действует старая формулярная традиция, связанная с грамотой 1446—1447 гг., а в 1471—1475 гг. возникает несколько иной формуляр, сохранивший силу и позже (1507 г.).

Термин «сзорное» есть, вероятно, северо-восточный вариант новгородского термина «подзорное», который употребляется в грамотах Великого Новгорода Троице-Сергиеву монастырю 1450 и 1474/75 гг. и в основанных на таком же формуляре грамоте Ивана III 1480 г. Кирилло-Белозерскому монастырю и грамоте Ивана IV 1534 г. Спасо-Прилуцкому монастырю. Применение термина «сзорное» свидетельствует о существовании связи между княжескими грамотами и новгородскими. Трудно себе представить, чтобы неновгородский монастырь, получая проезжую грамоту от Новгорода, мог удовлетвориться только ею. Ведь для осуществления выгодной поездки в Новгородскую землю ему нужно было беспешинно проследовать через владения великих и удельных князей. Получение новгородской грамоты неизбежно вызывало у монастырей стремление приобрести княжеские грамоты на другие части маршрута. Наличие в княжеских грамотах такого чуждого им элемента, как «сзорное», позволяет думать, что именно с получения новгородской грамоты начиналась выдача монастырю серии грамот на поездку в Новгородскую землю: новгородские проезжие грамоты влияли на формуляр княжеских, а не наоборот, хотя это не исключало возможности обратного влияния княжеских грамот на существо новых пожалований со стороны Новгорода.

Княжеские грамоты никогда не ссылаются на новгородские и только в двух известных нам случаях указывают Новгород как цель поездки. В одной из грамот дмитровского князя Юрия Васильевича очерчен маршрут троицкой экспедиции: Москва — Новгород и обратно¹¹⁵. В грамоте тверского великого князя Михаила Борисовича Троице-Сергиеву монастырю 1461—1466 гг. говорится: «к Новгороду или из Новгорода»¹¹⁶. В других случаях признаком дальнего маршрута является лишь указание о проезде монастырской экспедиции через («сквозе») всю вотчину князя-жалователя.

Имеется противоречие в определении состава транспорта двумя только что упомянутыми грамотами — Юрия Васильевича Дмитровского (300 возов) и Михаила Борисовича Тверского (100 возов). Мы склоняемся к выводу о большем соответствии дмитровской нормы норме новгородской грамоты 1450 г., а тверской — норме новгородской грамоты 1474/75 г. Датировка дмит-

¹¹⁵ Там же. Т. I. № 292.

¹¹⁶ Там же. № 297.

ровской грамоты в I томе АСЭИ исходит из предположения, что Юрий Васильевич «был дмитровским князем уже в 1461 г., а м. б. и несколько раньше»¹¹⁷. Однако Юрий Васильевич получил в удел Дмитров намного раньше 1461 г. — его первые жалованные грамоты на монастырские владения в г. Дмитрове¹¹⁸ и Дмитровском уезде¹¹⁹ относятся к 1455 г. По мнению В. Д. Назарова, проезжую грамоту Юрия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю «надо датировать 1456, или же 1460 г.» (по участию Юрия в походах на Новгород в 1456 и 1460 гг.)¹²⁰. Что касается грамоты Михаила Борисовича, то она действительно не могла появиться раньше 15 февраля 1461 г., когда малолетний Михаил вступил на тверской престол после смерти своего отца, Бориса Александровича (10 февраля 1461 г.)¹²¹.

Обе грамоты были выданы в период игуменства Вассиана (с сентября 1454 г.¹²² по 1466 г.¹²³). Эти общие хронологические рамки формально приложимы к дмитровской грамоте, поскольку княжение Юрия Васильевича началось, возможно, с конца 1454 г.¹²⁴ и кончилось 12 сентября 1472 г.¹²⁵ Дата тверской грамоты должна выглядеть как в АСЭИ: 1461—1466 гг.

Грамоту Юрия Васильевича связывает с грамотой Юрия Ивановича 1507 г. упоминание мостового. Эта весьма редкая пошлина фигурирует еще в грамоте Ивана III 1463 г. на митрополичьи села Переславского уезда¹²⁶ и в двух гораздо более поздних грамотах — Ивана IV 1564 г.¹²⁷ Грамота 1463 г. была выдана по грамоте Василия II, которой, если верить преамбуле, предшествовали грамоты Дмитрия Донского и Василия I. Следовательно, предполагая, что в основе грамоты 1507 г. лежал формуляр несохранившейся грамоты Василия II, мы вправе допустить заимствование Юрием Васильевичем освобождения от мостового из грамоты его отца.

Не исключена и другая вероятность: поскольку в грамоте Василия II 1446—1447 гг. Кирилло-Белозерскому монастырю мостовое отсутствует, его появление в грамоте 1507 г. может объясняться включением мостового из грамоты Юрия Васильевича в какую-то более позднюю грамоту, с которой списывалась грамота 1507 г.

В грамоте Михаила Борисовича Кирилло-Белозерскому монастырю 1471—1475 гг. на месте мостового упоминается ездовое.

¹¹⁷ Там же. Ср. с. 208, примеч. к № 292.

¹¹⁸ Там же. Т. II. № 163.

¹¹⁹ Голубцов И. А., Назаров В. Д. С. 81. № 2.

¹²⁰ Назаров В. Д. Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России, XII — начало XX в. М., 1975. С. 59, примеч. 76. ПСРЛ. Т. 15. Стб. 496.

¹²¹ Каштанов С. М. Очерки. С. 369—370, примеч. к № 15.

¹²² АСЭИ. Т. I. С. 764.

¹²³ Назаров В. Д. Указ. соч. С. 58.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 298.

¹²⁵ АФЗХ. Ч. I. № 123.

¹²⁶ Там же. Ч. III. Дополнения. № 1, 2. С. 359, 361.

В грамоте Василия II 1446—1447 гг. эта пошлина, как и мостовое, не указана.

В порядке обобщения заметим, что политика централизации финансов в начале XVI в. проводилась наиболее последовательно на территории великого княжения. Возникновение новых уделов, естественно, ослабило эту централизацию, хотя «выход» с уделов превратился, по-видимому, в постоянный налог. Удельные князья, так же как и великие, не давали своим вассалам полного освобождения от налогов.

Вместе с тем в уделах возрождались и некоторые традиции XV в., способствовавшие, в частности, расширению таможенного иммунитета монастырей.

ЭВОЛЮЦИЯ НАЛОГОВ, ПОВИННОСТЕЙ И ПОШЛИН

Система централизованного тягла, складывавшаяся в конце XV — начале XVI в., сталкивалась с финансовой изолированностью феодальных владений, и это противоречие разрешалось за счет ограничения их иммунитета. Выше отмечалось, что правительство Василия III до 1513 г. (включительно) очень последовательно проводило принципы ограничительной политики, заложенные в 90-х годах XV в. Иваном III. Позднее, однако, стали выдаваться льготные и тарханные грамоты, содержавшие временное или постоянное освобождение от налогов. Конечно, выдавались они не повсеместно, а скорее в порядке исключения из правила, что было вызвано особыми политическими причинами, но тем не менее органические принципы частично уступили место практике компромиссов¹.

Грамоты Василия III отражают эту противоречивость финансовой системы и финансовой политики укрепляющегося единого государства. Борьба с налоговыми привилегиями шла успешнее на землях, входивших до приобретения их феодалами в состав черных или дворцовых волостей. Так, давая в 1525 г. Троицкому Данилову монастырю сельцо Будовское Старое, Василий III освободил монастырских крестьян от общей с черными людьми раскладки тягла только на три года: «их людем к сотским и к десятским с тяглыми людьми не тянуть ни в какие проторы, ни в розметы, ни иные им никоторые пошлыны не надобе на три годы, ни сен моих не косят, ни коня моего не кормят. А как отсидят три годы, и они потянут с тяглыми людьми повытно». Даже запрещение посторонним лицам рубить монастырский лес было действительно «на три ж годы»². В грамоте ярко запечатлено стремление правительства лишить феодальные вотчины их административной и финансовой замкнутости, превратить крестьян имунистов в таких же плательщиков государственных налогов, какими являлись черные и дворцовые крестьяне.

В этом отношении интересна также льготная грамота 1523 г. Спасо-Евфимьеву монастырю, в которой предписывалось по истечении урочных лет «тянуть» не только в основные повинности, но и в более мелкие пошлыны: «они потянут в мою дань, и в ям,

¹ Подробнее см.: Каштанов С. М. История. С. 239—274.

² Добрянков В. Г. № 1. С. 16—17 (ХП-1. № 225).

и в портное, и в туковое, и в посошную службу, и в наместничьи, и в волостелины кормы, и в городовое дело, и [во] все пошлыны по старине»³.

Как показывает даниловская грамота 1525 г., свободно распоряжаться монастырским тяглом великий князь позволяет себе в отношении земель, приобретенных по его специальному разрешению, владение которыми не было освящено стариной. При определении основных финансовых прерогатив феодалов «старина» все еще играла большую роль. Показательно, в частности, решение вопроса об обложении сенных покосов Спасо-Прилуцкого монастыря в упоминавшейся выше (см. гл. II) указной грамоте Василия III 1521 г. вологодскому городовому приказчику. Часть пожен была старинная, поэтому она даже не попала в писцовые книги. С этих старинных покосов великий князь запрещал брать оброк: «ты б в те у них покосы вступатися у них не велел никому». Новые же покосы подлежали обложению, но «опроче» от черных тяглецов. «...ты б... оброк имал с тех хрестьян, которых писал покосы Юшко Юматов, опроче, а з городцкими и с волостными бы еси не смешивал»⁴.

Судя по наличию в целом ряде жалованных грамот Василия III (начиная с 1511 г.) формулы об освобождении от «проторов» и «розметов», надо полагать, что правительство было вынуждено проводить в жизнь принцип уплаты податей феодалами-иммунистами «опроче» от черных людей, хотя оно иногда и пыталось нарушить этот принцип.

Сохраняя в целом финансовую изолированность феодальных владений, правительство не допускало, чтобы часть тягла, которую по новым постановлениям были обязаны платить монастырские крестьяне, перекладывалась по традиции на черных тяглецов. Интересно в этом отношении содержание указной грамоты Василия III 1516 г. устюжскому наместнику князю И. И. Холмскому и тиуну великой княгини Семену Левашеву⁵. В грамоте сообщалось, что великому князю «бил... челом устюжанин Митя Бунков ото всех станов устюжских» и жаловался на наместника за неправильный сбор наместничьих доходов. Наместник, говорилась в челобитной, нарушил жалованную грамоту «богородскому» (т. е. собора Успения Богородицы) протопопу, освобождавшую его деревни от наместничьего корма, подымного и других пошлын в пользу чинов наместничьего управления. «Порудив» грамоту протопопу, наместник стал взимать пошлыны не с вотчин протопопа, а с черных тяглецов: «...вы деи с тех деревень кормы и поддымное (так в публ.— С. К.) и все свои пошлыны емлете на станových людех». В поведении князя Холмского ярко проявился традиционный взгляд на финансовую обособленность вотчин духовных корпораций как на комплекс исконных феодальных прав.

³ ЦГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. I. Кн. I. Л. 415 (ХП-I. № 118).

⁴ ЛОИИ СССР. Собр. Головина. № 48 (ХП-I. № 172).

⁵ Румовский Н. С. 66—67 (ХП-I. № 141).

Предписание князю Холмскому, сформулированное в великокняжеской указной грамоте, ставило решение вопроса в зависимость от формально-юридического момента — наличия или отсутствия жалованной грамоты. В первом случае наместник не должен был собирать пошлины со станových людей, во втором — кормы и подымное надлежало взимать с владений протопопа.

Если с 1511 г. правительство Василия III включало в жалованные грамоты освобождение от «проторов» и «розметов», то с 1514 г. появляются льготные, а с 1515 г. тарханские грамоты, которые предоставляли свободу и от основных налогов (льготные — на время, тарханские — постоянно). Еще ранее, в 1507 г., была выдана одна тарханно-оборочная грамота (Троицкому Белопесоцкому монастырю), где освобождение от податей давалось при условии внесения оброка в великокняжескую казну.

Льготные и тарханские грамоты обычно начинаются с освобождения от дани и ямских денег. Употребление термина «дань» в архаичной формуле «не надобе им моя... дань, ни ям...» (и т. д.) еще нельзя считать достаточным основанием для заключения, что дань в начале XVI в. оставалась главным государственным налогом. Жалованные грамоты Василия III Троицкому Белопесоцкому монастырю 1507 и 1515 гг. содержат в постановлении, освобождающем от податей, только три пункта: «...не надобе моя великого князя дань (1), ни поворотное (2), ни иные некоторые пошлины (3)»⁶. Встает вопрос, означало ли освобождение от дани освобождение одновременно и от ямских денег, посошной службы и других главных налогов.

Сравнивая грамоты Василия III 1507 и 1515 гг. с грамотой Мухаммед-Эмина 1498 г. тому же монастырю⁷, в них можно увидеть совпадение первых двух пунктов. В грамоте Мухаммед-Эмина за освобождением от поворотного следует освобождение еще от ряда пошлин и повинностей, таких, однако, которые не могли покрываться понятием «дань» (тамга, померное, убрусное, имание подвод на ям и т. п.). Это позволяет сделать вывод, что в грамоте Мухаммед-Эмина и, возможно, в грамотах Василия III 1507 и 1515 гг. под данью подразумевался вполне конкретный налог. Во всяком случае, более щедрые грамоты Белопесоцкому монастырю 1522 и 1547—1548 гг. дают подробный перечень налогов, взимание которых отменялось⁸.

Существование дани в качестве особого налога в Каширском уезде, время от времени становившемся уделом татарских царевичей, не исключено.

Двойственный характер термина «дань» получил отражение в истории текста ограничительной формулы, требовавшей исполнения повинностей, в жалованной грамоте 1517 г. Троице-Сергиеву монастырю на с. Федоровское, варницы и дворы в Нерехте Костромского уезда⁹. В сохранившемся подлиннике этой грамоты

⁶ АРГ. № 29, 118.

⁷ АСЭИ. Т. I. № 618.

⁸ Каштанов С. М. Очерки. С. 138—142.

⁹ АРГ. № 146.

читаем: «...не надобе тем их людем моа великого князя дань, ни иные никоторые пошлыны, оприч ямских денег и посошные службы». Однако еще С. Б. Веселовский, готовя грамоту к печати, отметил, что слова «оприч ямских денег» написаны почерком XVII в. на клочке бумаги и подклеены на вырванном в подлиннике месте. Подклейка, видимо, поздняя, так как это чтение совпадает с тем, которое содержится в копийных книгах 80-х годов XVII в. (№ 556 и 557), и расходится с более ранними — в кн. 519 (начала 80-х годов XVI в.) и 527—528 (первой половины XVII в.).

Впрочем, и ранние книги расходятся между собой. В кн. 519 ограничительный оборот выглядит так: «оприч яму и городского дела, и посошные службы»¹⁰; в кн. 528: «опроче дани и ямских денег, и посошные службы»¹¹; так же в книгах 527¹² и 529¹³ (последняя хотя и 80-х годов XVII в., но строго следует своему протографу — кн. 527, а не современным ей иным спискам).

Выражение «оприч яму» (а не «ямских денег») содержится в грамотах Василия III 1507¹⁴, 1514 гг.¹⁵ и в грамоте волоцкого князя Федора Борисовича 1505 г.¹⁶ Из них грамота 1507 г. дает ту же формулу ограничения, что и грамота Троице-Сергиеву монастырю 1517 г. на костромские владения по списку кн. 519: «оприч яму и городского дела, и посошные службы». Эта формула употреблена затем в целой серии жалованных грамот Ивана IV 1534 г. Троице-Сергиеву монастырю — на городские дворы в Суздале и Костроме, слободку во Владимирском уезде, села и деревни в Юрьев-Польском, Пошехонском, Московском, Переславль-Залесском, Ростовском и Бежецком уездах¹⁷. Некоторые из них сохранились в подлиннике. Следовательно, текстологически наиболее вероятна для подлинника нерехотской грамоты 1517 г. редакция кн. 519. С этим согласуется то, что данное чтение фактически наиболее раннее (в подлиннике — вставка XVII в.), а набор ограничений наиболее полный. Монастырь никогда не был заинтересован в искажении текста оригинала в плане увеличения числа ограничений, так как это ущемляло его насущные интересы. Тем более маловероятно, чтобы такая невыгодная для монастыря фальсификация могла иметь место в начале 80-х годов XVI в. (время создания копийной книги), накануне собора об отмене монастырских тарханов.

Редакция книг 527—529 дает, значит, фальсифицированный текст, где вместо «яму и городского дела» поставлено «дани и ямских денег» — 16 букв вместо 18, но разница в смысле огромная. Принуждение к выполнению весьма обременительной и самой общеобязательной повинности — городского дела — из ограничения выпущено. Когда впервые возникло это фальсифицированное чтение: в XVII в., при создании копийных книг № 528 и 527, или раньше? Не исключено, что в основе редакции книг 527—529

¹⁰ ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 58.

¹¹ Там же. Тр. кн. 528. Л. 294 об.

¹² Там же. Тр. кн. 527. Л. 185.

¹³ Там же. Тр. кн. 529. Л. 224.

¹⁴ АСЭИ. Т. III. № 26. С. 47. Ст. 3.

¹⁵ ЦГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Кн. 1. Л. 415.

¹⁶ АФЗХ. Ч. II. № 34.

¹⁷ Каштанов С. М. Очерки. С. 75—76.

лежал фальсифицированный еще в XVI в. (но, видимо, позже 80-х годов) монастырский список. Так или иначе, появление этой фальшивки показывает, что «дань» в XVI—XVII вв. была гораздо менее определенным понятием, чем городовое дело. Очевидно, формальное принуждение к уплате дани слабее затрагивало монастырские интересы, чем обязанность выполнять городовое дело.

В фальсификации не сходились концы с концами, так как освобождение от дани тут же отменялось ограничительной формулой «опроче дани...». В конце XVII в. противоречивость редакции книг 527—529 была снята изъятием слова «дани» из ограничительного оборота, но при этом остались два других элемента фальсификации: «ямских денег» вместо «яма» и отсутствие указания на городовое дело. Отсюда видно, что фальсификатор (интерполятор) конца XVII в. исходил из текста книг 527—529, лишь «улучшая» его в плане ликвидации логических несообразностей и дальнейшего уменьшения списка ограничений.

Фальсифицированность ограничительной формулы в книгах 527—529 в тексте нерехотской грамоты 1517 г. заставляет задуматься о том, не сокращен ли сравнительно с оригиналом перечень ограничений и в переславской грамоте 1517 г., не сохранившейся в подлиннике и списках ранее кн. 528. В этой грамоте Троице-Сергиеву монастырю на села в Переславль-Залесском уезде, варницы и дворы у Соли Переславской ограничительная формула помещена в другом контексте, но близко к нерехотской по существу: «оприч яму и посошные службы»¹⁸. Может быть, и тут полное ограничение включало принуждение к выполнению городского дела?

Если учесть, что грамота 1507 г. касалась дворов в Переславле-Залесском, а среди грамот 1534 г. наиболее ранними являются относящиеся к дворам в Суздале и Костроме, к слободке во Владимире и к московским селам, то нельзя не обратить внимания на устойчивый характер однотипного ограничения финансовых привилегий различных корпораций в районах восточного Замосковья, и прежде всего Переславля и Костромы.

Обе грамоты 1517 г. не содержали в ограничительной формуле принуждения к уплате дани наряду с другими основными налогами. Значит, либо термин «дань» носил обобщающий характер, либо конкретный налог «дань», отличный от ямских денег и т. д., не имел для правительства первостепенного значения.

В грамотах Василия III мы не раз встречаемся с употреблением понятия «дань» в обобщающем смысле. В грамоте 1523 г. Покровскому Углицкому монастырю в числе главных повинностей названы ямские деньги, посошная служба и городовое дело: «не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, опричь посошные службы и городского дела и ямских денег». Формула об уплате податей по

¹⁸ АРГ. № 147. С. 143.

¹⁹ ЦГИА СССР. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 3. № 1916. Л. 381 об. В публикации эта формула искажена: «коли посошные будут, с городского дела и ямских денег» (Ярославские губернские ведомости. 1855. Ч. неофициальная. № 47. С. 426). XII-1. № 200; Каштанов С. М. Очерки. С. 78, примеч. 107.

истечении урочных лет, носящая более арханческий характер, оперирует только термином «дань»: «А как те урочные лета три годы отсидят, и им моя... дань и иные всякие пошлыны платити по срокам». Недатированная грамота Василия III Путивльскому Спасо-Преображенскому монастырю, дошедшая в пересказе грамоты Ивана IV 1551 г.²⁰, отличает «дань» от «тягла»: «никоторого нашего тягла, ни дани». «Дань» могла противопоставляться «тяглу» как комплекс основных земельных податей (ямских денег, примета и др.) всяким земским «проторам» и «розметам».

В большинстве льготных и тарханных грамот первой половины XVI в. вслед за освобождением от дани идет освобождение от ямских денег.

Впервые термин «ямские деньги» вместо традиционного «ям» употреблен в жалованных грамотах 1500 г. волоцкого удельного князя Иосифо-Волоколамскому монастырю на половину слободки во Ржеве²¹ и дворовое место в г. Волоколамске²². Появление нового названия налога в грамотах, относящихся к городским владениям феодалов, возможно, связано с тем, что города раньше сел и деревень переходили к уплате податей деньгами. Наиболее ранние случаи применения термина «ямские деньги» в актах, выданных великокняжеским правительством, запечатлены в трех грамотах Василия III — льготной Спасо-Евфимьеву монастырю 1514 г.²³ и двух тарханных Иосифо-Волоколамскому монастырю 1515 г.²⁴ Эти грамоты касались не только слободки²⁵, но и сельских вотчин монастырей. П. Н. Милюков, знавший одну из грамот 1500 г., упоминающих ямские деньги²⁶, но не знавший грамот 1514—1515 гг., считал, что после 1500 г. «ямские деньги» встречаются «не ранее 1518 г.»²⁷.

С 1514 г. выражение «ямские деньги» прочно вошло в формуляр тарханных и льготных грамот Василия III и Ивана IV²⁸. Однако в некоторых великокняжеских жалованных грамотах в этом пункте формуляра вместо выражения «ямские деньги» используется термин «ям». Таковы грамоты монастырям Бежецкому Краснохолмскому 1522/23 г. (в передаче грамоты первой половины XVII в.)²⁹, Спасо-Евфимьеву 1523 г. на села и деревни в Суздальском и Нижегородском уездах³⁰, Корнилиеву Комельскому 1531 г. на деревни, починки и займища в Вологодском уезде³¹, Нерехот-

²⁰ ХП-I. № 657.

²¹ АФЗХ. Ч. II. № 25.

²² Там же. № 26.

²³ ЦГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Кн. 1. Л. 415.

²⁷ Милюков П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 23 и примеч. 2.

²⁸ Каштанов С. М. Отражение. С. 256; Он же. Очерки. С. 86 и след.

²⁹ Жизневский А. К. Древний архив Красно-Холмского Николаевского Антоньева монастыря // Древности: Тр. Московск. Археологич. об-ва. М., 1880. Т. VIII. С. 61. (ХП-I. № 199).

³⁰ ЦГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Кн. 1. Л. 416 (ХП-I. № 206).

³¹ ГПБ. Собр. актов и грамот. № 1—102 (ХП-I. № 277).

²⁴ АФЗХ. Ч. II. № 62, 63.

²⁵ Там же. № 63.

²⁶ ААЭ. Т. I. № 136 (АФЗХ. Ч. II. № 26).

скому на Сыпаном городище 1534 г. на деревни и пустоши в волости Нерехте Костромского уезда (в передаче грамоты 1614 г.)³², Иосифо-Волоколамскому 1534 г. на сельские вотчины Дмитровского и Рузского уездов³³, Кирилло-Белозерскому 1534 г. на села Дмитровского уезда³⁴. Симонову 1536 г. на села и деревни в Дмитровском³⁵ и Рузском³⁶ уездах, Никольскому Песношскому 1547 г. на вотчины в Дмитровском и Кашинском уездах³⁷, Тверскому Отмицкому 1547 г. на владения в Тверском и Старицком уездах³⁸, Троице-Сергиеву 1547—1548 гг. на село в Новоторжском уезде³⁹ и дворы во Владимире⁴⁰ и Балахне⁴¹, Глушицкому 1548 г. на деревни и починки в Вологодском уезде⁴², Корнилевой Новой пустыни 1548 г. на деревни и починки в Костромском уезде⁴³.

Употребление термина «ям» в грамотах, относящихся к Дмитровскому, Рузскому и Кашинскому уездам, объясняется, скорее всего, влиянием предшествующих грамот на те же объекты, выданных от лица удельного князя Юрия Ивановича Дмитровского.

Остальные уезды объединяются в четыре группы: 1) Вологда — Кострома; 2) Суздаль — Владимир — Нижний Новгород — Балахна; 3) Бежецкий Верх; 4) Торжок — Тверь — Старица. Видимо, и тут дело сводилось в основном к устойчивости некоторых формулярных традиций⁴⁴.

Сочетание «ни ямские деньги, ни ям, ни подводы» содержится в трех известных нам грамотах: Василия III 1526 г. Троицкому Данилову монастырю на д. Будовское Новое в Переславль-Залеском уезде⁴⁵ и Ивана IV Троицкому Белопесоцкому монастырю от 9 мая 1547 г.⁴⁶ и от 15 февраля 1548 г.⁴⁷ на владения в Коломенском, Каширском и Тульском уездах. Из текста упоминавшейся льготной грамоты 1514 г. Спасо-Евфимьеву монастырю можно сделать вывод относительно обособленности «яма» от «ямских денег»: наряду с формулой «ни ямские деньги» здесь есть оговорка

³² ЦГАДА. ГКЭ. По Костроме № 613/5160; ГБЛ. Тр. книги 527—529. № 480 (ХП-III. № 1—116).

³³ АФЗХ. Ч. II. № 130, 131, 133—135.

³⁴ ГПБ. Собр. СПб. Д/А, № А1/17. Л. 907 об. (ХП-III. № 1—177).

³⁵ АФЗХ. Ч. IV. № 54 (ХП-1. № 351).

³⁶ АФЗХ. Ч. IV. № 55 (ХП-1. № 350).

³⁷ Калайдович К. Ф. С. 110—122. № III, IV (ХП-1. № 543, 551).

³⁸ Тверские губернские ведомости. 1854. Ч. неофициальная. № 50. С. 153—154. Гр. 4 (ХП-III. № 1—270).

³⁹ ЦГАДА. ГКЭ. По Торжку № 4/12046 (ХП-1. № 562).

⁴⁰ ЦГАДА. ГКЭ. По Владимиру № 24/1801 (ХП-1. № 565).

⁴¹ ЛОИИ СССР. Собр. Головина. № 63 (ХП-1. № 571).

⁴² ГПБ. Собр. актов и грамот. № 1—131; Амвросий. Ч. III. С. 714—723 (ХП-1. № 583).

⁴³ ХП-1. № 584.

⁴⁴ Каштанов С. М. Очерки. С. 57—68, 79—80, 126, 129, 144—147.

⁴⁵ Добронравов В. Г. С. 18; ЦГАДА. ГКЭ. По Переславлю-Залескому № 68/78792 (ХП-1. № 243).

⁴⁶ ГБЛ. Тр. кн. 535. Л. 628—629 об. № 128 (ХП-III. № 1—271).

⁴⁷ ЦГАДА. ГКЭ. По Кашире № 10/5772 (ХП-1. № 573).

«опричь яму» в пункте, освобождающем в общей форме от всех пошлин.

Однако не столь однозначно выражение «опричь яму...» в других ограничительных формулах, о которых речь шла выше и где «ям» ставится в один ряд с посошной службой и городовым делом. Употребление термина «яму», а не «ямских денег» после слова «опричь» понятно: это словосочетание сложилось в XV в., когда возникла формула «опричь яму татарского» (см. гл. I). Стилистическая устойчивость выражения «опричь яму» объясняет его применение уже после того, как утвердилось понятие «ямские деньги». Ограничительная формула «опричь яму» (чаще всего с продолжением) встречается в грамотах на феодальные владения в уездах Бежецкого Верха (подтвердительная подпись 1507 г. к грамоте 1462—1463 гг.⁴⁸ и грамота 1534 г.), Переславля-Залесского (1507, 1517 и 1534 гг.), Костромы (1514, 1517, 1534 гг.), Суздаля (1514, 1534 гг.), Нижнего Новгорода (1514 г.), Владимира, Ростова, Юрьева-Польского, Пошехонья и Москвы⁴⁹.

Интересно, что грамота, выданная в 1505 г. в Волоцком уделе, где уже в 1500 г. появилось понятие «ямские деньги», пользуется в ограничительной формуле термином «ям»: «...ни подводы, опроче яму...»⁵⁰.

В ограничительное постановление, начинающееся со слова «опричь», термин «ямские деньги» был впервые включен в 1523 г. в грамоте Василия III Покровскому Углицкому монастырю на село с деревнями Углицкого уезда: «опричь посошные службы и городского дела и ямских денег» (см. выше). Заметим, что выражение «ямских денег» не прямо сочетается здесь с предлогом «опричь», а через опосредствующие слова «посошные службы и городского дела».

Сочетание «опричь» с термином «служба» восходит к более ранним грамотам на земли соседнего с Угличем Ярославского края — 1463—1478 гг., где говорится: «опроче великого князя службы и яму»⁵¹; 1511 г.: «опричь посошные службы и пищального наряду, и городского дела»⁵².

Таким образом, впервые слово «яму» заменяется новым термином в ограничительной формуле, не базирующейся на словосочетании «опричь яму», а ставящей «ям» в стилистически более независимое положение по отношению к «опричь». Это показывает, с каким трудом разрывались оковы устоявшихся формул. Новые термины проникали в старые обороты в местах наименее жесткой стилистической связи звеньев устойчивой формулы.

Следующий случай включения «ямских денег» в ограничительное постановление наблюдается в жалованной грамоте Симонову монастырю 1535 г. на сельские вотчины в Галицком и Костромском уездах и варницы у Соли Галицкой: «оприч ямских денег и примету,

⁴⁸ АСЭИ. Т. II. № 364. С. 359.

⁴⁹ Каштанов С. М. Очерки. С. 76—79.

⁵⁰ АФЗХ. Ч. II. № 34.

⁵¹ АСЭИ. Т. III. 201.

⁵² Вахрамеев И. А. С. 5—6. № IV.

и посошные службы, и городского дела»⁵³. К этому времени почва была уже больше подготовлена для замены старого термина новым, но разрыв привычного словосочетания «опричь яму» совершен здесь с помощью не одного, а двух новых элементов: «ямских денег и примету».

В грамоте 1546 г. Симонову монастырю на слободки в Костромском уезде ограничительное постановление основано на формуле 1535 г., из которой исключено упоминание примета: «опричь ямских денег и посошные службы, и городского дела»⁵⁴.

Несмотря на приведенные случаи употребления термина «ямские деньги» в ограничительном обороте, все же для первой половины XVI в. в целом характернее старая формула «опричь яму...». Правда, она не используется после 1534 г., вследствие чего правильнее, пожалуй, сказать, что в первой трети XVI в. господствует оборот «опричь яму...», который с середины 30-х годов изживается и вытесняется оборотом, где фигурируют «ямские деньги», а не «ям». До начала второй половины XVI в. этот новый оборот встречается редко. Перспективность его выяснилась только в 1551 г., когда при подписании на царское имя большого количества жалованных грамот старые привилегии подтверждались с ограничением: «опричь ямских денег и посошные службы и тамги — то им давати».

Вопрос о размерах и способах взимания основных прямых налогов в первой половине XVI в. относится к числу недостаточно изученных. Опираясь на исследование истории тарханских формуляров в целом, попробуем выяснить смысл отдельно взятых постановлений и расшифровать содержание упоминаемых в них налогов. Определенный цифровой материал дают нам тарханно-оброчные грамоты.

Первоначально остановимся на тех грамотах, которые определенно указывают размер оброка с сохи. В грамотах старицкого князя Андрея Ивановича — 1519 г. Чудову монастырю на села в Вышегородском уезде⁵⁵ и в «замосковской» волости Сельне⁵⁶, 1519—1537 гг. Ф. Б. Захарьину-Бороздину на село в Старицком уезде⁵⁷ — употреблялась формула «оброком... с сохи по рублю». Она повторялась в грамоте (или в двух грамотах?) Ивана IV Чудову монастырю 1537/38 г. на указанные объекты⁵⁸ и в трех

⁵³ ЦГАДА. ГКЭ. По Галичу № 19/3349; АФЗХ. Ч. IV. № 51. С. 55 (ХП-I. № 345).

⁵⁴ ЦГАДА. ГКЭ. По Костроме № 46/5013; АФЗХ. Ч. IV. № 83. С. 96 (ХП-I. № 519).

⁵⁵ ХП-III. № I—82. В грамоте 1564 г. изложен текст грамоты 1537/38 г. и затем указано, что в грамоте Андрея 7027 (1519 г.) «написано то ж...» (Кобрин В. Б. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // ЗОР. М., 1962. Вып. 25. С. 318—319).

⁵⁶ Тарханно-оброчная часть этой грамоты приведена в подтверждении от 1 мая 1566 г. к грамоте 1564 г. (Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 320).

⁵⁷ АФЗХ. Ч. II. № 115.

⁵⁸ ХП-III. № I—190. Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 318—319. В подтверждении от 1 мая 1566 г. к грамоте 1564 г. говорится, что в грамоте 1537/38 г. на владения

грамотах Ивана IV 1547 г.: одной — Отмицкому монастырю на вотчины в Старицком и Тверском уездах ⁵⁹ и двух — Песношскому монастырю (от 28 апреля и от 2 сентября) на владения в Дмитровском и Кашинском уездах ⁶⁰. Кроме того, ее находим в двух грамотах 1566 г. Владимира Андреевича Старицкого на земли в Дмитровском и Звенигородском уездах — Чудову ⁶¹ и Иосифо-Волоколамскому ⁶² монастырям.

В двух грамотах на села Дмитровского уезда — 1522 г. Юрия Ивановича Дмитровского митрополичьему дому ⁶³ и 1534 г. Ивана IV Кирилло-Белозерскому монастырю ⁶⁴ — говорится: «оброком ⁶⁵... с сохи по два рубля». Согласно грамоте 1532 г. Юрия Дмитровского Троице-Сергиеву монастырю, в с. Дмитриевском Звенигородского уезда пашни числилась соха, оброк же назначался в сумме 2 руб. ⁶⁶

Рассмотрим теперь грамоты, устанавливающие не посошный, а общий размер оброка. В некоторых из них наряду с суммой оброка указывается количество сошной пашни, что позволяет арифметически точно определить величину оброка с сохи.

В жалованной грамоте вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого, выданной Спасо-Прилуцкому монастырю, вероятно, в первой половине 70-х годов XV в. (около 1472—1475 гг.), ежегодный оброк «за... дань... и за все пошлыны» назначался в размере 5 руб. с пяти сох «бес четверти», т. е. с $4\frac{3}{4}$ сохи ⁶⁷. Это означает, что с сохи шло немногим больше рубля — $210\frac{1}{2}$ деньги, практически 1 руб. и полгривны.

Из двух грамот 1547 г. Песношскому монастырю (апрельской и сентябрьской) размер пашни указан в грамоте от 28 апреля, где названо:

1) число сох

$$(10\frac{1}{2} + \frac{1}{24} + \frac{1}{2223} + \frac{1}{2224});$$

2) общая сумма оброка (10 руб. 20 алтын с гривною); 3) величина оброка с 1 сохи (1 руб.). Из первых двух показателей явствует, что с $10\frac{67}{96}$ сохи взималось 10 руб. 140 денег (2140 денег), откуда с одной сохи — 200 денег, т. е. 1 руб. Общая сумма оброка в грамоте, таким образом, действительно основана на однорублевом

в Сельне «о данех и о всяких податех государев указ... написан таков же, как во княж Андрееве... грамоте» (Там же. С. 320).

⁵⁹ Тверские губернские ведомости. 1854. Ч. неофициальная. № 50. С. 153—154. Гр. 4 (ХП-III. № I—270).

⁶⁰ Калайдович К. Ф. С. 110—122. № III, IV (ХП-I. № 543, 551).

⁶¹ Кобрин В. Б. Указ. соч. С. 321—322.

⁶² АФЗХ. Ч. II. № 317. Здесь сказано «с сох», а не «с сохи», что, возможно, является ошибкой переписчика (грамота сохранилась в списке XVI в.).

⁶³ АФЗХ. Ч. I. № 92.

⁶⁴ ГПБ. Собр. СПб. Д/А. № А I/17. Л. 907 об. (ХП-III. № I—177).

⁶⁵ В грамоте Кирилло-Белозерскому монастырю «оброку», а не «оброком» (список XVII в.).

⁶⁶ ЦГАДА. ГКЭ. По Звенигороду № 9/4683 (ХП-I. № 283).

⁶⁷ Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // ЗОР. М., 1982. Вып. 43. С. 98. № 4.

окладе с сохи. Это позволяет с известным доверием отнестись к расчетам в других грамотах, где не указан посошный оклад.

В двух грамотах Владимира Андреевича Старицкого 1546 г., посвященных селам Симонова монастыря в Вышегородском уезде (указная от 11 ноября)⁶⁸ и в «замосковской» волости Раменейце (жалованная от 13 ноября)⁶⁹, указан одинаковый размер пашни ($\frac{1}{3}$ сохи) и одинаковый размер оброка (11 алтын и 1 деньга). В обоих случаях количество оброка с сохи должно было составить 201 деньгу.

В грамоте 1532 г. князя Юрия Ивановича Троице-Сергиеву монастырю на с. Новое Поречье Дмитровского уезда говорится, что в селе с деревнями «написано... пашни сошной соха с четвертью»; в освободительном разделе имеется статья: «ни оброчных денег дву рублей»⁷⁰. Следовательно, в Новом Поречье оброк взимался, видимо, из расчета 320 денег с сохи. Можно, однако, предполагать, что под «оброчными деньгами» подразумевался оклад с сохи.

Одна из грамот Иосифо-Волоколамскому монастырю от 28 января 1534 г. касается сел и деревень в Рузском и Дмитровском уездах⁷¹. В рузских владениях она указывает 2 $\frac{41}{48}$ сохи, оброк с которых установлен в размере 5 руб. 12 алтын и 3 деньги; отсюда — с сохи ≈ 376 денег. В дмитровском селе с деревнями пашни насчитывалось $\frac{35}{96}$ сохи, а оброк равнялся 20 алтын с гривною, т. е. 384 деньги с сохи.

Согласно грамоте 1536 г., в трех селах Симонова монастыря в Рузском уезде — Коринском, Кусакине и Васильевском-Неверове — пашни числилось «три сохи». Оброк с них назначался в следующих размерах: 1) «за дань и за ям, и за примет... по шти рублей»; 2) «...за посошной корм... по два рубля с четвертью»⁷². В грамоте 1502 г. на те же три села предписывалось давать «за дань и за все пошлыны оброком... по осми рублей»⁷³. Таким образом, общая сумма оброка, указанная в грамоте 1536 г. (8 $\frac{1}{4}$ руб.), на $\frac{1}{4}$ руб. превосходила размер оброка, установленный в грамоте 1502 г. О количестве пашни в грамоте 1502 г. не говорится. Допустим, что и в ней оброк назначался в расчете на 3 сохи. Не является ли для обеих грамот постоянной величиной 6 руб. — оброк за основные подати, кроме посошного корма? Если это так, то, значит, уже в грамоте 1502 г. за них требовалось платить оброком по 2 руб. с сохи. Из грамоты 1536 г. вывод о двухрублевом посошном окладе оброка за дань, ям и примет вытекает с полной определенностью. Тогда надо констатировать увеличение общего (со всех

⁶⁸ ГИМ. Сим. кн. 58. По Москве № 52. Л. 206—206 об. (ХП-I. № 521; Зимин А. А. Новые документы. С. 348. № 6; АФЗХ. Ч. IV. № 84).

⁶⁹ ГИМ. Сим. кн. 58. По Москве № 4. Л. 106—108 (ХП-I. № 522; АФЗХ. Ч. IV. № 85).

⁷⁰ Дьяконов М. А. АТН. Вып. II. С. 5. № 6.

⁷¹ АФЗХ. Ч. II. № 133.

⁷² ГПБ. Собр. актов и грамот. № I—117 (ХП-I. № 350; АФЗХ. Ч. IV. № 55).

⁷³ АСЭИ. Т. II. № 426.

Таблица 1

Размеры оброка с сохи по тарханно-оброчным грамотам XVI в.

Оброк с сохи	Уезд	Год выдачи грамоты	Князь, выдавший грамоту	Грамотчик
1 руб. 10 ¹ / ₂ деньга	Вологодский	1472—1475	Андрей Васильевич	Спасо-Прилуцкий м-рь
1 руб.	Старицкий	1519—1537	Андрей Иванович	Ф. Б. Захарьин-Бороздин
»	Старицкий и Тверской	1547	Иван IV	Отмицкий м-рь
»	Вышегородский	1519	Андрей Иванович	Чудов м-рь
»	»	1537/38	Иван IV	»
1 руб. 1 деньга	»	1546	Владимир Андреевич	Симонов м-рь
1 руб.	«замосковская» вол. Сельна	1519	Андрей Иванович	Чудов м-рь
»	»	1537/38	Иван IV	»
1 руб. 1 деньга	«замосковская» вол. Раменейце	1546	Владимир Андреевич	Симонов м-рь
1 руб.	Дмитровский и Кашинский	1547	Иван IV	Песношский м-рь
»	»	»	»	»
»	Дмитровский и Звенигородский	1566	Владимир Андреевич	Чудов м-рь
»	»	»	»	Иосифо-Волоколамский м-рь
2 руб.	Дмитровский	1522	Юрий Иванович	митрополичий дом
1 руб. 120 денег	»	1532	»	Троице-Сергиев м-рь
1 руб. 184 деньга	»	1534	Иван IV	Иосифо-Волоколамский м-рь
2 руб.	»	»	»	Кирилло-Белозерский м-рь
1 руб. 176 денег	Рузский	»	»	Иосифо-Волоколамский м-рь
2 руб.	Звенигородский	1532	Юрий Иванович	Троице-Сергиев м-рь
2 руб. 133 деньга	Рузский	1502	Иван Борисович	Симонов м-рь
2 руб. 150 денег	»	1536	Иван IV	»
3 руб.	Дмитровский	1534	»	Ферапонтов м-рь
3 руб. 29 денег	Звенигородский	1526	Юрий Иванович	митрополичий дом

трех сох) размера посошного корма с 2 руб. в грамоте 1502 г. до 2 $\frac{1}{4}$ руб. в грамоте 1536 г. Выходит, что посошного корма в 1502 г. с сохи взималось 400 денег: $3 \approx 133$ деньги, в 1536 г. — 450 денег: $3 = 150$ денег.

В грамоте 1534 г. Ферапонтову монастырю на три деревни в Дмитровском уезде говорится, что пашни в них «написано... треть сохи». Оброку с этих деревень было велено давать в год «по рублю»⁷⁴. Следовательно, посошный размер оброка равен здесь 3 руб.

Сходный результат получаем при расчете данных, касающихся митрополичьего села Оксиньина в Звенигородском уезде. Согласно грамоте 1526 г. дмитровского князя Юрия Ивановича, в Оксиньине с деревнями было $\frac{3}{8}$ сохи, а оброк назначался в сумме 1 руб. 6 алтын⁷⁵. Отсюда приблизительный размер посошного оклада — 629 денег или 3 руб. 4 алтына и 5 денег.

Суммируем данные о размерах оброка с сохи (табл. 1.).

Из табл. 1 следует, что однорублевый размер оброка и близкие к нему характерны для территорий, входивших в XV в. в Вологодский удел, в XVI в. — в Старицкое удельное княжество (Старицкий, Вышегородский уезды, «замосковские» волости Сельна, Раменейце). Для земель, составлявших Дмитровский удел (уезды Дмитровский, Рузский, Звенигородский), наиболее типичен в XVI в. двухрублевый оброк и близкие к нему. В Дмитровском и Звенигородском уездах в середине 20-х — первой половине 30-х годов XVI в. встречаются также трехрублевый оброк и оброк, даже несколько превышавший 3 руб. с сохи. Некоторым отклонением от принятых норм представляется размер оброка с рузских сел Симонова монастыря, промежуточный между 2 и 3 руб., но приближающийся к 3 руб. Что касается однорублевого оброка с дмитровских и звенигородских земель в грамотах 1566 г., то его надо рассматривать как прямое перенесение князем Владимиром Андреевичем норм Старицкого княжества на дмитровскую почву.

При объяснении однорублевого размера оброка в грамотах Песношскому монастырю следует учитывать наблюдающееся совпадение общих сумм оброка в некоторых грамотах на разные объекты пожалования (табл. 2).

Совпадение общих сумм оброка с разных владений кажется весьма сомнительным. В грамоте князя Владимира Андреевича от 13 ноября 1546 г. на симоновские сельца Литвиново и Окулово в «замосковской» волости Раменейце сказано: «давати... с тех з дву селец и з деревнями с монастырских с трети сохи... по одиннадцати алтын з деньгою». Не указан ли здесь размер оброка с $\frac{1}{3}$ сохи, фигурирующий в предшествующей грамоте того же князя — от 11 ноября 1546 г. — на симоновское село Дикое в вол. Сохне Вышегородского уезда⁷⁶, как окладная норма, а не как конкретная сумма оброка с селец Литвинова и Окулова?

⁷⁴ РИБ. Т. 32. № 129. Стб. 220—221.

⁷⁵ АФЗХ. Ч. I. № 98.

⁷⁶ АФЗХ. Ч. IV. № 84. Правда, сотная 1543/44 г. на с. Дикое с деревнями указывает пашни «четверть сохи» (Шумаков С. А. Сотницы. Вып. I. № 6.

Таблица 2

Сумма оброков с отдельных владений по тарханно-оброчным грамотам XVI в.

Общая сумма оброка	Дата грамоты	Объекты пожалования	Уезд	Монастырь	Князь, выдавший грамоту
11 алтын 1 деньга	1546 г. нояб. 11	с. Дикое	Вышегород- ский	Симонов	Владимир Андреевич
»	1546 г. нояб. 13	сщ. Литви- ново и Оку- лово	«замосков- ская» вол. Раменейце	»	»
2 руб. 19 алтын	1546/47 г.	[неизвестны]	Старицкий [и Тверской?]	Иванижский	»
»	1548 г. янв. 1	сс. Станиши- но, Васильев- ское, сщ. Са- вастьяново	Старицкий	Троице- Сергиев	»
10 руб. 20 алтын с гривною	[1547] г. апр. 28	[неизвестны]	Старицкий и Тверской	Отмицкий	Иван IV
»	1547 г. апр. 28	сс. Иванов- ское, Бесту- жево и др. сщ. Яхромское	Дмитровский Кашинский	Песношский	»

Совпадение дат выдачи и формуляров грамот 1547 г. Отмицкому и Песношскому монастырям позволяет говорить о согласованности их текстов. Формуляр этих грамот, построенный по типу И₂, основан на дмитровских традициях и восходит, бесспорно, к какой-то грамоте князя Юрия Ивановича Песношскому монастырю. Но однорублевый размер оброка с сохи является ярко выраженной традицией Старицкого княжества, и распространение его на дмитровско-кашинские земли нужно, очевидно, считать результатом согласованного составления текстов грамот Песношскому и Отмицкому монастырям. В апрельской грамоте 1547 г. Песношскому монастырю размер пашни указан после перечня объектов пожалования: «... а пашни написано во всех тех селех и в деревнях пол-одиннотцати сохи и полчетверти и полполполтрети и полполполчетверти сохи». Очевидно, эта величина выражает действительное количество сошной пашни в перечисленных грамотой песношских владениях и не может считаться механическим заимствованием из грамоты Отмицкому монастырю. Вотчинная часть последней нам неизвестна, однако едва ли могли размеры пашни в песношской и отмицкой вотчинах совпадать до мельчайших долей

С. 56—57; АФХЗ. Ч. IV. № 78. С. 92). Село Дикое было отдано монастырю в 1536 г. (ГИМ. Сим. кн. 58. По Москве № 51. Л. 205 об.; АФХЗ. Ч. IV. № 53). Сельца Окуловское и Литвиново фигурировали уже в тарханной грамоте Симонову монастырю 1447 г. (АСЭИ. Т. II. № 349), где оброк устанавливался в размере полтины (100 денег), т. е. на 33 деньги больше, чем в грамоте 1546 г. Надо, однако, иметь в виду, что в грамоте 1447 г. названы еще два села (Семеновское и Конановское), отсутствующие в грамоте 1546 г.

сохи. Остается предположить, что оброк в 10 руб. 20 алтын с гривной в грамоте Отмицкому монастырю является формулярным заимствованием из песношской грамоты, не имевшим, может быть, реального значения, так как обе грамоты наряду с общей суммой указывали посошный размер оброка. Значит, при составлении рассматриваемых грамот старицкие традиции (вероятно, именно Отмицкого монастыря) повлияли только на определение посошной величины оброка.

Совпадение размеров оброка в грамотах Иванижскому и Троице-Сергиеву монастырям связано опять-таки с формулярным тождеством этих грамот. Иванижская грамота как более ранняя⁷⁷ должна считаться источником тарханно-оброчной части троицкой грамоты⁷⁸. Быть может, размеры сошной пашни в иванижской и троицкой вотчинах были близкими, иначе трудно объяснить прямое перенесение из одной грамоты в другую определения суммы оброка без дополнительных показателей (количества пашни, величины оброка с сохи), хотя общепринятость однорублевого посошного оклада в старицких пределах могла служить известной гарантией правильного расчета суммы оброка с реального числа сох.

Остановимся на разнице предполагаемых сумм оброка с сохи в двух троицких селах — Дмитриевском (400 денег) и Новом Поречье (320 денег). Эта разница в 80 денег объясняется при сравнении формуляров исследуемых грамот — освободительного раздела грамоты на с. Новое Поречье и оброчного раздела грамоты на с. Дмитриевское:

Грамота на с. Новое Поречье	Грамота на с. Дмитриевское
1. дань,	1. за дань,
2. ям,	2. за ям,
3. примет,	3. за примет
4. посошный корм,	
5. подвод на яму не ставят,	
6. иная некоторая пошлина,	
7. ни оброчных денег дву рублей,	
8. ни дансково хлеба, ржи и овса.	4. и за хлеб, 5. и за все пошлыны по два рубля денег.

В грамоте на Новое Поречье данский хлеб ясно выделен из суммы оброчных денег, в грамоте же на с. Дмитриевское деньги за него включены в состав оброка. Отсюда, вероятно, и разница в размере оброка с сохи. Оброк в 2 руб. с сохи был составлен из оброка в 320 денег за основные подати + 80 денег или 4 гривны за данский хлеб. Формула «ни данщикова пошлина» грамот 1547 г. Песношскому монастырю, восходивших, очевидно, к грамоте Юрия Ивановича, являлась в этом случае не просто принадлежностью старого формуляра. Возможно, под «данщиковой пошлыной» подразумевался новый четырехгривенный налог, введенный удельно княжеским правительством.

⁷⁷ ХП-III. № I—258.

⁷⁸ ХП-I. № 568.

Сопоставляя грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю на дмитровские владения, где размер оброка с сохи равен 1 руб. 184 деньги, и на рузские вотчины, где оброк составляет 1 руб. 176 денег с сохи, мы видим, что в обоих случаях посошный размер оброка приближается к двухрублевому окладу, но не равен ему. Это наводит на мысль, что в основе посошного расчета оброка лежал какой-то иной расчет, по всей вероятности связанный с внутривотчинными окладами. Насколько нам известно из Книги ключей Иосифо-Волоколамского монастыря 1547—1560 гг., в монастырских вотчинах практиковалась повытная раскладка «указа», собиравшегося в качестве «корма» приказчиками и ключниками⁷⁹.

Драгоценные сведения о соотношении сохи и выти содержатся в жалованной грамоте от 19 августа 1527 г. дмитровского князя Юрия Ивановича Калязину монастырю на вотчины в Кашинском уезде: в с. Ушакове с деревнями «опустело... тритцать и шесть вытей, а пашни в них сошной соха и полчетверти», в с. Пирогове с деревнями «опустело... дватцать и одна выть, да в селе в Костянтиновском, да в селе в Спасском з деревнями ж опустело... тридцать и полторы [вы]ти, а пашни в них сошной полторы сохи и полполполтрети»⁸⁰. Расчет для с. Ушакова дает точно 32 выти в сохе, для сел Пирогова, Костянтиновского и Спасского — приблизительно 34. Очевидно, 32 выти — наиболее нормальный размер сохи, ибо $\frac{1}{32}$ является пределом дробного деления сохи: в подсчетах сошной пашни дробь мельче $\frac{1}{32}$ («полполполчетверти») не употреблялись. Отголосок повытного деления сохи слышится в выражении одной грамоты 1571 г. о том, что крестьян не осталось «ни трицатого жеребья»⁸¹. Количество вытей в сохе, вероятно, могло колебаться от 30 (см. грамоту 1571 г.) до 34 (см. расчет для сел Пирогова, Костянтиновского и Спасского в грамоте 1527 г.).

Разумеется, соотношение сохи и выти не было постоянным, и соразмерять эти величины весьма рискованно. Еще И. Н. Миклашевский полагал, что практически соотношение между ними вывести невозможно⁸². Нашему предположению о 30—34-вытной сохе противоречит, например, сотная 1543/44 г. на с. Буйгород Волоцкого уезда, где различаются дворы «вытные» и «невытные», а число вытей в сохе при подсчетах чаще всего оказывается больше 60 или даже 70⁸³. Однако до больших писцов 40-х годов XVI в. соотношение выти и сохи могло быть иным, как показывает калязинская грамота 1527 г. Возможно, к середине XVI в. размер выти уменьшился в связи с переходом к более последовательному

⁷⁹ Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. М.; Л., 1948. С. 13—79.

⁸⁰ ЦГАДА. ГКЭ. По Кашину № 17/6712 (ХП-I. № 249); Дьяконов М. А. [Рец. на кн.:] Милюков П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892//ЖМНП. СПб., 1893. № 7. Отд. 2. С. 21; Миклашевский И. Н. Древне-русские поземельные кадастры. СПб., 1903. С. 21.

⁸¹ Сборник Хилкова. № 59 (ХП-II. № 942).

⁸² Миклашевский И. Н. Указ. соч. С. 22—23.

⁸³ АФЗХ. Ч. II. № 178.

измерению земли четвертями и десятинами или увеличился (по крайней мере вдвое) размер сохи.

Допуская возможность отношения сохи и выти в рузских и дмитровских вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря как 1:32, получаем точный повытный размер оброка для дмитровского села и деревень: 12 денег или 2 алтына. Для рузских сел та же сумма вычисляется с округлением.

Наиболее важен вопрос о соотношении повытного и посошного окладов оброка. Исходя из некоторых наблюдений, сделанных ранее, предположим, что в основе трех основных норм посошного оброка — 1 руб., 2 руб. и 3 руб. — лежали соответственно повытные оклады в 1 алтын, 2 алтына и 3 алтына, которые дают при 32 вытах в сохе посошные оклады в 192 деньги, 384 деньги и 576 денег. В источниках мы нашли только один показатель, точно совпадающий (быть может, и случайно) с последним расчетом, — 384 деньги с сохи в дмитровской части иосифо-волоколамской грамоты 1534 г. Между этим числом и двухрублевым посошным окладом разница в 16 денег. Следовательно, рассуждая чисто арифметически, заключаем, что при создании двухрублевого оклада повытный двухалтынный оклад увеличивался на $\frac{1}{2}$ деньги. Тогда, если продолжить этот расчет, однорублевый оброк получается при увеличении повытного на $\frac{1}{4}$ деньги, а трехрублевый — $\frac{3}{4}$ деньги. Однако в Книге ключей Иосифо-Волоколамского монастыря, указывающей повытные размеры сборов, оклада меньше 1 деньги найти не удастся⁸⁴. Отсюда вытекают по крайней мере три допущения: 1) либо при переходе к одно-, двух- и трехрублевым окладам с сохи техника внутривотчинной раскладки сбрасывалась со счетов; 2) либо рублевые оклады связаны с изменением количества вытей в сохе — установлением их в числе, на которое 200 делится без остатка; либо, наконец, 3) увеличение повытного сбора на $\frac{1}{2}$ деньги понималось как фактическое увеличение сбора с двух вытей на 1 деньги.

Строго говоря, мы имеем серию (но не систему) уравнений с двумя неизвестными в каждом. Обозначив через x сумму повытного сбора, через y — количество вытей в сохе, запишем для симоновских грамот 1546 г. $xy = 201$, для троицкой грамоты 1532 г. на с. Новое Поречье $x_1y_1 = 320$, для волоколамской грамоты 1534 г. $x_2y_2 = 376$ и $x_3y_3 = 384$, для симоновской грамоты 1502 г. $x_4y_4 = 533$, для симоновской грамоты 1536 г. $x_5y_5 = 550$, для митрополничьей грамоты 1526 г. $x_6y_6 = 629$, для грамот с одно-, двух- и трехрублевым окладом соответственно $x_7y_7 = 200$ (x_7 близок к x), $x_8y_8 = 400$ (x_8 близок к x_2 или x_3), $x_9y_9 = 600$ (x_9 близок к x_6). Абстрактноматематическое решение этой группы уравнений невозможно. К тому же, количество неизвестных в каждом уравнении может быть не 2, а 3 при $xy = ab \pm c$, где a — размер повытного оброка, b — целое число вытей, c — либо количество денег с дробной части выти, либо величина, вставленная для округления общей суммы

⁸⁴ Книга ключей и долговая книга. С. 13—79.

оброка с сохи. В симоновских грамотах 1546 г. 1 деньгу, прибавленную к 11 алтынам, теоретически можно, но практически трудно связывать с мельчайшим повытным делением. Теоретически 1 деньга здесь — оброк с $\frac{1}{6}$ выти, а 3 деньги — оброк с $\frac{1}{2}$ выти. Получается, что в симоновской сохе было 33 $\frac{1}{2}$ выти. Однако 3 деньги прибавлены к 33-алтынному obroку скорее для округления посошного оклада до 1 руб. При взимании с $\frac{1}{3}$ сохи только 11 алтын размер оброка с сохи был бы равен 198 денег. До 1 руб. не хватало 2 денег. Их и прибавили, но из-за того, что в объектах пожалования числилась $\frac{1}{3}$ сохи, к obroку с $\frac{1}{3}$ сохи была прибавлена для ровного счета реальная 1 деньга, а не условные $\frac{2}{3}$ деньга, т. е. переход от повытного оклада оброка к посошному достигался, по-видимому, путем округления суммы, составленной из повытных окладов. Сумма 11 алтын с $\frac{1}{3}$ сохи или 33 алтына с сохи является довольно показательной. Очевидно, здесь соха состояла из вытей и оброк взимался в размере 1 алтына с выти.

Принимая для симоновской вотчины 33 выти в сохе (по аналогии с селами в Вышегороде и «замосковской» волости Раменейце), получаем 4 деньга наместничьего корма на выть в 1502 г. и 4 $\frac{1}{2}$ деньга — в 1536 г. Расчет общей суммы оброка с сохи в 1502 и 1536 гг. подтверждает этот вывод. В 1502 г. на соху приходилось 1600 денег: $3 \approx 533$ деньга, в 1536 г. — 1650 денег: $3 = 550$ денег. Разница в 17 денег составляет $\approx \frac{1}{2}$ от 33, т. е. от числа, равного числу вытей в сохе, из чего следует, что величина оброка с выти увеличилась в 1536 г. на $\frac{1}{2}$ деньга по сравнению с 1502 г.

Обратимся далее к троицкой вотчине. Размер оброка в Новом Поречье весьма интересен, если посмотреть на него в свете предположения о том, что соха состояла из 32 вытей: на выть придется в этом случае 10 денег или полгривны. Нужно коснуться еще звенигородской вотчины митрополита. То, что величина оброка с сохи не составляет здесь ровно 3 руб., опять-таки наводит на мысль о его повытной раскладке. Из пяти возможных вариантов числа вытей в сохе (30—34) лучше всех для деления 629 с наименьшим остатком подходит 31. Принимая 31 в качестве делителя, узнаем, что повытный размер оброка равен 20 деньгам или 1 гривне.

От первой трети XVI в. сохранилось весьма ценное свидетельство о размере «прогонных денег». В указной грамоте 1525 г. говорится, что с троицкого села Румянцева Боровского уезда боровские приказчики берут «прогонных денег с полусохи полтора рубля и дву алтын»⁸⁵. Значит, оклад с сохи составлял 624 деньга. При сохе в 31 выть это дает 20 денег или 1 гривну с выти (округленно).

Если «прогонные деньги» иногда могли быть другим названием ямских денег⁸⁶, то в «оброке», по крайней мере трехрублевом,

⁸⁵ АРГ. № 252.

⁸⁶ Чаше всего они были особым налогом (Каштанов С. М. Отражение. С. 257).

можно видеть простой эквивалент ямских денег. Следовательно, за освобождением от дани, ямских денег и примета при условии внесения оброка скрывается принуждение к уплате ямских денег, смягченное лишь предоставлением права не допускать сборщиков в пределы иммунитетного владения.

В первой половине XVI в. наряду с оброком, заменяющим де-юре дань, ямские деньги, примет («и все пошрины»), встречается оброк только «за дань». Митрополичьи дворы во Владимире на посаде были обложены в 1510 г. оброком «за дань» из расчета 5 денег со двора. 9 дворов давали 7 $\frac{1}{2}$ алтына, т. е. 45 денег. Эти 9 дворов составляли $\frac{1}{4}$ сохи. Еще 21 митрополичий двор во Владимире писцы обложили оброком «за дань» в размере 17 $\frac{1}{2}$ алтына (105 денег) из того же расчета — по 5 денег со двора⁸⁷. Следовательно, в сохе было 36 дворов, а оброк за дань равнялся 180 денег или 30 алтын с сохи. За этим как будто вырисовывается 30-вытная соха, платящая по 1 алтыну с выти.

Согласно сотной 1544 г., с дворов Владимирского Рождественского монастыря бралось тоже по 5 денег оброка «за дань». За монастырем числилась соха «бес трети сохи», иначе говоря — $\frac{2}{3}$ сохи. Общая сумма оброка равнялась 25 алтын⁸⁸, что дает 225 денег, или 1 руб. 25 денег с сохи.

По писцовым книгам г. Переславля-Залесского дворы митрополичьего Борисоглебского монастыря платили «оброка... за дань» 15 алтын (90 денег). Поскольку всего дворов насчитывалось 18⁸⁹, на двор приходилось по 5 денег, т. е. подворный оклад оброка был здесь такой же, как во Владимире.

В троицкой копийной книге № 518 сохранилась выпись без даты из писцовых книг Бежецкого Верха⁹⁰. Сам дошедший список не позже 1537/38 г., но, вероятно, оригинал относится к более раннему времени. Среди землевладельцев указаны Андрей Константинов сын Корякина и Угрим, а также Василий и Лыско Тимофеевы дети Корякина. Андрей Константинов сын Корякина известен как послух акта 1511—1514 гг.⁹¹ Его сын Угрим Андреев сын Корякина был писцом документов (разъезджей⁹², купчей⁹³) и послухом⁹⁴ в Бежецком Верхе в 1516/17—1519/20 гг., представлял бежецкого разъездчика в Москве перед великим князем в феврале 1519 г.⁹⁵ Лыско Тимофеев сын Корякина — послух данной грамоты 1519/20 г.⁹⁶ Василий Тимофеев сын Корякина в документах первой четверти XVI в. не встречается, но его сын Андрей Васильев сын Тимофеева действовал на 18—20 лет позднее, чем упомянутые выше другие Корякины: в 1537/38 г. он судился с Троице-Сергиевым монастырем⁹⁷. Итак, дошедший спи-

⁸⁷ АФЗХ. Ч. I. № 167.

⁸⁸ *Шумаков С. А.* Сотницы. [Вып. I]. С. 57. № VII.

⁸⁹ АФЗХ. Ч. I. № 23. С. 42.

⁹⁰ ГБЛ. Тр. кн. 518. Л. 72—73.

⁹¹ АРГ. № 97.

⁹² Там же. № 144.

⁹³ Там же. № 159.

⁹⁴ Там же. № 180.

⁹⁵ Там же. № 174.

⁹⁶ Там же. № 180.

⁹⁷ ГПБ. Погод. 1846. Л. 33—38, 39—39 об. (*Каштанов С. М.* По следам троицких копийных книг XVI в. [Ч. 2] // ЗОР. М., 1979. Вып. 40. С. 49—53. № 6).

сок является, скорее всего, выписью из бежецких писцовых книг Андрея Чоботова и Федора Ходыки, около 1519—1521 гг.⁹⁸

По нашим подсчетам, посошный размер оброка за дань составлял 330 денег во владениях Андрея и Угрима Корякиных⁹⁹ и 333 деньги во владениях Василия и Лыска¹⁰⁰. Если допустить, что соха здесь формировалась из 33 вытей, на выть придется 10 денег, вдвое больше, чем на городской двор крупного духовного феодала во Владимире и Переславле-Залесском в этот же период.

Казалось бы, оброк за дань восходит к долям гривенного оклада (20 денег), а не к алтынному окладу. Вместе с тем в грамоте Марии Ярославны Троице-Сергиеву монастырю 1478 г. оброк «за дань и за все пошрины» определен в размере 18 руб. с объектов, куда входили сельские 9 $\frac{1}{3}$ сохи + 2 двора + 3 варницы в Нерехте Костромского уезда¹⁰¹. Прибавив к 9 $\frac{1}{3}$ сохи условно $\frac{1}{18}$ сохи за два двора (по норме владимирских писцовых книг 1510 г.), получаем, что с сохи бралось около 384 денег. При сохе в 32 выти это дает 2 алтына на выть.

Общая сумма оброка с сохи «за... дань... и за все пошрины» в упоминавшейся выше жалованной грамоте Андрея Меньшого около 1472—1475 гг. составляла 210 денег. Это число делится без остатка на 30, откуда возможно предположение, что в здешней сохе было 30 вытей. Тогда оклад с выти оказывается равным 7 деньгам, что соответствует полугривенному окладу 1478 г. с новгородской сошки (Иван III хотел положить 7 денег на обжу, а не на соху — подробнее об этом см. в гл. III). Поскольку Вологда еще в начале XV в. тянула к Новгороду, ее порядки могли до некоторой степени совпадать с новгородскими.

Вместе с тем из грамоты около 1472—1475 гг. видно, что в основе расчета оброка с сохи в Вологодском уделе лежала рублевая норма, которая в XVI в. наиболее характерна для Старицкого удела. Старица как часть Тверской земли, а Вологда как бывшая часть Новгородской земли отличались, вероятно, меньшим размером оброка по сравнению со старыми московскими уделами, к числу которых относятся Дмитров, Руза, Звенигород.

Гривенный и полугривенный размеры оброка с выти, предположительно вычисленные для некоторых вотчин, объясняются, возможно, тем, что при превращении в середине XV в. ордынского «выхода», взимавшегося ранее один раз в пять или семь лет, в ежегодный налог, полтинный оклад с сохи был уменьшен в соответствующее число раз. Одновременно происходило увеличение размеров прежней сохи и объединение ряда малых сох, или сошек, в более крупные податные округа. Сумма оброка с такой укрупненной сохи превосходила полтину первоначально вдвое (1 руб. с сохи), затем в 4 раза (2 руб.) и в 6 раз (3 руб.).

⁹⁸ См. другую выпись из этих книг: АРГ. № 190; упоминание о писцах: АСЭИ. Т. II. № 433. С. 476 (подробнее см. выше, гл II).

⁹⁹ ГБЛ. Тр. кн. 518. Л. 72.

¹⁰⁰ Там же. Л. 72 об.—73.

¹⁰¹ АСЭИ. Т. I. № 458.

Сборы в пользу вотчинника были в XIV в. в основном натуральными. В уставной грамоте митрополита Киприана Царевоконстантиновскому монастырю 1391 г. не упомянуто ни одного денежного платежа¹⁰². Конечно, это положение сильно изменилось в течение XV в. В 1544 г. с вотчин Владимирского Рождественского монастыря при 5 деньгах подворного оброка «за дань» в пользу государства бралось 10 денег с двора в пользу монастыря, т. е. рента вдвое превосходила налог¹⁰³. Вотчинные платежи с дворцового села Буйгород и его деревень Волоцкого уезда были в 1543/44 г. гораздо выше, чем государственный «оброк» за дань и другие пошлины. В дворцовых владениях рента и налог объединялись. Крестьяне с. Буйгород и его деревень давали «оброку... за дань и за посошной корм и за мелкой доход» по 5 алтын без деньги с выти, т. е. 29 денег. Но из них 4 алтына (24 деньги) приходились на мелкий доход, значит, оброк за дань и посошной корм составляли всего 5 денег с выти. С бугородских двух сох оброк за дань равнялся 2 руб. 16 $\frac{1}{2}$ деньги, за посошный корм — 1 руб. 68 денег¹⁰⁴: первого бралось с сохи 1 руб. 8 $\frac{1}{4}$ деньги, второго — 134 деньги. Это приближается к старицким оброчным нормам.

С бугородского приселья — с. Палкина — шло «оброку... за дань» 20 алтын с деньгою (121 деньга) с полусохи, т. е. 241 деньга с сохи, что лишь не намного выше однорублевого оклада дани с сохи. За посошный корм с Палкина взималось 14 алтын, или 84 деньги, с полусохи. Это дает 168 денег с сохи. За «мелкой доход», являвшийся рентой в собственном смысле слова, брали 4 руб. без 8 денег, с выти по 4 алтына (24 деньги)¹⁰⁵. «Мелкой доход» в расчете на соху составлял, таким образом, около 8 руб. (1784 деньги), а оброк за дань и посошный корм — немногим более 2 руб. (409 денег). Всего с полусохи собиралось 5 руб. 6 $\frac{1}{2}$ денег, с выти по 5 алтын и $\frac{1}{2}$ деньги, с сохи, следовательно, 10 руб. 2 алтына и 1 денга. В составе общего большого объема платежей с выти — 30 $\frac{1}{2}$ деньги — на «мелкой доход» приходилась львиная доля — 24 деньги, как и в основной части бугородской вотчины. На оброк за дань и посошный корм остается 6 $\frac{1}{2}$ деньги. Эта величина близка к новгородскому полугривенному окладу с малой сошки (7 денег) или к предполагаемому алтынному окладу с выти в Старицком уделе XVI в.

В бугородской сотной есть еще указание размеров оброка с трех оброчных деревень, освобожденных от барщины. Две из них — Нероново Негливец и Вяхорево Наливкино — принадлежали ключнику. В них числилось вытей четыре, а сох — $\frac{1}{16}$. Оброк «за дань и за посошной корм, и за все пошлины» устанавливался с этих деревень в размере 1 руб.¹⁰⁶ С сохи тут полу-

¹⁰² АФЗХ. Ч. I. № 201.

¹⁰³ Шумаков С. А. Сотницы. [Вып. I]. С. 57. № VII.

¹⁰⁴ АФЗХ. Ч. II. № 178. С. 176—177.

¹⁰⁵ Там же. С. 177—178.

¹⁰⁶ Там же. С. 177.

чается 16 руб., а с выти — 50 денег, или полполтины. Аналогичная картина наблюдается в отношении д. Илицыно, которой владел бueгородский посельский. В ней было вытей 3, а сошной пашни — $\frac{1}{24}$ сохи, оброку же шло «за дань и за пашню, и за все пошлины» в год 27 алтын, т. е. 142 деньга¹⁰⁷. Выходит, что с выти взималось $47\frac{1}{3}$ деньга, с сохи — 3408 денег, или 17 руб. 1 алтын 2 деньга.

Г. В. Абрамович обратил внимание на известие Хронографа под 1547 г. об установлении дани в размере 12 руб. с сохи¹⁰⁸. Как явствует из примера бueгородских «оброчных» деревень, такой увеличенный оклад дани не для всех владений мог оказаться полной неожиданностью. Вместе с тем неясно, была ли мера 1547 г. единовременной, связанной с Казанским походом, или 12-рублевый оклад дани вводился как постоянный. В последнем у нас уверенности нет. Летописец рассматривает эту дань как «тяготу великую».

Весьма трудно рассчитать оклад яма и оброка в вотчинах Покровского Сянжемского монастыря Вологодского уезда. В 1526 г. князь Василий Данилович Пенков дал монастырю три деревни (Долгобородово, Деревягино, Клоково) и починок (Деревягинский) «с пожнями и с лесом, и со всеми угодыи, и с пустошми, и речными угодыи, как к тем деревням изъстари потягло»¹⁰⁹. Эти владения освобождались от княжеской дани, но были обязаны «давати... в ям великого князя с году на год по четыре алтына с деньгою, каковъ им ни буди — тяжел ли, легок ли»¹¹⁰. К 25 деньгам за великокняжеский ям прибавлялось 40 денег оброка в пользу самого князя: «А дает¹¹¹ мне с тех наших деревень игумен с братьею оброку с году на год на Рождество Христово две гривны»¹¹². Кроме того, монастырь платил княжеской администрации 10 денег за явку грамоты: «А явит сию грамоту тиуну моему одинаво годом, а дают с нее десять денег — тиуну и с доivotчиком и с откупщиком за все их пошлины»¹¹³. Значит, всего с монастыря взималось 75 денег, или $12\frac{1}{2}$ алтына.

В 1541 г. иммунитетную грамоту тому же Покровскому Сянжемскому монастырю выдал Иван IV¹¹⁴. В этой грамоте «деревни монастырские и пустоши в Сянжемской волости» поименно не названы, но речь могла идти в первую очередь о владениях, которые были объектом пожалования грамоты 1526 г. Грамота

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 22. Ч. I. С. 527; Шмидт С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Ист. арх. М., 1951. Т. VII. С. 292; Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Л., 1975. С. 27.

¹⁰⁹ ГПБ. Ф. I. 788. Л. 254.

¹¹⁰ Там же. Л. 254 об. (ХП-I. № 237); Каштанов С. М. Очерки С. 77.

¹¹¹ В рукописи можно прочесть также «даст».

¹¹² ГПБ. Ф. I. 788. Л. 254 об.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ ЦГАДА. ГКЭ. По Вологде № 11/2582; ГПБ. Ф. I. 788. Л. 256—260 об. (ХП-I. № 426).

1541 г. освобождает от уплаты натурального довольствия («хлеба») волостелю: «И хлеб в уезд волостелю и его пошлинником не дают ничего». Далее указываются размеры «посошного корма» (каждый раз с уточнением — «с сохи»): волостелю — на рождество 2 гривны, на велик день — 1 гривна, на Петров день — 1 гривна; тиуну на все три праздника — «въполы волостелина корма»; доводчику к тем же праздникам — 4 деньги, 2 деньги и 2 деньги. «А праведчику его с их деревень сошного побору нету». В конце документа содержится освобождение от уплаты явки наместникам и волостелям за предъявление им грамоты.

Размер корма волостелю на рождество, фигурирующий в грамоте 1541 г., совпадает с размером оброка, который по грамоте 1526 г. тоже вносился на рождество, но не волостелю, а самому князю В. Д. Пенкову. Если учесть, что в грамоте 1526 г. волостель не упоминается и весь княжеский аппарат состоит из тиунов, доводчиков и откупщиков, то великокняжеский волостель в 1541 г. предстает как орган, заменивший местного князя, и, следовательно, волостелин рождественский корм в 2 гривны — как прямое наследие княжеского рождественского оброка такой же величины. При этом в 1541 г. наблюдается резкое увеличение всех видов платежей: оброка, ставшего волостелиным кормом, — вдвое (с 2-х гривен до 4-х), доходов тиуна и доводчика — в 4,8 раза (с 10 денег в 1526 г. до 48 денег в 1541 г.). Общая сумма поборов с вологодской вотчины монастыря составляла по грамоте 1541 г. 128 денег, или 21 алтын 2 деньги.

Поскольку размер рождественского «оброка» князю со всей вотчины монастыря (1526 г.) и рождественского «посошного корма» волостелю «с сохи» (1541 г.) одинаков, можно думать, что в Сянжемской волости за Покровским монастырем числилась соха, хотя полной уверенности в этом у нас нет.

Какова была внутренняя раскладка указанных в грамотах платежей? Все числа денег в грамоте 1526 г. кратны пяти, т. е. $25:5 = 5$; $40:5 = 8$; $10:5 = 2$. Отсюда: в сохе 5 вытей (?). 5 денег «яма» с выти соответствовали бы подворному размеру «оброка за дань» с городских владений духовных корпораций. Однако сделанное допущение в целом кажется маловероятным, во-первых, вследствие получающегося при этом слишком незначительного количества вытей в сохе, во-вторых, потому, что в 1541 г. не все платежи были кратны пяти (корм доводчика равнялся 4 и 2 деньгам с сохи).

Общая сумма платежей 1541 г. (128 денег) хорошо делится на 32 (условное число вытей в сохе), давая по 4 деньги с выти всех кормов, но тогда повытные размеры корма отдельно волостелю, тиуну и доводчику оказываются дробными, равняясь соответственно $2\frac{1}{2}$, $1\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{4}$ деньги. Кстати, в отношении доводчикова корма только допущение дробного размера деньги ($\frac{1}{4}$) позволяет говорить о повытной раскладке. Видимо, возможность дробных расчетов (по крайней мере, теоретических) полностью отвергать нельзя. В XVI—XVII вв. существовали специальные

обозначения полуденьги (полушка) и четверти деньги (мордка)¹¹⁵.

Возвращаясь к цифрам грамоты 1526 г., мы затрудняемся интерпретировать их как выражение сумм, раскладывавшихся на 32 выти. Соха предстает тут скорее как податной округ из 100 дворов: не были ли 25 денег «яма» результатом сбора со 100 дворов из расчета $\frac{1}{4}$ деньги на двор? Правда, 40 денег «оброка» не делятся на 100 так, чтобы получились правдоподобные доли деньги ($\frac{2}{5}$ деньги — величина чисто условная). Из грамоты 1541 г. выясняется однородность двугривенного рождественского корма волостелю и пошлин в пользу тиуна и доводчика. Поэтому 40 денег рождественского «оброка» грамоты 1526 г. можно сложить с 10 деньгами, являвшимися по той же грамоте компенсацией «пошлин» местным властям, и общую сумму (50 денег) рассматривать в качестве платежа со 100 дворов из расчета $\frac{1}{2}$ деньги на двор. Предложенные объяснения носят гипотетический характер и не претендуют на окончательное решение вопроса. Незначительные подворные размеры платежей, получающиеся при наших расчетах, позволяли усомниться в том, что поборы здесь взимались с целой сохи. Возможно, во владениях Сянжемского монастыря (во всяком случае, в 1526 г.) была лишь часть сохи, но раскладка налогов велась с примеркой на соху.

В грамоте Покровскому Сянжемскому монастырю 1541 г., кроме вологодской вотчины, фигурирует еще устюжская. Это 6 деревень и 4 починка в Мольской волости Устюжского уезда, данные в монастырь князем В. И. Голениным «по своему брате по князе Игнатье Голенине». С них шел оброк в размере 10 алтын за дань, волостелин корм, пятно «и за все пошлыны»: «...а давати им с тех деревень и починков в волость старостам и сотцким и всем крестьяном Мольские волости оброком з году на год за дань и за волостелин корм, и за пятно, и за все пошлыны по десяти алтын, по княж Васильевой грамоте Голенина». Поскольку населенных пунктов было 10, возможно, на каждый приходилось по 1 алтыну оброка. Наличие последнего не предполагало тут освобождения от ямских денег: во-первых, они не упоминаются в числе платежей, замененных оброком; во-вторых, грамота 1541 г. не фиксирует свободу от ямских денег, освобождая от дани, пошлой службы и городского дела; в-третьих, ям с монастырских вотчин (правда, не устюжских, а вологодских) платился еще по грамоте 1526 г.

О разверстке посошной службы интересные данные содержатся в источниках 40-х годов XVI в. Так, в разрядном и разметном списках конца 1545 — начала 1546 г. о сборе людей к Казанскому походу с Новгорода, его пригородов, рядов и погостов зафиксировано правительственное предписание давать по человеку на

¹¹⁵ Савваитов П. И. Русский денежный счет в XVI и XVII столетиях // Зап. имп. Археол. о-ва. СПб., 1865. Т. XI. С. 609—615.

коне с пяти тяглых дворов и по человеку на коне с трех нетяглых, «белых» дворов. Примерно по такой же норме (1 человек с 5—6 дворов) поставлялись пищальники (конные и пешие), так что практически каждые пять тяглых дворов должны были давать по два человека. Поповские дворы поставляли людей по тому же расчету. Кроме того, с дворов «сильных» и «статочных», т. е. зажиточных, людей требовалось давать еще по одному человеку с каждого двора, в дополнение к сбору с пяти дворов. С гостиных дворов вообще взималось по человеку с двора, а с суконничих — по человеку с двух дворов. С дворов новгородских пушечников и пищальников первоначально предполагалось также брать по человеку с одного двора, но потом это постановление было отменено. По человеку с одного двора (вместо трех дворов) брали с 253 белых дворов, вероятно, вследствие освобождения от этой повинности другой части белых дворов¹¹⁶.

В документах 1545/46 г. в качестве окладной единицы выступает двор вследствие того, что сбор осуществлялся тут с городов и поселений торгово-ремесленного типа. В сельской местности раскладка велась по сохам. В 1512 г. для починки Ергольского яма, расчистки дорог, ремонта и постройки мостов было велено собрать с белозерских волостей по два человека с сохи¹¹⁷. Эта же норма упоминается в указной грамоте от 10 октября 1547 г. о невзимании посошных людей к Казанскому походу с вотчин Троице-Сергиева монастыря. Городовые приказчики в нарушение жалованной грамоты «нимали» с троицких владений «посошных людей с сохи по два человека — по конному да по пешему, и з слобот з десяти дворов по человеку по конному по тому ж, как с ыных сох и з слобод»¹¹⁸. Норма поставки конных людей со слобод была в 1547 г., по крайней мере, вдвое ниже той, которая применялась к тяглым дворам в Новгороде и его пригородах в 1545/46 г. Это может объясняться тем, что в 1545/46 г. поставка людей к Казанскому походу была возложена только на Новгород, а в 1547 г. — на Северо-Восточную Русь. Из ноябрьской грамоты 1545 г. явствует, что с земель Северо-Восточной Руси собирали всякий продовольственный «запас» к Казанскому походу, но о необходимости давать людей источник умалчивает¹¹⁹. Вероятно, в 1545 г. дворянской конницы не хватало, а стрелецких подразделений еще не было. Отсюда относительно большой запрос посошных с Новгорода: около 4 тыс. (1973 человека «на конех», 1000 конных и 1000 пеших пищальников; на практике собирали, по-видимому, меньше).

Коснемся эволюции ряда других налогов и повинностей.

Довольно старыми были повинности, которые можно условно назвать «дворцово-княжескими»: косьба сена для княжеских

¹¹⁶ ААЭ. Т. I. № 205/I, II, С. 184—194.

¹¹⁷ Там же. № 156 (РИБ. Т. 32. № 84).

¹¹⁸ ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 18 (ХП-I. № 554).

¹¹⁹ Там же. Книги 527—529. № 292 (ХП-I. № 493).

коней, кормление княжеских коней¹²⁰ и собак¹²¹, участие в облавах во время княжеской охоты¹²² и т. п. Данная группа повинностей, за исключением охотничьей, проявляет в XVI в. явную тенденцию к превращению в денежные платежи. Уже в XV в. была распространена пошлина «закосное» (или «закос»), впервые упомянутая в грамоте 1425 г.¹²³ и, видимо, заменявшая натуральную повинность по косьбе сена для княжеских коней. В грамоте дмитровского князя Юрия Ивановича 1522 г. идет речь о деньгах «за тук за собачей»¹²⁴, из чего можно заключить, что слово «тук» частично соответствует понятию «корм» и означает корм для животных¹²⁵. В XVI в. возникают термины «туковое»¹²⁶, «туковые деньги». В жалованных грамотах Василия III Спасо-Евфимьеву монастырю 1514, 1523 и 1547 гг. устойчивое выражение «ни портное, ни туковое»¹²⁷ как бы приходит на смену старому сочетанию «ни портново, ни закос»¹²⁸. В жалованной грамоте 1541 г. Спасо-Прилуцкому монастырю «туковое» объединено с «сенным»: «ни туковое, ни сенное»¹²⁹. Туковое здесь, вероятно, денежная компенсация корма для княжеских коней и собак, а сенное — заменитель повинности по косьбе сена. В жалованных грамотах 1545/46 и 1548 гг. «туковое» и «туковые деньги» указаны без сенного и сразу вслед за основным налогом — ямскими деньгами¹³⁰.

¹²⁰ Освобождение от этих двух повинностей встречается с конца XIV в.: «ни сена косити, ни коня кормити» в грамоте Дмитрия Донского, включенной в грамоту XV в. (АСЭИ. Т. II. № 340); «ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят» в грамоте князя Юрия Дмитриевича 1404 г. (Там же. Т. III. № 53-а) и др. О том же в первой трети XVI в. см.: *Каштанов С. М.* Отражение. С. 269.

¹²¹ Освобождение от кормления собак включается в иммунитетные акты с конца XV в.: «ни собак не кормити» в грамоте волоцкой княгини Ульяны 1495 г. (АФЗХ. Ч. II. № 21); «ни собак моих у них не ставят кормити» в грамоте рузского князя Ивана Борисовича 1502 г. (АСЭИ. Т. II. № 426).

¹²² Наиболее ранние случаи освобождения от этой повинности — в грамотах середины 50-х годов XV в. дмитровского князя Юрия Васильевича: «Также и мой ловчий тех людей монастырских на лоси и на медведи не посылает», 1455 г. (АСЭИ. Т. II. № 163; ср. аналогичное постановление в грамоте 1457 г. — Там же. № 356). В жалованной грамоте бежецкого князя Семена Ивановича 1509 г. Троице-Сергиеву монастырю для исполнения охотничьей повинности предписывалось давать по 5 человек с сохи (АИ. Т. I. № 117; АРГ. № 50).

¹²³ АСЭИ. Т. I. № 44.

¹²⁴ АФЗХ. Ч. I. № 106.

¹²⁵ Не только для собак, но и для лошадей, поскольку туковые деньги поступали в ведомство ясельничих и конюших (см. ниже).

¹²⁶ Определение его как «пошлины с продажи скота» (АСЭИ. Т. III. С. 648) неверно.

¹²⁷ *Каштанов С. М.* Очерки. С. 129. В грамоте 1540 г. Печерскому Вознесенскому монастырю Нижегородского уезда эти элементы указаны в обратном порядке (*Кабанов А. К.* № 10).

¹²⁸ АСЭИ. Т. I. № 492 (1481 г.); в 1425 г. — 70-х годах XV в. — в обратной последовательности: «ни закосное, ни портное» (Там же. № 44, 128, 322, 346; ср. № 101; АФЗХ. Ч. I. № 264; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 379. № 20) или «ни в конюшное, ни в порьтное» (1457 г. — АСЭИ. Т. I. № 278).

¹²⁹ *Каштанов С. М.* Очерки. С. 119.

¹³⁰ ХП-I. № 577; ХП-III. № I—249; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 119.

Все это позволяет думать, что туковое к середине XVI в. превратилось в значительную подать и было эквивалентом не одной, а трех повинностей: 1) косьбы сена для княжеского коня (или заменявшего ее закоса); 2) кормления коней и 3) кормления собак. В 1525 г. ясельничие брали по 1 руб. туковых денег на год с троицкого сельца Романовского Боровского уезда¹³¹. Количество сох в Романовском неизвестно, поэтому трудно сказать, каков был размер туковых денег с сохи. В грамоте 1537 г. туковые деньги показаны в окружении сопутствовавших им в это время платежей — ставленных пошлин (заменявших принятие на постой княжеских коней и, возможно, собак), а также «пошлин конюшего и яселничих и дьячьих»¹³². Грамота 1537 г., освобождавшая от тукового, касалась владений Троице-Сергиева монастыря в Переславль-Залесском, Суздальском, Юрьев-Польском, Боровском, Дмитровском, Рузском, Кашинском и Звенигородском уездах. Видимо, сбор этой пошлины охватывал всю основную территорию государства. Специальная грамота 1547 г. о невзимании «туковых денег» с вологодских вотчин Кирилло-Белозерского монастыря не указывает ни их общего, ни посошного размера¹³³.

Весьма важные сведения о туковом содержит жалованная грамота 1547 г. Спасо-Евфимьеву монастырю: «А что въ их селе в Омутцком мой, великого князя, конь стоял и они платили в мою казну, великого князя, по два рубли и с пошлинами, и архимандрит Герман з братью бил ми челом, что городовые приказшики и наши посланники правят на их селех со всех их сел монастырских тукового, и яз пожаловал архимандрита Германа з братьею: давати им по старине села с Омутцкого с трех сох за один конь по два рубли с пошлинами»¹³⁴. Грамота ограничивала сферу взимания тукового старинным суздальским селом Омутским, где когда-то практиковался постой княжеского коня, а потом собиралось 2 руб., вероятно, закосного. Возможно, двухрублевая норма установилась до того, как в Омутском стало 3 сохи. Если 2 руб. взимались, скажем, с 2 сох, тогда получается 1 руб. на соху. Но это допущение произвольно. По окладу 1547 г. с сохи шло $133\frac{1}{3}$ деньги тукового. Предполагая чисто условно, что соха в Омутском состояла из 33 вытей, можно вывести гипотетический повытный размер тукового — 4 деньги.

Не проявляли тенденции к коммутации строительные повинности.

Кроме различных форм городского и засечного дел, которые стали переводиться на деньги только во второй половине XVI в., отметим наличие еще двух групп строительных повинностей. Первая — повинности в пользу местной администрации:

¹³¹ АРГ. № 253; ср. С. 355, примеч. к № 253.

¹³² ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 140 об. — 142; Книги 527—529. № 253 (ХП-I. № 355).

¹³³ РИБ. Т. 32. № 165. Стб. 287—288.

¹³⁴ ЦГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Кн. 1. Л. 417 (ХП-I. № 534).

обязанность ставить волостелины и наместничьи дворы¹³⁵. Вторая — повинности, связанные с ямским делом: обязанность строить ямской двор, делать мосты и гати. Вторая группа повинностей была в первой половине XVI в. нововведением, ранее она не упоминается. Точно так же обязанность стоять на яму с подводами как повинность, отделившаяся от «яма» (ямских денег), развивается лишь с конца XV в. Для первой половины XVI в. характерно умножение повозных повинностей. Кроме обязанности возить великокняжеский хлеб, о чем говорится в грамотах первой трети XVI в., тяглое население должно было в 40-х годах XVI в. возить камень и известь, а также сор и дрова к «ямчужным» амбарам, где изготовлялась селитра.

В XVI в. получили дальнейшее распространение пошлыны, ограничивавшие свободу личности непосредственных производителей. Свадебные пошлыны начинают фигурировать в источниках XV в. Прослеживается их связь с такой пошлиной, как пятно или пятенное, что показывает принадлежность свадебных поборов к числу платежей, шедших в пользу местной администрации. В грамоте 1546 г. Вологодской Глубокоозерской пустыни¹³⁶ наблюдаем сочетание пунктов о «пятенном» (1), «выводной кунице» (2) и «новоженном» (3). Эта комбинация уникальна, хотя, очевидно, не случайна. В грамоте 1547 г. Вассиановой Строкинской пустыни после несудимого раздела указано: при купле-продаже или мене лошадей их надо «пятнить» и платить пошлыну игумену (1); с браков нужно платить игумену по определенной таксе за «новоженной убрूस» (2) и за «выводную куницу» (3)¹³⁷. Здесь по существу те же постановления, что и в грамоте 1546 г., и в том же сочетании, но в иной, описательно-конкретной формулировке и с переменой местами пунктов о выводной кунице и новоженном убрусе. Грамота 1546 г. касается территорий «промеж Вологодского уезда и Каргопольского и Ваского», грамота 1547 г. — земель в Каргопольском уезде, в бассейне реки Онеги, т. е. документы посвящены весьма близким между собой районам.

Судя по тому, что в грамоте 1547 г. статьи о пятне, убрусе и кунице даются с рядом конкретных подробностей, отсутствующих в грамоте 1546 г., грамоту 1547 г. можно признать независимой от грамоты 1546 г. В грамоте 1547 г. эти статьи напоминают по содержанию и стилю статьи уставных грамот, в грамоте же 1546 г. лаконичность формулировок не оставляет сомнения в заимствовании их из жалованной грамоты, причем термин «пятенное» указывает на грамоту XV в. Выводная куница и убрусное встречаются в жалованных грамотах XV в. редко. Из грамот Троице-Сергиеву монастырю их упоминают только две, относящиеся к территориям Дмитровского княжества: Дмитровскому уезду (1471 г.)¹³⁸ и

¹³⁵ Освобождение от постройки волостелиных дворов встречается с 1438 г. (АСЭИ. Т. I. № 131, 133), наместничьих — с 1448/49—1453 гг. (Там же. № 221, 246). Эти освобождения включались и в грамоты XVI в.

¹³⁶ ААЭ. Т. I. № 208 (ХП-I. № 513).

¹³⁷ АИ. Т. I. № 147 (ХП-I. № 532).

¹³⁸ АСЭИ. Т. I. № 400.

Шуткину стану Юрьев-Польского уезда (1472/73 г.)¹³⁹. «Выводная куница» и «убрусное» занимают здесь последние места в длинном перечне пошлин, среди которых нет, однако, пятенного. В троицкие грамоты XVI в., касающиеся земель Дмитровского удела, «выводная куница» и «убрусное» пришли в составе сокращенного формуляра грамот 1471 и 1472/73 гг. (грамота 1504 г.¹⁴⁰ и другие типа Т₁ и Т₂). В грамоте удельного князя Юрия Васильевича 1464 г. митрополичьему Новинскому монастырю на дмитровские земли «выводная куница» упоминается вместе с пятенным, хотя и отделена от него двумя другими пошлинами: 8) пятенное, 9) явка, 10) кости, 11) выводная куница¹⁴¹. Пятенное и «новоженная куница» стоят рядом в грамоте великой княгини Марии Ярославны 1473—1484 гг. митрополиту Геронтию на земли в костромской волости Нерехте: 10) пятенное, 11) новоженная куница¹⁴². В этих двух грамотах куница фигурирует без убрусного. Убрусное же без куницы (и без пятенного) находим только в грамоте 1498 г. Троицкому Белопесоцкому монастырю на владения в Каширском уезде¹⁴³. В грамоте 1526 г. князя В. Д. Пенкова Сянжемской Евфимьевой пустыни сказано: «...мои пошлинники новоженные куницы, ни выводные не емлют»¹⁴⁴. Здесь эта формула особенно для нас интересна, так как Евфимьева пустынь была старинной вологодской корпорацией. В грамоте, выданной ей от имени Ивана IV в 1541 г., отсутствует упоминание о свадебных пошлинах, но зато фигурирует «пятенная пошлина»: «А кто в Сянжемской трети в их деревнях монастырских крестьяне купит лошадь или продаст, или менит, и... волостель и его пятенщики явки и пятенные пошлины с них не емлют по деда нашего грамоте»¹⁴⁵. Возможно, что грамота Ивана III была источником не только грамоты 1541 г., но и грамоты 1526 г., т. е. содержала в каком-то сочетании все три понятия: «новоженная куница», «выводная», «пятенная пошлина». Грамота Ивана III относится, очевидно, к периоду после 1481 г., когда умер удельный князь Андрей Васильевич и Вологда вошла в состав великого княжества.

Наибольшая терминологическая близость заметна между грамотами 1473—1484, 1526, 1546 и 1547 гг. Термин «новоженная куница» встречается в двух грамотах: 1473—1484 гг. и 1526 г. Это подкрепляет предположение, что в основе грамоты 1526 г. лежала грамота Ивана III 1481—1505 гг. Сходство между грамотой 1473—1484 гг. и грамотой 1481—1505 гг. заключалось, вероятно, и в употреблении термина «пятенное». Понятие «убрусное», как видим, отсутствует в грамотах 1473—1484 и 1526 гг. Не находим «убрусного» и в грамоте 1546 г., однако от старой формулы «новоженная куница» здесь сохранилась только первая

¹³⁹ Там же. № 412.

¹⁴⁰ Там же. № 652.

¹⁴¹ АФЗХ. Ч. I. С. 86.

¹⁴⁴ ГПБ. Ф. I. 788. Л. 254 об. (ХП-I. № 237).

¹⁴⁵ ЦГАДА. ГКЭ. По Вологде № 11/2582; ГПБ. Ф. I. 788. Л. 258 об. (ХП-I. № 426).

¹⁴² Там же. С. 236.

¹⁴³ АСЭИ. Т. I. № 618.

часть. Эта формула была преобразована в незаконченное понятие «новоженной», слово же «куница» перешло в формулу «выводная куница». В грамоте 1526 г. фигурирует еще просто «выводная» (в грамоте 1473—1484 гг. такой пошлыны вообще нет). В грамоте 1547 г. «новоженной» грамоты 1546 г. превращается уже в «новоженной убрूस».

Если согласиться с датировками И. А. Голубцова, то наиболее ранние упоминания «новоженной куницы» следует отнести к 1435—1463 гг. (грамота ярославского князя Александра Федоровича ¹⁴⁶) или к 1430—1440-м годам (грамота ярославского князя Федора Федоровича ¹⁴⁷). Однако последняя грамота должна быть датирована более поздним временем. На основании водяного знака, относимого к 1461—1510 гг., В. А. Кучкин полагает, что грамота князя Федора Федоровича была написана «в самом конце XV или начале XVI в.» ¹⁴⁸. Видимо, и грамота Александра Федоровича по своей дате ближе к середине и второй половине, чем к 30-м годам XV в. Таким образом, можно думать, что «новоженная куница» появляется в актах не ранее середины — второй четверти XV в. Самый ранний случай употребления термина «выводная куница» («ни выводная куница поемная») относится к 1455 г. (грамота князя Юрия Васильевича на владения в Дмитровском уезде ¹⁴⁹).

Таким образом, начиная с середины XV в. прослеживаются две совершенно определенные терминологические линии: одна — ярославско-костромская, к которой примыкает и вологодская, употребляющая формулу «новоженная куница», «новоженное», другая — дмитровская, пользующаяся выражением «выводная куница». Особую формулу находим в мартовской грамоте 1547 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на земли Дмитровского уезда: «ни пятенного, ни свадебного не дают» ¹⁵⁰. Термин «свадебное», судя по Белозерской уставной грамоте 1488 г., являлся синонимом «убруса» ¹⁵¹. В этой уставной грамоте наряду с понятием «свадебное» («за убрус») употребляется и выражение «выводная куница». В уставной грамоте 1552 г. крестьянам трех волостей Двинского уезда вслед за статьей о пятне идет статья, посвященная «новоженному убрусу» и «выводной кунице» ¹⁵². Очевидно, Белозерская уставная грамота следовала дмитровской традиции, хотя специфический белозерский термин («свадебное»), попавший

¹⁴⁶ АСЭИ. Т. III. № 225.

¹⁴⁷ Там же. № 220.

¹⁴⁸ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 289 и примеч. 242—243; см. также: Kašanov S. M. Zum Herkunftsproblem des Begriffes *Krest'jane* // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günter Stökl. Stuttgart, 1986. S. 198.

¹⁴⁹ Голубцов И. А., Назаров В. Д. С. 81. № 2.

¹⁵⁰ ГПБ. Q—IV—113 6. С. 728 (ХП-I. № 536).

¹⁵¹ ПРП. Вып. III. С. 173. Ст. 17.

¹⁵² Копанев А. И. Уставная земская грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г. // Ист. арх. М., 1953. VIII. С. 15; ПРП. Вып. IV. С. 192. Ст. 13—14.

в грамоту 1547 г., показывает и некоторое обратное влияние Белозерской уставной грамоты.

Двинская грамота, напротив, следовала скорее ярославской традиции и очень близка к формулировкам вологодских грамот 1546 и 1547 гг. Итак, постепенное скрещивание в вологодских грамотах ярославского и дмитровского формуляров, которое в незаконченной стадии мы наблюдали в грамоте 1526 г., в грамоте 1546 г. приблизилось к завершению, а в грамотах 1547 и 1552 гг. завершилось рождением нового термина «новоженной убрूस». Отсюда ясно, что пункты 3—5 грамоты 1546 г. являются новым формулярным сочетанием, которое не могло быть в готовом виде заимствовано из предшествующих источников.

Согласно Белозерской уставной грамоте, «свадебного за убрूस» бралось 2 деньги, не считая 3 денег «знамен» владычному десятильнику (чиновнику архиепископа), «выводная куница» при выдаче замуж в пределах Белозерской земли («из города в волость, или из волости в город») взималась в размере 1 алтына, а при выдаче «за рубеж» («в Московскую землю или в Ноугородцкую») — в размере 2 алтын¹⁵³. В грамоте 1547 г. Вассиановой Строкинской пустыни последняя разновидность свадебной пошлины (за выход «за рубеж») не предусмотрена, зато первые две фигурируют в ином размере: за новоженный убрूस — 4 деньги, за выводную куницу — по 8 денег¹⁵⁴. В обоих случаях величина пошлины на 2 деньги больше, чем в Белозерской уставной грамоте. В грамоте Строкинской пустыни свадебные пошлины определяются как регалия игумена. Во владениях Иосифо-Волоколамского монастыря в середине XVI в. пошлина «роздвинское», аналогичная убрусу, собиралась приказчиками монастырских сел, входя в состав их доходов¹⁵⁵; выводная же куница в это время, вероятно, собиралась непосредственно «на» монастырь.

Знаменная пошлина бралась с мужчины, вступающего в брак, за сам акт церковного венчания. Если в Белозерской уставной грамоте эта пошлина равняется 3 деньгам, то в жалованной грамоте 1541 г. протопопу Вознесенского собора г. Балахны платеж «от знамен» устанавливается в размере 2 алтын «с отрока» (т. е. вступающего в брак впервые), «а со вдовца вдвое по тому ж, как наперед того в Нижнем Новгороде спасьской протопоп з братьею пошлину имал»¹⁵⁶. Таким образом, вечная пошлина «с отрока» тут вчетверо больше, чем в Белозерской уставной грамоте.

Свадебные пошлины за выдачу замуж шли в пользу государственной или частнофеодальной администрации, в то время как вечные пошлины с брачащихся мужчин поступали в распоряжение церковных властей.

¹⁵³ ПРП. Вып. III. С. 173. Ст. 17.

¹⁵⁴ АИ. Т. I. № 147.

¹⁵⁵ Каштанов С. М. К проблеме происхождения феодального иммунитета // Ист. науки. 1959. № 4. С. 115, 120—121.

¹⁵⁶ ГИМ. Патр. № 994 (ХП-III. № I—222).

Имеются данные о размерах ряда таможенных пошлин. В грамоте 1493 г. сказано, что юрьевский наместник взял со 154 возов Троице-Сергиева монастыря 309 денег¹⁵⁷. Значит, с воза шло по 2 деньги. Этот же размер фигурирует в дмитровской таможенной грамоте (около 1521 г.)¹⁵⁸.

В проезжей грамоте князя Дмитрия Ивановича Углицкого Кирилло-Белозерскому монастырю 1506 г. есть освобождение от мыта, но вместе с тем, когда речь заходит о «церковных пошлинах», говорится: «...а с возов дают два алтына»¹⁵⁹. В грамоте разрешалась посылка 30 возов; следовательно, при отсутствии освобождения с них надо было бы взять 60 денег (по 2 деньги с воза), или 10 алтын. Церковная пошлина составляла, таким образом, $\frac{1}{5}$ от общей суммы мыта и как бы равнялась $\frac{2}{5}$ деньги с воза. Церковная пошлина с паузка определяется в грамоте 1506 г. в размере гривны¹⁶⁰ (20 денег). Если это тоже лишь $\frac{1}{5}$ полной пошлины, значит, с данного паузка в случае его непривилегированности бралось бы 100 денег или полтина. В дмитровской таможенной грамоте постановлено, что «колко будет в пауске во дне досок, и намеснику имати з доски з донные по алтыну, а другому намеснику имати с тое ж доски по алтыну ж; а две доски откосные за одну доску намесником пошлины имати»¹⁶¹. Рассчитать на основании этого постановления количество досок «во дне» кирилловского паузка трудно, так как 100 не делится без остатка ни на 6, ни на 12.

Разнообразие размеров оброка с сохи и других видов платежей говорит об отсутствии полной унификации налоговых норм. Едва ли в первой половине XVI в. существовало и общее четкое размежевание обязательных и необязательных для всех феодальных вотчин государственных повинностей. При отсутствии жалованных грамот, безусловно, требовались ямские деньги, посошная служба, городовое дело и, возможно, наместничий посошный корм¹⁶². С конца 30-х — 40-х годов обязательными, вероятно, стали следующие повинности: стояние на яму с подводами¹⁶³, строительство ямского двора¹⁶⁴, заготовка и возка камня и извести¹⁶⁵, а также сора и дров к «зелейному амбару» (где изготовлялась селитра)¹⁶⁶,

¹⁵⁷ АСЭИ. Т. I. № 573.

¹⁵⁸ РИБ. Т. 32. № 103. Стб. 172.

¹⁵⁹ ЛОИИ СССР. Колл. 11. № 112. С. 128 (ХП-III. № I—37).

¹⁶⁰ В копии XIX в., сохранившей текст документа, по ошибке написано «грамоту» (вместо «гривну»).

¹⁶¹ РИБ. Т. 32. № 103. Стб. 170.

¹⁶² Ограничение «опричь яму и городового дела и посошные службы» и ему подобные содержатся в ряде грамот (АСЭИ. Т. III. № 26. С. 43. Ст. 3; АФЗХ. Ч. II. № 34; ХП-I. № 95, 118, 146, 147, 237, 328—333, 337—339). В грамотах, дающих временное освобождение, обычно указываются дань, ямские деньги, посошная служба, городовое дело, наместнич, волостелин и тиунь корм, праведчиков и доводчиков побор (ХП-I. № 240, 246, 288, 373, 381, 463, 488, 523 и др.). О взимании наместничьего корма см.: ХП-I. № 272.

¹⁶³ ХП-I. № 241, 460, 480, 505, 506 и др.

¹⁶⁴ Там же. № 458.

¹⁶⁵ Там же. № 463, 466.

¹⁶⁶ Там же. № 358, 442 и др.

постройка мостов, гатей¹⁶⁷, устройство прудов¹⁶⁸. Надо думать, что, не имея жалованной грамоты, было трудно уклониться от уплаты вновь введенных пищальных¹⁶⁹ и туковых¹⁷⁰ денег в тех местах, где они собирались¹⁷¹. По-видимому, обязательный характер носила уплата важнейших таможенных пошлин (тамги, мыта и померного), хотя вопрос о них не вполне ясен¹⁷².

Сбор податей местными властями приводил к их постоянному вмешательству в жизнь иммунитетных владений. Известны случаи весьма произвольного обращения городских приказчиков с монастырскими крестьянами. Иногда дело доходило до заключения крестьян в тюрьму за неплатеж налогов¹⁷³. Рост финансово-административных полномочий местных органов разрушал податную изолированность феодальных владений и в известной мере ослаблял экономическую власть землевладельцев.

Заключая, заметим, что мы имеем очень мало сравнимых данных для показа эволюции налогов и повинностей в пределах одной и той же вотчины, одной и той же местности Северо-Восточной Руси в течение первой половины XVI в. Территориальные различия размеров оброка за дань и другие пошлины бесспорны, они колеблются в пределах между 1 и 3 руб. Существенного абсолютного роста этого налога мы не наблюдаем. Увеличение тяжести обложения шло прежде всего за счет введения новых налогов и повинностей. Вероятно, в первой половине XVI в. вотчинные платежи были более тяжелыми, чем государственные. Во всяком случае, в дворцовом селе «мелкой доход» намного превосходил по своим суммам оброк за дань и посошный корм. Во второй половине 40-х годов в связи с Казанскими походами государственное обложение, по-видимому, увеличилось. Одна лишь чрезвычайная дань 1547 г. могла сильно изменить баланс государственных и вотчинных сборов, но многие монастыри в 1547—1548 гг. освобождались от основных налогов в тарханских грамотах.

¹⁶⁷ Там же. № 313, 458, 466, 538, 555 и др.

¹⁶⁸ Там же. № 313, 327; ХП-II. № 630.

¹⁶⁹ Кучкин В. А. Жалованная грамота 1538 г. на две слободки в Коломне // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 343 (ХП-III. № I—194); ХП-I. № 463, 473, 530, 575.

¹⁷⁰ ХП-I. № 259, 355, 529 и др.

¹⁷¹ Пищальные деньги собирались в это время главным образом с городских дворов и слобод.

¹⁷² Некоторые грамоты показывают, что внутривотчинные операции не были подведомственны княжеским таможенникам, однако эти грамоты относятся к Дмитровскому уделу (АФЗХ. Ч. II. № 48, 265). В 1535 г. слуга Симонова монастыря жаловался великому князю, что рузские сборщики (тиун и таможенник) «на нем взяли мыта, и поплашново, и прикольново полтретья рубля», когда он «гнал дрова монастырская» (Там же. Ч. IV. № 50. С. 54).

¹⁷³ ХП-I. № 588.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ «ИЗБРАННОЙ РАДЫ»

Время боярского правления не было периодом сплошной выдачи тарханных грамот. В 1538—1547 гг. не раз выдавались грамоты с незначительными податными привилегиями или вообще без податных освобождений. Однако период боярского правления в целом характеризуется количественным ростом владений, получивших свободу от основных налогов и повинностей¹. Тем не менее к 1548—1549 гг. истекал срок действия тарханного статуса в вотчинах двух крупнейших духовных феодалов — Троице-Сергиева и Московского Симонова монастырей, не говоря уже о ряде более мелких.

Весной 1548 г. правительство пересмотрело грамоты Песношского и Отмицкого монастырей. Как уже отмечалось (см. гл. IV), в 1547 г. Никольскому Песношскому монастырю были выданы две тарханно-несудимые грамоты на деревни, починки и пустоши в Дмитровском и Кашинском уездах². По этим грамотам монастырские владения освобождались от дани, яма, посошного корма, примета и других пошлин за оброк: 1 руб. с сохи в год. При пересмотре обе грамоты получили следующую приписку от 14 апреля 1548 г.: царь «сее грамоты рушати не велел ничем никому. А ямские деньги даныщиком велел с монастырских сел и деревень с сох имати по розводу, по чему которого году иметца на соху. А на яму им с коньми не стояти». Тожественное постановление содержится в ограничительной подписи (по-видимому, тоже апреля 1548 г.) к грамоте Тверскому Отмицкому монастырю на земли в Тверском и Старицком уездах, совпадающей и по формуляру основного текста с песношскими грамотами³. Следовательно, ямские деньги с владений Песношского и Отмицкого монастырей теперь должны были собираться местными финансовыми органами. Это ограничение тархана, конечно, очень существенно и свидетельствует о том, что правительство Ивана Грозного уже

¹ Подробнее см.: *Каштанов С. М.* История. С. 327—374.

² *Калайдович К. Ф.* С. 110—122. № III. IV (ХП-I, № 543, 551).

³ XII-III. № 1—270; *Каштанов С. М.* Очерки. С. 62, примеч. 39. Ограничение песношских грамот в 1548 г. было впервые проанализировано в нашей дипломной работе, защищенной в МГИАИ в 1954 г. Затем факт ограничения отметили А. А. Зимин и В. Д. Назаров (*Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 333; *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. // История СССР. 1976. № 3. С. 87).

намечало отмену одной из самых важных финансовых привилегий монастырских вотчин — привилегии не платить ямские деньги уездным властям.

Песношский и Отмицкий монастыри привлекли внимание правительства, вероятно, вследствие особой политической ситуации, складывавшейся в связи с возрождением Старицкого удела, и, возможно, вследствие каких-то особых отношений самих этих монастырей с удельным князем Владимиром Андреевичем. Решение на владение уделом отца Владимир Андреевич получил 25 декабря 1541 г.⁴, однако его реальная власть в уделе была довольно шаткой. Выданная 17 марта 1544 г. общая жалованная грамота Ивана IV Троице-Сергиеву монастырю на всю вотчину упоминает селца Станишино, Васильевское и Савастьяново, находившиеся в Старицком уезде, и с. Илемну, расположенное в Верейском уезде⁵. Таким образом, все троицкие владения в Старицко-Верейском уделе оказывались под сюзеренитетом великого князя. 25 сентября 1546 г. срок действия грамоты был продлен до 17 марта 1548 г. Вместе с тем 30 июня 1546 г. Владимир Андреевич направил в Верею указную грамоту городовому приказчику Ивану Бурцеву. Из нее явствует, что с троицкой волости Илемны «по нашей грамоте ты, Ивашко, велишь стояти на яму с подводами»⁶. Значит, еще до 30 июня 1546 г. Владимир Андреевич реально распоряжался делами в Верейском уезде. В грамоте говорится: «...в нашей отчине в Верее и в Вышегороде». 11 ноября 1546 г. от имени Владимира Андреевича была послана грамота в Вышегород тому же городовому приказчику Ивану Бурцеву, который, вероятно, исполнял эту должность как в Верее, так и в Вышегороде. Грамота предписывала взимать оброк вместо всех податей с с. Дикого Симонова монастыря⁷. 13 ноября 1546 г. Симонов монастырь получил тарханно-оброчную грамоту Владимира Андреевича на два села в удельной «замосковской волости... Раменейце»⁸.

Что касается Старицы, то первая известная жалованная грамота Владимира Андреевича на земли в этом уезде (владения А. А. Карачева в вол. Синей) была выдана 5 мая 1544 г.⁹ Следующая по времени — тарханно-оброчная грамота Владимира Андреевича 1546/47 г. Старицкому Иванижскому монастырю на вотчины в Тверском и Старицком уездах¹⁰. Интересно, что в том же промежутке (сентябрь 1546 — август 1547 г.) появилась жа-

⁴ ПСРЛ. Т. 13, 1-я пол. С. 140. В феврале 1541 г. ввозная грамота Василию Баранчеву на село в Старицком уезде была выдана от имени Ивана IV (Акты Юшкова. № 138).

⁵ ГБЛ. Тр. книги 527—529. № 288. (ХП-I. № 466).

⁶ ААЭ. Т. I. № 207 (ХП-I. № 512).

⁷ ГИМ. Сим. кн. 58. По Москве № 52. Л. 206—206 об. (ХП-I. № 521; Зимин А. А. Новые документы. С. 348. № 6; АФЗХ. Ч. IV. № 84).

⁸ ГИМ. Сим. кн. 58. По Москве № 4. Л. 106—108 (ХП-I. № 522; АФЗХ. Ч. IV. № 85).

⁹ ХП-I. № 468.

¹⁰ ХП-III. № I—258.

лованная грамота Ивана IV Афанасьевскому девичьему монастырю в г. Твери на его владения в Тверском, Кашинском, Зубцовском и Старицком уездах¹¹.

Все это позволяет говорить о скрытой борьбе между Иваном и Владимиром Андреевичем за политическое преобладание в регионе, включавшем в себя удел и сопредельные с ним территории. Явная активизация политики Владимира Андреевича наблюдается в начале 1548 г. 11 декабря 1547 г. Иван IV уехал из Москвы в Казанский поход и вернулся в столицу только 7 марта 1548 г.¹² Главным представителем светской власти «на Москве» был оставлен князь Владимир Андреевич, которому царь велел советоваться с митрополитом Макарием. «И грамоты писал царь и великий князь ко князю Володимеру Ондреевичю»¹³. 1 января 1548 г., т. е. во время пребывания Ивана IV в г. Владимире (откуда он затем пошел в Нижний Новгород¹⁴), князь Владимир Андреевич выдал «на Москве» две тарханно-оборочные и несудимые грамоты Троице-Сергиеву монастырю — на все его старицкие¹⁵ и верейские¹⁶ вотчины, чем официально закреплялся сюзеренитет князя над владениями крупнейшего духовного феодала в двух главных частях Верейско-Старицкого удела. Пользуясь своим положением «калифа на час», Владимир Андреевич скрепил грамоты не обычной удельной черновосковской печатью, а печатью на красном воску, что было великокняжеской привилегией¹⁷.

Претензии Владимира Андреевича на великокняжеский престол, обнаружившиеся явственно в марте 1553 г., в период тяжелой болезни Ивана IV¹⁸, нашли, как думается, отражение в грамоте, выданной князем Ферапонтову монастырю в 1552/53 г. (скорее всего, во время болезни царя). Грамота, к сожалению, не сохранилась и упоминается лишь в монастырских описных книгах XVII—XVIII вв., но сведения о ней весьма показательны. Это была грамота «великого князя» Владимира Андреевича, писанная «на харатье, в лист... за красною печатью»¹⁹. Видимо, титул князя описные книги заимствуют из подлинника. Торжественное оформление грамоты: сам материал для письма (пергамен, столь редкий в это время в практике выдачи грамот внутреннего предназна-

¹¹ Там же. № I—259.

¹² ПСРЛ. Т. 13, 1-я пол. С. 155—156.

¹³ БРК. С. 115; ср.: Разрядная книга 1465—1605 гг. М., 1977. Т. I. ч. II. С. 347—348.

¹⁴ ПСРЛ. Т. XIII, 1-я пол. С. 155.

¹⁵ ХП-I. № 567.

¹⁶ Там же. № 568.

¹⁷ Грамота на с. Илемну Верейского уезда дошла в подлиннике (ЦГАДА. ГКЭ. По Верее № 12/2330). В списках с этой грамоты ее печать названа красной (ГБЛ. Тр. книги 527—529. № 107). В подлиннике печать действительно красного воска, на шнуре, но не великокняжеская, а удельная — маленькая, с изображением человека под деревом. Грамота на старицкие земли сохранилась в двух вариантах копий — № 104 и № 106 в составе книг 527—529. В одном варианте (№ 104) говорится о красной печати, в другом (№ 106) — о черной, причем вторая версия является, вероятно, позднейшей переделкой первоначальной.

¹⁸ Зимин А. А. Реформы. С. 410—411.

¹⁹ ХП-III. № I—303.

ния), красная печать — подтверждает возможность такой интитуляции. Едва ли слово «великого» привнесено в опись ее составителем. В грамоте речь шла «о соляной пошлине». Но где она могла взиматься? Известны давние связи вологодского Ферапонтова монастыря с Дмитровом. В 1534 г. монастырь получил грамоту Ивана IV на беспошлинный провоз «товара» (соли и рыбы) в Дмитров и Москву. В ней упоминаются дмитровские и кашинские наместники, волостели Задубровской слободы, мытчики устенские и дубенские и вышегородских волостей²⁰. В феврале 1556 г. Владимир Андреевич полностью подтвердил жалованную тарханно-проезжую грамоту дмитровского удельного князя Юрия Ивановича Кирилло-Белозерскому монастырю 1521 г.²¹, которая по формуляру аналогична ферапонтовской грамоте 1534 г., т. е. относится ко всему торговому пути, проходившему с севера к Москве по территории Кашинско-Дмитровского удела.

В жалованной грамоте от 10 марта 1555 г. Владимир Андреевич разрешил Никольскому Песношскому монастырю беспошлинно покупать 5000 пудов соли в год «в своей отчине на Кимре»²². Кимра (в наше время — Кимры) — село, расположенное при р. Волге и рч. Кимерке²³, севернее Усть-Дубны. Оно являлось важным торговым пунктом на пути с севера в Дмитров и Москву. В указной грамоте Ивана IV, датированной 4 июня 1549 г. и посланной в Дмитров Грише Левонтьеву сыну Оникеева, говорилось: «... да в селе деи на Кимре кимряне и в Рогачеве в лавках торгуют манастирские крестьяне, тутошние жилцы, солью и рыбою, и всяким товаром, и на торгу хлебом и животиною, а емлет деи с них таможенные пошлины игумен песношской з братьею». Кроме того, здесь торговали разного рода приезжие люди, уклоняясь от уплаты таможенных пошлин «дмитровским и кимерским тамошником»²⁴. С полным основанием можно полагать, что песношский игумен взимал пошлины с крестьян с. Рогачева, ибо оно издавна (как вклад князя Петра Дмитриевича) принадлежало монастырю, о чем свидетельствуют грамоты 1547 г.²⁵ Рогачево, расположенное южнее Кимр и северо-западнее Дмитрова, находилось в составе целого комплекса песношских владений в Каменском стане Дмитровского уезда²⁶. Сам монастырь был расположен невдалеке от Рогачева, северо-восточнее его, при впадении рч. Песноши в Яхрому²⁷. Грамота 1549 г. не упоминает рогачевских таможенников.

²⁰ ЛОИИ СССР. Колл. 115. № 444. Л. 11—11 об. (ХП-III. № I—176).

²¹ ААЭ. Т. I. № 170/I (ХП-I. № 171).

²² ХП-II. № 713.

²³ В середине XIX в. — казенное село, в 40 верстах от уездного города Корчевы, имело две ярмарки, еженедельные базары и четыре «завода» (Тверская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. № 6711).

²⁴ ААЭ. Т. I. № 223; РИБ. Т. 32. № 172 (ХП-II, № 602).

²⁵ ХП-I. № 543, 551.

²⁶ См., например, Александровское, севернее Рогачева.

²⁷ Подробнее о местоположении Песношского монастыря см.: *Калайдович К. Ф.* С. 3—6 и план в конце книги. Расстояние от монастыря до Москвы составляло 79 верст по Рогачевской дороге и 87 — по Дмитровской, до Дмитрова — 25 верст (Там же. С. 3).

Вероятно, до 1549 г. монастырь занимался тут сбором таможенных пошлин монопольно. Менее ясен вопрос о правах монастыря в Кимрах. В вотчинной части песношских грамот 1547 г. Кимры не фигурируют. Они не входили в состав монастырской вотчины. Представляется, что в Кимрах правом сбора пошлин с приезжих и местных жителей, не являвшихся крестьянами Песношского монастыря, обладали царские «кимерские таможенники», с песношских же крестьян пошлины взимал монастырь. В грамотах 1547 г. есть специальное постановление о порядке уплаты таможенных пошлин монастырскими людьми: «А кому будет монастырским людем меж себя купити или продати, или что менити, и оне таможенником нашим городцким, ни волосным не являют, а являют своему игумену или его приказщику. А хотя и з городцким человеком или с волосным случитца торг каков или мена, и те их монастырские люди ни городцкому таможеннику, ни волосному не являют, а являют своему игумену; а волосной человек или городцкой, или сельской, и тот являет своему таможеннику». Располагая в силу этого постановления правом взимать таможенные пошлины со своих крестьян в любом месте, монастырь мог узурпировать сбор пошлин и с «кимерских» жителей, в торговые сделки с которыми вступали песношские крестьяне. Фраза указной грамоты 1549 г. «А емлет деи с них таможенные пошлины игумен песношской з братьею» характеризует как будто положение не только в Рогачеве, но и в Кимрах.

Грамота 1549 г. не содержит ни малейшего намека на принадлежность Кимр князю Владимиру Андреевичу. Формально переход этого пункта в его руки может датироваться временем после 3 июня 1549 г. (цитированная указная грамота Ивана IV о таможенных пошлинах) и до 10 марта 1555 г. (жалованная грамота удельного князя Песношскому монастырю о покупке соли). Фактически же, вероятно, Владимир приобрел Кимры в 1553 г. — либо в период болезни Ивана IV, либо сразу после этого в порядке компенсации за отказ от претензий на царский престол. Может быть, предоставление Владимиру Кимр совпало и с временной уступкой ему великокняжеского титула, которым он пользовался в грамоте 1552/53 г. Ферапонтову монастырю. Если вспомнить, что позднее Симеон Бекбулатович тоже получил на небольшой срок (около года) титул великого князя всея Руси, такое предположение не покажется совершенно абсурдным. И ведь в обоих случаях Иван сохранял за собой более высокий — царский — титул. Пожалование Владимиру Андреевичу Кимр было лишь частичным выполнением данных ему, по-видимому, щедрых обещаний.

Ограничение иммунитета, проведенное в 1548 г. в подтвердительных подписях к грамотам Песношскому и Отмицкому монастырям 1547 г., шло вразрез с принципом тарханно-оброчных освобождений, характерным для удельнокняжеской финансовой политики, в том числе и политики Владимира Андреевича в 1546—1548 гг.

В сентябре 1548 г. была пересмотрена и подписана без ограничений несудимая и заповедная грамота Псковскому Петропавловскому монастырю 1510 г.²⁸ Ограничение тарханной грамоты и безусловное подтверждение несудимой свидетельствуют о фискальной направленности предпринимаемой в 1548 г. ревизии жалованных грамот.

Значение проверки жалованных грамот в 1548 г. нельзя преувеличивать. В 1548 г. правительство еще только намечало пути борьбы с иммунитетными привилегиями монастырей.

В 40-х годах XVI в. имела место значительная децентрализация в деле выдачи жалованных грамот, что типично, впрочем, не только для этого периода. Монастыри и другие землевладельцы получали жалованные грамоты как от казначея²⁹, так и от дворецких, имевших «в приказе» различные города и уезды³⁰.

К декабрю 1548 г. наблюдается прекращение выдачи новых тарханских грамот. Однако 3 января 1549 г. один из руководящих деятелей правительства — Д. Р. Юрьев подтвердил жалованную тарханно-несудимую грамоту 1531 г. Корнилеву Комельскому монастырю на владения в Вологодском уезде. Эта грамота содержала освобождение монастырских вотчин от «дани», «яма», мыта, явки, померного, наместничьего корма, предоставляла полный судебный иммунитет, освобождала монастырские торговые операции от тамги и других пошлин, закрепляла один срок вызова жителей монастырских владений в великокняжеский суд, «опричь тех людей, что есми своим бояром приказал обыскивати лихих людей, татей и разбойников, и на которых будет слово лихое взмолвят в татьбе и в розбое, ино яз сам, князь велики, по тех людей пошлоу или мой дворецкой, а сужю их яз или мой дворецкой». В подтверждении 1549 г. говорилось: «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси по сей грамоте пожаловал игумена Ефрема з братьею... Что ми били челом, а сказывали у себя новое прикупное село Погорелое з деревнями, да деревня Болакино з деревнями, даная, в Пошехонье на Ухтоме, и мне бы их пожаловати, тех их попов и дияконов и крестьян, по тому ж, как их старых попов и дияконов и крестьян пожаловал отец наш князь велики Василей Иванович всеа Руси. И яз... игумена Ефрема з братьею... пожаловал: хто у них в том селце и в деревнях учнут жити попов и их людей и крестьян, наместники наши и волостели и все пошлинники у них ходят о всем по тому, как в сей грамоте писано, и сее есми у них грамоты рушити не велел никому ничем»³¹. Вполне определенно подтверждение относилось здесь только к несудимой части грамоты (где фигурируют наместники). Подтверждались ли при этом все податные освобождения, сказать трудно. Однако бесспорно, что, подтверждая привилегии (по крайней мере

²⁸ ХП-I. № 73; *Каштанов С. М., Робинсон А. Н.* Две жалованные грамоты 1510 г. псковским монастырям // ЗОР. М., 1961. Вып. 24. С. 244, 245, 256.

²⁹ ХП-I. № 375, 541; ХП-II. № 598 и др.

³⁰ ХП-I. № 346, 379, 584 и др.

³¹ ГПБ. Собр. актов и грамот. № I—102 (ХП-I. № 277).

судебные) старых монастырских владений, правительство распростираняло их на новые монастырские земли.

Только после февральского собора 1549 г., когда к власти пришло новое правительство (Адашев, Сильвестр), началась систематическая борьба с финансовыми привилегиями крупных феодалов.

В феврале 1549 г. была выдана несудимая и заповедная грамота Кирилло-Белозерскому монастырю на с. Санниково в Романовском уезде, расположенном южнее Пошехонья, ближе к Угличу³². Эта грамота построена по формуляру грамоты 1533 г. на вологодские и белозерские владения Кириллова монастыря³³, в обеих грамотах за монастырем закреплялся полный судебный иммунитет, «опричь одного душегубства», и один срок вызова монастырских людей в царский суд по искам посторонних лиц. 5 февраля 1549 г. была подтверждена несудимая и на данного пристава жалованная грамота 1523 г. Рязанскому Покровскому монастырю³⁴.

Грамота 1533 г. Кириллову монастырю и грамота 1531 г. Корнилиеву Комельскому монастырю имеют много общего в содержании (односрочность, необычная широта вотчинной юрисдикции) и касаются территории одного и того же района³⁵. Возможно, какие-то специфические для Вологодского уезда факторы определили существо несудимых разделов рассматриваемых грамот³⁶.

Не случайно, на наш взгляд, в 1549 г. правительство почти одновременно обратилось к этим двум грамотам и подтвердило одну из них, а по другой выдало новую грамоту³⁷. Надо учесть, что в январе 1549 г. Иван IV подтвердил еще льготную грамоту своего брата Юрия Васильевича расположенному в Угличском уезде Учемскому Афанасьевскому монастырю³⁸. Между прочим, подтверждение (или даже продление) льготы не было в это время насущным для монастыря: в грамоте, выданной в октябре 1547 г., льгота предоставлялась на три года, так что ее истечение ожидалось, по-видимому, лишь осенью 1550 г. Иван IV просто отнял у Юрия удел, отданный ему в 1547 г., и пытался закрепить акт захвата путем подтверждения жалованной грамоты. Вологодские, пошехонские и романовские территории примыкали к Угличскому уезду с северо-востока. Выдача грамот на эти земли входила в серию мер, гарантировавших благополучную ликвидацию Угличского удела. Подтверждение в сложившейся ситуации

³² ЦГАДА. ГКЭ. По Романову № 2/10107 (XII-II. № 597).

³³ ЦГАДА. ГКЭ. По Вологде № 9/2580 (XII-I. № 292).

³⁴ ЦГИА СССР. Ф. 834. (Рукописи Синода). Оп. 3. № 1917. Л. 80—82 об. (XII-III. № I—85).

³⁵ К грамоте 1533 г. очень близка по формуляру грамота 1528 г. на вологодские деревни Кирилло-Белозерского монастыря (ЦГАДА. ГКЭ. По Вологде № 4/2575; XII-I. № 255).

³⁶ Каштанов С. М. История. С. 271—272.

³⁷ В сентябре 1549 г. грамота 1533 г., в свою очередь, получила подпись на царское имя (XII-I. № 292).

³⁸ ЦГАДА. Ф. 248 (Канцелярия Сената). Кн. 192. Л. 259 (XII-I. № 553).

норм, зафиксированных в грамотах 1531—1533 гг. Корнилиеву и Кирилло-Белозерскому монастырям, представляет большой интерес. Этот выбор был, вероятно, обусловлен ростом классовой борьбы в северных уездах, которую мы наблюдали еще в 1547—1548 гг.³⁹ Правительство использовало грамоты, дававшие готовый «рецепт» против классовой борьбы: внеурочный вызов «лихих людей» в великокняжеский суд, предоставление свободы рук вотчинникам на местах — закрепление сеньориальной юрисдикции в расширенном объеме.

Можно полагать, что грамоты начала 1549 г., касавшиеся территории к северо-востоку от Углича, составляли вторую часть серии грамот, выданных в связи с ликвидацией Угличского удела. Первой же частью этой серии были грамоты ноября-декабря 1548 г., которые относились к уездам, расположенным южнее и западнее Углича, — Дмитровскому, Переславль-Залесскому и Кашинскому.

В ноябре 1548 г. тарханно-проезжую и ружную грамоту получил Троицкий Данилов монастырь в г. Переславле-Залесском⁴⁰. В грамоте фиксировалось право представителей монастыря безмытно проезжать в Холопий, Балахну, Нижний Новгород, Москву и производить там торговые операции без уплаты тамги, весчего и других пошлин. Весьма показательно упоминание в грамоте Холопьяго торгога, очевидно числившегося в Угличском уделе (Холопий в первой четверти XVI в. принадлежал Дмитрию Ивановичу Угличскому⁴¹). Кроме того, интересно, что сам Переславль-Залесский, по наблюдениям А. А. Зиминой, ведался Угличским дворцом⁴². К ноябрю 1548 г. относится и свидетельство о деятельности Ф. Г. Адашева в качестве угличского дворецкого⁴³. Таким образом, есть известные основания в какой-то мере связать выдачу грамоты Данилову монастырю в ноябре 1548 г. с борьбой за ликвидацию Угличского удела.

Одновременно правительство укрепляло свои позиции в районе Кашина, примыкавшего к Угличу с запада, и Дмитрова, находившегося южнее Углича. Кашин и Дмитров являлись наследием умершего в 1536 г. удельного князя Юрия Ивановича Дмитровского. Ликвидация Угличского удела в конце 1548 — начале 1549 г. была чревата опасностью возникновения характерной для XVI в. ситуации, когда при уничтожении одного удела удельными князьями ставился вопрос о возрождении и передаче им в порядке компенсации другого недавно ликвидированного или выморочного княжества. В 1548/49 г. такой вопрос могли поставить сторонники существования уделов Юрия Угличского и Владимира Старицкого. Вот почему больше чем через 12 лет после

³⁹ Каштанов С. М. История. С. 372—373.

⁴⁰ ААЭ. Т. I. 222.

⁴¹ Там же. № 228.

⁴² Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства // Ист. зап. М., 1958. Кн. 63. С. 193, примеч. 121.

⁴³ Там же. С. 197.

смерти Юрия Дмитровского, в декабре 1548 г., правительство Ивана IV решило переписать владения Калязина монастыря в Кашинском и Дмитровском уездах «в свою новую жаловальную в одну грамоту... как были у них жаловальные грамоты преже сего князь Юрьевские Ивановича»⁴⁴.

Иную сферу применения иммунитета составляли в начале 1549 г. территории, находившиеся под угрозой набегов казанских и крымских татар. В феврале 1549 г. правительство подтвердило льготную грамоту Нижегородскому Печерскому монастырю 1540 г. на с. Высокое Нижегородского уезда и с. Кидекша Суздальского уезда⁴⁵. Село Высокое к 1540 г. было «все пустое: от казанские войны люди побиты, а иные в полон иманы, и дворов нет, и пашни не пашут». Село же Кидекша, если верить монастырской челобитной, опустело от налогов. В 1540 г. монастырь получил льготу на 10 лет (до 1550 г.). В 1549 г. льгота была продлена «вперед на пять лет» — с января 1550 г. по январь 1555 г. В подтвердительной подписи фиксировалось освобождение от дани, ямских денег, посочной службы, наместничьего корма, ямского дела и др. Таким образом, правительство проявило заботу о росте народонаселения и укреплении экономического благосостояния этого района. Улучшение хозяйственного положения здесь имело для правительства не только фискальное, но и военно-стратегическое значение, ибо опустошенный край не мог служить удобным плацдармом для русского войска, нуждавшегося в многосторонней помощи местного населения (продовольствием, лошадьми, проводниками и т. д.). Возможно, планам экономического подъема в районе Балахны — Нижнего Новгорода способствовало и упоминавшееся выше разрешение Данилову монастырю производить в этих пунктах беспошлинные торговые операции (при недостаточной развитости местной торговли в Нижегородской земле⁴⁶ монастырь едва ли нанес бы ущерб непривileгированным торговым людям).

Интересно, что обе грамоты, содержавшие значительные податные привилегии, — грамота Корнилиеву монастырю 1531 г. и грамота Нижегородскому Печерскому монастырю 1540 г. — были подтверждены одним и тем же дьяком — Яковом Шелкаловым.

5 февраля 1549 г., как уже отмечалось, правительство подтвердило (в связи с пожалованием нового данного пристава) несудимую и заповедную грамоту Василия III 1523 г. Рязанскому Покровскому монастырю на села и деревни в Переславль-Рязанском уезде⁴⁷. Так, наряду с вниманием к району, расположенному на главной линии русско-казанских конфликтов (Нижний Новгород), в сферу активной правительственной политики попал и район, находившийся под угрозой нападения крымцев.

⁴⁴ ХП-I. № 595.

⁴⁵ Там же. № 413.

⁴⁶ Об этом косвенно свидетельствует отсутствие таможенных грамот Нижнему Новгороду и Балахне.

⁴⁷ ЦГИА СССР. Ф. 834. Оп. 3. № 1917, л. 80—82 об. (ХП-III. № 1—85).

Одновременно с подтверждением грамот Нижегородскому Печерскому и Рязанскому Покровскому монастырям в феврале 1549 г. была выдана жалованная грамота Великоустюжскому Успенскому Богородицкому собору на деревни в разных станах Устюжского уезда⁴⁸, который являлся частым объектом казанских набегов. Собор получил важную привилегию: его крестьяне освобождались от городского дела — этой чрезвычайно ответственной повинности, имевшей особое значение в Устюге, где перспектива татарских набегов обуславливала необходимость регулярного укрепления городских стен. Собор мотивировал свою просьбу отсутствием у него руги. Пожалование ему не руги, а освобождения от городского дела объясняется, вероятно, сравнительно небольшим удельным весом церковно-монастырского землевладения в Устюжском крае: наличие здесь многочисленного чернососного населения позволяло перенести на его плечи бремя городского дела без ущерба для выполнения этой повинности в рамках всего уезда и сэкономить на руге, что едва ли было бы возможно в уездах с преобладающим частнофеодальным землевладением.

Вотчинная юрисдикция собора ограничивалась изъятием из нее права суда по двум категориям дел — душегубству и разбою с поличным, т. е. судебный иммунитет предоставлялся Великоустюжскому собору в более узком объеме, чем Корнильеvu Комельскому и Кирилло-Белозерскому монастырям на их вологодско-пошехонские и романовские земли, что, возможно, связано с иным характером классовой борьбы в Устюжском крае по сравнению с районом Вологды — Романова. По искам посторонних лиц для всего населения, жившего во владениях собора (от феодально зависимых «людей и крестьян» до самого протопопа), назначался один срок явки в царский суд, причем срок этот мог быть «наметан» лишь специальным «данным приставом».

В основе грамоты 1549 г. лежал текст подтвержденной в 1538 г., т. е. официально действующей грамоты Василия III 1507 г. тому же собору⁴⁹. Сопоставление грамот 1507 и 1549 гг. показывает, что, во-первых, грамота 1549 г. касалась не только старых владений собора, на которые была выдана грамота 1507 г., но и новых («прикуп, что им давали устюжане черные деревни по своим душам»); во-вторых, в грамоте 1507 г. нет имеющих в грамоте 1549 г. постановлений об освобождении от городского дела и земских проторов и разметов; в-третьих, в грамотах зафиксирована различная степень ограничения вотчинной юрисдикции: в грамоте 1507 г. — «оприч душегубства и разбоя и татьбы с поличным», в грамоте 1549 г. — «оприч душегубства и разбоя с поличным». Можно, значит, констатировать увеличение территориальных и иммунитетных прав собора в 1549 г. сравнительно с 1507 г. В 1549 г. был расширен как податной, так и судебный иммунитет монастыря.

В грамоте 1507 г. при определении объема вотчинной юрисдикции указан следующий состав лиц, подведомственных суду намест-

⁴⁸ ХП-II. № 598.

⁴⁹ ХП-I. № 57.

ников и архиепископских десятильников: протопоп с попами и дьяконами, их причт церковный и крестьяне. Отсюда, вероятно, следует, что власти собора подлежали десятильничьему суду в вопросах душегубства, разбоя и татбы с поличным. Однако в тяжбах с посторонними лицами протопоп и братия были подсудны великому князю. Одна из статей грамоты указывает: если «кому» придется «искать» на протопопе, попах и дьяконах, то их судит великий князь. Другая статья устанавливает срок явки в великокняжеский суд. Ее необычность состоит в подробном перечислении лиц, с кем могли завязываться тяжбы соборного начальства и церковнослужителей: «А каково будет протопопу и попом и диаконом дело до наместничих людей и до тиуних и до устюжан, и оне на них наметывают срок сами перед меня, перед великого князя, на Устретеньев день; а кому будет каково дело до протопопа и до его братии, и оне на них наметывают срок по моей... грамоте на тот срок на Устретеньев день».

Грамота 1549 г. еще более усилила привилегированность собора. В ней протопоп с братией, попы, дьяконы и церковный причт вообще не фигурировали в статье, определяющей юрисдикцию наместников и десятильников, — этим собор ставился на одну ступень с другими привилегированными духовными корпорациями. Статья о сроке явки в суд по искам посторонних, с одной стороны, была приближена к общему шаблону путем исключения из нее имевшегося в грамоте 1507 г. перечня лиц, с которыми могли возникнуть тяжбы, с другой стороны, в ней были упомянуты, помимо протопопа и других церковнослужителей, также люди и крестьяне. Таким образом, статья получила более широкую сферу применения, причем самая важная перемена для собора как феодала-землевладельца заключалась в том, что теперь его крестьяне могли отлучаться из вотчины по судебным делам только один раз в году — зимой, на сретенье. Правда, в статье о царском суде в грамоте 1549 г., как и в грамоте 1507 г., названы лишь протопоп, священники и дьяконы, но вместе с тем устанавливался общий срок для всего населения соборных владений: значит, люди и крестьяне, подобно властям и церковнослужителям собора, оказывались подсудными в исковых делах центральному суду. Это опять-таки сокращало сферу компетенции наместничьего суда. Наконец, если по грамоте 1507 г. протопоп с братией должны были «сами» вызывать посторонних в великокняжеский суд, то грамота 1549 г. включала вызов в функцию данного пристава, чем собор приравнялся к другим привилегированным духовным землевладельцам. Вызов в суд с помощью данного пристава имел преимущества перед вызовом собственными силами: во-первых, он требовал меньших материальных и моральных затрат; во-вторых, он способствовал ослаблению зависимости грамотчика от наместников; в-третьих, он был более эффективным, так как пристав являлся царским чиновником, облеченным официальными полномочиями.

Вся совокупность нововведений грамоты 1549 г. закрепляла

превращение Успенского собора в весьма влиятельного земельного собственника Устюжского края⁵⁰. Стремление правительства зафиксировать эти изменения в феврале 1549 г. определялось не только усилением экономических позиций собора и необходимостью опереться на него в стратегически важном Устюге, но и определенными внутривластными мотивами. В Устюжском уезде правительство по традиции держало тиунов великой княгини, которые управляли там определенными территориями⁵¹. Очевидно, это имело политическое значение: летом 1538 г., вскоре после смерти Елены Глинской (апрель 1538 г.), боярская группировка, стоявшая у власти, поспешила подписать на имя Ивана IV две грамоты Великоустюжскому собору⁵². С тех пор, по-видимому, тиуны великой княгини в Устюжский уезд не назначались — великих княгинь с апреля 1538 г. до брака Ивана IV в начале 1547 г. в России не было. Надо полагать, что родня царицы добивалась восстановления прежнего положения в Устюжском уезде.

Однако Глинские и Шуйские, возможно, не допустили этого шага, ведшего к укреплению позиций Романовых — Юрьевых⁵³. Скорее всего, именно увеличение влияния последних после марта 1548 г. обусловило реставрацию института тиунов великой княгини в Устюжском уезде. Такое полуудельное конституирование Романовых едва ли импонировало царю. Несудимый раздел грамоты 1549 г. Великоустюжскому Успенскому собору, значительно отступающая от соответствующего раздела грамоты ему же 1507 г., приближается к формуляру грамоты 1510 г. Великоустюжскому Архангельскому монастырю⁵⁴. В грамоте 1510 г. устанавливался более широкий аппарат чиновников великого князя, чем в грамоте 1507 г. В грамоте 1507 г. фигурируют великокняжеские наместники, их тиуны и затем тиуны великой княгини; в грамоте 1510 г. — великокняжеские наместники, волостели, наместничьи и волостелины тиуны, великой княгини тиуны, поселские Соли Вычегодской; в грамоте 1549 г. — царские наместники, волостели, их тиуны и тиуны царицы. Таким образом, в грамоте 1549 г. мы наблюдаем максимальный штат чиновников царя и минимальный — царицы, в грамоте же 1507 г. — минимальный штат чиновников великого князя.

⁵⁰ Для одних грамот устюжским духовным феодалам первой половины XVI в. характерно изъятие из вотчинной юрисдикции душегубства и разбоя с поличным (ХП-1. № 79, 254, 575), для других — еще и татьбы (Там же. № 57, 544). Податные освобождения (от дани, ямских и пищальных денег, посошной службы) должна была сохранить здесь (до 1558 г.) лишь Благовещенская Толшменская церковь (Там же. № 575), крестьяне которой не получили, однако, свободы от городского дела.

⁵¹ Там же. № 57, 59.

⁵² Там же. № 57, 141.

⁵³ В относящихся к Устюжскому уезду грамотах 1547 и 1548 гг. не находим сведений о царицыных тиунах (Там же. № 544, 547), хотя грамота 1548 г. в этом отношении малопоказательна, так как предшествующая ей грамота 1528 г. на те же земли также не упоминает тиунов великой княгини (Там же. № 254).

⁵⁴ Там же. № 79.

Если, однако, считать тенденцию грамоты 1549 г. непоказательной на основании того соображения, что грамота 1507 г. касалась, может быть, узкой территории, примыкавшей к городу, и отсюда выводить молчание о волостелях, то будет трудно объяснить другое отступление грамоты 1549 г. от грамоты 1507 г.: наличие в грамоте 1549 г. отсутствующих в грамоте 1507 г. и приведенных в грамоте 1510 г. статей, касающихся расследования случаев душегубства. Два варианта, предусмотренные в грамоте 1510 г. (2 руб. «веры» наместнику при невыдаче душегубца и свобода от штрафов, когда душегубец выдан), были целиком восприняты грамотой 1549 г. и дополнены третьим вариантом (вопрос о «бесхитростном» душегубстве). В отличие от грамоты 1510 г. грамота 1549 г. всюду рядом с наместником ставит волостеля. Представители же великой княгини по грамотам 1510 и 1549 гг. в расследовании этих дел не участвовали.

При реставрации института тиунов великой княгини могли быть использованы различные традиции. Вопрос заключался в том, насколько значительные полномочия получают царицыны тиуны. Анализ грамот позволяет заключить, что Иван IV стремился следовать традиции уменьшения роли тиунов великой княгини за счет расширения собственно царского аппарата и возложения на него основных управленческих задач. Одновременно усиливался иммунитет влиятельного землевладельца по отношению ко всем этим органам, вместе взятым.

Устюжский уезд по традиции ведался царской казной⁵⁵, а казначеями в начале 1549 г. были И. И. Третьяков, известный сторонник группировки Шуйских⁵⁶, и Ф. И. Сукин, занявший должность казначея при Глинских, не позднее октября 1546 г.⁵⁷ И. И. Третьяков и Ф. И. Сукин «приказали» жалованную грамоту Великоустюжскому собору. Неудивительно, что именно эти, по-видимому антиромановски настроенные, деятели явились проводниками политики ограничения компетенции тиунов великой княгини. Права казны в грамоте 1549 г. были подчеркнуты яснее, чем в грамоте 1507 г. В последней сказано, что в исковых делах протопопа с братьею, попов и дьяконов судит великий князь. В грамоте 1549 г. к этому добавлены слова грамоты 1510 г.: «или мои казначей» (можно прочесть также: «или мой казначей»).

Грамоты начала 1549 г. использовали также ярко проявившуюся в 1547 и 1548 гг. тенденцию ограничения судебной власти церковных иерархов. Подтвержденная в январе 1549 г. грамота 1531 г. Корнилиеву Комельскому монастырю в одной из своих статей гласила: «Что у них в монастыре и в селех и деревнях [у]⁵⁸ храмов священников их учнут служити, и тем священником и дияконом митрополиту и епископом дани в казну не давати;

⁵⁵ Там же. № 79, 254, 575; Назаров В. Д. Указ. соч. С. 94.

⁵⁶ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений. С. 194.

⁵⁷ Там же; Назаров В. Д. Указ. соч. С. 93.

⁵⁸ В подлиннике буква «у» отсутствует; в квадратных скобках добавлено нами по смыслу.

ни десятильником, ни заезщиком к ним не въезжати ни по что»⁵⁹. Как указывалось выше, по грамоте 1507 г. Великоустюжскому собору церковнослужителей в уголовных делах судили десятильники архиепископа (ростовского), в грамоте же 1549 г. хотя десятильники и упоминались в числе судей, они практически лишались права суда над соборными церковнослужителями, так как те не названы в перечне категорий населения, подсудных наместникам и десятильникам. Показательно, что в отличие от грамоты 1507 г. в грамоте 1549 г. десятильники уже не фигурируют в статье о смешанном суде. В грамоте 1507 г. имелась статья, декларировавшая подсудность протопопа и соборных церковнослужителей в «духовном деле» ростовскому архиепископу. В грамоте 1549 г. этой статьи нет. Таким образом, можно допустить, что компетенция ростовского архиепископа и его чиновников в отношении властей собора была сведена если не к нулю, то, во всяком случае, к минимуму.

Летом и осенью 1549 г. предпринимался дальнейший частичный пересмотр жалованных грамот. В июле 1549 г. была подписана без ограничений жалованная грамота 1544 г. Каргопольскому Челменскому монастырю. Ее пересмотром руководили казначей И. П. Головин и Ф. И. Сукин⁶⁰. 19 августа 1549 г. была подтверждена тарханно-оборочная и несудимая грамота 1485 г. великого князя Ивана Ивановича Троице-Сергиеву монастырю на тверские деревни новоторжского села Медны⁶¹, что могло быть связано с предстоявшей свадьбой Владимира Андреевича Старицкого и возможным расширением по этому поводу его территориальных притязаний на земли, близкие к Старицкому уделу (согласно сообщению свадебного дела, царь принял решение женить Владимира Андреевича 10 сентября 1549 г., но отложил свадьбу из-за Казанского похода; 24 мая 1550 г. состоялись смотрины невест, а 31 мая — свадьба; в Пространной редакции разрядных книг свадьба Владимира Андреевича отнесена к сентябрю 1549 г., а в Никоновской летописи — к 18 мая 1550 г.)⁶².

Нам известны также жалованные грамоты Кирилло-Белозерскому монастырю 1522⁶³, 1538 и 1546 гг.⁶⁴, подтвержденные 12 сентября 1549 г. одним из крупных руководителей финансового ведомства, сторонником А. Ф. Адашева — дьяком Юрием Сидоровым. В сентябре 1549 г. дьяком Никитой Фуниковым была подтверждена жалованная несудимая грамота Ивана III Кирилло-Белозерскому монастырю 1488 г. на села и деревни на Белоозере. Объем судебного иммунитета закреплялся в ней «опроче одного душегубства». Вероятно, тогда же (7058 г.) Никита Фуников

⁵⁹ ГПБ. Собр. актов и грамот. № 1—102 (ХП-I. № 277).

⁶⁰ ЛОИИ СССР. Собр. актов до 1613 г. № 1/156 (ХП-I. № 464).

⁶¹ АСЭИ. Т. I. № 518. С. 393.

⁶² ДРВ. 2-е изд. Ч. XIII. С. 46; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. I, ч. II. С. 367; ПСРЛ. Т. 13, 1-я пол. С. 160; Быкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 109, 117.

⁶³ ХП-I. № 187.

⁶⁴ Там же. № 378; ХП-III. № I—193; ГПБ. Собр. СПб. Д/А. № А II/47. Л. 75 об.

подписал на царское имя проезжую грамоту Василия III Кирилло-Белозерскому монастырю 1506 г.⁶⁵

Грамоты, подписанные летом и осенью 1549 г. на царское имя, отличаются довольно узким кругом финансовых привилегий. Грамота Каргопольскому монастырю была несудимой, грамота Кирилло-Белозерскому монастырю 1488 г. — также несудимой, грамота 1522 г. — заповедной. Из кирилловских грамот 1538 г. одна освобождала от пошлин при провозе и купле товара на 20 руб., другая содержала судебные и заповедные привилегии. Правда, весьма щедрой была подтвержденная 20 ноября 1549 г. тарханно-проезжая грамота Василия III 1527 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю на торговые экспедиции в Новгородскую землю, на Белоозеро, в Волок, Ржеву и Дегунино⁶⁶. Довольно щедрой можно считать и тарханно-оброчную грамоту 1485 г. Троице-Сергиеву монастырю. Подтверждение троицкой и волоцкой грамот объясняется, по-видимому, стремлением правительства нейтрализовать влияние Владимира Андреевича Старицкого в волоцко-ржевско-новоторжско-тверском регионе.

Весьма важным мероприятием правительства Ивана IV в 1549 г. было ограничение таможенных льгот ряда духовных феодалов. Еще в середине января 1549 г. появилась таможенная запись (за подписью дьяков Никиты Фуникова и Федора Семенова), сохранившаяся без начала и относящаяся, кажется, лишь к району Вологды. В ней предписывалось брать таможенные пошлины «и с грамотчиков, и со всех без омены»⁶⁷. 4 июня 1549 г. дмитровскому городовому приказчику была послана грамота, из которой явствует, что царь лишил таможенных и торговых привилегий широкий круг лиц и учреждений, обладавших прежде правом беспошлинной торговли в Дмитрове, Кимрах и Рогачеве. В числе потерявших привилегии оказались московские монастыри — Успенский Симонов, Рождественский и Вознесенский, дмитровский монастырь — Никольский Песношский и тверской — Благовещенский Перемерский, а также Московский Успенский собор («Пречистые соборные церкви с площади»). Однако торговые льготы крупнейших монастырей были пока сохранены: «И яз, царь и великий князь, ныне те все свои грамоты жаловальные тарханные в одних в своих в таможных пошлинах и в померных порудил, oprичь троецких Сергиева монастыря и Соловецкого монастыря, и Нового девича монастыря, что на Москве, и Кирилова монастыря, и Воробьевские слободы»⁶⁸. О сохранении

⁶⁵ АСЭИ. Т. II. № 278; ГПБ. Q—IV—133а. С. 246. № 48 (ср.: XII-I. № 28).

⁶⁶ АФЗХ. Ч. II. № 102 (XII-I. № 251).

⁶⁷ АЮБ. Т. I. № 122. Стб. 729—731. В. Д. Назаров пишет, что этот «акт почему-то не привлек внимания исследователей» (Назаров В. Д. Указ. соч. С. 95), однако не ссылается на указание его в нашем хронологическом перечне (XII-II. № 596).

⁶⁸ РИБ. Т. 32. № 172. Стб. 295—297 (XII-II. № 602). О грамоте см. также: Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952. С. 192; Зимин А. А. Реформы. С. 333; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 215—216; Назаров В. Д. Указ. соч. С. 95, примеч. 97.

таможенных привилегий крупных монастырей свидетельствует подтверждение 29 июля и 12 сентября 1549 г. тарханно-проезжих грамот Кирилло-Белозерскому монастырю 1529 и 1546 гг.⁶⁹ и упомянутое подтверждение в ноябре 1549 г. тарханно-проезжей грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю.

1549 год ознаменовался также большой сдержанностью правительства в отношении выдачи новых иммунитетных грамот. Две из них предоставляли духовным корпорациям право сбора пошлин с посторонних лиц — пятна⁷⁰ и подымного⁷¹. В жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю на с. Дебалы и слободку на р. Где Ростовского уезда⁷² отсутствовало освобождение от главных казенных платежей. Грамота 1549 г. Каргопольскому Спаскому монастырю освобождала от таможенных пошлин строго регламентированное количество монастырского товара⁷³. Только одна грамота Троице-Сергиеву монастырю — от 19 сентября 1549 г. — содержит освобождение от ямских денег и пососной службы⁷⁴. Но сама эта грамота не совсем обычна. Объектом пожалования в ней было с. Ондреевское Звенигородского уезда, отданное монастырю «в вечной поминок» по душе дяди царя — князя Юрия Ивановича. Грамота имела особое политическое значение. Видимо, Звенигород как часть наследства князя Юрия стал объектом притязаний со стороны князя Владимира Андреевича Старицкого. Впрочем, податное освобождение пожалованных земель не было полным. В отличие от грамоты Устюжскому Успенскому собору в грамоте Троице-Сергиеву монастырю содержалось требование исполнять городовое дело.

В качестве еще одного исключения можно указать тарханно-несудимую грамоту от 22 сентября 1549 г. Московскому Новоспасскому монастырю на с. Семеновское Бартенева с деревнями в Можайском уезде⁷⁵. Она предоставляла освобождение от дани, ямских денег, пососной службы, наместничьих кормов и т. п., а судебный иммунитет — «опричь одново душегубства». Широта этой привилегии могла быть вызвана опять-таки особыми обстоятельствами. Село Семеновское являлось бывшей вотчиной кн. И. И. Кубенского, данной «в вечной поминок» по князе М. Б. Трубецком. Неопределенна хронология (сентябрь 1548 г. — август 1549 г.) несохранившейся «тарханной» грамоты Ивана IV Спасо-Евфимьеву монастырю⁷⁶.

Неудача Казанского похода 1549—1550 гг. ускорила проведе-

⁶⁹ ГПБ. Собр. СПб. Д/А. № А II/47. Л. 68об. — 72 об. (ХП-III. № I—104). Л. 75 об.

⁷⁰ Грамота Вологодскому Спасо-Каменному монастырю (ХП-II. № 601).

⁷¹ Грамота Успенской церкви во Владимире (ХП-II. № 607).

⁷² ЦГАДА. ГКЭ. По Ростову № 23/10560 (ХП-II. № 610). О грамоте см. также: Носов Н. Е. Указ. соч., С. 220—225.

⁷³ АИ. Т. I. № 152.

⁷⁴ ЦГАДА. ГКЭ. По Можайску № 11/7615 (ХП-II. № 612). О грамоте см. также: Носов Н. Е. Указ. соч. С. 216—220.

⁷⁵ ЛОИИ СССР. Колл. 107 (М. П. Погодина.) Оп. I. № 5 (ХП-III. № I—285).

⁷⁶ ХП-III. № I—282.

ние правительством Ивана Грозного военных реформ. Военные реформы 1549—1551 гг. и подготовка к новому походу на Казань требовали больших государственных расходов. В этот момент вопрос о судьбе монастырских податных привилегий встал особенно остро. Его разрешению была посвящена ст. 43 Судебника 1550 г., запретившая выдачу тарханских грамот кому бы то ни было. Впредь разрешалось выдавать только льготные, уставные и полетные грамоты. Кроме того, ст. 43 предписывала «старые тарханские грамоты поимати у всех». Ст. 43 ничего не говорила об отмене льготных грамот. Правительство, видимо, не собиралось их нарушать, поскольку, как выяснено нами в специальном исследовании, к 1550 г. лишь немногие из них сохранили силу⁷⁷.

О ненарушении несудимо-заповедных грамот свидетельствует подписание на царское имя 23 июня 1550 г. жалованной грамоты 1542/43 г. вологодскому Арсеньеву Комельскому монастырю. Названная грамота, фиксирующая судебный иммунитет, не подверглась ограничениям; наоборот, в подтвердительной подписи была еще раз закреплена подсудность строителя монастыря царю или его дворецкому⁷⁸. В сентябре 1550 г. правительство подтвердило несудимую и заповедную грамоту 1546 г. Вологодской Павловой пустыни на земли в Вологодском, Костромском и Белозерском уездах⁷⁹.

В новых иммунитетных грамотах 1550 г. совершенно отчетливо прослеживается тенденция ограничения податных привилегий монастырей. В грамотах, полученных монастырями в апреле—июне 1550 г., т. е. до издания Судебника, отсутствовало освобождение от главных поземельных податей, находившихся в центре внимания государевой казны. Апрельская грамота Ярославскому Спасскому монастырю⁸⁰ и июньская грамота Суздальскому Покровскому монастырю⁸¹ были чисто несудимыми. Выданная в июне 1550 г. жалованная грамота Соловецкому монастырю предоставляла в распоряжение последнего деревни и дворы в Обонежской пятине «с наместничи и с волостелиными доходы и со всеми пошлинами, оприч обежные дани и ямских денег и

⁷⁷ Каштанов С. М. Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // История СССР. 1985. № 4. С. 118—136.

⁷⁸ XII-I. № 438.

⁷⁹ Ярослав-Ростовский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. Ростовский филиал. № 169. Л. 34 об.—39 об. (XII-III. № 1—255).

⁸⁰ XII-II. № 617.

⁸¹ ГАВО. Ф. 575 (Покровский монастырь). Оп. 1. № 34. Л. 2—5 (XII-II. № 618; XII-III. № 1—289). Кроме этой грамоты, относящейся к волости Талше Владимирского уезда, монастырь получил, вероятно, данную и несудимую грамоту на село Ухтому Белозерского уезда. Сохранился текст послушной на Ухтому от 4 января 1550 г. (ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 1. Л. 5). Жалованная несудимая грамота царя Василия Шуйского на Ухтому от 31 августа 1606 г. (Там же. Л. 12—12 об., 60—61 об., с продолжением подтверждений на л. 13—13 об.) восходит через грамоту Лжедмитрия I 1605 г. и, возможно, через предшествовавшую ей грамоту царя Федора Ивановича к грамоте Ивана IV. В грамоте 1606 г. судебный иммунитет предоставлялся «опричь одново душегубства»

примету»⁸². В грамоте Корнилиевой Новой пустыни Костромского уезда было записано: «...не дают ничего, оприч ямских денег»⁸³.

В грамотах второй половины 1550 г., выданных после появления Судебника, также отсутствует освобождение от главных податей. В большинстве грамот июля — декабря 1550 г. содержится только несудимые и заповедные привилегии⁸⁴. Правда, в сентябре 1550 г. Троице-Сергиеву монастырю удалось добиться весьма существенного права самому вносить ямские деньги в казну и поставлять посошных людей, что избавляло монастырские вотчины от въезда местных сборщиков, хотя и не освобождало от податей вообще⁸⁵.

Грамоты 1550 г. предоставляли очень широкий круг судебных привилегий. Судебный иммунитет ограничивался, как правило, только «оприч душегубства»⁸⁶. Это свидетельствует о продолжавшейся и в течение 1550 г. острой классовой борьбе в феодальной деревне.

В 1550 г. в монастырских вотчинах создалось весьма любопытное положение. С одной стороны, Судебник провозгласил прекращение выдачи новых и наметил пересмотр старых тарханов, с другой стороны, прежние тарханные грамоты еще находились в руках монастырей-вотчинников и не потеряли своей юридической силы, хотя вполне возможно, что уже с лета 1550 г. началась «поймка» тарханов согласно ст. 43 Судебника. В создавшемся положении большую роль сыграла, очевидно, местная царская администрация, которая, широко толкуя статью Судебника, с энтузиазмом принялась «рудить» старые тарханы, т. е. первая устроила «пересмотр» жалованных грамот. Ярко свидетельствует об этом челобитье игумена Троице-Сергиева монастыря Серапиона II Курцева. Серапион жалуется царю на наместников, волостелей, городовых приказчиков и разных посланников, начавших «рудить» монастырские жалованные грамоты: «...и наместники деи наши и волостели и их тиуну людей их и крестьян, и дворников, которые живут за монастырем и торгуют монастырским товаром, судят их и всякие пошлыны на них емлют силно, и на мытех мытчики с их людей и с товару емлют пошлину и судят их силно через наши жалованные грамоты, а приказщики де наши городовые ямские денги с них емлют по городом, и в том деи у них их людем и крестьяном и дворником чинятца продажи и убытки великие»⁸⁷. Упоминание о нарушении судебного иммунитета показыва-

(Там же. Л. 60), что характерно для ряда грамот 1550 г. (см. примеч. 86).

Грамоты, Шуйского 1606 г. во многом сохраняли старые нормы иммунитета. ХП-II. № 619.

⁸³ Там же. № 620.

⁸⁴ Там же. № 624, 626—628, 631, 632; ХП-III. № I—290.

⁸⁵ Подробнее см.: *Каштанов С. М.* Очерки. С. 176—191.

⁸⁶ См., например, упомянутые выше жалованные грамоты Суздальскому Покровскому, Иосифо-Волоколамскому, Соловецкому монастырям (ХП-II. № 618, 619, 628; ср. также выше, примеч. 81).

⁸⁷ *Каштанов С. М.* Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов) // ЗОР. М., 1966. Вып. 28. С. 138—139.

ет, что местные власти понимали постановление Судебника шире, чем это позволял его текст, и повели общее наступление на привилегии монастырских вотчин.

Однако правительство, ведя борьбу с податными привилегиями иммунитетов, не могло уничтожить иммунитет в целом. Поэтому, когда речь заходила о попытках местной администрации нарушить все «сеньориальные права» феодалов, правительство вставало на защиту основ иммунитета⁸⁸.

Резюмируем наши наблюдения. В 1549—1550 гг. ограничение феодального иммунитета свелось к ликвидации главным образом таможенных и податных привилегий монастырей. Судебный иммунитет предоставлялся духовным землевладельцам часто в расширенном объеме. Одной из причин этого могла быть подготовка к ликвидации системы наместничьего управления, в связи с чем и увеличивались судебные полномочия крупных феодалов⁸⁹.

Отступление от политики ограничения податного иммунитета диктовалось обычно задачами борьбы с возможными территориальными притязаниями Владимира Андреевича Старицкого. Кроме того, правительство еще не решалось вполне последовательно бороться с иммунитетом крупнейших монастырей. Сентябрьская грамота 1550 г. Троице-Сергиеву монастырю о невзимании с его вотчин ямских денег и посошных людей непосредственно правительственными агентами означала частичный возврат к тарханно-оброчному принципу. Выдача этой грамоты знаменовала компромисс в борьбе между интересами правительства и монастыря, причем компромисс скорее в пользу последнего. Лишь в мае 1551 г. правительство взяло реванш за это поражение, ограничив сентябрьскую грамоту: «опричь ямских денег и посошные службы, и тамги — то им давати».

⁸⁸ Об этом может, в частности, свидетельствовать и посланная по указу Ивана IV в Новгород грамота дьяков Ивана Елизаровича Цыплятева и Бакаки Митрофановича Карачарова о невзимании тягла с дворов новгородского архиепископа Феодосия (ХП-III. № 1—288). Точная дата этой грамоты, сохранившейся лишь в изложении, неизвестна, хотя, скорее всего, ее выдача относится к середине 1550 г. Вероятно, указ явился ответом на жалобу архиепископа, владения которого местные власти стали облагать тяглом в связи с изданием Судебника и провозглашением отмены тарханов.

⁸⁹ В декабрьской жалованной грамоте 1550 г. князю Ивану Федоровичу Мстиславскому на владения в Ярославском, Тверском, Кашинском и Суздальском уездах судебный иммунитет предоставлялся в полном объеме, без каких-либо ограничений (*Зимин* А. А. Новые документы. С. 351. № 12; АФЗХ. Ч. IV. № 100). В грамоте от 27 мая 1549 г. Андрею Александровичу Квашнину на земли в Московском уезде и Бежецком Верхе (ГПБ. Q—IV—113 б. С. 899—901; Собр. СПб. Д/А. № А 1/17. Л. 661 об.— 662; ХП-II. № 606, с неверной датой — «июля») судебный иммунитет давался «опрочь душегубства». Еще в феврале 1549 г. царь «уложил, что во всех городех Московские земли наместником детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и татьбы, и разбоя с полчиным; да и грамоты свои жаловальные о том во все городы детям боярским послал» (*Шмидт* С. О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Ист. арх. М., 1951. Т. VII. С. 296). Но, в каком объеме закреплялась юрисдикция детей боярских над их крестьянами, источник не говорит. Возможно, из компетенции детей боярских исключался тот же круг дел, по которым они сами были подведомственны наместникам.

ОТМЕНА ТАРХАНОВ
В СЕРЕДИНЕ XVI в.

Отмена тарханов входит в круг важнейших реформ правительства «Избранной Рады». Восточный по своему происхождению термин «тархан», обозначавший привилегированного человека, наделенного податным и судебным иммунитетом¹, послужил на Руси основой для определения «тарханная грамота». Употребление этого понятия прослеживается с начала XVI в. Под «тарханами», или «тарханскими грамотами», в XVI в. подразумевались такие жалованные грамоты, которые освобождали не только от мелких «проторов» и «розметов» (что могло быть принадлежностью и «несудимых» грамот), но прежде всего от основных налогов и повинностей — дани, ямских денег, посошной службы и др. — или от главной таможенной пошлины — тамги².

Ст. 43 Судебника 1550 г. предписывала «торханских вперед не давати никому; а старые тарханские грамоты поимати у всех». В мае 1551 г. состоялся общий пересмотр и подписание на царское имя прежних жалованных грамот. И. И. Смирнов полагал, что ст. 43 Судебника была направлена в первую очередь против светских феодалов-иммунитетов, а отсутствие подтвержденных им в мае 1551 г. грамот свидетельствует о «поимке» этих грамот в соответствии со ст. 43. Ссылаясь на постановление Двинской таможенной грамоты 1560 г. о взимании пошлин со всех «грамотчиков», чьи грамоты не были подписаны в мае 1551 г., автор утверждает, что пересмотр коснулся «всех категорий „грамотчиков“» и что ст. 43 была реализована на практике³. Однако мы ничего не знаем о конфискации неподтвержденных грамот. У монастырей

¹ Подробнее см.: Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952. С. 220—221 (Комментарий Б. А. Романова); Шапшал С. М. К вопросу о тарханских ярлыках // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию: Сб. статей. М., 1953. С. 302—316; Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neu-Persische. Wiesbaden, 1963—1975. Bd. 1—4 (указал И. Г. Добродомов); Степанов Р. Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ: Вторая научная конференция молодых ученых города Казани, 27—28 марта 1964 г. Казань, 1966. С. 94—110; Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979. С. 281.

² Каштанов С. М. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот // Ист. арх. 1956. № 3. С. 213—217; Он же. Из опыта актовой археографии // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 54—56.

³ Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // Ист. зап. М., 1947. Кн. 24. С. 322—323; Он же. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 364—366.

сохранилось большое количество грамот, не подтвержденных в 1551 г. Поэтому думать, что в 1551 г. были оставлены в Царском архиве или уничтожены неподтвержденные грамоты светским феодалам, нет никаких оснований. Тарханная же грамота 1547 г. М. И. Кубенскому, на которую ссылается И. И. Смирнов как на пример неподписанной, т. е. аннулированной, грамоты, вероятно, не подвергалась пересмотру в мае 1551 г., поскольку М. И. Кубенский умер в 1548 г.⁴

Переутверждение и ограничение тарханских грамот И. И. Смирнов рассматривал «лишь как своего рода изъятие из действия нормы ст. 43, сделанное главным образом для наиболее видных монастырей вроде Троице-Сергиева»⁵. Но И. И. Смирнов не изучал конкретно сами подтверждения и грамоты, их содержащие. Впервые более или менее систематически этим занялся П. П. Смирнов. Он доказал сам факт массового пересмотра жалованных грамот в мае 1551 г., перечислил формулы подтвердительных и ограничительных приписей (правда, не все), а также попытался установить принципы подтверждения грамот⁶. П. П. Смирнов связал ревизию иммунитетных актов с проблемами классовой борьбы между посадскими людьми и духовными феодалами, что было важной и продуктивной постановкой вопроса. Автор указал 16 монастырей⁷, которым были подписаны жалованные грамоты в мае 1551 г., но оперировал главным образом грамотами архива Троице-Сергиева монастыря.

Наблюдения П. П. Смирнова критически использовал Б. А. Романов в своем интересном и содержательном комментарии к ст. 43 Судебника 1550 г. Он усомнился в предположении П. П. Смирнова о том, что пересмотр коснулся «всех» грамотчиков, и не разделял мнение И. И. Смирнова о последовательном проведении в жизнь ст. 43. Б. А. Романов видел в подписании грамот на царское имя в мае 1551 г. отступление от принципа «поимания», т. е. аннулирования тарханских грамот, провозглашенного в ст. 43 Судебника. Ст. 43 носит, по его мнению, «чисто декларативный характер»⁸. Романов не принимал в расчет того, что ликвидация освобождения от основных налогов, которой во многих случаях сопровождалось подтверждение грамот, как раз и лишала их «тарханного» характера, т. е. вполне соответствовала задаче отмены тарханов. Не учитывал этого и И. И. Смирнов. На потерю грамотами их тарханских признаков при соответствующем ограничении податных приви-

⁴ *Каштанов С. М.* Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // История СССР. 1985. № 4. С. 135.

⁵ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории. С. 366.

⁶ *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 122—144.

⁷ Там же. С. 124—125. Автор перечисляет 17 монастырей, но при этом Переславский Троицкий Данилов монастырь предстает у него как два разных монастыря: Троицкий Новый в Переславле на посаде и собственно Данилов. Б. А. Романов утверждал, что П. П. Смирнов указал более 20 монастырей, чьи грамоты подверглись пересмотру (Судебники XV—XVI вв. С. 225).

⁸ Судебники XV—XVI вв. С. 226.

легий было обращено внимание нами в связи с уточнением понятия «тарханная грамота»⁹. В нашей дипломной работе 1954 г. расширился круг источников для изучения вопроса об отмене тарханов в 1551 г., устанавливался, в частности, факт подтверждения грамот еще 17 духовных феодалов сверх тех 16 монастырей, о которых упоминал П. П. Смирнов¹⁰, были заново изучены и принципы пересмотра жалованных грамот в 1551 г.¹¹ На основании исследований П. П. Смирнова и нашей краткую характеристику итогов майской ревизии иммунитетных привилегий дал А. А. Зимин¹².

Опубликование в 1958—1968 гг. трех частей «Хронологического перечня иммунитетных грамот XVI в.»¹³, где приводились сведения о подтверждениях 1551 г., дало в руки исследователей более полную, чем прежде, информацию об отмене тарханов в середине XVI в. По материалам перечня, а также АСЭИ и АФЗХ¹⁴, ряд духовных учреждений, получивших в мае 1551 г. подпись на жалованных грамотах, указал Н. Е. Носов¹⁵. Однако он, как и П. П. Смирнов, опирался в основном на грамоты троницкого архива. Автор рассматривал каждую грамоту как таковую, обычно не сравнивая с ней другие иммунитетные грамоты на те же объекты, содержавшие иные нормы права. Таким образом, противоречие, создавшееся в результате подтверждения разных троницких грамот на одни и те же объекты, выпало из сферы его внимания. Носов полагал, что «общая линия», отразившаяся в подтверждениях троницких актов, «характерна и для всех других монастырских грамот», поэтому изучать их «с такой же подробностью» «по существу и нет необходимости»¹⁶. С этим положением нельзя согласиться, ибо нас интересуют не иллюстрации тех или иных проявлений «общей линии», а вся картина во всей ее сложности и противоречивости. Заметим к тому же, что обширная глава книги Носова о тарханах, где подробно пересказываются и комментируются троницкие акты в порядке хронологии правлений, к которым они

⁹ *Каштанов С. М.* К вопросу о классификации. С. 214.

¹⁰ Мы отметили грамоты Иосифо-Волоколамскому, Троицкому Клопскому, Александру Ошевневу, вологодскому Спасскому Каменному (Каменскому), Федоровскому Переславскому, Покровскому Рязанскому, Ферапонтову, Николаевскому Переславскому, Никольскому Мокрому, Троицкому Гledenскому, Спасскому Владимирскому, Троицкому Селижарову, Можайскому Лужецкому, Троицкому Усть-Шехонскому, Владимирскому Рождественскому монастырям, Корнилевой Новой пустыни, Великоустюжскому Успенскому собору.

¹¹ Основные результаты наших наблюдений см.: *Очерки истории СССР: Период феодализма, Конец XV—начало XVII в. М., 1955. С. 347—348; ПРП. Вып. 4. С. 287—289.*

¹² *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 390—391.

¹³ ХП-1, II, III.

¹⁴ АСЭИ. Т. I—III. АФЗХ. Ч. I—III.

¹⁵ *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 152—154, 159 и др. При перечислении грамот духовных феодалов XVI в., получивших подпись в мае 1551 г., автор ссылался не на номера актов в нашем перечне, откуда он черпал эти сведения, а на архивные шифры и публикации, которые указываются в перечне. Несмотря на знакомство с нашей работой 1954 г., Носов не ссылается на нее.

¹⁶ Там же. С. 239.

относятся, не имеет никаких общих выводов. В. Д. Назаров касался вопроса о подтверждениях 1551 г. главным образом в плане изучения истории государственных учреждений середины XVI в.¹⁷

Задачей настоящей главы является рассмотрение всего комплекса майских подтверждений 1551 г. на всех известных нам жалованных и указных грамотах с целью наиболее полного выяснения принципов и результатов пересмотра иммунитетных привилегий в это время.

Первоначально укажем общее число известных нам грамот, получивших подтвердительные подписи в мае 1551 г. П. П. Смирнов говорил только о 97 подписанных грамотах Троице-Сергиева монастыря¹⁸. В настоящее время мы можем назвать 219 грамот, имеющих майскую подпись. К ним примыкают акты, о подтверждении которых полных данных нет, но упоминается либо год подтверждения (7059) без месяца и числа (10), либо дьяк Юрий Сидоров, ведавший пересмотром (2), либо год и дьяк одновременно (3). Надо принять в расчет и грамоты, которые, по косвенным данным, могли быть подтверждены в мае 1551 г. (2)¹⁹. Всего получается 236 грамот. Две грамоты содержат подпись от 17 марта 1551 г. Одна из них подписана дьяком Василием Колзакowym²⁰, не занимавшимся в мае 1551 г. пересмотром грамот, другая — Кожух Григорьевым сыном Кроткого²¹, подписывавшим грамоты в мае 1551 г., что делает чтение «марта» в этой грамоте сомнительным (грамота сохранилась в списке). Нельзя сбрасывать со счетов новые грамоты, выданные в мае 1551 г. в порядке подтверждения старых. Таких грамот известно 11. К 7059 г. относятся еще четыре новые грамоты без месяца и числа. Для двух из них дьяк неизвестен²², одна (Троицкому Белопесоцкому монастырю) была подписана Ю. Сидоровым²³, другая (митрополичьему дому) — Ф. Семеновым и Ю. Сидоровым²⁴. Последняя грамота едва ли может быть датирована маем 1551 г., поскольку есть другой пример совместной деятельности Ф. Семенова и Ю. Сидорова, относящийся к сентябрю 1550 г.²⁵ В целом число грамот, подтвержденных и выданных в мае 1551 г., равняется, по нашим подсчетам, 252. Из этих актов большую часть (175) подписал Ю. Сидоров, значительно меньшую (43) — Кожух Григорьев сын Кроткого, одну грамоту — Ю. Сидоров и Кожух совместно, две грамоты — Иван Михайлов²⁶. В двух грамотах первой половины 40-х годов XVI в., сохранившихся в списках и касающихся Двинского Михайло-Архангельского монастыря, к подтверждению 1551 г. отнесе-

¹⁷ Назаров В. Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в. // История СССР. 1976. № 3. С. 80—81, 95.

¹⁸ Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 1. С. 127.

²² ХП-III. № 1—297, 1—298.

¹⁹ ХП-III. № 1—227, 1—277.

²³ Там же. № 1—296.

²⁰ ХП-1. № 434.

²⁴ Там же. № 1—294.

²¹ Там же. № 281.

²⁵ Каптанов С. М. Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов) // ЗОР. М., 1966. Вып. 28. С. 141.

²⁶ ХП-1. № 441, 481.

на подпись дьяка Истома Ноугородова: «А подписал царя и великого князя дьяк Истома Ноугородов. Лета 7000 пятдесят девятого, мая»²⁷. Однако в этих же грамотах фигурирует дьяк Иван Михайлов. В одной из них он упомянут после казначея И. И. Третьякова, «приказавшего» грамоту, в другой сказано: «Припись дьяка Ивана Михайлова». Вместе с тем из двух грамот, известных по подлинникам (см. примеч. 26), явствует, что в 40-х годах грамоты длинским монастырям подписывал дьяк Истома Ноугородов, а в 1551 г. — Иван Михайлов. В связи с этим встает вопрос, не ошибочно ли в списках подпись 1551 г. приписывается Истому Ноугородову? Не вернее ли предположить, как это делает В. Д. Назаров, что И. Ноугородов подписывал грамоты при их выдаче, а И. Михайлов — при подтверждении в 1551 г.? В упоминаниях о других несохранившихся грамотах сведений о дьяках нет.

Подтвержденные грамоты относятся к периоду начиная с 1453 г. и кончая 1550 г. Они были выданы великой княгиней Марией Ярославной, Иваном III, великим князем Иваном Ивановичем Молодым, Василием III, его братом, удельным дмитровским князем Юрием Ивановичем и Иваном IV. В грамоте от 17 мая 1551 г. Спасо-Евфимьеву монастырю говорится, что она дана в подтверждение грамоты великого князя Василия Васильевича 1450 г.²⁸ Таким образом, среди подтвержденных в мае 1551 г. актов нет документов ранее середины XV в. Грамоты XIV — первой половины XV в. не несут на себе следов подтверждения в 1551 г. По весьма приближенным подсчетам, иммунитетных грамот второй половины XV — первой половины XVI в. (до мая 1551 г.) было выдано не менее 1370. Следовательно, 236 подписанных в мае 1551 г. грамот составляют примерно $\frac{1}{6}$ общего количества грамот, подлежавших пересмотру. Разумеется, не все подтверждения, как, впрочем, и не все грамоты, до нас дошли. Не могли сохраниться сведения о подтверждениях 1551 г. на грамотах, дошедших только в списках в составе ранних копийных книг (например, в копийной книге митрополичьего дома № 276, троицкой книге № 518 и той части книги № 519, в основе которой, вероятно, лежала книга, составленная до мая 1551 г.²⁹).

Майские подтверждения и новые майские грамоты 1551 г. касались 78 духовных учреждений. В это число входят митрополичий дом, две епископские кафедры (коломенская и рязанская), 68 монастырей и пустыней и 7 соборов. За первую половину XVI в. известны иммунитетные грамоты 112 монастырям и пустыням, 14 соборам и 8 церквям³⁰. Подтверждения мая 1551 г. мы имеем на

²⁷ XII-III. № I—232, I—245.

²⁸ АСЭИ. Т. II. № 497.

²⁹ Каштанов С. М. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // ЗОР. М., 1956. Вып. 18. С. 38—39.

³⁰ Каштанов С. М. Состав иммунитетных грамот первой половины XVI в. // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 106—107. Общее число монастырей, по Веселовскому, во второй половине XVI в. — «не менее 200» (Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Ист. зап. М., 1941. Кн. 10. С. 200), по И. У. Будовницу —

грамотах немногим более половины из этих монастырей, половины числа соборов и совсем не располагаем подтверждениями на грамотах церквам. И все же наиболее крупные и многие средние монастыри были в той или иной форме охвачены майской ревизией жалованных грамот. Среди них встречаем Троице-Сергиев (подписано 100 грамот), Кирилло-Белозерский (подписано 16, вновь выдана 1), Симонов (подписано 13), Иосифо-Волоколамский (подписано 12, вновь выдано 2), Ярославский Спасский (подписано 7), Троицкий Данилов (подписано 7), Ферапонтов (подписано 5), Арсеньев Комельский, Вологодский Глушицкий, Троицкий Махрищский, Никольский Клобуков (подписано по 3 каждому). От большинства монастырей, кафедр и соборов сохранилось или известно не более двух грамот (чаще всего одна), подписанных на царское имя или выданных в мае 1551 г. взамен старых³¹.

Наличие значительного количества пересмотренных в мае 1551 г. грамот различным духовным вотчинникам свидетельствует о хорошо подготовленной и в широких масштабах проведенной правительством Ивана IV проверке иммунитетных актов. Майской ревизии тарханов был придан характер важнейшего политического мероприятия. В грамоте 1554 г. Троице-Сергиеву монастырю на д. Горки, двор на Двине и проезды сообщалось о нарушении прежней тарханной грамоты (1548 г.): «и яз... ту свою жаловальную грамоту новую велел порудити, велел дьяку своему Юрию Сидорову подписати оприч тамги: то есми на них велел имати потому, что

150 монастырей-вотчинников и 104 ктиторских монастыря (*Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966. С. 357). В середине XVII в. насчитывалось 439 монастырей, имевших дворы, и 43 бездворных (*Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625). СПб., 1897. Т. I, вып. 1. Прил. 1. С. III; *Смирнов П.* Города Московского государства. Киев, 1919. Т. 1, вып. 2. С. 300).

³¹ Такие подписи или новые грамоты получили монастыри: московские — Новоспасский, Никольский Угрешский, Богоявленский, Чудов; серпуховские — Владычный, Высоцкий; каширский — Троицкий Белопесоцкий; рязанские — Богословский, Покровский, Солотчинский; звенигородский — Савво-Сторожевский; Можайский — Лужецкий; боровский — Пафнутев; селижаров — Троицкий; клинская пустынь — Изосиминая; дмитровский монастырь — Никольский Песношский; киржацкий — Благовещенский; переславль-залесские — Никольский, Федоровский, Рождественский; ростовский — Троицкий; угличские — Афанасьев и Покровский; владимирские — Рождественский, Успенский, Спасский; суздальские — Спасо-Евфимьев, Покровский, Спасо-Кукоцкий; галицко-костромские — Вознесенский Иледомский, Солдинский, Покровский Чухломский, Спасо-Преображенский Корнильев; вологодские — Николо-Мокринский, Корнильев Комельский, Спасо-Прилуцкий, Спасский Каменный, Александров Ошевнев; пустыни — Павлова, Александрова Успенская в Закушье, Лопотова, Глубоко-озерская; белозерский — Усть-Шехонский; великоустюжские — Архангельский и Троицкий Гладенский; важский — Богословский; двинские — Михаило-Архангельский, Антониев Сийский; корельский — Николаевский; новгородские — Юрьев, Троицкий Клопский, Антония Римлянина, Спасо-Хутынский, Соловецкий, Никольский Вяжицкий, Аркажский Успенский; торопецкий — Троицкий (предположительно). Из соборов подписи на грамотах в 1551 г. приобрели Можайский Никольский, Волоколамский Воскресенский, Серпуховской Троицкий, Дмитриевский во Владимире, нижегородские — Спасский и Архангельский, Великоустюжский Успенский.

им была та грамота дана новая без уроку»³². В Турчасовской таможенной грамоте 1554/55 г. таможенникам было приказано брать пошлины «и з грамотчиков, с тех, которые грамоты на мое цареву и великого князя имя в лете 7050 девятом году в мае не подписаны». Такое же предписание содержится в Двинской таможенной грамоте 1560 г.³³ Иосифо-Волоколамский монастырь получил в 1563 г. общую жалованную грамоту на основании только тех грамот, которые были подписаны 17 мая 1551 г.³⁴ При восстановлении в 1555 г. нарушенной местными властями жалованной грамоты Василия III Ярославскому Спасскому монастырю отмечалось подписание ее на царское имя в мае 1551 г.³⁵ Следовательно, тарханные грамоты, не подписанные на царское имя в мае 1551 г., считались в 50-х — начале 60-х годов утратившими свою юридическую силу.

Монастыри-иммунитеты хорошо понимали все значение майского пересмотра иммунитетных грамот. Они чрезвычайно заботились о том, чтобы их грамоты получили подтверждение. О проверке иммунитетных актов в мае 1551 г. монастыри были извещены заранее. Очевидно, зная о предстоящей проверке грамот, с челобитной к царю обратился Спасский Каменный (Каменский) монастырь. Монастырские власти просили переписать заново проезжую грамоту Василия III 1506 г., мотивируя свою просьбу тем, что «та у них грамота ветха добре и на мое цареву и великого князя имя указу моего в лете 7059-го в мае подписати на ней не мочно»³⁶. Новую проезжую грамоту Спасский Каменный монастырь получил 15 мая 1551 г. 17 мая 1551 г. была выдана жалованная грамота Московскому Богоявленскому монастырю; ею правительство заменило несколько старых ветхих монастырских грамот на села в Дмитровском, Волоцком и Звенигородском уездах³⁷.

17 мая 1551 г. жалованную грамоту на села в Рузском, Волоцком и Клинском уездах получил Иосифо-Волоколамский монастырь³⁸. Эта грамота была выдана вместо прежней грамоты (1534/35 г.) на те же владения: «...и яз им ту грамоту велел переписать»³⁹.

П. П. Смирнов рассматривал ограничительные приписи 1551 г. в некотором отрыве от конкретного содержания грамот. Он утверждал, что «при подтверждении или ограничении жалованных грамот дьяки руководствовались не столько принципиальными соображениями или установками, сколько политической оценкой

³² Сборник ГКЭ. Т. I. № 137-а (ХП-II. № 688).

³³ *Зимин А. А.* К истории таможенной реформы середины XVI в. // Ист. арх. 1961. № 6. С. 133; *Чаев Н. С.* Двинская уставная таможенная грамота 1560 г. // ЛЗАК. Л., 1927. Вып. 34. С. 203.

³⁴ АФЗХ. Ч. II. № 302.

³⁵ ХП-II. № 716; ср.: ХП-I. № 95.

³⁶ ЛОИИ СССР. Собр. Лихачева. № 102/I. Л. 13—14 (ХП-II. № 639).

³⁷ ЦГИА СССР. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 4. № 1517. Л. 27—31; АММС. I. С. 109—113, № 21 (ХП-II. № 646; ср.: ХП-I. № 106, 151).

³⁸ АФЗХ. Ч. II. № 232.

³⁹ Там же. С. 235.

прошлых, особенно ближайших к ним правительств Московского государства, которые грамоту выдали... Одним правительствам доверяли и грамоты, ими выданные, подписывали на царское имя; другим не доверяли и грамот их не подписывали», хотя «каждая грамота рассматривалась при этом по существу»⁴⁰. Аналогичный подход характерен и для исследования Носова⁴¹.

Иначе решался этот вопрос в нашей дипломной работе 1954 г., где устанавливалось, что при подтверждении или ограничении грамот, фиксировавших податной иммунитет, дьяки руководствовались довольно сложным критерием. Прежде всего их интересовала финансовая сторона дела, т. е. содержалось ли в грамоте освобождение от главных податей и пошлин — яма (ямских денег), посошной службы, тамги. Кроме того, дьяки не могли не считаться с монастырями, известными своей традиционной поддержкой общеполитического курса великокняжеских правительств (прослеживается особое отношение к грамотам Иосифо-Волоколамскому монастырю). Наконец, дьяки в известной мере учитывали и то, кем, т. е. каким правительством, была выдана жалованная грамота, но этот момент играл подчиненную роль, поскольку главным был другой вопрос: с каким документом имели они дело — сохраняющим реальную юридическую силу или давно утратившим ее, замененным новой грамотой на те же объекты? Различалось отношение к грамотам на сельские и городские владения монастырей.

Полностью подтверждались грамоты, в которых отсутствовало всякое упоминание о ямских деньгах, посошной службе и тамге. К их числу относилось большинство грамот Ивана III последнего периода его правления (1491—1505 гг.) и Василия III. Именно отсутствие в этих грамотах освобождения от главных поборов было причиной того, что дьяки «доверяли» им. Но, например, льготная грамота Василия III Троице-Сергиеву монастырю 1533 г. была ограничена, как и все остальные грамоты, фиксировавшие освобождение от яма и посошной службы⁴².

«Недоверие» дьяков к грамотам, выданным правительством Елены Глинской, имело вполне реальные основания. Главной причиной настороженного отношения к ним было зафиксированное во многих из них освобождение от тамги⁴³. Цель укрепления государственных финансов определила подход дьяков и к иммунитетным грамотам 1538—1548 гг. Ряд грамот, выданных в это время, содержали весьма щедрые иммунитетные привилегии, в том числе освобождение от ямских денег, посошной службы, тамги и мыта. Неудивительно поэтому, что большая часть подписей 1551 г., отменявших неуплату ямских денег, посошной службы, мыта и тамги, относится к грамотам 40-х годов XVI в. Отсутствие ограничительных приписей на большинстве жалованных грамот 1549—1550 гг. также вполне объяснимо: грамоты, выданные в эти годы, не фикси-

⁴⁰ Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 1. С. 128.

⁴² ХП-I. № 288.

⁴¹ Носов Н. Е. Указ. соч. С. 89—215.

⁴³ Там же. № 318, 320, 322 и др.

ровали освобождения от главных налогов. Таким образом, нельзя согласиться с мнением об отсутствии определенных принципов при пересмотре в 1551 г. жалованных грамот, закреплявших податной иммунитет.

Вместе с тем процедура пересмотра актов в мае 1551 г. не всегда позволяла разобраться в грамотах «по существу». Часто достаточно было наличия в грамоте пункта, освобождавшего от одного из главных налогов, для того чтобы грамота получила припись с требованием уплаты всего комплекса податей, указываемых обычно в ограничительных подписях. Например, грамоты, выданные правительством Елены Глинской, часто содержали предписание платить ямские деньги и исправлять посощную службу. Тем не менее освобождение от тамги, зафиксированное в ряде грамот времени регентства Елены Глинской, приводило к появлению в 1551 г. всей ограничительной приписи целиком⁴⁴ даже на тех из них, где не было освобождения от тамги⁴⁵.

Следовательно, подписывая в 1551 г. грамоты Ивана IV, выданные при Елене Глинской, дьяки часто повторяли уже сформулированное в самих этих грамотах отрицание свободы от яма и посощной службы, что вряд ли свидетельствует в пользу мнения П. П. Смирнова о пересмотре каждой грамоты «по существу». Не всегда ограничивались «по существу» и грамоты 40-х годов. Например, грамота 1548 г. Корнилиевой Новой пустыни, содержащая освобождение от яма, была подписана в 1551 г. не только «оприч ямских денег», но и «оприч... посощные службы и тамги»⁴⁶.

Цель майской ревизии тарханов заключалась не в рассмотрении отдельных конкретных грамот, а в широком проведении в жизнь принципа централизации государственных финансов путем ограничения главных податных привилегий духовных феодалов. П. П. Смирнов, а также Н. Е. Носов не вполне учли и то обстоятельство, что на одну и ту же вотчину могло быть несколько грамот. Подтверждая без ограничения грамоты прежних государей, дьяки ограничивали действующие иммунитетные акты, выданные от лица Ивана IV⁴⁷. Поэтому демонстрация «доверия» к более ранним грамотам (Ивана III, Василия III) имела в целом ряде случаев чисто формальное значение. Принципом ограничения тарханов в мае 1551 г. было уничтожение привилегий монастырей в отношении уплаты важнейших налогов.

Наибольшей устойчивостью отличалась ограничительная формула «опричь ямских денег и посощные службы, и тамги». Иногда упоминаются «окупные деньги» и мыт. Включение всех этих по-

⁴⁴ «Оприч ямских денег, посощные службы и тамги». В одном случае вместо «тамги» читаем «таможных пошлин» (ХП-І. № 351; АФЗХ. Ч. IV. № 54), правда, грамота сохранилась только в списке XVII в. и цитированные слова написаны в нем над строкой.

⁴⁵ ХП-І. № 329, 331 и др.

⁴⁶ Там же. № 584. В ограничительной подписи на грамоте 1546 г. Вологодской Глубокоозерской пустыни вместо «посощные службы» сказано «посохи» (Там же. № 513).

⁴⁷ Подробнее см.: *Каштанов С. М.* Очерки. С. 209—213.

боров в число подлежащих уплате встречаем в ограничительных подписях 1551 г. к грамотам Троице-Сергиеву монастырю 1534 г. на земли в Юрьевском и Пошехонском уездах и 1547 г. на сельцо Рождественое Дмитровского уезда и несколько сельских вотчин Ярославского, Дмитровского и Переславль-Залесского уездов: «оприч ямских денег и окупных, и посошные службы, и тамги, и мыта — то им давати»⁴⁸.

П. П. Смирнов не отметил «окупные деньги» как один из платежей, признанных обязательными в 1551 г. Действительно, рассматриваемый пункт попадал в ограничительные подписи очень редко. В дипломной работе 1954 г. мы предлагали понимать под «окупными деньгами» либо полоняничные деньги («полоняникам на окуп»), либо откупной наместничий корм⁴⁹.

Грамота Владимира Андреевича Старицкого 1566 г. на сельцо Рождественое Дмитровского уезда⁵⁰ дает освобождения в соответствии с грамотой 1547 г. и ограничением 1551 г., которое цитировалось выше. При этом в грамоте 1566 г. «откупные деньги» отделены от ямских и приближены к тамге: «ни иные им некоторые пошлыны не надобе, оприч ямских денег и посошные службы, и откупных, и тамги, и мыта; и ямские денги с сох по розводу, по чему в котором году мы велим на соху ямских денег положить, и за посошную службу, и откупные денги, и тамга, и мыт — то им довати».

В грамотах, получивших рассматриваемое ограничение, освобождение от тамги и мыта есть, освобождения же от окупных денег нет. Примечательная черта обеих грамот 1547 г. — их отношение к Дмитровскому уезду: одна грамота целиком посвящена дмитровскому сельцу, в другой дмитровские деревни фигурируют наряду с ярославскими и переславскими сельцами. Известно, что в Дмитрове с 20-х годов XVI в. существовал институт откупных таможенников⁵¹. Однако едва ли отсюда можно сделать вывод, что «окупные», или «откупные», деньги, упоминаемые в подписях 1551 г. на грамотах 1547 г. и в грамоте 1566 г., — таможенные пошлыны. Этому противоречит, во-первых, указание наряду с ними тамги и мыта; во-вторых, применение этой же редакции ограничения (с упоминанием окупных денег) в грамотах 1534 г. на троицкие вотчины в иных уездах — Юрьевском и Пошехонском; в-третьих, характеристика «окупа», или «откупа», в других источниках. В договорных грамотах князей конца XIV — первой половины XV в. «окупом» называются деньги на выкуп пленных⁵². В духовной Ивана III после определения монетной регалии великого князя

⁴⁸ ХП-І. № 232, 333, 538, 555.

⁴⁹ Н. Е. Носов, цитируя ограничительную подпись к грамоте 1534 г. на пошехонские вотчины, ставит после слова «окупных» знак вопроса (Носов Н. Е. Указ. соч. С. 166; ср. С. 210).

⁵⁰ ЦГАДА, ГКЭ. По Дмитрову № 105/3817; ГБЛ. Тр. книги 527—529. № 112 (ХП-ІІ. № 883).

⁵¹ РИБ. Т. 32. № 103.

⁵² ДДГ. С. 42, 65, 67, 86, 106, 108, 111, 114, 116.

глухо сказано: «А откуп ведает сын мой Василей, а в откуп у него мои дети Юрьи з братьею не вступаются»⁵³. В одном из так называемых царских вопросов Стоглавуму собору говорилось об «окупе из орд» русских пленных. Царь предлагал «уложить соборне, как тем окуп чинити»⁵⁴. В ответе бывшего митрополита Иоасафа (Стоглав, гл. 100) на этот счет сказано: «О искуплении пленных, чтобы не с сох имати тот откуп, имати бы откупы из митрополичи и из архиепископли, и изо всех владычных казн, и с монастырей со всех, кто чего достоин, как государь ты пожалуешь, положиш, на ком что велишь взяти»⁵⁵. По-видимому, в соответствии с рекомендацией Иоасафа «окупные деньги» в 1551 г. взимались не по раскладке с сох, а, как показывают подписи на грамотах 1534 и 1547 гг., с отдельных монастырских вотчин. Следовательно, сама исключительность упоминания «окупных денег» в подписях 1551 г. подтверждает наибольшую вероятность понимания их как денег на выкуп пленных — денег, еще не превратившихся в общеобязательный налог — «полоняничные деньги».

Иногда встречается ограничение «оприч пищальных денег». Оно содержится в подписи от 17 мая 1551 г. к грамоте 1548 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на двор в Белоозере⁵⁶. Двор находился на посаде, он был дан монастырю «городцким человеком» Ананьей Родионовым; в 1548 г. царь велел этот двор «обелити» — монастырским людям разрешалось «с черными людьми з городцкими не тянути ни в какие проторы и в розметы, оприч сторожи и бражного оброку». Подпись 1551 г. увеличила степень ограничения податного иммунитета монастырского двора, подчеркнув необходимость уплаты с него пищальных денег, в грамоте не упоминающихся.

В составе пространной редакции ограничения пищальные деньги указаны в основном тексте жалованной грамоты Спасо-Евфимьеву монастырю, выданной в день всеобщей проверки тарханов, — 17 мая 1551 г.: «оприч ямских денег и посошни службы, и тамги, и пищальных денег»⁵⁷. Принуждение к уплате пищальных денег касалось в первую очередь монастырских дворов и слобод, что отвечало интересам посадских людей. В пользу горожан делалось и другое ограничение, содержащееся в подписи от 16 мая 1551 г. на грамоте 1542 г. Серпуховскому Высоцкому монастырю: «оприч того, что у них железные руды не копати — железная руда у них копати вперед» (в самой грамоте излагалась

⁵³ Там же. № 89. С. 361.

⁵⁴ Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 270; ср.: Стоглав/Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863. С. 45—46.

⁵⁵ Российское законодательство. Т. 2. С. 375—376; ср.: Стоглав/Изд. Д. Е. Кожанчикова. С. 310—311.

⁵⁶ ЛОИИ СССР. Собр. Головина. № 64; ГПБ. Q — IV—113а. С. 301—303 (ХП-1. № 582).

⁵⁷ АСЭИ. Т. II. № 497. С. 546. Грамота известна в списке XVIII в., где вместо «тамги» стоит «тарен». И. А. Голубцов считал, что «правильное чтение установить затруднительно» (Там же. С. 548, примеч. 6). Однако по трафарету ограничительных подписей от 17 мая 1551 г. оно устанавливается бесспорно.

жалоба монастыря на то, что «у них серпуховичи и иных городов люди ископали монастырскую землю на руду на железную»; грамота запрещала копать руду без «явки» монастырским властям)⁵⁸.

Следует подчеркнуть, что дьяки не интересовались всеми подробностями содержания иммунитетных грамот. Их внимание было приковано к статьям об основных налогах. Поэтому не вызывает особого удивления факт появления всей ограничительной приписи на грамотах, содержавших освобождение только от одного налога: это было своего рода перестраховкой, дьяки полагали, что лучше усилить отрицание главных податных привилегий монастырей, чем внести в этот вопрос неопределенность. Никакое «доверие» к грамотам 1550 г. не избавило от ограничения те из них, которые содержали широкие податные льготы. Так, «опричь ямских денег и посошные службы, и тамги» была подписана жалованная грамота Троице-Сергиеву монастырю, выданная в сентябре 1550 г. на все его владения⁵⁹. В мае 1551 г. получила ограничительную припись грамота Корнилиевой Новой пустыни от 18 июня 1550 г., по которой население монастырской вотчины обязывалось к уплате ямских денег⁶⁰. Подпись 1551 г. еще более сократила объем податного иммунитета: «опричь ямских денег, посошные службы и тамги»⁶¹.

С формальной точки зрения отмена главных податных привилегий означала ликвидацию тарханов. Так осуществлялась ст. 43 Судебника (об отмене тарханов)⁶². Грамота, лишенная освобождений от главных податей, не считалась «тарханной»⁶³. Поэтому, подписывая грамоту «опричь ямских денег и посошные службы, и тамги», дьяки Юрий Сидоров и Кожух Кроткий низводили «тарханы» до степени несудимых грамот (тарханные грамоты обычно включали в себя и несудимый раздел). Однако уничтожение тарханов не означало ликвидации податного иммунитета духовных вотчинников. Целый ряд финансовых льгот, зафиксированных в несудимых грамотах, оставался неотъемлемым «сеньориальным правом» монастырей. Об этом ярко свидетельствует выданная 17 мая 1551 г. жалованная грамота Московскому Богоявленскому монастырю. Крестьяне монастырских сел освобождались от косьбы сена для царских коней, обязанности «ставить» царский двор, царская администрация не имела права взимать с монастырских крестьян розвинское, выводную кунницу, поворотное; сотским и десятским ни разрешалось притягивать

⁵⁸ ХП-I. № 433.

⁵⁹ *Каштанов С. М.* Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю. С. 141.

⁶⁰ В грамоту вследствие архаизма ее формуляра попал пункт «ни ям», но вместе с тем в другом месте говорилось: «...ни в какие проторы, ни в розметы не дают ничего, оприч ямских денег».

⁶¹ ХП-II. № 620.

⁶² См. также наш комментарий к ст. 43 Судебника 1550 г. (ПРП. Вып. IV. С. 287—289).

⁶³ *Каштанов С. М.* К вопросу о классификации. С. 213—217.

население монастырской вотчины «ни в которые пошлины» с тяглыми людьми⁶⁴.

Примерно таков же круг финансовых привилегий в двух жалованных грамотах, выданных 17 мая 1551 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю⁶⁵. У нас нет ни одной жалованной грамоты Волоколамскому монастырю, которая содержала бы ограничительную запись от 17 мая 1551 г.: каждая из волоцких грамот либо полностью подтверждена, либо не носит на себе никаких следов проверки. Правительство Ивана Грозного было вынуждено считаться с монастырем, который в целом ряде случаев способствовал укреплению политических позиций московских государей.

Грамоты, выданные Иосифо-Волоколамскому монастырю удельными князьями и царевичем Ак-Довлетом⁶⁶, не получили в 1551 г. подтверждения как потому, что утратили практическое значение и были заменены великокняжескими грамотами, так и вследствие нежелания правительства легализировать прежние связи монастыря с удельными князьями.

Большинство жалованных грамот Василия III Иосифо-Волоколамскому монастырю было подтверждено⁶⁷. Три его грамоты не имеют подписи⁶⁸. В двух случаях это связано с наличием более поздних грамот того же государя, покрывающих содержание предшествующих⁶⁹, но в одном случае может быть объяснено нежеланием правительства подтверждать жалованную грамоту на монастырский двор, хотя и подлежащий тяглу, однако являвшийся местом беспошлинного хранения провозимого «монастырского запаса»⁷⁰.

Из грамот Ивана IV Иосифо-Волоколамскому монастырю 1534—1550 гг. подтверждались несудимые⁷¹ и тарханно-оброчные⁷², не подтверждались тарханные⁷³.

⁶⁴ ЦГИА СССР. Ф. 834. Оп. 4. № 1517. Л. 27—31; АММС. I. С. 109—113. № 21 (ХП-II. № 646). Подробнее об этой грамоте см.: *Kashtanov S. M. The Centralised State and Feudal Immunities in Russia // The Slavonic and East European Review. April 1971. Vol. 49. N 115. P. 247—248.*

⁶⁵ АФЗХ. Ч. II. № 231, 232; ср. № 226. 17 мая 1551 г. обельно-несудимые грамоты были получены также монастырями Чудовым (ПРП. Вып. IV. С. 117—120), Спасо-Евфимьевым (АСЭИ. Т. II. № 497), 29 мая — Новгородским Юрьевым (ДАИ. Т. I. № 46).

⁶⁶ АФЗХ. Ч. II. № 35, 38, 45, 48, 50, 55, 69, 71, 101, 111, 112, 114, 129. Там же. № 63, 79, 87, 102, 103.

⁶⁷ Там же. № 62, 80, 82.

⁶⁸ Не подтверждена тарханная грамота 1515 г. на деревни Попайлово, Мutowкино и Аминово (Там же. № 62). Из этих деревень первые две указаны в вотчинной части подтвержденной тарханной грамоты 1517 г. (Там же. № 79). Не подтверждена грамота 1518 г. на беспошлинный провоз, покупку и продажу товаров (Там же. № 82), повторенная в подтвержденной грамоте 1527 г. (Там же. № 102).

⁶⁹ Там же. № 80.

⁷⁰ Там же. № 153, 221.

⁷¹ Там же. № 130, 131, 133—135.

⁷² Там же. № 132, 137 (ср. № 136), 149, 171. Не была также подтверждена грамота 1545 г. об ограничении притязаний городовых приказчиков и «присыльников» по отношению к крестьянам монастырских вотчин Волоцкого, Клинского и Ржевского уездов (Там же. № 184).

Самые щедрые акты прежних правительств, подтвержденные в 1551 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю, — это четыре тарханские грамоты Василия III: 1515 г. — на слободку Тимофеевскую и д. Медведкову в Ржевском уезде, 1517 г. — на с. Болашковское и село Мантурово Тверского уезда, село Столбично-Мисюревское Клинского уезда, д. Гаврино Волоцкого уезда, 1527 г. — на села и сельца Волоцкого уезда и две деревни Зубцовского уезда, 1527 г. — на проезд 150 возов или пяти стругов с товаром⁷⁴. В первых трех грамотах содержалось освобождение от дани, ямских денег, подвод, посошной службы, мыта, тамги, городского дела и др.

Близкие к этим актам по формуляру и составу привилегий две жалованные грамоты Василия III 1518 г. — Троицкому Селижарову монастырю на деревни, пустоши и озера в Ржевском уезде и Клинской Изосиминой пустыни на сельца и деревни в Тверском и Клинском уездах (последняя грамота еще с подтверждением Василия III 1527 г.)⁷⁵ — были тоже подписаны в 1551 г. без каких-либо ограничений. Значит, дело заключалось не только в союзе с Иосифо-Волоколамским монастырем. Грамоты 1517—1518 и 1527 гг. появились в связи с борьбой за нейтрализацию притязаний Андрея Старицкого. Их ярко выраженная антиудельная направленность предопределила полноту иммунитета. Видимо, и в 1551 г., когда Старицкий удел возродился вновь, позиция монастырей этого района весьма интересовала правительство. Вот почему щедрые тарханские грамоты Василия III не подверглись ограничению.

В 40-х годах XVI в. реальное положение монастырского податного иммунитета в волоцких, клинских и ржевских владениях Иосифо-Волоколамского монастыря было менее блестящим, чем оно рисуется по жалованным грамотам Василия III, подтвержденным в 1534 г., а затем в 1551 г. Так, согласно грамоте 1545 г., городские приказчики и московские «присыльники» могли обратиться к игумену или келарю и на законных основаниях, по «присыльным грамотам», потребовать у них людей для отбывания различных натуральных повинностей, на практике же местные власти сами вторгались в монастырские вотчины и чинили крестьянам всевозможные притеснения⁷⁶. Вместе с тем грамоты Василия III освобождали монастырь от посошной службы и городского дела. Волоцкие села и сельца, фигурирующие в грамотах Василия III, попали в 1543/44 г. в писцовую перепись (Зубово, Вертолово, Гаврино, Раменейца, Отчищево)⁷⁷, что, вероятно, тоже подорвало их иммунитет. Едва ли подписание грамот 1551 г. вернуло волоцкие, клинские и ржевские вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря к реальному иммунитетному статусу времен Василия III. Может быть, в более выгодном положении находились тверские владения. Данных о нарушении податного иммунитета тверского села Бо-

⁷⁴ Там же. № 63, 79, 102, 103.

⁷⁵ ХП-I. № 153; ХП-III. № I—78.

⁷⁶ АФЗХ. Ч. II. № 184.

⁷⁷ Там же. № 179.

лашкова нет. Не исключено, что именно вследствие наилучшей иммунитетной изолированности Болашкова монастырь назначал там своим приказчикам наивысший оклад денежного корма — 2 алтына с выти⁷⁸.

Полное подтверждение тарханно-оброчных грамот — факт тоже исключительный в практике майских проверочных работ 1551 г. В отличие от волоколамских грамота 1534 г. Ферапонтову монастырю на д. Купреево в Дмитровском уезде, разрешавшая платить «за дань и за ямские денги, и за примет, и за посошной корм, и за все пошлыны и за подводы с году на год оброком... по рублю», получила подпись: «опричь ямских денег и посошные службы». «А оброк, — говорилось в ограничительной приписи, — у них... велел отставить»⁷⁹.

Дадим итоговую характеристику того состояния, в котором оказался податной иммунитет монастырских вотчин после пересмотра тарханов 17 мая 1551 г. П. П. Смирнов ограничился тем, что назвал четыре формулы, употреблявшиеся 17 мая при подписании грамот на царское имя, не сопоставив ограничительные постановления с конкретным содержанием грамот.

В специальной работе нами было показано, что к концу боярского правления оканчивался срок освобождения от податей основной массы монастырских вотчин, хотя существовал ряд тархановых «островков» в различных районах страны⁸⁰. Из этих «островков» волоцко-ржевско-клинско-тверской остался формально нетронутым вследствие подписания на царское имя в 1551 г. жалованных грамот Василия III Иосифо-Волоколамскому, Селижарову монастырям и Клинской Изосиминой пустыни. На юге сохранил привилегии епископ Коломенский⁸¹, но грамота Троице-Сергиеву монастырю на двор в Коломне была подписана с ограничением⁸². Жалованные грамоты Троицкому Белопесоцкому монастырю не имеют подтвердительных подписей. Правда, этот монастырь получил в 1550/51 (7059) г. новую «тарханную» грамоту на подмонастырную слободку и земли в разных уездах⁸³. Текст грамоты не сохранился, но, поскольку она была подписана дьяком Ю. Сидоровым, можно предполагать, что круг содержавшихся в ней привилегий был довольно ограниченным.

Ликвидировать привилегии отдельных «отарханенных» вотчин монастырей средней руки не представило бы особого труда, но на пути реализации ст. 43 Судебника 1550 г. встал такой крупный духовный феодал, как Троице-Сергиев монастырь. Полученная им в сентябре 1550 г. общая жалованная грамота, дававшая право мо-

⁷⁸ Каштанов С. М. К проблеме происхождения феодального иммунитета // Ист. науки. 1959. № 4. С. 107.

⁷⁹ РИБ. Т. 32. № 129. Стб. 222.

⁸⁰ Каштанов С. М. Итоги финансовой политики в Русском государстве. С. 118—136.

⁸¹ Кучкин В. А. Жалованная грамота 1538 г. на две слободки в Коломне // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 343 (ХП-III. № 1—194).

⁸² ПРП. Вып. IV. С. 116 (ХП-1. № 510).

⁸³ ХП-III. № 296.

настырю самому вносить ямские деньги и поставлять посошных людей, фактически возродила тарханно-оборочный принцип, причем если раньше он касался только некоторых владений (в основном в пределах бывшего Дмитровского удела), то теперь охватил всю огромную троицкую вотчину. Чтобы отменить тарханы, нужно было прежде всего нанести удар по Троице. Поэтому и началась борьба за подходящую кандидатуру на пост троицкого игумена. Серапион не устраивал правительство. Интересная ситуация создалась в декабре 1550 г., когда правительство, выдавая Серапиону как игумену грамоту на земли в Московском и Ростовском уездах, декларировало вопреки всем канонам вотчинную юрисдикцию не игумена, а келаря. Подсудность царю устанавливалась тоже не для игумена, а для келаря и казначея⁸⁴. Троицким келарем в это время был Пантелеймон Лепотухин — ставленник прежнего троицкого игумена Ионы Шелепина, на помощь которого правительство рассчитывало⁸⁵. Однако Серапион продолжал действовать и в феврале 1551 г. добился полного подтверждения общей грамоты 1550 г. на все троицкие вотчины⁸⁶. Не совсем просто было найти ему преемника. После кратковременного игуменства Иоасафа, весной 1551 г., правительство сумело привести к власти в Троице нестяжателя Артемия, при котором и была осуществлена отмена троицких тарханов. Сделав отдельные уступки Иосифо-Волоколамскому монастырю, правительство последовательно ликвидировало основные податные привилегии Троице-Сергиева монастыря, а заодно и целого ряда других духовных феодалов.

Благодаря этому в масштабе всего Русского государства с большей части монастырских вотчин стали взиматься ямские деньги, тамга, посошные люди, мыт, в отдельных случаях также окупные и пищальные деньги.

Ликвидация монастырских тарханов укрепила государственные финансы и на первых порах помогла правительству Ивана Грозного успешно осуществлять внутреннюю и внешнюю функции феодального государства.

Рассмотрим отдельно вопрос о подтверждении жалованных грамот на монастырские дворы. Носов ставил знак равенства между городским двором и слободой⁸⁷. Однако лишь компактная группа частновладельческих дворов превращалась в слободу. Отношение правительства к монастырским дворам существенно отличалось от отношения к слободам. По-видимому, грамоты на слободы в крупных городских центрах, как правило, не подтверждались совсем. Об этом может свидетельствовать помета-резолюция 1551 г. на грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1546 г. на двор

⁸⁴ ХП-II. № 631.

⁸⁵ Каштанов С. М. Монастырские документы о политической борьбе середины XVI в. // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 39. Иона в течение короткого времени после ухода Артемия вторично был игуменом (Там же. С. 30—31).

⁸⁶ Подробнее см.: Каштанов С. М. Очерки. С. 192 и примеч. 68.

⁸⁷ Носов Н. Е. Указ. соч. С. 187 и др.

в Коломне: «А будет один двор, а не слобода,— подписати». Безоговорочное подтверждение в 1551 г. тарханной грамоты 1538 г. коломенскому епископу на 30 дворов в Коломне являлось, конечно, исключением из правила, но следует заметить, что и тут речь шла не о целых слободах, а о разрозненных группах дворов на посаде. Грамоты на внегородские слободы и слободы на мелких посадах могли получить подтверждение с такими же ограничениями, какие делались на грамотах, касавшихся сельских вотчин монастырей. Так, в грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1549 г. фигурировала наряду с сельскими владениями слободка на р. Где в Ростовском уезде, состоявшая из пяти дворов. В подтвердительной подписи 1551 г. дается общее ограничение — «опричь» ямских денег, посошной службы и тамги (не обусловленное, впрочем, содержанием грамоты), но вопрос о слободке особо не поднимается. Аналогичное ограничение содержится в подписи 1551 г. на обельно-несудимой грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1534 г. на слободку в вол. Медушах Владимирского уезда. «Опричь тамги» подтверждалась в 1551 г. грамота Симонову монастырю 1546 г. на слободки в Любиме и Буге-городке Костромского уезда.

Была подтверждена в 1551 г. грамота Покровскому Угличскому монастырю 1534 г. на села, деревни и слободы, не содержащая основных податных освобождений. Слободы упоминаются в общей жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю 1550 г., подтвержденной в 1551 г. «опричь ямских денег и посош- ных службы, и тамги». В новой обельно-несудимой грамоте Спасо-Евфимьеву монастырю от 17 мая 1551 г. также фигурируют слободки. В грамоте от 12 мая 1551 г. села и слободка Суздальского Покровского монастыря освобождались от посошной службы. Выше отмечалось, что Троицкий Белопесоцкий монастырь получил в 1550/51 г. новую «тарханную» грамоту (с какими привилегиями, неизвестно) на слободку под монастырем. Действительно тарханной была только полностью подтвержденная грамота Василия III Иосифо-Волоколамскому монастырю на слободку Тимофеевскую Ржевского уезда⁸⁸.

Обострение сословных и классовых противоречий между монастырями и посадными людьми в крупных городах обусловило довольно решительную борьбу правительства против права духовных феодалов владеть здесь слободами, но в сельской местности и на мелких посадах частновладельческие слободы оставались таким фактором экономического развития, которому город еще не противостоял, и поэтому они сохранялись.

Другой политики придерживалось правительство по отношению к монастырским дворам. Большинство грамот, содержавших иммунитетные льготы на монастырские дворы, было ограничено са-

⁸⁸ ПРП. Вып. IV. С. 116; ЦГАДА. ГКЭ. По Ростову № 23/10560; Кукин В. А. Указ. соч. С. 342—343; АСЭИ. Т. II. № 497; АФЗХ. Ч. II. № 63; Ч. IV. № 83; Каишанов С. М. Общие жалованные грамоты. С. 138—141; ХП-I. № 125, 304, 330, 510; ХП-II. № 610, 625, 638, 643; ХП-III. № I—194, I—296.

мым существенным образом, каждая из них получила подпись следующего типа: «...сее у них грамоты рушити не велел никому ничем, оприч ямских денег и посошные службы, и тамги: то их дворнику давати; а хто у них в том дворе оприч одного человека дворника учнет жити, и тем людям всякие подати давати с черными людьми равно. А наместницы... и их тиуны судят, как иных черных посадских людей»⁸⁹. Это ограничение имело громадное значение. Оно явилось своеобразным результатом реализации ст. 91 Судебника 1550 г. Если ст. 91 предписывала торговых посадских людей выводить из монастырских дворов, то ограничительные подписи подходили к решению того же вопроса с другого конца: они приравнивали жителей монастырских дворов к черным людям в отношении тягла и суда. Исключение было сделано только для одного-двух дворников, которым тем не менее полагалось платить ямские деньги, тамгу и исполнять посошную службу. Таким образом, в городах борьба с «сеньориальными правами» монастырей приняла особенно острый характер. Она качественно отличалась от простого ограничения отдельных иммунитетных привилегий монастырей, речь шла об освобождении «государевых посадов» от уз частнофеодальных отношений.

Включению в черное тягло не подлежали, очевидно, отдельные монастырские дворы на севере Русского государства⁹⁰, в том числе дворы, которые служили только для постоя монастырских купчин⁹¹. Ограничительные приписи от 17 мая 1551 г. в совокупности с гл. 98 Стоглава, запрещавшей ставить новые дворы в слободах духовных феодалов, нанесли сильный удар по беломестному землевладению и способствовали дальнейшему развитию посадского сословия. Вместе с тем правительство не затрагивало иммунитет тех монастырских дворов, которые имели освобождение от обязанности тя-

⁸⁹ См. например: ХП-I. № 326, 327, 565 и др.

⁹⁰ Как уже упоминалось, двору Кирилло-Белозерского монастыря в Белоозере были оставлены его прежние привилегии, «оприч пищальных денег» (ЛОИИ СССР. Собр. Головина. № 64; ХП-I. № 582). Без оговорок подтверждена грамота 1511 г. Ярославскому Спасскому монастырю на пустое место в г. Ярославле и три пустых дворища на ярославском посаде, в которой давалось освобождение от «проторов» и «розметов», кроме посошной службы, пищального «наряду» и городского дела (ХП-I. № 95). В подтверждении 1551 г. к обельно-несудимой грамоте 1539 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на дворовое место в Угличе разрешалось «жити им в старом своем дворе», потому что он «под город не пошел, и ныне тот старой двор за Кириловым монастырем» (Там же. № 391). В 1551 г. были подтверждены несудимые грамоты: новгородскому монастырю Антония Римлянина 1524 г. на двор в Новгороде на посаде (Там же. № 212), Кирилло-Белозерскому монастырю 1533 г. на двор в Белоозере и на двор в Каргополе (в каждом из этих двух дворов полагалось жить только одному человеку — дворнику; см.: Там же. № 293, 294), Арсеньеву Комельскому монастырю 1542/43 г. на двор в Вологде (Там же. № 438). Кроме того, есть упоминание о подтверждении в 1550/51 г. какой-то «тарханной» грамоты 1547/48 г. Аркажскому монастырю на села, деревни, двор и четыре лавки в Новгороде (ХП-III. № I—276).

⁹¹ См. грамоту 1548 г. Троице-Сергиеву монастырю на место под двор на Двине на посаде — Сборник ГКЭ. Т. II. № 118-а (ХП-I. № 578). О подтверждении и ограничении этой грамоты (в 1551 г.) есть сведения в грамоте 1554 г. (Сборник ГКЭ. Т. I. № 137-а; ХП-II. № 688).

нуть в тягло с гостями. Так, в 1551 г. была полностью подтверждена жалованная грамота 1540 г. Троице-Сергиеву монастырю на двор в Москве, по которой великий князь «з гостями ни в которые розметы и протори тянути не велел ничем»⁹². Следовательно, гости, подобно светским феодалам, не получили от правительства столь же эффективного импульса для борьбы с имунитетной изолированностью монастырских владений, какой получили посадские люди.

Значительным ограничениям подверглись грамоты, содержавшие проездные и торговые привилегии монастырей. Беспешинно провозить, покупать и продавать разрешалось лишь определенное, регламентированное («урочное») количество товаров «на монастырский обиход». С товаров, превышающих установленную в грамоте норму, местной администрации предписывалось «имать всякие пошлыны». Это ограничение не было чем-то принципиально новым. Оно имелось и в ряде грамот предшествующего периода. Несохранившаяся, но упоминаемая в грамоте 1581/82 г. тарханно-проезжая и несудимая грамота Василия III Троице-Сергиеву монастырю на торговые поездки из Вологды на Двину, в Холмогоры, Каргополь, Устюг, Тотьму, а также до монастыря и до Москвы, по-видимому, вообще не получила подтверждения. Тарханно-проезжая грамота Ивана IV тому же монастырю 1548 г. на торговую экспедицию от монастыря до Белого моря и обратно через Вологду была, судя по более позднему известию (1554 г.), подписана Юрием Сидоровым «оприч тамги» (грамота 1548 г. давала освобождение от мыта, тамги и явки). «Оприч тамги» подтверждалась и общая тарханно-проезжая грамота Троице-Сергиеву монастырю 1545 г. на проезды с повозом и запасом. В подтверждении к грамоте 1543 г. о торговле троицких крестьян ростовского села Нового в Переславле-Залесском подчеркнуто: «А тамга им давати в Переславлѣ по тому ж, как иные люди розных городов тамгу платят».

Правда, в тех подтверждениях троицких грамот, где требовалось платить не только ямские, но и окупные деньги, а также мыт, в порядке компенсации провоз «запаса» в монастырь (на «обиход», а не на продажу) освобождался от мыта и тамги. В подписи 1551 г. на тарханно-проезжей грамоте 1547 г. митрополичьему дому, освобождавшей от мыта и тамги при провозе рыбного запаса, вводился «урок»: регламентировалось количество транспорта и разрешался беспешинный проезд только один раз в году. Была полностью подтверждена указная грамота 1550 г., в которой Ярославскому Спасскому монастырю разрешалось беспешинно провозить камень для строительства вокруг монастыря каменной ограды, но при этом «с товару» предписывалось взимать «мыт и пошлыны»⁹³.

⁹² ГБЛ. Тр. кн. 520. Л. 19 об.— 22 (ХП-I. № 414).

⁹³ Сборник ГКЭ. Т. I. № 137-а; АФЗХ. Ч. I. № 244; ХП-I. № 332, 333, 457, 484, 538, 555, 578; ХП-II. № 616; ХП-III. № 1—28.

Грамоты, разрешавшие провозить ограниченное количество товаров, подтверждались в 1551 г. без оговорок⁹⁴. Так, были подписаны на царское имя грамота 1546 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на беспощинный провоз, куплю и продажу 20 тыс. пудов соли⁹⁵, грамота 1547 г. Соловецкому монастырю на торговлю 10 тыс. пудов соли⁹⁶. И все же это были существенные привилегии, и сохранение их свидетельствует об известной непоследовательности правительства.

Большинство несудимых грамот было подтверждено полностью. Однако многие грамоты, содержавшие постановление о подсудности игумена или архимандрита с братьею великому князю, получили ограничительную подпись следующего типа: «А кому будет чего искати на... игумене, ино его судит отец наш Макарей, митрополит всея Руси (или «...богомолец наш Ростовски и Ярославски архиепископ...»), а старцов... монастыря меж их судит... игумен. А кому будет чего искати на их монастырском приказшике и на слугах, и на монастырских крестьянх, ино их сужу яз, царь..., или мой боярин введеный»⁹⁷.

На основании анализа этой ограничительной приписи П. П. Смирнов заключил, что «круг лиц, подсудных вотчинному суду игумена», суживался «до одних только монахов монастыря... вместо совместного суда с участием грамотчика или его приказчика» устанавливался «над... монастырским приказчиком, монастырскими слугами и крестьянами во всех случаях светский суд царя или его боярина введенного»⁹⁸, «такие изменения порядка подсудности были равносильны полной отмене вотчинного суда монастырских властей, по крайней мере в городах»⁹⁹. С выводами П. П. Смирнова согласиться нельзя. Ограничение несудимых грамот ставило своей целью только перевод настоятелей монастырей из сферы царской юрисдикции в сферу святительской, т. е. митрополичьей или архиепископской, епископской юрисдикции в соответствии с гл. 67 Стоглава.

В самих ограничительных приписях подчеркнуто, что они имеют в виду святительский суд: «А оприч святительского суда, царь... грамоту рушати не велел никому ничем»¹⁰⁰. Тут не было никакого намека на ликвидацию вотчинного суда: 1) несудимые грамоты, где отсутствовала статья о подсудности настоятеля, подписывались без ограничений; 2) в новые жалованные грамоты включались

⁹⁴ См., например: ЛОИИ СССР. Собр. Лихачева. № 102/1. Л. 9—10; ААЭ. Т. I. № 222; ХП-I. № 160, 304, 411, 490, 594; ХП-III. № I—66, I—245. Ср. новые грамоты 1551 г. с аналогичной регламентацией транспорта, товара, сроков и т. п.: ХП-II. № 640, 641, 643; АСЭИ. Т. II. № 497.

⁹⁵ ЛОИИ СССР. Собр. Шегрена. № 4 (ХП-I. 501). См. подтверждение: ГПБ. Собр. СПб. Д/А. № АП/47. Л. 73—76 об.

⁹⁶ ХП-I. № 560.

⁹⁷ См., например: Смирнов П. П. Указ. соч. Т. 1. С. 133, примеч. 2.

⁹⁸ Там же. С. 133.

⁹⁹ Там же. С. 133—134.

¹⁰⁰ ХП-I. № 210; ХП-II. № 844 (упоминается грамота 1499 г., подтвержденная в 1551 г. См. также: Каштанов С. М. История. С. 131).

все статьи, обычно фиксировавшие судебный иммунитет. Формула «А кому будет чего искати на их монастырском приказшике и на слугах, и на монастырских крестьянх, ино их сужу яз...» ни в коем случае не может пониматься как отрицание вотчинного или смешанного суда. Эта формула часто содержалась в несудимых грамотах. Она имела в виду тяжбы, которые не могли быть разрешены смешанным судом. Включение указанной формулы в ограничительные приписи 1551 г. объясняется стремлением царя не допустить узурпации церковными иерархами прав верховного суда над светским населением монастырских вотчин. Эта угроза была реальной, так как монастырские власти по Стоглаву становились подсудными митрополиту (или владыкам), хотя и не по всем видам преступлений. До Стоглавого собора многих игуменов и архимандритов во всех делах, кроме церковных, судил великий князь¹⁰¹. Новое соборное уложение перевело настоятелей в сферу митрополичьей или владычной юрисдикции. Для всего светского населения монастырской вотчины высшей судебной инстанцией оставался по-прежнему царь.

Установление подсудности настоятелей монастырей высшим церковным иерархам по гражданским делам являлось, по существу, компромиссом, сделкой между правительством А. Ф. Адашева и высшими церковными иерархами, прежде всего митрополитом Макарием. Этот компромисс едва ли был в пользу монастырского начальства, тем более что практиковавшееся ранее освобождение от подсудности церковным иерархам влекло за собой освобождение от многочисленных пошлин иерарху и его «пошлинным людям» — десятильникам, заезщикам и др.¹⁰² В 1551 г. правительство попыталось ограничить грамоту Василия III 1507 г. Новгородскому Юрьеву монастырю, поставив архимандрита в соответствии с соборным уложением под юрисдикцию новгородского архиепископа во всех делах, а не только в духовных, как было ранее. Это вызвало протест со стороны монастыря и привело к выдаче новой грамоты 29 мая 1551 г., где правительство вынуждено было вернуться к старому положению вещей и новгородский архиепископ не получил права суда над юрьевским архимандритом в светских делах¹⁰³. Грамота Василия III Спасо-Хутынскому монастырю 1532 г., близкая по содержанию к юрьевской грамоте 1551 г., была подтверждена как будто без ограничения (текст подписи неизвестен — Амвросий упоминает подтверждение Ю. Сидорова без каких-либо оговорок)¹⁰⁴. Возможно, и спасо-хутынский игумен сохранил подсудность царю по светским делам. Нет сведений также об ограничении аналогичной по содержанию жалованной грамоты Василия III 1525 г. Новгородскому Вяжицкому монастырю¹⁰⁵. Зато в подпи-

¹⁰¹ См.: например: ЛОИИ СССР. Собр. актов до 1613 г. № 1/156 (ХП-I. № 464); ГПБ. Собр. актов и грамот. № 1—129 (ХП-I. № 500) и др.

¹⁰² См., например: ХП-I. № 478 (ср.: ХП-II. № 1091; ХП-III. № 1—228, I—245), 584.

¹⁰³ ДАИ. Т. I. № 46 (ХП-II. № 647).

¹⁰⁴ Амвросий. Ч. VI, 2-й полутом. С. 627—634 (ХП-III. № 1—100).

¹⁰⁵ ХП-III. № 1—90.

сях 1551 г. на грамотах двум другим новгородским монастырям — Антония Римлянина и Троицкому Клопскому — подсудность их настоятелей новгородскому архиепископу устанавливалась «во всем»¹⁰⁶.

Очень немногие несудимые грамоты фиксировали полное изъятие монастырских владений из наместничьей юрисдикции. Единого подхода к этим грамотам не было. Обычно они подтверждались полностью¹⁰⁷. Исключение составляет грамота Антониеву Сийскому монастырю 1545 г., в подтверждении которой в 1551 г. было велено душегубство и татьбу с поличным ведать наместникам, разбойное дело — губным старостам¹⁰⁸. К этой подписи чрезвычайно близки по формуляру и содержанию подписи на грамотах монастырям Двинскому Михаило-Архангельскому (1542 или 1545 г.)¹⁰⁹ и Николаевскому Корельскому (1542 г.)¹¹⁰. Хотя в самих грамотах давался не полный судебный иммунитет, а ограниченный («опричь душегубства и разбоя с поличным»), все же здесь делается новое ограничение, правда не вполне тождественное старому: душегубство и татьба с поличным отдаются в ведение наместников, разбойное дело — в ведение губных старост. Все три грамоты относились к Двинскому уезду, где было введено губное управление, чем и объясняется применение данного ограничения.

Кроме того, во всех трех грамотах фиксировалась подсудность настоятеля и причта великому князю с оговоркой в михаило-архангельской и николаево-корельской грамотах: «опричь духовнаго дела» (в антониево-сийской грамоте даже этой оговорки нет). Подтвердители 1551 г. никак не прореагировали на эту особенность содержания грамот, следовательно, настоятели двинских монастырей не перешли в подведомственность к архиепископу Новгородскому по светским делам, как того требовало новое соборное уложение. Вероятно, подсудность казначеям сохранили настоятели Соловецкого и Важского Богословского монастырей¹¹¹. В итоге представляется, что целый ряд крупных монастырей Новгородской епархии не попал в сферу юрисдикции новгородского архиепископа. В его полной компетенции оказались только настоятели монастырей Антония Римлянина и Троицкого Клопского, а также протопоп и клир Волоколамского Воскресенского собора¹¹².

Каково было в этом плане положение игумена Иосифо-Волоколамского монастыря, находившегося в Новгородской епархии, сказать трудно. Большинство подтвержденных ему грамот не содержало статьи о подсудности игумена великому князю, однако в одной из них — грамоте 1522 г. на с. Фаустова Гора Зубцовского

¹⁰⁶ ХП-I. № 212; *Гойдуков Г.* Краткое описание... Клопского Троицкого монастыря. М., 1815. С. 17—18.

¹⁰⁷ *Вахрамеев И. А.* Т. I. № 22. Характерно, что местные власти беззастенчиво нарушали полный судебный иммунитет, несмотря на утвердительную припись от 17 мая 1551 г. В 1557 г. монастырь получил новую грамоту, закрепляющую прежние привилегии (Там же. № 24). См. ХП-II. № 742, 758.

¹⁰⁸ Сборник ГКЭ. Т. I. № 190. (ХП-I. № 481).

¹⁰⁹ ХП-III. № 1—245.

¹¹⁰ ХП-I. № 560, 590.

¹¹¹ АИ. Т. I. № 141 (ХП-I. № 441).

¹¹² Там же. № 120.

уезда — такая статья имела, и ее наличие не вызвало появления в 1551 г. оговорки о святительском суде¹¹³. Лишь с середины 50-х годов в волоколамских грамотах устанавливается подсудность игумена сначала митрополиту Макарию (1556 г.)¹¹⁴, затем архиепископу Новгорода и Пскова (1563 г.)¹¹⁵. Не исключено, что в 1551 г. волоцкий игумен сохранял подведомственность царю.

Не удалось митрополиту Макарию получить полную юрисдикцию в отношении игумена Московского Богоявленского монастыря, которого он по грамоте от 17 мая 1551 г. мог судить только «в духовных делах»¹¹⁶. Судебная власть митрополита над настоятелями зафиксирована в подписях 1551 г. к грамотам Троице-Сергиеву¹¹⁷, Симонову¹¹⁸, Московскому Новоспасскому¹¹⁹, Чудову¹²⁰, Серпуховскому Владычному¹²¹, Троицкому Махрищскому, Федоровскому Переславль-Залесскому, Троицкому Данилову, Владимирскому Рождественскому, Владимирскому Спасскому, Чухломскому Покровскому и, вероятно, Галицкому Солдинскому, Костромскому Корнильеву, Торопецкому Троицкому монастырям, Дмитриевскому собору во Владимире¹²².

Вместе с тем некоторые грамоты Троице-Сергиеву монастырю, устанавливающие подсудность игумена великому князю, были подтверждены в 1551 г. без оговорки о святительском суде¹²³. То же следует сказать о грамотах Серпуховскому Высоцкому, Можайскому Лужецкому, Никольскому Переславль-Залесскому монастырям¹²⁴. Возможно, настоятели трех последних монастырей остались под царской юрисдикцией.

Подчинение настоятелей судебной власти архиепископа Ростовского и Ярославского закреплено в грамотах Ферапонтову¹²⁵, Троицкому Усть-Шехонскому¹²⁶, Троицкому Гledenскому¹²⁷ монастырям, Великоустюжскому Успенскому собору¹²⁸. Вместе с тем

¹¹³ АФЗХ. Ч. II. № 87 (ХП-I. № 189).

¹¹⁴ АФЗХ. Ч. II. № 261 (ХП-II. № 751) — грамота на село, сельцо и деревни Рузского уезда.

¹¹⁵ АФЗХ. Ч. II. № 302 (ХП-II. № 831) — грамота на все вотчины, расположенные в восьми уездах.

¹¹⁶ ХП-II. № 646; АММС. I. С. 111.

¹¹⁷ На некоторых грамотах Троице-Сергиеву монастырю находим помету-резолюцию 1551 г.: «Подписать, а игумена судити митрополиту» (см., например: АРГ. № 23, 32, 89, 99, 193, 220).

¹¹⁸ ХП-I. № 519; АФЗХ. Ч. IV. № 83.

¹¹⁹ ХП-III. № I—285.

¹²⁰ ПРП. Вып. IV. С. 119 (ХП-II. № 642).

¹²¹ Кашинов С. М. Очерки. С. 454—455. № 68.

¹²² ХП-I. № 29, 96, 123 (текст частично утрачен), 127, 154, 277, 343, 395, 429, 584; ХП-III. № I—277.

¹²³ ХП-I. № 246, 474; ср. № 362.

¹²⁴ Там же. № 33, 433; АСЭИ. Т. III. № 95 (ХП-I. № 70; юрисдикция князя Юрия Ивановича, выдавшего грамоту в 1509 г., была унаследована Иваном IV после подтверждения грамоты в 1534 г.).

¹²⁵ ХП-I. № 499; ср. № 276.

¹²⁶ Там же. № 389, 412.

¹²⁷ РИБ. Т. 14. Стб. 825; ср.: ХП-I. № 397—399, 405; ХП-II. № 776.

¹²⁸ ХП-II. № 598.

грамота Кирилло-Белозерскому монастырю 1549 г. о подсудности игумена и братии царю была в 1551 г. подтверждена без оговорок¹²⁹. По-видимому, игумен Кирилло-Белозерского монастыря сохранил подведомственность царскому суду. В XV в. этот монастырь одним из первых избавился от подсудности своему иерарху. Неясно, в чьей подведомственности оказался архимандрит Ярославского Спасского монастыря. Сведений о переходе его под юрисдикцию ростово-ярославского владыки у нас нет. Возможно, не было нарушено право подсудности великому князю и настоятелей двух угличских монастырей — Покровского и Афанасьевского¹³⁰.

Юрисдикция епископа Пермского и Вологодского Киприана устанавливалась над настоятелями монастырей Великоустюжского Архангельского, Арсеньева Комельского и Вологодского Глушицкого¹³¹. Неизвестно, была ли снабжена оговоркой о святительском суде грамота 1546 г. Вологодской Глубокоозерской пустыни, фиксировавшая подсудность игумена великому князю¹³². Грамота 1539 г. Спасо-Прилуцкому монастырю, как будто также закреплявшая подсудность игумена великому князю, получила полное подтверждение¹³³. Без оговорки подтверждалась и грамота 1506 г. Троицкой Павловой пустыни, где предусматривался вызов в великокняжеский суд по исковым делам всех представителей монастыря и населения его вотчин¹³⁴.

Юрисдикция епископа Рязанского и Муромского в отношении настоятелей зафиксирована в подтверждениях к грамотам 1524 и 1527 гг. рязанским монастырям — Покровскому и Богословскому¹³⁵. В подтверждении 1551 г. к грамоте 1537 г. Солотчинскому монастырю было сказано: «...опричь рязанского владыки и его десятильников суда»¹³⁶. Это означало установление юрисдикции рязанского епископа над архимандритом, который по грамоте 1537 г. был подсуден великому князю или его дворецкому, а епископ имел право суда только «в духовном деле»¹³⁷.

Судебная власть епископа Тверского над игуменом прокламировалась в подтверждении к грамоте 1510 г. Кашинскому Клобукову монастырю¹³⁸.

О судебных полномочиях епископа Суздальского и Тарусского речь идет в грамоте 1551 г. Спасо-Евфимьеву монастырю. Епископ получил право судить архимандрита, попов и дьяконов монастыря. В грамоте говорилось, что «селских попов и дьяконов судят архи-

¹²⁹ ХП-III. № I—284.

¹³⁰ ХП-I. № 179, 304.

¹³¹ Там же. № 79, 438, 583.

¹³² ХП-I. № 210; ХП-III. № I—98.

¹³³ ЦГИА СССР. Ф. 834. Оп. 3. № 1917. Л. 23 об.

¹³⁴ В грамоте 1537 г. говорилось: «Наш владыка рязанской и его тиуни и десятильники приставов своих на них не дают и не судят их ни в чем, опричь духовного дела. А в духовном деле архимандрита з братьею судить наш владыка рязанской сам» (Там же. Л. 22 об.; ср.: ХП-I. № 352).

¹³⁵ АСЭИ. Т. III. № 176 (ХП-I. № 80).

¹³² Там же. № 513.

¹³³ ХП-III. № I—203.

¹³⁴ Там же. № I—36.

епископы и епископы по своим епископиям, у кого у их которые села в архиепископье или в епископье будут...»¹³⁹.

Итак, мы видим, что постановление Стоглавого собора о святительском суде в целом проводилось в жизнь, но не вполне последовательно. Настоятели ряда монастырей не были отданы в полную подведомственность церковным иерархам. Влиятельные монастыри Новгорода и Двины, Кирилло-Белозерский, Московский Богоявленский, а возможно, и Иосифо-Волоколамский и Ярославский Спасский монастыри, а также некоторые другие духовные феодалы сохранили прежнюю степень независимости от иерархов и остались в сфере царской юрисдикции по всем светским делам. Это способствовало поддержанию союза царской власти с монастырями и ослаблению завоеванных церковными иерархами позиций.

Сопоставление ограничительных подписей 1551 г. с основным содержанием как подтвержденных, так и вновь выданных грамот, а также с гл. 67 Стоглава позволяет сделать некоторые выводы о разграничении юрисдикций в 1551 г. Во-первых, в духовных делах настоятель, монастырская братия и светское население монастырских вотчин оставались, как правило, в ведении святительского суда. Во-вторых, в мирских делах тяжбы между монастырскими старцами судил настоятель, он же разбирал дела, возникавшие между монастырскими крестьянами, слугами и приказчиками. В-третьих, в тяжбах по мирским делам между настоятелем, членами братии или клира, с одной стороны, и посторонними лицами — с другой, духовные лица были подведомственны святительскому суду (за исключением настоятелей и причта некоторых новгородских и других монастырей), а светские, вероятно, светскому, т. е. имел место смешной суд, хотя исполнение приговора по отношению к настоятелям, монахам и членам клира находилось, скорее всего, в руках святительского суда. В-четвертых, тяжбы по мирским делам между крестьянами, слугами и вообще всем светским населением монастырских вотчин, с одной стороны, и посторонними лицами данного уезда — с другой, подлежали смешному суду монастырских и местных властей, а тяжбы с посторонними лицами других уездов — компетенции царского суда¹⁴⁰. В-пятых, святительский суд по мирским тяжбам был, судя по гл. 67 Стоглава, неправомочен рассматривать дела о душегубстве, разбое и, возможно, татьбе с поличным. В-шестых, вотчинная юрисдикция настоятеля в отношении монахов, слуг и крестьян по их внутренним тяжбам обычно ограничивалась изъятием из нее дел, касавшихся одного, чаще двух, а иногда и трех уголовных преступлений: душегубства, разбоя и татьбы с поличным, которые ведались местными светскими органами власти.

¹³⁹ АСЭИ. Т. II. № 497 (ХП-II. № 643).

¹⁴⁰ Так, в грамоте 1548 г. Богоявленскому монастырю ясно различаются следующие казусы: 1) «А случитца суд смешной» и 2) «А кому будет... каково дело изыных городов» (АММС. I. С. 104).

Принципиально новым для середины XVI в. был только третий пункт нашего перечня (и связанный с ним пятый как форма конкретизации третьего). Элемент некоторой юридической новизны был также в закреплении права настоятеля судить монахов своего монастыря по их внутренним тяжбам. В жалованных грамотах этот вопрос обычно не оговаривался и тем самым оставлялся открытым: на право суда над монахами мог претендовать как настоятель, так и святитель, причем последний с большими каноническими основаниями. На деле, возможно, настоятельский суд над монахами в их внутренних тяжбах стал в первой половине XVI в. обычной практикой, особенно в больших монастырях, однако это право настоятеля не было бесспорным. Уступая иерархам значительную часть судебных полномочий в отношении монастырских властей, монахов и клира по тяжбам их с посторонними лицами (т. е. в так называемых «исковых» делах), правительство вместе с тем узаконило право настоятелей судить членов братии по внутренним тяжбам между ними. Это было известной защитой прерогатив монастырских властей и ограничением судебных аппетитов высших церковных иерархов.

Таким образом, в политике правительства «Избранной Рады» в 1551 г. можно заметить явное лавирование между интересами двух руководящих слоев духовного сословия — церковных иерархов (глав епархий) и настоятелей монастырей. Расширение судебных полномочий иерархов отвечало теократическим устремлениям осифлянской верхушки русской церкви, возглавляемой митрополитом Макарием. Фиксация внутримонастырской юрисдикции ставила препону этим устремлениям и вместе с тем укрепляла основы феодального судебного иммунитета корпоративных земельных собственников — монастырей. Противопоставление интересов святителей и настоятелей было лишь одним из маневров, направленных на то, чтобы облегчить общее наступление феодального централизованного государства на податные и таможенные привилегии духовного сословия в целом. Стремясь приблизить вотчины духовных феодалов в податном отношении к землевладению других, менее привилегированных сословий, правительство преследовало как чисто фискальные цели — увеличение казенных доходов, так и социальные: уравнивать до некоторой степени все сословия перед лицом царской власти, умалить преимущества особо привилегированных (прежде всего монастырей) и поднять авторитет тех сословий, которые были социальной опорой централизованной власти, — детей боярских и посадских людей. Классовая сущность политики правительства проявлялась в том, что все предпринимаемые им меры не облегчали положения основного производящего класса — крестьян. Напротив, податной нажим на монастыри мог только ухудшить положение большой сословной группы — монастырских крестьян, не улучшая при этом сколько-нибудь существенно положение крестьян других сословных категорий.

Глава седьмая

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

В 1551—1564 гг.

В период правления «Избранной Рады» (50-е годы XVI в.)¹ содержание жалованных грамот определялось в основном теми правилами, которые были установлены в 1550—1551 гг. (ст. 43 Судебника и ограничительными приписями от 17 мая 1551 г., уточнившими и конкретизировавшими принципы отмены тарханов).

Грамоты, выданные в конце мая — первой половине сентября 1551 г., касались земель на севере, востоке и юго-западе Русского государства. Обельно-несудимые грамоты, не содержавшие освобождения от главных податей, но фиксировавшие финансовую изолированность феодальных вотчин от чернотяглового мира, получили Новгородский Юрьев и Соловецкий монастыри на владения в Новгородской земле². Соловецкому монастырю был дан еще в безоборочное пользование рыболовный ез в р. Сороке³. В жалованной грамоте псковским соборным старостам, игуменам, попам и дьяконам регламентировался размер поборов с них в пользу новгородского архиепископа⁴. Крестьянам и солеварам Двинского уезда предоставлялось право пользоваться отдельными угодьями и промыслами с обязательством уплаты оброка в царскую казну⁵.

Оброчные грамоты получили также феодалы Вятского уезда братья Мартьяновы. Грамота Титу Мартьянову была не только оброчной, но и льготной, т. е. дававшей временное освобождение от податей⁶. Бессрочное освобождение от «тягла» и «податей» было пожаловано Ветлужскому Троицкому монастырю на земли по р. Ветлуге. Строитель, старцы и слуги Ветлужского монастыря освобождались также от уплаты пошлин при покупке и продаже «монастырского запаса»⁷. Более или менее значительные привилегии вятским феодалам и Ветлужскому монастырю связаны с политикой укрепления подступов к Казанскому ханству. Из ветлужской грамоты ясно вырисовывается ответственная роль монастыря в распространении русского влияния на окраине, близкой к Казанскому

¹ О политике «Избранной Рады» в целом см.: *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960; *Grobovsky A. N.* The «Chosen Council» of Ivan IV: A Reinterpretation. N. Y., 1969.

² XII-II. № 647, 650.

³ Там же. № 649.

⁴ Там же. № 648.

⁵ Там же. № 651, 652; ср. № 656.

⁶ Там же. № 655; ср. № 654.

⁷ ГИМ. ОПИ. Ф. 440. Опись Троицкого. № 749 (XII-II. № 653).

ханству. Согласно сообщению грамоты, прежними землями монастыря «завладела луговая черемиса». Монастырю разрешалось «русских людей называти безпенно починки ставити и поля розчищати». В грамоте предписывалось «за межу русским людем к черемисе не ходити и пашни не похати, и сен не косити, и угодыя не угодовати».

Стратегическими мотивами объясняется и выдача в сентябре 1551 г. тарханно-несудимой, односрочной, проезжей и заповедной грамоты Путивльскому Спасо-Преображенскому монастырю, расположенному на западной окраине государства. В грамоте фиксировалось освобождение монастырской вотчины от дани, ямских денег, примета, посошной службы, ямчужной повинности и др. Поездки монастырских людей с целью купить что-либо или продать на «обиход» не подлежали обложению таможенными пошлинами, среди которых указаны мыт, тамга, перевоз, мостовщина и головщина⁸.

Таким образом, уже в первые месяцы после отмены и генеральной ревизии тарханов были выданы по крайней мере две тарханные грамоты — Ветлужскому Троицкому и Путивльскому Спасо-Преображенскому монастырям. В данном случае можно, вероятно, думать, что внешнеполитические задачи заставляли правительство отступать от строгого проведения в жизнь намеченных общих подходов к монастырскому иммунитету. В спасо-преображенской грамоте виден, в частности, разрыв и с посадской политикой мая 1551 г.: среди отарханенных владений была монастырская слободка за монастырем, состоявшая из семи дворовых мест, а в Новгороде — монастырское дворовое место на посаде в остроге. Напротив, обеление вотчин Юрьева и Соловецкого монастырей от черного тягла при отсутствии освобождения от основных податей соответствовало принципам имунитетной политики, находившим применение при выдаче новых грамот в мае 1551 г.

В грамотах второй половины сентября 1551—июля 1552 г. в сферу имунитетной политики входили главным образом центральные уезды. Так, 20 сентября 1551 г. Троице-Сергиеву монастырю были предоставлены данные приставы для привилегированного вызова в суд крестьян троицкой вотчины в разных уездах. 20 октября 1551 г. Троице-Сергиев монастырь получил несудимую и заповедную грамоту на с. Раменку в Бежецком Верху⁹. Эти пожалования характеризуют стремление правительства поддерживать союз с влиятельным Троице-Сергиевым монастырем, где игуменом был нестяжатель Артемий. Однако никаких податных освобождений троицкие грамоты не содержали. Грамоты ноября 1551—июля 1552 г. касались уездов Владимирского, Гороховецкого, Углицкого, Нижегородского, Вологодского, Переславль-Залесского, Суздальского, Звенигородского, Ростовского, Ярославского. Среди этих грамот встречаются несудимые¹⁰ и указные, требующие не на-

⁸ ХП-II. № 657.

⁹ Там же. № 658, 659.

¹⁰ Там же. № 664, 669.

рушать и соблюдать судебные привилегии иммунистов¹¹. В грамоте ноября 1551 г. владимирским тиунам было запрещено взимать мыт с крестьян Суздальского Покровского монастыря, ездивших за камнем через Мошок¹². Грамоты января и февраля 1552 г. предписывали давать ругу Кирилло-Белозерскому и двум переславским монастырям — Данилову и Рождественскому¹³. Ямские охотники Целагинского яма получили в оброчное содержание пустоши и лес в Суздальском уезде¹⁴.

Грамоты, выданные в ноябре 1552— марте 1553 г., относились к Важскому, Переславль-Рязанскому, Казанскому и Вятскому уездам. Грамота ноября 1552 г. своеземцу Шенкурского городка городовому приказчику Ивану Васильеву сыну Федорова Едемского на его старинную вотчину в Важском уезде предоставляла освобождение от наместничьих кормов и платежа поборов по общей раскладке с черными людьми¹⁵. В феврале 1553 г. Троице-Сергиев монастырь получил право клеймения ногайских лошадей в Казани и взимания пятенной пошлыны¹⁶. Арским князьям Девятьяровым давались на оброк реки и озера в Вятском уезде (март 1553 г.)¹⁷. Появление грамот на казанские и вятские места было вызвано необходимостью укрепления позиций правительства в присоединенной Казани и соседних с ней землях.

Большой сдержанностью пожалований отличалась иммунитетная политика в апреле — мае 1553 г. От этого времени известны две несудимые грамоты — Григорию Алфимову на поместье в Клинском уезде¹⁸ и Шартомскому монастырю на деревни Суздальского уезда¹⁹.

В июле — ноябре 1553 г. основными объектами иммунитетной политики были земли на северных и восточных окраинах Русского государства. Кирилло-Белозерский монастырь приобрел право беспошлинной рыбной ловли в Белом озере²⁰. В августе и сентябре 1553 г. каргопольские писцы дали светским лицам на оброк ряд угодий и варниц на побережье Белого моря и в реках Пушке и Золотице²¹. Петр Сухово получил в оброчное держание луг в Вятском уезде²².

В ноябрьской грамоте 1553 г. указывалось, чтобы посадские люди Балахны не «вступались» в дворы Троице-Сергиева монастыря в городе и на посаде и не взимали с них никоторого «тягла». Вместе с тем в каждом из двух троицких дворов — осадном и загородном — разрешалось жить одному дворнику и монастырским слугам, находящимся в Балахне по делам; «а которые

¹¹ Там же. № 668, 670.

¹³ Там же. № 665, 666.

¹² Там же. № 660.

¹⁴ Там же. № 667.

¹⁵ Там же. № 674; ср.: Вулих Е. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества // ЖМНП. 1914. № 7. С. 162—163.

¹⁶ ХП-II. № 676, 677; ср. № 675; Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае: (Документы) // Из истории Татарии. Казань, 1973. Сб. V (Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та; Вып. 116). С. 17—21. № 2—4.

¹⁷ ААЭ. Т. I. № 236 (ХП-II. № 678).

²⁰ Там же. № 680.

¹⁸ ХП-III. № 1—308.

²¹ Там же. № 681—683.

¹⁹ ХП-II. № 679.

²² Там же. № 685.

молодые люди ставили дворы к загородному к троецкому двору в слободу, а тягла с тех дворов не давали, и с тех бы людей наше тягло и всякие подати балахонцы имали по Прокошеву писму Цвиленева». Таким образом, попытка некоторых молодых посадских людей превратиться в троицких слобожан пресекалась. С непродажной троицкой соли запрещалось взимать пудовую пошлину, с соли же, «которую соль повезут на продажу или на Балахне учнут продавати», требовалось брать «пудовую нашу пошлину с пуда по полуденге»²³. Мы видим, что в этой грамоте довольно строго проводились принципы посадской и таможенной политики, заложенные в 1550—1551 гг.

В ноябре 1553 г. Суздальскому Покровскому девичьему монастырю была дана грамота о назначении для его Благовещенской церкви денежной и хлебной руги — деньги надлежало брать «в Суздале у наших таможенников», а хлеб (рожь и овес) у посельского дворцовых Козловских сел²⁴.

Большинство грамот, выданных в январе — апреле 1554 г., относилось к северным уездам. В январе 1554 г. Троице-Сергиев монастырь получил грамоту на двор в Усть-Курье и деревню Горки в Двинском уезде, а также на беспошлинный проезд до Двины и до Белого моря²⁵. По сравнению с грамотой 1548 г. на те же объекты²⁶ податной иммунитет монастыря был сильно урезан. Если грамота 1548 г. давала освобождение от дани, яма, посошной службы, городского дела, стояния на яму с подводами и др., то в грамоте 1554 г. первых четырех освобождений не находим. Проезд монастырского транспорта, груженного разным товаром, с Вологды до Двины, а с Двины до моря и обратно в монастырь освобождался, как и в грамоте 1548 г., от мыта, тамги и явки. В грамоте 1548 г. количество транспорта не указывалось, т. е. беспошлинная монастырская торговля ничем не регламентировалась. Поэтому грамота 1548 г. была подписана в 1551 г. дьяком Юрием Сидоровым с ограничением: «оприч тамги». Восстанавливая в 1554 г. освобождение от тамги, правительство регламентировало количество транспорта и товара: с Вологды до Двины и до моря разрешалось беспошлинно везти в насадах и подвосках хлеб, мед, хмель и другой товар на сумму, равную стоимости 10 тыс. пудов соли; на море монастырь мог купить 10 тыс. пудов соли и везти их на насадах и подвосках до Двины; на Двине предусматривалась закупка 50 возов рыбы. Весь транспорт, идущий зимой из Двины и Вологды до монастыря, включал в себя 400 возов соли (10 тыс. пудов) и 50 возов рыбы.

Освобождение продажи и покупки такого значительного количества товаров от уплаты тамги, а провоза их — от уплаты мыта явилось важным компромиссом в пользу монастыря, и можно полагать, что его таможенные привилегии на этом маршруте

²³ Дьяконов М. А. АТН. Вып. II. № 17. С. 13—14 (ХП-II. № 686).

²⁴ ХП-II. № 687.

²⁵ Сборник ГКЭ. Т. I. № 137-а (ХП-II. № 688).

²⁶ ХП-I. № 571.

были в основном или в значительной степени восстановлены.

Грамоты, выданные в феврале 1554 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на село в Бежецком Верхе, старцу Феодосию Суморину на право воздвижения монастыря в Тотье, новгородскому архиепископу Пимену на село в Московском уезде, фиксировали права судебного иммунитета²⁷. В феврале 1554 г. состоялось распоряжение о ежегодной выдаче ружного хлеба (ржи и овса) Корнилиевой Новой пустыни Костромского уезда²⁸. В марте и апреле 1554 г. были выданы оброчные грамоты разным лицам на земли, рыбные ловли и другие угодья Двинского уезда²⁹.

С конца апреля 1554 г. увеличивается количество грамот, относящихся к центральным уездам государства. 30 апреля Благовещенский Киржацкий монастырь получил заповедную грамоту на рыбные ловли в Переславль-Залесском уезде³⁰. В мае 1554 г. митрополичьему Нижегородскому Благовещенскому монастырю была дана в бессрочное владение на оброчном праве деревня Гнилица в вол. Стрелице Нижегородского уезда. С этой деревни монастырь обязывался поставлять царским нижегородским ключникам медовый оброк, по два пуда в год, и платить пошлину в размере 5 денег с пуда³¹.

2 июня 1554 г. датируется данная и несудимая грамота Ивана IV Никольскому Песношскому монастырю на с. Суходол с деревнями в Кашинском уезде³². Это первая из известных нам грамот середины 50-х годов, в которых земли жаловались «по душе» умершего в 1536 г. царского дяди — удельного дмитровского князя Юрия Ивановича — и со ссылкой на его духовную грамоту (которая до нас не дошла). Данные и несудимые грамоты, предоставлявшие землю «по душе» и по духовной грамоте князя Юрия Ивановича, получили в течение 1554—1556 гг. следующие монастыри: Московский Чудов — на селцо Васильевское в Повельском стане Дмитровского уезда (9 декабря 1554 г.)³³, Московский Симонов — на с. Софонтиево в Повельском стане Дмитровского уезда (25 марта 1555 г.)³⁴, Московский Новоспасский — на с. Орудьево в Повельском стане Дмитровского уезда (29 июня или 29 января 1555 г.)³⁵, Иосифо-Волоколамский на с. Судниково и селцо Патокино в Юрьеве слободе Рузского уезда (19 апреля 1556 г.)³⁶.

О пожаловании Савво-Сторожевскому монастырю селца Кипреянова в Юрьеве слободе Рузского уезда по духовной князя Юрия Ивановича говорится в послушной грамоте Ивана IV на это село от 29 октября 1554 г.³⁷ Имеются сведения, что 5 марта 1556 г. Иван IV дал Кирилло-Белозерскому монастырю с. Кологриново

²⁷ ХП-II. № 689—691.

²⁸ ХП-III. № 1—311.

²⁹ ХП-II. № 692—694.

³⁰ Там же. № 695.

³¹ АФЗХ. Ч. III. № 6 (ХП-II. № 696).

³² ЦГАДА. ГКЭ. По Дмитрову № 80/3792 (ХП-II. № 699).

³³ Там же. № 83/3795 (ХП-II. № 705).

³⁴ АФЗХ. Ч. IV. № 112 (ХП-II. № 715).

³⁵ ХП-II. № 721.

³⁶ АФЗХ. Ч. II. № 261 (ХП-II. № 751).

³⁷ ЦГАДА. ГКЭ. По Рузе № 26/10293 (ХП-III. № 1—318).

в Кашинском уезде «по князь Юрье Ивановиче». В одной из кирилловских копийных книг XVII в. упоминается жалованная грамота 7064 (1555/56) г. на с. Кологривово, но текст ее не сохранился³⁸. К тому же году относится известная только по упоминанию жалованная грамота Ивана IV Новоторжскому Никольскому монастырю на села в Новоторжском уезде и в Бежецком Верхе, данные вкладом по князе Юрии Ивановиче³⁹. В писцовых книгах первой половины XVII в. указана д. Ладыгино в Угожском стане Звенигородского уезда, которую «государь царь отдал... по дяде своему князе Юрье Ивановиче в Андроньев монастырь архимандриту з братиею по духовной грамоте»⁴⁰. Вероятно, Андроньев монастырь имел на д. Ладыгино жалованную грамоту Ивана IV. Она могла быть написана между 1554 и 1556 гг., поскольку именно к этому времени относятся все другие жалованные грамоты, выданные по духовной Юрия Ивановича, кроме жалованной грамоты Троице-Сергиеву монастырю от 19 сентября 1549 г. на с. Ондреевское Звенигородского уезда⁴¹. Однако последняя тоже как бы вошла в рассматриваемую серию грамот 1554—1556 гг., будучи подтверждена 10 июня 1555 г. О ней вспомнили, безусловно, в связи с более широкой, чем в 1549 г., раздачей земель по душе князя Юрия Ивановича.

Как и в 1549 г., выдача в 1554—1556 гг. грамот на земли, пожалованные по душе князя Юрия Ивановича, диктовалась стремлением нейтрализовать претензии князя Владимира Андреевича Старицкого на удельное дмитровское наследство. Мы уже упоминали (см. гл. V), что в 7061 (1552/53) г., возможно в период болезни Ивана IV в марте 1553 г., Владимир Андреевич выдал (как «великий князь»?) грамоту Ферапонтову монастырю «о соляной пошлине» — скорее всего, с правом проезда через Кимры Дмитровского уезда⁴². 10 марта 1555 г. Никольский Песношский монастырь получил от Владимира Андреевича тарханно-проезжую грамоту на беспошлинную покупку 5000 пудов соли в Кимрах⁴³.

Может быть, предоставление (или подтверждение?) Владимиру Андреевичу каких-то суверенных прав на Кимры в начале марта 1555 г. связано с намерением Ивана IV вторично женить старшего князя. В Пространной редакции разрядных книг это решение датируется 28 марта, а свадьба — 22 апреля 1555 г.⁴⁴ В Краткой редакции разрядных книг свадьба Владимира Андреевича и Авдотьи Романовны Одоевской отнесена к апрелю 1555 г. без

³⁸ ХП-III. № 1—332; ср. ХП-II. № 738.

³⁹ ХП-III. № 1—330.

⁴⁰ Древности: Тр. Моск. Археол. о-ва. М., 1877. Т. VII, вып. 1. С. 109 (сообщила Е. И. Щербак).

⁴¹ ХП-II. № 612. См. выше, гл. V.

⁴² ХП-III. № 1—303.

⁴³ ХП-II. № 713.

⁴⁴ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1978. Т. I, ч. III. С. 484—485; ср.: Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 117—121.

указания числа дня⁴⁵. В Никоновской летописи говорится, что свадьба Владимира Андреевича состоялась 28 апреля 1555 г.⁴⁶ В свадебном разряде, опубликованном в ДРВ, вместо 7063 (1555) г. фигурирует 7066 (1558) г., вследствие чего приговор Ивана IV о женитьбе Владимира Андреевича получает дату 28 марта 1558 г., а свадьба князя — 22 апреля 1558 г.⁴⁷

В Пространной редакции разрядных книг, в Никоновской летописи и в ДРВ при дате свадьбы указан и день — вторая «неделя» (воскресенье) по пасхе, в Никоновской летописи уточняется: «еже есть святых жен мироносиц». В 1555 г. пасха приходилась на 14 апреля, «неделя» жен мироносиц — на 28 апреля, в 1558 г. соответственно — на 10 и 24 апреля. 22 апреля ни в 1555 г., ни в 1558 г. не было воскресеньем. В 1555 г. оно являлось понедельником, в 1558 г. пятницей. Следовательно, дата свадьбы правильно дана не в разрядах, а в Никоновской летописи. Однако нас больше интересует дата приговора Ивана IV о свадьбе Владимира Андреевича, и тут, вероятно, можно поверить показаниям разрядов, относящих этот приговор к марту 1555 г.

Закрепление некоторых полномочий Владимира Андреевича в районе Дмитрова (Кимрах) имело оборотную сторону — ущемление его прав в районе Старицы. В жалованной грамоте Ивана IV от 15 февраля 1555 г. Тверскому Афанасьевскому девичьему монастырю в качестве объектов царского пожалования предстают земли не только в Тверском, Кашинском и Зубцовском уездах, но и в Иворовской волости Старицкого уезда. В грамоте упоминаются «наместницы наши тферские и старицкие, и зубцовские, и волостели пневичские и суземские, и воловитцкие, и иворовские, и Задубровские слободы, и их тиуни»⁴⁸.

Возможно, в целях нейтрализации Владимира Андреевича Иван IV дал Звенигород в удел служебному татарскому царю Семиону Касаевичу. В жалованной грамоте Савво-Сторожевскому монастырю от 22 июля 1555 г. Семион Касаевич называет Звенигород своей «отчиной»⁴⁹. Как показывает упоминание о грамоте 1555/56 г. Новоторжскому Никольскому монастырю, с именем Юрия Ивановича связывались пожалования даже в Новоторжском уезде и Бежецком Верхе, которые не входили в удел Юрия. Новоторжский уезд прилегал к Старицкому с севера, а Бежецкий Верх примыкал с севера к району Кашина и Кимр. Бежецкий Верх являлся удельным наследием князя Семена Ивановича Бежецкого и Калужского, умершего в 1518 г.

Выдавая грамоты на земли, пожалованные «по душе» князя Юрия Ивановича, Иван IV стремился сделать влиятельные монастыри своими союзниками в борьбе против территориальных

⁴⁵ БРК. С. 15.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13, 1-я пол. С. 253—254.

⁴⁷ ДРВ. 2-е изд. Ч. XIII. С. 80.

⁴⁸ Кучкин В. А. Жалованная грамота Тверскому Афанасьевскому монастырю 1555 г. // Ист. архив. 1960. № 1. С. 222—223 (ХП-П. № 708).

⁴⁹ Сборник П. Муханова. 2-е изд. М., 1866. № 334. С. 610 (ХП-П. № 725).

притязаний Владимира Андреевича. Несмотря на заинтересованность в политическом союзе с этими монастырями, правительство предоставляло им податной иммунитет в весьма ограниченном объеме. В грамоте Никольскому Песношскому монастырю 1554 г. сказано, что село дается «з доходом з денежным и с хлебным, оприч посошного корму и ямских, и полоняничных денег, и всяких податей». Та же формула употреблена в перечисленных выше грамотах монастырям Чудову (1554 г.), Симонову и Новоспасскому (1555 г.), Иосифо-Волоколамскому (1556 г.).

В послушной грамоте 1554 г. на село Киприяново Савво-Сторожевского монастыря в этой формуле пропущено или опущено указание на посошный корм: «опричь ямских и полоняничных денег, и всяких податей». В сообщении о грамоте 1555/56 г. Новоторжскому Никольскому монастырю вместо ямских денег названа «посоха»: «опричь посохи и посошного корму, и полоняничных денег». Вероятно, формула об уплате податей содержалась и в грамотах Кирилло-Белозерскому и Андроньеву монастырям, но определенных данных на этот счет мы не имеем.

Соловецкому монастырю при подтверждении в 1555 г. грамоты 1547 г. (см. ниже) земли давались «со всеми угоды и... царя и великого князя оброки, с денежными всякими доходы и с волостиныными кормы, опричь царя и великого князя обежные дани и посошные службы, и городовых дел, и всяких пошлин».

В грамотах Никольскому Песношскому, Чудову, Симонову, Новоспасскому и Иосифо-Волоколамскому монастырям судебный иммунитет фиксировался «опричь душегубства и розбоя с поличным»; для настоятеля и братии устанавливалась подсудность в исковых делах митрополиту Макарию «по соборному новому уложению» (т. е. в соответствии со Стоглавом).

Таким образом, грамоты рассматриваемой серии строго следовали тем нормам податного и судебного иммунитета, которые проводились в жизнь в 1551 г. во время майского пересмотра тарханов. С монастырских владений надо было платить главнейшие налоги — ямские, полоняничные деньги, посошный корм и «всякие подати».

Единственное исключение из этого правила составила подтвержденная 10 июня 1555 г. жалованная тарханно-несудимая грамота 1549 г. Троице-Сергиеву монастырю на с. Ондреевское Звенигородского уезда. Она давала освобождение от дани, ямских денег, посошной службы и других «пошлин», но предписывала исполнять городовое дело; судебный иммунитет предоставлялся монастырю во всех делах, кроме душегубства. Грамота 1549 г. не была подписана на царское имя в мае 1551 г. и поэтому могла потерять юридическую силу. Подтверждение ее в июне 1555 г. официально возрождало тарханный статус с. Ондреевского. Однако подтверждение содержало дополнительное постановление, прямо не обусловленное текстом грамоты 1549 г. Оно касалось таможенных пошлин, о которых в грамоте ничего не говорилось.

Подтверждение 1555 г. освобождало от мыта, тамги и явки монастырских людей и крестьян в случае покупки ими чего-либо в городе или волости «на себя, а не на продажу». В подтверждении подчеркивалось, что если троицкие люди «учнут» что-либо продавать или покупать «на продажу», они должны будут «с товару с продажного» давать, «как и торговые люди», мыт, тамгу, явку, перевоз и «пошлины всякие». Было ли это постановление ограничением реальных прав монастыря в с. Ондреевском, сказать трудно, поскольку, во-первых, в грамоте не фигурируют таможенные пошлины; во-вторых, неясно, сохраняла ли грамота в целом свою силу в период между 17 мая 1551 г. и 10 июня 1555 г. При подтверждении грамоты в 1555 г. дополнительное постановление о таможенных пошлинах расценивалось, видимо, как некоторое изменение иммунитета статуса. Заключительная формула подтверждения гласила: «А опроче мыту и тамги, и всякие перевозки царь и великий князь сеи у них грамоты рушати не велел никому ничем». Подтверждение подписал дьяк Юрий Сидоров, ведавший ревизией тарханов еще в мае 1551 г. Может быть, ограничение 1555 г. было направлено против троицких таможенных привилегий, зафиксированных в грамоте 1554 г. на двор в Усть-Курье и проезды от Вологды к Двине и к морю и обратно в монастырь?

В середине 50-х годов таможенным пошлинам уделялось особое внимание. Монастыри иногда получали право беспошлинной покупки товаров «на обиход», но освобождение от пошлин монастырской торговли, т. е. продажи и перепродажи товаров, отменялось. В августе 1554 г. Московскому Богоявленскому монастырю был разрешен безмытный проезд по р. Москве судна с монастырским «запасом» (хлебом и дровами) из с. Княже Коломенского уезда в монастырь⁵⁰. В сентябрьской жалованной грамоте 1554 г. Корельскому Коневскому монастырю давалось право «купити себе на монастырскую потребу, а не на продажу» 80 лубов соли (в Руссе) и «всякой запас» (в Новгороде или в других местах) и беспошлинно провозить купленное «одинова в год» «в лодьи» «безмытно и бестаможно». Кроме того, шесть или семь представителей монастыря могли безмытно проезжать в Москву по делам. Однако нарушение регламента (покупка соли больше чем на 80 лубов) и попытки продавать купленные товары или провозить товар на продажу должны были повлечь за собой обложение монастырской экспедиции таможенными пошлинами. Судебный иммунитет закреплялся за Коневским монастырем в суженном объеме («оприч душегубства и розбоя, и татьбы с поличным»). Игумен и братия подлежали компетенции архиепископского суда, при этом устанавливался один срок вызова в суд, «оприч духовных дел святительских»⁵¹.

В феврале 1555 г. проезжую грамоту получил другой мона-

⁵⁰ ХП-II. № 702 (АММС. I. № 22. С. 113—114).

⁵¹ ДАИ. Т. I. № 48. С. 46—47 (ХП-II. № 704).

стырь Новгородской земли — Никольский Вяжицкий⁵². До этого он обращался к царю с жалобой на ладожских, повенских, сумских и свирских «откупных мытчиков», а также на пошлинников Ладожского порога, которые облагали пошлинами монастырские поездки и провоз «запаса». Интересно, что «откупных мытчиков» на Свири грамота характеризует как новое звено в системе таможенных сборщиков. Изложение монастырского челобитья рисует картину, вероятно типичную для середины 50-х годов: не имея соответствующей жалованной грамоты, монастырь был вынужден платить пошлины со всех поездок, в том числе и неторговых.

Февральская грамота 1555 г. освобождала от мыта провоз в монастырь «запаса» (хлеба, рыбы, соли) из отдаленных монастырских волосток у Белого моря и из вотчины на р. Свири. Разрешались также беспошлинные поездки монастырских старцев и слуг на рыбную ловлю в Ладожское озеро и к морю для покупки соли «на монастырской обиход». В грамоте есть оговорка о том, что в случае провоза представителями монастыря товаров не на «обиход», а «на продажу» таможенники должны будут взимать с них «мыт и всякие пошлины, как и с торговых людей».

В 1555—1556 гг. был нанесен удар по привилегированной торговле крупных монастырей. Вскоре после того, как появилась подпись на жалованной грамоте 1549 г. Троице-Сергиеву монастырю (10 июня 1555 г.), получила ограничительную припись жалованная грамота 1547 г. Соловецкому монастырю (28 июня 1555 г.)⁵³. Грамота 1547 г., подтвержденная без ограничений 17 мая 1551 г., разрешала соловецким старцам беспошлинную торговлю 10 тыс. пудов соли. В подписи от 28 июня 1555 г. эта привилегия отменялась: монастырю было предписано «солью и иным всяким товаром не торговать», а в случае торговли платить все таможенные пошлины, которые идут с «торговых людей», — тамгу, «вес» и др. Вместе с тем проезд без торговли и покупка «запаса» на монастырский «обиход» освобождались от пошлин, но для этого требовалось брать у казенного дьяка «памяти» с указанием, «сколько кому где какого запаса на монастырь купити, на колько рублев».

«Памяти» должны были скрепляться печатью игумена и подписью одного из представителей монастыря (священника, казначея или келаря). Только по предъявлении такой «памяти» монастырские купчины могли беспошлинно покупать «хлеб и всякой запас, и платье... на монастырской обиход». За торговые операции с купленным товаром (перепродажа или обмен) налагался штраф: «царь... того сыскав, на игумене с братьею и на их слугах таможные и мытные, и всякие пошлины, счетчи за все прошлые годы, велит взяти вдвое».

В порядке компенсации за утрату права беспошлинной тор-

⁵² РИБ. Т. 35. № 52. Стб. 82—84 (ХП-II. № 707).

⁵³ ХП-I. № 560.

говли монастырю давалось 77¹/₂ луков земли и 33 варницы в Сумской волости Обонежской пятины. Отнятием у Соловецкого монастыря права торговли 10 тыс. пудов соли мотивировалось также распоряжение Ивана IV новгородским дьякам от 11 марта 1556 г. о сложении оброка с девяти варниц этого монастыря в Вимерской губе⁵⁴.

Аналогичная участь постигла торговые привилегии Кирилло-Белозерского монастыря. По грамоте 1546 г. он имел право беспошлинно покупать в Каргополе 20 тыс. пудов соли и беспошлинно же продавать ее по городам от Каргополя до Москвы⁵⁵. Грамота 1546 г. была подтверждена без ограничений 12 сентября 1549 г. и 17 мая 1551 г.⁵⁶ В жалованной грамоте Ивана IV Кирилло-Белозерскому монастырю от 3 февраля 1556 г. сказано, что «ныне тое соляную торговлю велел есми у них отставити»⁵⁷. Взамен монастырю дозволялось приобрести земель на 2000 руб. Эта сумма складывалась из денежных вкладов Василия III (1000 руб.), Ивана IV (300 руб.) и годового дохода от торговли солью (600 руб.)⁵⁸. Не исключено, что отмена беспошлинной торговли фиксировалась в подписи на грамоте 1546 г., подлинник которой до нас не дошел⁵⁹. Подпись могла быть сделана в 1555 г., как на троицкой и соловецкой грамотах. Однако эта предполагаемая подпись либо утратилась уже в подлиннике, либо не была перенесена в списки вследствие нежелания монастыря воспроизводить текст ограничения монастырского права торговли солью.

Ликвидация привилегии беспошлинно продавать 20 тыс. пудов соли сопровождалась предоставлением Кирилло-Белозерскому монастырю права беспошлинно покупать и провозить «запас» на монастырский обиход. Вслед за грамотой от 3 февраля 1556 г. о дозволении монастырю купить земель на 2000 руб. вместо беспошлинной торговли солью появилась указная грамота от 12 февраля 1556 г. «во все города и в волости Московского государства тамощиком и мытчиком, которые емлют с рубля по ленге» (0,005 стоимости товара), о невзимании с кирилловских старцев и слуг «таможных и мытных, и всяких пошлин» «с их купленного товару»⁶⁰. В составе этого товара фигурировали рыба, хлеб, соль, пресный мед, масло, сало, железо, «сукна старческие и мирские овчины, и всякой запас». Вероятно, грамота от 12 февраля 1556 г. возникла в результате компромисса между монастырем и правительством, чьи агенты на местах поняли отмену кирил-

⁵⁴ ДАИ. Т. I. № 111 (ХП-П. № 747).

⁵⁵ ХП-I. № 501.

⁵⁶ Текст подтверждений см. в списке XVII в.: ГПБ. Собр. СПб. Д/А. № А II/48. Л. 75 об.—76.

⁵⁷ ААЭ. Т. I. № 246 (ХП-III. № I—331).

⁵⁸ В грамоте 1556 г. сказано: «и у тое ден соли доходило их прибытка в год до шитсот рублей, а иного году болши, а иного году менши».

⁵⁹ Рукопись ЛОИИ СССР (Собр. Шегрена. № 4) является списком XVI—XVII вв., а не подлинником, как по ошибке указано в ХП-I. № 501. Другой список (XVII в.) — ГПБ. Собр. СПб. Д/А. № А II/48. Л. 73—76 об.

⁶⁰ ЛОИИ СССР. Собр. актов до 1613 г. № 1/212 (ХП-П. № 743).

ловской беспошлинной торговли солью как сигнал к нарушению таможенного иммунитета Кириллова монастыря в целом. В грамоте упоминалось, что таможенники и мытчики емлют с кирилловских старцев и слуг «с того их с купленного товару таможенные и мытные, и всякие пошлины».

В грамоте строго проводился принцип освобождения от пошлин только покупки монастырем товаров на обиход. В случае покупки для перепродажи («на [в]скуп»), а также в случае обмена товара на товар с кирилловских старцев и слуг следовало взимать пошлины. Продавцы, у которых монастырь покупал товары, подлежали обложению пошлинами при торговле вне Кириллова монастыря. Когда же торговые люди приезжали в Кириллов монастырь, державший «по старине» свой «пуд», обе стороны, т. е. и приезжие продавцы, освобождались от сбора пошлин таможенниками и мытчиками.

Указная грамота от 14 марта 1557 г., адресованная в Кашин и Кашинский уезд и в Бежецкий Верх на Ивановский погост «таможником»⁶¹, ссылается на «жалованную грамоту», разрешающую Кирилло-Белозерскому монастырю беспошлинно покупать товары «на монастырь, а не на вскуп». Безусловно, здесь имелась в виду грамота от 12 февраля 1556 г., хотя она была указной, а не жалованной. По грамоте от 14 марта 1557 г. кирилловским старцам и слугам давалось право покупать в Кашине и Бежецком Верхе «на монастырь хлеб и волю, и коровы, и лошади» без уплаты «померу и рогового, и пятна». При покупке «на вскуп» монастырские представители были обязаны платить соответствующие таможенные пошлины.

Отмена привилегированной торговли коснулась не только Троице-Сергиева, Соловецкого и Кириллова монастырей. Аналогичное постановление находим в жалованной грамоте 1555/56 г. Рязанскому Солотчинскому монастырю, где сказано: «А монастырским слугам и крестьянем беспошлинно нигде никаким товаром не торговать. А где учнут торговать каким товаром ни буди, и им с товару своего давать тамги и всякие пошлины по тому ж, как с товаров всякие торговые люди пошлины дают»⁶². Как в случаях с Соловецким и Кирилло-Белозерским монастырями, упразднение таможенной привилегии Солотчинского монастыря правительство пыталось в какой-то мере компенсировать земельными пожалованиями. Это выразилось в подтверждении монастырских прав (возможно, не во всем бесспорных) на владение землями, которые Солотчинский монастырь получил при рязанских великих князьях и княгинях.

Еще в Турчасовской таможенной грамоте 1554/55 г. требовалось брать пошлины с грамотчиков, чьи грамоты не были подписаны в мае 1551 г.⁶³ В 1555/56 г. правительство отменило привилегии

⁶¹ РИБ. Т. 32. № 202. Стб. 424—425 (ХП-II. № 760).

⁶² Шумаков С. А. Сотницы. Вып. I. № IV. С. 48 (ХП-II. № 728).

⁶³ Зимин А. А. К истории таможенной реформы середины XVI в. // Ист. арх. 1961. № 6. С. 133.

и тех крупнейших монастырей, которые получили подтверждение прав беспошлинной торговли в 1551 г. Вероятно, единственным исключением оказался Иосифо-Волоколамский монастырь. По жалованной грамоте 1527 г. он имел право продавать соль «на Волоце, и по торгам, и во Ржеве, и в Дегунине»⁶⁴. Грамота 1527 г. была подтверждена в 1551 г. без ограничения, а об отмене торгового права Иосифо-Волоколамского монастыря в середине 50-х годов XVI в. нам ничего неизвестно.

В отношении других монастырей проводился принцип освобождения от пошлин закупки и провоза запаса, а не продажного товара. В указной грамоте, датированной 31 января 1556 г. и адресованной «во все города и волости нашего Московского государства тамошником и мытчиком, которые емлют за мыт по деньге с рубля, верным и откупным», разрешалась беспошлинная покупка старцами и слугами Ярославского Спасского монастыря разного товара «на монастырской обиход, а не на вскуп»⁶⁵. Из товаров упоминались «соль и рыба, и сельди, и масло, и мед пресной, и сукна, и овчины, и всякая рухлядь». В грамоте говорилось, что если «учнут тот же товар или иной товар, покупая, продавать, или купят, а не на монастырской обиход, и вы бы с них с того их товару таможенные и мытные, и всякие пошлины имали по тому ж, как и с иных торговых людей таможенные и мытные пошлины емлете».

В основе спасской грамоты от 31 января и кирилловской от 12 февраля 1556 г. лежал общий формуляр, осложненный в кирилловской грамоте дополнительными статьями.

В жалованной грамоте, которую получил 15 октября 1556 г. Серпуховской Владычный монастырь, ему предоставлялось право беспошлинно покупать в Серпухове «и в иных городех и в волостех» всякий запас «на монастырской обиход про себя, а не на продажу». Освобождался от пошлин и провоз крестьянами в монастырь вотчинного запаса. В числе объектов покупки и провоза упоминались мед, рыба, хлеб, соль, сено, дрова. Среди отменяемых пошлин названы мыт, тамга, явка, перевоз, мостовщина, отвоз, дворовое, полозовое. В случае продажи запасов пошлины должны были взиматься «со всякого товару, которой купит на продажу, да и з домашнего с продажново хлеба, которой у себя упашют, и со всякого з домашнего запасу»⁶⁶.

В жалованной грамоте Клинской Изосиминой пустыни от 7 апреля 1555 г. фиксировались проездные привилегии монастырской экспедиции, состоявшей из 20 возов зимой и 20 телег летом.

Пустыни разрешалось один раз в году закупать товары на обиход, а не на продажу, при этом старцы и слуги освобождались от мыта, явки, перевоза и мостовщины. Грамота предусматривала, что, если монастырские представители повезут товар на продажу, с них

⁶⁴ АФЗХ. Ч. II. № 102 (ХП-I. № 251).

⁶⁵ Вахрамеев И. А. Т. I. № XXIII. С. 28—29.

⁶⁶ Каштанов С. М. Очерки. С. 459—460. № 69.

будут взиматься мыт, тамга, явка и все пошлины, как с торговых людей⁶⁷.

По упоминаниям мы знаем две указные грамоты 1556/57 г., санкционировавшие беспошлинную покупку и провоз запаса. Одна из них касалась Троице-Сергиева монастыря, старцы и слуги которого могли проезжать в судах в Нижний Новгород и «на Низ», беспошлинно провозя монастырский запас⁶⁸. Другая грамота относилась к Спасо-Евфимьеву монастырю. В ней было «велено на монастырь покупать все беспошлинно по городом»⁶⁹.

Грамоты на беспошлинный проезд в Москву получили афонские монастыри — Пантелеймонов⁷⁰ и Хиландарский⁷¹.

Тарханные грамоты на вотчины в середине 50-х годов практически не предоставлялись. Единственное исключение составляет жалованная тарханная грамота от 15 октября 1556 г. Серпуховскому Владычному монастырю, которая давала ему сравнительно полный податной иммунитет для трех деревень Серпуховского уезда: «не надобе моя... дань, ни ямские денги, ни горновщина, ни ровское, ни посошная служба, ни городовое дело, ни ямчужное дело, ни денег за посошных людей и за городовое, и за ямчужное дело не дают». Кроме того, крестьянам трех деревень Владычного монастыря было позволено хлеба и леса не возить, прудов не делать, города не крыть, дворцовых, наместничьих и ямских дворов не делать, на ямах с подводами не стоять, мостов не мостить, кормов к царским походам и наместничьего корма не давать и т. д.⁷² Среди всех этих освобождений не находим только права не платить полонянничные и пищальные деньги, но неизвестно, насколько они были обязательны для Серпухова.

Значительно менее щедрой была обельно-несудимая грамота от 29 декабря 1555 г. Никольскому Великоорецкому собору на р. Вятке. Она освобождала соборный причт от городского дела, постройки наместничьих дворов и обязанности тянуть с тяглыми людьми в общие «проторы» и «розметы»⁷³. Следует упомянуть также обельную грамоту Троице-Сергиеву монастырю от 15 апреля 1556 г. на двор в Москве в Богоявленском переулке между Ильинской и Никольской улицами. Этот двор принадлежал ранее Лобану Иванову сыну Слизнева «суконного тягла»⁷⁴. Хотя в грамоте и провозглашалось намерение «тот двор... обелити ото всех... податей», на самом деле освобождение давалось только от обязанности тянуть с суконничим старостой и тяглецами в золотые, пищальные деньги, поворотное, «проторы» и «розметы». Вместе с тем монастырский двор принуждался к выполнению в случае необходимости мостовой и решеточно-сторожевой повинностей.

⁶⁷ ЦГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Б/н. (ХП-П. № 717).

⁶⁸ ХП-П. № 754.

⁶⁹ Описная книга. С. 48 (ХП-П. № 753).

⁷⁰ ХП-П. № 697, 698.

⁷¹ Там же. № 745.

⁷² Каштанов С. М. Очерки. С. 457, 459. № 69.

⁷³ Казанский вестник. 1825. Ч. XIV, кн. VI. С. 84—89 (ХП-П. № 736).

⁷⁴ АИ. Т. I. № 164 (ХП-П. № 750).

В марте 1556 г. жалованную грамоту на двор в Москве «со всеми потребными хоромы в новом городе Китае с правую сторону Богоявленского монастыря возле Устюжского двора» получил афонский Хиландарский монастырь⁷⁵. Податной статус двора в грамоте не определялся, но, вероятно, его иммунитетная изолированность предполагалась как нечто само собой разумеющееся.

С середины 50-х годов XVI в. стала вновь практиковаться выдача льготных грамот, предоставлявших освобождение от податей на срок. 4—5 июля 1555 г. Великоустюжский Архангельский монастырь получил две льготные грамоты на две пустоши в Устюжском уезде⁷⁶. Это были деревни, запустевшие одна — «от великих податей», другая — от «бесхлебья и от великих податей». Льгота давалась для одной пустоши на 10, для другой — на 6 лет. В течение льготного срока они освобождались от дани, ямских и пищальных денег, посошной службы, городского дела, постройки дворов, дачи наместничьего и других кормов, от «розметов» и «проторов» за прошлые годы. По истечении льготы деревни должны были потянуть в подати по писцовым книгам.

Известна еще льготная грамота от 25 февраля 1557 г. 17 семьям вотяков (удмуртов) Сырьянской волости Слободского уезда, изъявившим желание креститься, поставить церковь и основать слободу на рч. Василкове «вверх Вятки реки». Льгота давалась на три года, в течение которых с новокрещеных вотяков не следовало взимать дань, ямские и пищальные деньги, посошную службу, «ни иные никоторые подати». Они освобождались также на три года от постройки ямского двора, дачи подвод, «опричь ратных вестей»⁷⁷. Как видим, льготные грамоты предоставлялись в это время редко и лишь на окраинные земли.

Вместе с тем в 1555 г. не только возобновляется выдача льготных грамот, пусть в очень скромных масштабах, но и вообще несколько изменяется отношение к податному иммунитету. Ярославский Спасский монастырь обратился к царю с жалобой о нарушении ярославскими городскими приказчиками и посадскими людьми жалованной грамоты Василия III (1511 г.), подтвержденной в мае 1551 г. По грамоте 1511 г. монастырь получил в Ярославле на посаде пустое место и три дворища с освобождением их от тягла, «опричь посошные службы, и пищального наряду, и городского дела»⁷⁸. В 1555 г. речь шла уже не о дворах, а о целой Спасской слободке, с которой вопреки жалованной грамоте местные власти и посаджане брали «всякие подати з городскими черными людьми равно». Царская указная грамота от 27 марта 1555 г. предписывала старую жалованную грамоту не нарушать: со слободки Спасского монастыря не иметь ни податей, ни на ям подвод, и слободских крестьян не притягивать «ни в которые протори, ни в розметы»,

⁷⁵ ЦГАДА. Ф. 52 (Греческие дела). Кн. 1. Л. 79 об.—82 об. (ХП-II. № 746).

⁷⁶ ХП-II. № 722, 723.

⁷⁷ Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т. II. Прил. С. 30—31. № 25 (ХП-II. № 759).

⁷⁸ Вахрамеев И. А. Т. 1. № IV. С. 5—6 (ХП-I. № 95).

«опричь пищальных денег и посошные службы, и городского дела»⁷⁹. Следовательно, податной иммунитет монастыря восстанавливался в соответствии с нормами грамоты 1511 г.

В двух указных грамотах в Ярославль — от 3 февраля 1556 г.⁸⁰ и от 25 января 1557 г.⁸¹ — с сел, деревень и слободок Спасского монастыря в Ярославском уезде запрещалось брать деньги за наместничий корм, присуд, пятно и поголовщину. Эти деньги собирались в размере 43 алтын без 2 денег с сохи, т. е. посошный размер составлял 256 денег, или 1 руб. 9 алтын 2 деньги. Запрещение сбора мотивировалось в грамотах 1556—1557 гг. наличием у монастыря несудимых грамот Ивана III и Василия III, подтвержденных 17 мая 1551 г. и содержащих освобождение от наместничьего суда и кормов.

В указной грамоте от 21 августа 1555 г. было велено вернуть Ладожскому Васильевскому монастырю деньги, взятые у него за наместничий корм⁸².

Из указной грамоты от 13 января 1557 г. в Переславль-Рязанский явствует, что крестьяне Солотчинского монастыря выполняли ямчуюную повинность у Кузьминовского ямчужного амбара. Грамота запрещала городовому приказчику притягивать солотчинских крестьян к Переславскому ямчужному амбару⁸³. По-видимому, большинство монастырских вотчин не было в этот период свободно от главнейших податей и повинностей.

Большой интерес представляют три указные грамоты марта 1555 г. на Белоозеро, Романов и Вологду, предписывающие не взимать на местах ямские и приметные деньги с владений Кирилло-Белозерского монастыря, так как последний сам будет собирать эти подати и платить их в Большой приход в Москве⁸⁴. В марте 1556 г. круг вносимых в Большой приход податей был расширен для кирилловских селец Бабинского (Бабеинского) и Санникова-Воздвиженского «в Романовском уезде в Арбужевском стану в Пошехонье». С этих селец монастырь получил право платить в Большом приходе не только ямские и приметные деньги, но и деньги «за посошные и за ямчужное дело»⁸⁵. Тем самым полномочия местных сборщиков в отношении владений Кирилло-Белозерского монастыря еще более сужались. Следовательно, возрождался существенный элемент оброчного принципа уплаты податей — освобождение феодальной вотчины от финансовой подведомственности местному аппарату управления. Правда, в таком исключительном положении оказался только Кирилло-Белозерский монастырь.

Из других форм финансовых пожалований в середине 50-х го-

⁷⁹ Там же. № XVIII. С. 18—19 (ХП-II. № 716).

⁸⁰ Там же. № XXII. С. 27—28 (ХП-II. № 742).

⁸¹ Там же. № XXIV. С. 30—31 (ХП-II. № 758).

⁸² ДАИ. Т. I. № 54 (ХП-II. № 727).

⁸³ ХП-II. № 757.

⁸⁴ ХП-II. № 709—711.

⁸⁵ ЛОИИ СССР. Собр. Шегрена. № 10 (ХП-II. № 749).

дов отметим отдачу земель и угодий в безоброчное⁸⁶ и оброчное⁸⁷ владение или держание, предоставление рыбных ловель⁸⁸, руги⁸⁹, права держать перевоз через реку⁹⁰.

Делались попытки укрепить финансовое положение архиереев и подвластных им соборов. Так, в 1554 г. новгородские софийские соборные протопопы и дьяконы получили приоритетное право служить молебны и храмовые праздники, за что им причитались соответствующие пошлыны. Настоятели новгородских монастырей и посадских церквей должны были приглашать их для торжественного богослужения⁹¹. В жалованной грамоте 1554/55 г. ростовскому архиепископу Никандру признавались недействительными все жалованные грамоты, освобождавшие духовенство Ростовской епархии от уплаты налогов архиепископу⁹². Регламентировались размеры доходов новгородского архиепископа, получаемых от псковских соборных старост, игуменов, попов и дьяконов (1555 г.)⁹³. Эти мероприятия отражают дух Стоглава.

Акты судебно-финансовой политики начала Ливонской войны показывают тесную взаимосвязь между внутренними мероприятиями Ивана IV и военными действиями против Ливонии. Выдача жалованных грамот в 1558—1560 гг. преследовала задачи укрепления западной окраины, возле которой разгорелась война, а также крайних южных и восточных районов страны, подвергавшихся опасности татарских набегов. Особенное внимание уделялось охране северо-западных рубежей. В конце 1557 — начале 1558 г. была предоставлена обельно-несудимая грамота псковским пушкарям⁹⁴.

В 1558 г. правительство подтвердило привилегии Великоустюжского Успенского собора⁹⁵ и Троицкого Гledenского монастыря, расположенного в Устюжском уезде⁹⁶, добились привилегий Никольский Корельский⁹⁷ и Двинской Михаило-Архангельский монастыри⁹⁸. В 1559 г. иммунитетную грамоту получил Никольский Орешковский монастырь⁹⁹, а в феврале 1560 г. Иван IV выдал две жалованные грамоты Новгородскому Михайлицкому монастырю¹⁰⁰. К 1559/60 г. относится несохранившаяся

⁸⁶ ХП-II. № 714, 755.

⁸⁷ Там же. № 735; ХП-III. № I—323, I—326, I—333.

⁸⁸ ХП-II. № 725, 726, 739; ХП-III. № I—328.

⁸⁹ ХП-II. № 728; ХП-III. № I—327, I—342, I—344; Гос. исторический архив Ленинградской обл. Ф. 2243 (Кирилло-Новоезерский м-рь). Оп. I. № 2 (грамота от 13 марта 1555 г. о даче руги Кирилловой пустыни Белого).

⁹⁰ ХП-II. № 718, 762 (АФЗХ. Ч. IV. № 118).

⁹¹ ХП-II. № 700.

⁹² ХП-III. № I—316.

⁹³ ХП-II. № 724.

⁹⁴ ЦГАДА. ПДСЛ. 1645 г. № 2. Л. 184—186 (ХП-II. № 767).

⁹⁵ Вологодские губернские ведомости. 1851. Ч. неофициальная. № 36. С. 406—408.

⁹⁶ ЛОИИ СССР. Собр. актов до 1613 г. № 1/225.

⁹⁷ ХП-III. № I—342.

⁹⁸ ГПБ. Погод. 1911. Л. 3—4 об.

⁹⁹ ЛОИИ СССР. Собр. актов до 1613 г. № 1/228.

¹⁰⁰ ДАИ. Т. I. № 113, 114.

ся жалованная грамота Антониеву Сийскому монастырю, возможно содержащая какие-то податные освобождения¹⁰¹. В тот же период правительство заручалось поддержкой влиятельного Каширского Троицкого Белопесочского монастыря, находившегося на юге страны¹⁰², и мещерских феодалов¹⁰³.

В напряженной обстановке начала Ливонской войны Иван IV обратил серьезное внимание на положение в районе Казани, которая, будучи областью, присоединенной совсем недавно, могла снова оказаться ареной борьбы против власти московского правительства. В 1558—1560 гг. были выданы жалованные грамоты феодальным корпорациям, имевшим владения вблизи Казани¹⁰⁴ и к востоку от Москвы, на пути из Казани в Москву¹⁰⁵. Таким образом, в этот период велась весьма экономная раздача жалованных грамот, обусловленная серьезными государственными соображениями. Грамоты 1558—1560 гг., как правило, не содержали в себе крупных финансовых освобождений, фиксируя обычные судебные и заповедные привилегии. Только в отдельных актах на южные и северные уезды разрешалась уплата оброка вместо податей¹⁰⁶. Иногда предоставлялись временные податные льготы¹⁰⁷, иногда освобождения от отдельных повинностей¹⁰⁸ и платежей¹⁰⁹. Практиковалась отдача земель и вод на оброк¹¹⁰. Освобождение от такого оброка давалось в редких случаях¹¹¹. Часто в это время монастыри получали право на ругу (натуральное или денежное довольствие¹¹²). Действительно значительных и бессрочных податных привилегий добились в 1559 г. Серпуховской Владычный и Переславский Троицкий Данилов монастыри¹¹³.

Вследствие успехов русских войск на ливонском фронте в 1561 г. правительство было гораздо меньше обеспокоено положением в северо-западных окраинах — Новгороде и Пскове — и уделило много внимания внутренним делам в областях к восто-

¹⁰¹ Амосов А. А. Архивы двинских монастырей: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1975. С. 27.

¹⁰² ЦГАДА. ГКЭ. По Кашире № 11/5773; ХП-II. № 769, 783.

¹⁰³ ХП-III. № I—351, I—352.

¹⁰⁴ Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения. С. 31—32. № 17; ср.: ХП-II. № 785. Подробнее о политике в этом районе см.: Каштанов С. М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. (по актовому материалу) // Из истории Татарии. Казань, 1970. Вып. IV. (Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та; Вып. 80). С. 164—203, особенно С. 183—184.

¹⁰⁵ В уездах Муромском (ХП-III. № I—334, I—348), Нижегородском (ХП-II. № 797; ХП-III. № I—349), Владимирском (ХП-II. № 778), Суздальском (ХП-II. № 771; ХП-III. № I—359), Стародуб-Ряполовском (ХП-II. № 777).

¹⁰⁶ ХП-II. № 783, 794.

¹⁰⁷ Там же. № 772, 800; ХП-III. № I—349, I—360—362.

¹⁰⁸ ХП-III. № I—358.

¹⁰⁹ ХП-II. № 776, 778, 784; ХП-III. № I—350.

¹¹⁰ ХП-II. № 774, 781, 801; ХП-III. № I—346 (Каштанов С. М. Очерки. С. 478—481. № 77), I—354.

¹¹¹ ХП-II. № 768, 786.

¹¹² Там же. № 793, 798; ХП-III. № I—344, I—345, I—353, I—364.

¹¹³ ХП-II. № 782 (подтверждение 1559 г.), 787.

ку от Москвы. Голод 1561 г. в западных уездах — Можайском и Волоколамском — толкнул огромные массы населения в пониженные города. Крайним пунктом этого движения на востоке России был Нижний Новгород¹¹⁴. В 1561 г. — первой половине 1562 г. монастыри, владевшие землями в районах, через которые голодное население шло из западных уездов, стали усиленно испрашивать себе иммунитетные привилегии, чтобы с их помощью привлечь новые рабочие руки в свои вотчины (в уездах Переславль-Залесском¹¹⁵, Дмитровском¹¹⁶, Владимирском¹¹⁷, Муромском¹¹⁸). Иван IV содействовал этим попыткам духовных корпораций, тем более что укрепление союза с феодалами, имевшими земли в уездах, расположенных к востоку от Москвы, ему было важно в условиях сближения России с ногайскими татарами, которые кочевали в районе Волги и вели военные действия против Крыма¹¹⁹. В сфере внимания правительства были также земли Нижегородского¹²⁰ и Казанского¹²¹ уездов. В 1561 г. царь в специальной грамоте подтвердил таможенные привилегии Троице-Сергиева монастыря, получившего разрешение беспощадно посылать суда в Нижний Новгород, в Казань и на Свиягу¹²².

Резкое обострение русско-польских и русско-крымских отношений в 1562 г.¹²³ нашло яркое отражение во внутренней политике Ивана IV. Выданные в это время иммунитетные грамоты касались в первую очередь северных уездов — Белоозера¹²⁴, Пошехонья¹²⁵, Вологды¹²⁶, Тотьмы¹²⁷, Пскова¹²⁸, Двины¹²⁹. В момент усиленных попыток польского короля натравить Девлет-Гирея на Москву — в ноябре 1562 г.¹³⁰ — правительство поспешило укрепить свое влияние в одном из южных подступов к столице — в Коломенском уезде, распространив судебные права Чудова монастыря на коломенскую волость Высокое, промененную монастырю тогда же¹³¹. В грамотах 1561—1562 гг. сохраняется тенденция весьма сдержанного предоставления финансовых преимуществ землевладельцам. В 1562 г. Кирилло-Белозерский монастырь вновь получил разрешение платить подати со своих вотчин не на местах, а в Москве¹³². Некоторым монастырям давались проездные привилегии¹³³, руга¹³⁴, временные льготы¹³⁵ и освобождение от отдельных налогов (чаще всего в 50-х —

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 392.

¹¹⁵ ХП-II. № 805, 809 (ЦГАДА. ГКЭ. По Переславлю-Залесскому № 194/8918), 817, 821—823.

¹¹⁶ ХП-II. № 814.

¹¹⁷ Там же. № 810.

¹¹⁸ Там же. № 816 (ЦГАДА. ГКЭ. По Мурому № 13/7745).

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 326, 332.

¹²⁰ ХП-II. № 806, 812.

¹²¹ Там же. № 813.

¹²² Там же. № 811.

¹²³ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 340—345.

¹²⁴ ХП-II. № 818; ХП-III. № 1—366.

¹²⁵ ХП-III. № 1—368, 1—369.

¹²⁶ ХП-II. № 820; ХП-III. № 1—372.

¹²⁷ ХП-III. № 1—367.

¹²⁸ ХП-II. № 824.

¹²⁹ ХП-III. № 1—371.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 345.

¹³¹ ГБЛ. Акты Беляева. № 1/125 (ХП-II. № 825).

¹³² ХП-II. № 818.

¹³³ Там же. № 811, 824.

¹³⁴ ГПБ. ОЛДП. Ф. С. Св. II. № 36 (ХП-III. № 1—366).

¹³⁵ ХП-II. № 807, 809.

начале 60-х годов от наместничьего корма)¹³⁶. Как и раньше, практиковалась отдача на оброк водных угодий¹³⁷.

В конце 1562 — первой половине 1563 г. наблюдаются признаки антиудельной направленности имунитетной политики Ивана IV. Так, в мае 1563 г. Иван IV выдает грамоту Чудову монастырю на село в районе Вышегорода¹³⁸, хотя сам Вышегород еще находился в это время под властью Владимира Андреевича Старицкого (согласно летописи, Иван IV выменял Вышегород у Владимира Андреевича только 26 ноября 1563 г.¹³⁹). В грамоте Ивана IV 1562/63 г. Вознесенскому Кремлевскому монастырю фигурируют земли в бывших удельных уездах князей Юрия Ивановича (Дмитровский, Кашинский, Рузский, Брянский), Семёна Ивановича (Бежецкий Верх) и Федора Борисовича (Волоцкий)¹⁴⁰. Уезды, входившие некогда в состав уделов князей московского дома, продолжали привлекать внимание Ивана IV и в 1563—1564 гг.¹⁴¹ Это связано с активизацией борьбы против Владимира Андреевича Старицкого и его возможных претензий на выморочное удельное наследство.

Наличие царских грамот 1563—1564 гг., относящихся к уездам Боровскому¹⁴², Вышегородскому¹⁴³, Суздальскому¹⁴⁴, Каргопольскому¹⁴⁵, Перемышльскому¹⁴⁶, Клинскому¹⁴⁷, Малоярославецкому¹⁴⁸, Старорусскому¹⁴⁹, Ржевскому¹⁵⁰, показывает, что эти территории, включенные затем в состав опричнины, приобрели особое значение еще накануне опричных мероприятий.

В сентябре 1563 г. правительство проводило активную финансовую политику в районах юга и востока. В день приезда в Москву послов из Крыма (8 сентября)¹⁵¹ было предписано освободить от денежных и медвяных оброков коломенскую волость Высокое, полученную Чудовым монастырем 30 ноября 1562 г.¹⁵² «По наказу» Ивана IV в сентябре того же 1563 г. оброчную грамоту на воды в Нижегородском уезде приобрели Кузьма Григорьев и Никифор Иванов¹⁵³, а Покровскому девичьему монастырю разрешалось пользоваться старыми судебными привилегиями в одном из его крупных суздальских сел¹⁵⁴. Если в грамоте, освобождавшей от оброков волость Чудова монастыря, с монастырских крестьян не снималась обязанность платить ямские и ямчужные деньги, то широкое обеление от всяких податей содержа-

¹³⁶ Там же. № 823.

¹³⁷ Там же. № 806, 812; ХП-III. № I—369.

¹³⁸ ГБЛ. Собр. ОИДР. Акты. Карт. 35. № 6. Л. 28 об., § 381 (ХП-III. № I—375).

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 372.

¹⁴⁰ ХП-III. № I—373.

¹⁴¹ ХП-II. № 827, 831, 835, 836, 838, 843, 846; ХП-III. № I—387, I—389, I—391.

¹⁴² ХП-II. № 838; ХП-III. № I—373.

¹⁴³ ХП-III. № I—375, I—389.

¹⁴⁴ ХП-II. № 830; ХП-III. № I—382.

¹⁴⁵ ХП-III. № I—383, I—388.

¹⁴⁶ ХП-II. № 826.

¹⁴⁷ Там же. № 831.

¹⁴⁸ Там же. № 838.

¹⁴⁹ Там же. № 839.

¹⁵⁰ Там же. № 839, 843.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 369.

¹⁵² ЦГАДА. ГКЭ. По Коломне № 11/6321 (ХП-II. № 828); ср.: ХП-II. № 825.

¹⁵³ ХП-II. № 829.

¹⁵⁴ ГПБ. Собр. актов и грамот. № I—154.

лось в жалованной грамоте, предоставленной 20 декабря 1563 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю¹⁵⁵. Политическая цель выдачи этой грамоты состояла в попытке царя заручиться поддержкой самой влиятельной осифлянской корпорации в обстановке, когда смертельный исход болезни митрополита-осифлянина Макария был очевиден¹⁵⁶. В грамоте Иосифо-Волоколамскому монастырю давались не только большие податные привилегии, но и судебный иммунитет закреплялся в необычном для 50-х годов объеме — «оприч душегубства одного». Этот акт наиболее ярко знаменовал разрыв новой иммунитетной политики правительства с принципами, проводившимися «Избранной Радой». Последующие мероприятия Ивана IV только углубили наметившийся разрыв.

Военные действия в первой половине 1564 г. активизировали политику правительства в северных уездах (Новгородском¹⁵⁷, Белозерском¹⁵⁸, Пошехонском¹⁵⁹, Бежецком¹⁶⁰, Каргопольском¹⁶¹). В августе 1564 г. было заключено соглашение с шведским королем Эриком XIV, а еще ранее — договор о дружбе с крымским ханом Девлет-Гиреем¹⁶². Иван IV предпринял определенные попытки укрепить свои позиции в Переславском крае (выдача грамот на земли в г. Переславле-Залесском и в Переславском уезде)¹⁶³. Союз с духовными феодалами, имевшими вотчины в старинном районе княжеско-боярского землевладения, был важен для успешного проведения опричной политики на востоке от Москвы. Троице-Сергиеву монастырю было позволено владеть селом Серкизовом в Московском уезде и пользоваться там судебными привилегиями¹⁶⁴. Ему же разрешалось не посылать своих крестьян для отбывания ямской повинности на Радонежском и Пердобожском ямах¹⁶⁵. Тарханно-несудимую грамоту приобрел в сентябре 1564 г. Федоровский Переславль-Залесский монастырь¹⁶⁶. В сентябре 1564 г. грамоту на слободку в Переславле получил и митрополичий дом¹⁶⁷. Эти грамоты предоставляли духовным корпорациям крупные финансово-административные привилегии. В значительном объеме был закреплен в сентябре 1564 г. податный иммунитет Чудова монастыря в Вышегородском уезде¹⁶⁸, который незадолго до того являлся одной из составных частей Старицкого удела. Выдачей жалованной грамоты Чудову мона-

¹⁵⁵ АфЗХ. Ч. II. № 302.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 372. Митрополит Макарий умер через 11 дней (Там же. С. 374).

¹⁵⁷ ААЭ. Т. I. № 265; ХП-II. № 844.

¹⁵⁸ ХП-II. № 837.

¹⁵⁹ Там же. № 834.

¹⁶⁰ Там же. № 835, 846.

¹⁶¹ ХП-III. № I—383, I—388.

¹⁶² ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 385—386, 380, 382.

¹⁶³ ХП-II. № 841, 847. Ср. грамоту, выданную в мае 1564 г.: ХП-III. № I—381.

¹⁶⁴ ГВЛ. Тр. кн. 519. Л. 157—159 об. (ХП-II. № 840).

¹⁶⁵ ГВЛ. Тр. книги 527—529. № 323 (ХП-II. № 847).

¹⁶⁶ ЦГАДА. ГКЭ. По Переславлю-Залесскому № 221/8945 (ХП-II. № 842).

¹⁶⁷ АфЗХ. Ч. I. № 223 (ХП-II. № 841).

¹⁶⁸ ХП-III. № I—389.

стырю царь стремился ослабить его связи с удельным старицким двором и укрепить свое влияние в Вышегороде.

Определяя сферу распространения иммунитетных грамот непосредственно накануне опричнины, можно сказать, что осенью 1564 г. судебная и финансовая политика в отношении крупного землевладения касалась уездов, расположенных на севере (Новгородский¹⁶⁹, Каргопольский¹⁷⁰, Белозерский¹⁷¹, Бежецкий Верх¹⁷²), на восточной и южной окраине (Нижегородский¹⁷³, Калужский¹⁷⁴), в центре (Переславль-Залесский¹⁷⁵, Вышегородский¹⁷⁶, Ржевский¹⁷⁷). Из перечисленных уездов три (Вышегородский, Каргопольский, Ржевский) позднее вошли в опричину частично или целиком.

Среди духовных учреждений, получивших в 1563—1564 гг. грамоты с существенными освобождениями от налогов и пошлин, выделяются Иосифо-Волоколамский¹⁷⁸, Чудов¹⁷⁹, Федоровский Переславль-Залесский¹⁸⁰ монастыри, митрополичий дом¹⁸¹. Бросается в глаза обилие жалованных грамот митрополиту Афанасию: с июня по сентябрь 1564 г. он получил их шесть. Это показывает, что, подготавливая опричину, царь пытался заручиться поддержкой не только влиятельных монастырей (особенно осифлянского толка), но и главы церкви. Сближение с митрополитом наметилось вскоре после бегства А. М. Курбского. Таким образом, если в 1563—1564 гг. отчетливо выявилась антиудельная направленность будущей опричнины, то никаких признаков ее антицерковной направленности в это время нет.

В грамотах 1563—1564 гг. встречаются освобождения от дани, ямских¹⁸², приметных¹⁸³ и пищальных¹⁸⁴ денег, посошной службы¹⁸⁵, городского¹⁸⁶, засечного и ямчужного дел¹⁸⁷, от стояния на яму с подводами¹⁸⁸ и постройки ямских дворов¹⁸⁹, от таможенных пошлин¹⁹⁰ и ряда других платежей и повинностей¹⁹¹. Освобождения от основных налогов еще не приобрели в это время широкого размаха. Иногда в грамотах специально оговаривается необходимость уплаты дани, ямских денег¹⁹², посошного корма¹⁹³, выполнения городского дела¹⁹⁴. Вышегородские вла-

¹⁶⁹ ХП-II. № 844.

¹⁷⁰ ГПБ. Q—IV—113 а. С. 716—719 (ХП-III. № I—388).

¹⁷¹ ХП-II. № 845.

¹⁷² ААЭ. Т. I. № 269 (ХП-II. № 846).

¹⁷³ ХП-III. № I—390; АФЗХ. Ч. III. № 12.

¹⁷⁴ ЦГАДА. ГКЭ. По Калуге № 1/5744 (ХП-III. № I—391).

¹⁷⁵ ХП-II. № 841, 842, 847.

¹⁷⁶ ХП-III. № I—389.

¹⁷⁷ АФЗХ Ч. III. № 58 (ХП-II. № 843).

¹⁷⁸ АФЗХ. Ч. II. № 302 (ХП-II. № 831).

¹⁷⁹ ХП-II. № 828; ХП-III. № I—375, I—377—379, I—387, I—389.

¹⁸⁰ ХП-II. № 842.

¹⁸¹ АФЗХ. Ч. I. № 223; Ч. III. № 11, 12, 58. Дополнения. № 1, 2.

¹⁸² ХП-II. № 831, 841, 842.

¹⁸³ Там же. № 841, 842.

¹⁸⁴ Там же. № 841.

¹⁸⁵ Там же. № 831, 841, 842.

¹⁸⁶ Там же. № 831.

¹⁸⁷ Там же. № 842.

¹⁸⁸ Там же. № 831, 842, 847; ХП-III. № I—391.

¹⁸⁹ ХП-II. № 831, 842.

¹⁹⁰ Там же. № 838, 839; АФЗХ. Ч. III. № 12.

¹⁹¹ ХП-II. № 827, 831, 836, 837, 841, 842; ХП-III. № I—389.

¹⁹² ХП-III. № I—382.

¹⁹³ Там же. № I—389.

¹⁹⁴ ХП-II. № 841, 842.

дения Чудова монастыря были освобождены от дани, ямских и прогонных¹⁹⁵ денег в счет уплаты оброка¹⁹⁶. Кирилло-Белозерский монастырь добился распространения на ряд своих владений приобретенного ранее права уплаты налогов не на местах, а в Москве¹⁹⁷. Иногда давались временные, на срок, освобождения от налогов¹⁹⁸. По-прежнему практиковалась отдача земельных и водных угодий на оброк¹⁹⁹. Безоброчное пожалование доходных статей носило исключительный характер²⁰⁰.

Попытаемся дать общую характеристику основных черт финансовой политики 1551—1564 гг.

Финансовые прерогативы монастырей свелись к праву взимания пятна, освобождению монастырских вотчин от постоя всяких ездовых, а также от закосных пошлин и некоторых строительных работ²⁰¹.

В этот период не делалось, кажется, особых исключений и для северных монастырей. 27 июня 1551 г. Соловецкий монастырь получил жалованную грамоту на деревню у Выг-озера в Обонежской пятине с освобождением ее от различных пошлин, кроме оброка и обежных даней²⁰². В 1555 г. царь пожаловал Соловецкому монастырю ряд владений в Новгородской земле «со всем тем, что к ним потягло, oprич обежные дани», посошной службы и городского дела²⁰³. В 1560 г. Михайлицкий девичий монастырь был пожалован Любынской волостью Новгородского уезда «с доходы с денежными и с хлебными, oprич... обежные дани и иных наших податей, которые наши подати и с иных монастырских земель нам идут»²⁰⁴.

Тарханские грамоты выдавались только в качестве довольно редкого исключения. Так, в сентябре 1551 г. Путивльский Спасо-Преображенский монастырь получил тарханскую грамоту на свои владения в Путивльском и Новгород-Северском уездах²⁰⁵. Она фиксировала освобождение монастырских вотчин от дани, ямских денег, посошной службы, ямчужного дела и более мелких пошлин. В 1556 г. Троице-Сергиеву монастырю была выдана обелыная грамота на двор в Москве²⁰⁶. Царь «велел им тот двор... обелити ото всех своих податей и вперед им с того двора с суконничим

¹⁹⁵ Возможно, прогонные деньги брались за освобождение от участия в самой гонимбе.

¹⁹⁶ ХП-III. № 1—389.

¹⁹⁷ ХП-II. № 834, 835.

¹⁹⁸ Там же. № 833; ХП-III. № 1—385, 1—388, 1—390.

¹⁹⁹ ААЭ. Т. I. № 265; ХП-II. № 829, 845; ХП-III. № 1—376, 1—383.

²⁰⁰ ХП-II. № 828.

²⁰¹ См., например: Там же. № 623, 644, 645, 659, 720.

²⁰² *Досифей*. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. III. С. 21—23 (ХП-II. № 650).

²⁰³ За это земельное пожалование монастырь лишился своих таможенных привилегий. См. подпись 1555 г. на грамоте Соловецкому монастырю 1547 г. (*Досифей*. Указ. соч. Ч. III. С. 7—17; ХП-I. № 560).

²⁰⁴ ДАИ. Т. I. № 113. С. 159 (ХП-II. № 794).

²⁰⁵ ХП-II. № 657.

²⁰⁶ АИ. Т. I. № 164 (ХП-II. № 750).

старостю и тяглецы в золотые, ни в пищальные денги... ни в поворотное, ни в которые проторы, ни в розметы не тянут». Грамота предписывала тянуть только в мостовое и сторожевое дело. В 1551—1564 гг. на монастырские дворы было выдано сравнительно мало грамот. Их содержание определялось нормами, установленными в приписях от 17 мая 1551 г. Например, жалованная грамота 1553 г. Троице-Сергиеву монастырю на два двора в Бадахне указывала, чтобы в каждом дворе жил только один дворник, а «дворы в городе и на посаде приписал Прокош Цвиленев к молодым людям в нашу тягль»²⁰⁷. Щедрая проезжая и тарханно-несудимая грамота 1548 г. Троице-Сергиеву монастырю на двор в Усть-Курьи Двинского уезда²⁰⁸ была восстановлена в 1554 г. в весьма урезанном виде²⁰⁹. Монастырский двор фактически лишился основных податных привилегий. Хотя старую грамоту было велено переписать «слово в слово», тем не менее в новой грамоте мы не находим обеления от дани, яма, посошной службы; в то же время перечислен ряд мелких привилегий (освобождение от постоя всяких ездовых, от закосных пошлин и т. п.).

К числу исключительных для 50-х годов пожалований относится грамота 1556 г. Серпуховскому Владычному монастырю, освобождавшая от дани, ямских денег, посошной службы, городского и ямчужного дел и др.²¹⁰

В 1563 г. Иосифо-Волоколамский монастырь получил тарханно-несудимую грамоту на большинство своих владений. Она содержала освобождение от дани, ямских денег, подвод, посошной службы, мыта, тамги. В грамоте приводилось челобитье монастыря, в котором он жаловался на нарушение прежних грамот: «А их де монастырские крестьяне тянут с тяглыми людьми во всякие розметы и наши де дани дают, и в ямских слободах дворы ставят, и с подводами на ямех безпрестани стоят. И от того деи вотчины монастырския запустело больши трехсот вытей. А монастырь де у них во всем оскудел, угодейца де у них нет никоторого, ни лесу, ни рыбные ловли»²¹¹. Вот в каком положении оказалась цитадель осифлянства накануне создания опричнины, и это в то время, когда у власти стояла стяжательская верхушка (митрополит Макарий и его приспешники), активно использовавшаяся правительством для борьбы с «ересями» (осуждение Матвея Башкина, Феодосия Косого, Артемия, Феодорита). С аналогичными жалобами на разорение хозяйства в период до созда-

²⁰⁷ Дьяконов М. А. АТН. Вып. II. № 17. С. 13—14. (ХП-II. № 686). В грамоте 1565 г. Симонову монастырю находим свидетельство о том, что монастырские «деловые люди» тянули в тягло вместе с посадскими людьми (ГИМ. Сим. кн. 58. По Москве № 68. Л. 250; ХП-II. № 854; АФЗХ. Ч. IV. № 147).

²⁰⁸ Сборник ГКЭ. Т. II. № 118-а (ХП-I. № 578).

²⁰⁹ Сборник ГКЭ. Т. I. № 137-а (ХП-II. № 688). Кроме ограничения податных привилегий двора, грамота регламентировала также количество беспошлинно провозимых товаров.

²¹⁰ Каштанов С. М. Очерки. С. 455—462. № 69.

²¹¹ АФЗХ. Ч. II. № 302. С. 314.

ния опричнины обращались к правительству Московский Симонов монастырь²¹², митрополичий дом²¹³, Великоустюжский Архангельский монастырь²¹⁴.

Таким образом, в 1551—1564 гг. осифлянское руководство церкви не могло изменить политику правительства Ивана IV по отношению к монастырскому землевладению и иммунитету. Продолжалось укрепление государственных финансов. Сбор налогов приобретал все более и более централизованный характер. К 1554 г. возник Большой Приход²¹⁵, упорядочивший сбор ямских и приметных денег, а также денег за городовое, ямчужное и засечное дела. Ликвидация главных податных привилегий монастырей явилась одной из важнейших административно-финансовых реформ правительства Ивана IV. Как мы убедились на конкретном актовом материале, до создания опричнины эта реформа проводилась в жизнь более или менее повсеместно.

Торговые и проезжие льготы в грамотах 1551—1564 гг. определялись по правилам, установленным во время майской ревизии тарханов, т. е. беспошлинно провозить разрешалось лишь строго регламентированное «урочное» количество товаров «на монастырский обиход»²¹⁶, причем иногда делалась важная оговорка «оприч таможные пошлины»²¹⁷.

Монастырские соляные варницы, рыбные ловли и мельницы находились в этот период, как правило, на оброке²¹⁸. Правда, некоторым северным и восточным монастырям удавалось добиться права безоброчного пользования варницами или рыбными ловлями²¹⁹.

В 1551—1564 гг. нормы судебного иммунитета определялись правилами, установленными в 1551 г. Только иногда для настоятелей некоторых привилегированных монастырей отменялась подсудность митрополиту по светским делам. Например, в грамоте 1562 г. Федоровскому Переславль-Залесскому монастырю говорилось: «А сужу их в тех в управных делах яз, царь и великий князь, или наш дворецкой Болшево Дворца, опричь духовных дел; а в духовных делах по игумена и по попов, и по дьяконов, и по старцов посылает Макарей, митрополит всея Руси, своих приставов безсрочно»²²⁰.

Однако в большинстве грамот, выданных до 1563 г. включительно (т. е. до смерти Макария), мы находим пункт о подсудности игумена «во всем» митрополиту или владыке²²¹.

²¹² ХП-П. № 854; АФЗХ. Ч. IV. № 147.

²¹³ АФЗХ. Ч. I. № 223.

²¹⁴ ХП-П. № 722, 723.

²¹⁵ Садилов П. А. Очерки. С. 276—277.

²¹⁶ ХП-П. № 639—641, 643 (АСЭИ. Т. II. № 497), 713, 717, 743, 811 и др.

²¹⁷ ХП-П. № 640.

²¹⁸ ГБЛ. Тр. книги 527—529, № 312; ААЭ. Т. I. № 249; ХП-П. № 779, 781.

²¹⁹ ХП-П. № 649, 747, 768 (Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения. С. 31—32. № 17), 786.

²²⁰ ААЭ. Т. I. № 259; ср.: ХП-П. № 646 (АММС. I. № 21. С. 111), 679.

²²¹ См.: например: ХП-П. № 715, 751, 831 и др.

В 50-х годах XVI в. из юрисдикции феодалов-иммунитов изымалось, как правило, две (иногда три) категории преступлений: душегубство, разбой с поличным (и татьба). Следовательно, объем судебного иммунитета был сужен по сравнению с концом 40-х годов. Ограничение судебного иммунитета стало возможным в результате укрепления аппарата власти (губная и земская реформы).

Итак, включение в Судебник 1550 г. ст 43, запрещавшей выдачу тарханов, и пересмотр тарханов в мае 1551 г. явились отправной точкой для дальнейшей политики в этой области в 50-х и начале 60-х годов XVI в. Ограничение податных привилегий духовных феодалов, проведенное хотя и не вполне последовательно, было одной из причин роста хозяйственного разорения в стране.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ПЕРИОДА ОПРИЧНИНЫ

Опричнина была провозглашена Иваном Грозным 5 января 1565 г.¹ Грамоты, выданные в феврале — апреле 1565 г., касались уездов Рузского², Углицкого³, Нижегородского⁴, Костромского⁵, Соли Малой⁶ и Соли Галицкой⁷; от августа — октября 1565 г. дошли грамоты, относящиеся к уездам Московскому⁸, Казанскому⁹, Белозерскому, Пошехонскому и Кашинскому¹⁰. Ни одна из указанных территорий не принадлежала к числу собственно опричных¹¹, что говорит как будто об отсутствии у царя в первый год проведения опричнины идеи создания особо привилегированных очагов иммунитета землевладения в рамках опричнины. Это и понятно. Одной из задач опричнины было увеличение доходов самого царя. Весьма интересен размер единовременного сбора, наложенного на земщину и предназначенного царю «на подъем», — 100 000 руб.¹² Это увеличенная в 100 раз сумма татарского «выхода» (1000 руб.), раскладывавшегося еще в первой половине XVI в.¹³ (подробнее см. гл. III).

Проследим политические мотивы выдачи грамот. Грамоту на нижегородские земли получил Спасо-Евфимьев монастырь¹⁴,

¹ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 394—395. О политике опричнины в целом см.: *Садиков П. А.* Очерки; *Каштанов С. М.* К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963, № 2. С. 96—117; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Зимин А. А.* Опричнина; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966; *Он же.* Опричный террор. Л., 1969; *Он же.* Иван Грозный. М., 1975.

² ХП-II. № 848 (АФЗХ. Ч. IV. № 145).

³ ХП-III. № 1-394.

⁴ ХП-II. № 851; ХП-III. № 1-393.

⁵ ХП-II. № 852.

⁶ Там же. № 849.

⁷ ЦГАДА ГКЭ. Галичу № 34/3364 (ХП-II. № 850; АФЗХ. Ч. IV. № 146).

⁸ ГИМ. Сям. кн. 58. По Москве № 68. Л. 250—253 об. (ХП-II. № 854; АФЗХ. Ч. IV. № 147); ХП-III. № 1-395.

⁹ ХП-II. № 853.

¹⁰ Там же. № 855.

¹¹ На картах, приложенных к работам А. А. Зимина (Опричнина. Карта между с. 480 и 481) и Р. Г. Скрынникова (Опричный террор. Карта отдельно), Соль Галицкая показана в составе опричнины. Однако летопись, говоря о зачислении в опричнину Галича «со всеми пригородки», не упоминает Соль Галицкую. Последняя пользовалась гораздо большей независимостью по отношению к Галичу, чем его ближние «пригородки», такие, как Чухлома, Унжа, Коряков и Белогородье, взятые в опричнину вместе с Галичем (ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 394). В грамоте 1565 г. (ХП-II. № 850) также мы не находим никаких данных о принадлежности Соли Галицкой к опричнине.

¹² ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 395.

¹³ ДДГ. № 89. С. 362.

¹⁴ ХП-II. № 851.

крупнейший в Суздале — одним из опричных городов. Наметился союз с влиятельным московским монастырем — Симоновым, которому в 1565 г. были даны две грамоты: на варницы в Соли Галицкой и на ремесленное село Коровниче под Москвой¹⁵. Имунитетная политика в районе Соли Малой, Соли Галицкой и Костромы развевывалась по соседству с опричными Галичем и Чухломой. Нарушение перемирия крымским ханом Девлет-Гиреем и его набег на Русь вызвали у правительства естественное беспокойство за безопасность Казанской земли и близких к ней Нижегородского и Костромского уездов, служивших в свое время ареной русско-казанских военных схваток. Кроме того, Казань в 1565 г. оказалась местом ссылки опальных бояр¹⁶, а в Кострому и Нижний Новгород было выслано из Юрьева Ливонского, очевидно, большое количество немцев¹⁷.

Внимание к Рузскому, Кашинскому и Угличскому уездам могло определяться их недавним удельным прошлым и опасением претензий на них со стороны Владимира Андреевича Старицкого.

В 1565 г. продолжалось распространение финансовых привилегий на вотчины духовных феодалов. Симонов монастырь получил для своих соляных варниц в Соли Галицкой право беспощинной варки соли¹⁸, а для московского села — освобождение от дани, пищальных денег, городского дела, посошных служб, поставки подвод на ям и др.¹⁹ «Тарханной» (т. е. освобождавшей от главных налогов) была и несохранившаяся грамота Чудову монастырю на с. Лужки в Московском уезде²⁰. Обширные владения казанского архиепископа освобождались от дани, ямских денег, примета, хотя городское дело требовалось исполнять²¹. Для крестьян Ярославского Спасского монастыря отменялась обязанность поставки лошадей на Малосольский ям²², а с новых вотчин Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском, Пошехонском и Кашинском уездах разрешалось платить белый посошный корм в половинном размере с сохи²³. Угодья в Нижегородском уезде давались Спасо-Евфимьеву монастырю в безоброчное владение²⁴.

Характерным элементом финансовой политики в это время было предоставление духовным учреждениям права сбора таможенных²⁵ и проездных²⁶ пошлин с посторонних людей, аналогичного западному бану, и пожалование земель вместо руги²⁷.

¹⁵ Там же. № 850, 854 (АФЗХ. Ч. IV. № 146, 147).

¹⁶ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 396.

¹⁷ Там же. С. 397.

¹⁸ ХП-II. № 850 (АФЗХ. Ч. IV. № 146).

¹⁹ ГИМ. Сим. кн. 58. По Москве № 68. Л. 250—251 об. (АФЗХ. Ч. IV. № 147).

²⁰ Незадолго до опричнины права такого рода получил Московский Симонов монастырь в своем торговом селе Веси Егонской в Бежецком Верху (ААЭ. Т. I. № 263, 269; АФЗХ. Ч. IV. № 137, 142).

²¹ В 1565 г. Троицкому Ипатьеву монастырю было предоставлено право «держать» перевоз через р. Кострому (Садиков П. А. Очерки. С. 440—442. № 15).

²² ХП-III. № I—394, I—397.

²³ ХП-III. № I-395.

²⁴ ХП-II. № 853.

²⁵ Там же. № 849.

²⁶ Там же. № 855.

²⁷ Там же. № 851.

1566—1568 годы — время широкого укрепления политических уз правительства с влиятельными монастырями. Щедрые тарханские грамоты получил Симонов монастырь, с которым правительство сблизилось еще в 1565 г. В 1566 г. ему была выдана тарханная грамота на с. Дикое в Вышегородском уезде²⁸, недавней вотчине старицкого князя, взятой в опричнину. После мены с Владимиром Старицким, доставившей царю ряд удельных территорий, Симонов монастырь получил от Ивана IV грамоту на бывшие ранее в уделе у старицкого князя села Литвиновское и Окуловское в земской волости Раменейце Московского уезда²⁹. Троице-Сергиеву монастырю были даны в июне 1566 г. тарханно-оброчные грамоты на села Верейского³⁰ и Старицкого³¹ уездов. Вероятно, в том же году Иван IV предоставил «тарханную» грамоту Старицкому Успенскому монастырю на слободку в Старице, села, деревни, пустоши и починки в Старицком, Кашинском, Тверском, Клинском и Бельском уездах³². В июле 1566 г. тверской дворецкий Н. Р. Юрьев выдал «по слову» Ивана IV оброчную грамоту одному светскому феодалу на деревню в Ржевском уезде, непосредственно примыкавшем к Старицкому³³. Характерно внимание к Ярославскому уезду, где царь, стремясь подорвать княжеское землевладение, покровительствовал монастырям³⁴.

В обстановке напряженных отношений с Крымским ханством и Великим княжеством Литовским правительство продолжало укреплять союз с феодалами южных и восточных окраин. В январе 1566 г. была выдана жалованная грамота Рязанской Аграфениной пустыни³⁵. Веневский Никольский монастырь получил в феврале 1566 г. обельно-несудимую грамоту, предоставлявшую ряд привилегий монастырским сельцам Тульского уезда³⁶. В 1566/67 г. царь пожаловал тарханские грамоты Шаровкиной пустыни³⁷ и Перемышльскому Николаевскому монастырю³⁸ на земли в опричных Перемышльском и Белевском уездах. Сохранялись финансовые привилегии казанского архиепископа³⁹. В Нижегородском уезде земельных и имунитетных пожалований добился в 1566 г. Спасо-Евфимьев монастырь⁴⁰, во Владимирском — Покровский девичий⁴¹. В поддержке этих двух монастырей правительство

²⁸ Садиков П. А. Из истории. С. 182—184. № 2; АФЗХ. Ч. IV. № 150 (ХП-II. № 862). Ср. подтверждения в марте и сентябре 1566 г. жалованной грамоты 1564 г. Чудову монастырю: ХП-III. № I-389.

²⁹ Садиков П. А. Из истории. С. 187—193. № 6; АФЗХ. Ч. IV. № 153 (ХП-II. № 872). Ср. распространение в мае 1566 г. норм имунитета грамоты 1564 г. на села Чудова монастыря в Селенской волости Московского уезда (ХП-III. № I—389).

³⁰ ЦГАДА. ГКЭ. По Верее № 24/2341 (ХП-II. № 874).

³¹ ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 135—138 (ХП-II. № 875).

³² ХП-II. № 857.

³³ ГБЛ. Акты Беляева. № I/131 (ХП-II. № 876).

³⁴ ХП-II. № 858, 859; ХП-III. № I—399.

³⁵ ХП-III. № I—398.

³⁶ ХП-II. № 860.

³⁷ Садиков П. А. Из истории. С. 193—198. № 7 (ХП-II. № 895).

³⁸ ХП-III. № I—402.

³⁹ ХП-II. № 893.

⁴⁰ Там же. № 867—870.

⁴¹ ХП-III. № I—404.

было особенно заинтересовано вследствие того, что они находились в опричном Суздале — сфере влияния князей, Шуйских. Одновременно шло укрепление контактов с феодалами, имевшими земли в Переславль-Залесском⁴², Московском⁴³, Белозерском⁴⁴, Вологодском⁴⁵ уездах. Так, в Переславль-Залесском уезде крестьяне Чудова монастыря освобождались от постройки ямского двора⁴⁶, в Московском уезде временную льготу от податей получил боярин Иван Васильевич Большой, Шереметев⁴⁷, с деревень Кирилло-Белозерского монастыря на Белоозере разрешалось не давать «мелкой доход» и «посопный хлеб»⁴⁸.

Итак, с 1566 г. появляются небольшие очаги привилегированного имунитетного землевладения внутри самой опричнины — в уездах Вышегородском, Перемышльском, Белевском, хотя в основном имунитетная политика проводится в неопричных уездах. Симонов и Чудов монастыри становятся привилегированными корпорациями не только земщины, но и опричнины. Ухудшение отношений с митрополитом Афанасием, завершившееся его уходом с митрополии (под предлогом великой немощи) 19 мая 1566 г.⁴⁹, заставило царя искать поддержки влиятельных монастырей, и прежде всего двух крупнейший московских богомолий — Чудова и Симонова. Союз с монастырями оказался необходим и в 1567—1568 гг., так как новый митрополит Филипп Колычев, избранный собором и поставленный на митрополию 24—25 июля 1566 г.⁵⁰, был решительным противником опричнины⁵¹.

В 1567—1568 гг. определенное внимание было обращено на уезды Верейский⁵², Ржевский⁵³, Волоколамский⁵⁴ и опричный Можайский⁵⁵. Правительство продолжало усиливать свои позиции также в Переславль-Залесском⁵⁶ и Московском⁵⁷ уездах, не ослабевал интерес к району Суздаля, Владимира и Нижнего Новгорода⁵⁸.

В 1567 г. монастырям предоставлялись таможенные привилегии

⁴² ХП-II. № 863, 873.

⁴³ ХП-III. № 1—400, I—401, I—405; ср. № 1—389 и ХП-II. № 872.

⁴⁴ ХП-II. № 861, 896.

⁴⁵ ХП-III. № 1—403.

⁴⁶ ЦГАДА. ГКЭ. По Переславлю-Залесскому № 226/8950 (ХП-II. № 873).

⁴⁷ ГПБ. Собр. СПб. Д/А. № А1/17. Л. 753 об.—755 об.; ЛОИИ СССР. Колл. 260. Оп. 1. № 891. Л. 6—7 (ХП-III. № 1—405).

⁴⁸ Садиков П. А. Из истории. С. 199—200. № 9.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 401; Зимин А. А. Опричнина. С. 240.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 403.

⁵¹ Подробнее см.: Зимин А. А. Опричнина. С. 212—259.

⁵² ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 18 об.—19 об. (ХП-II. № 897); ХП-III. № 1—408.

⁵³ Садиков П. А. Из истории. С. 210—213. № 19; АФЗХ. Ч. IV. № 161 (ХП-II. № 916).

⁵⁴ ХП-II. № 916 (АММС. I. № 42).

⁵⁵ Садиков П. А. Из истории. С. 213—215. № 20; АФЗХ. Ч. IV. № 163 (ХП-II. № 913); ХП-III. № 1—142 (ср.: ХП-II. № 894).

⁵⁶ ХП-II. № 898, 914; ХП-III. № 1—407.

⁵⁷ ЦГАДА. ГКЭ. По Москве № 20/7162 (ХП-II. № 900); ХП-II. № 904; ХП-III. № 1—409.

⁵⁸ ХП-II. № 906, 915; ХП-III. № 1—282 (подтверждение 1567/68 г.), I—418.

на проезд торговых обозов в районах Костромы — Соли Галицкой, Чаронды⁵⁹. Свяжский Богородицкий монастырь получил в безоборочное владение мельницу возле Свяжска⁶⁰. Спасо-Евфимьеву монастырю в 1567/68 г. была подтверждена «тарханная» грамота 1548/49 г.⁶¹ Обельная грамота на посадский двор в Ярославле была выдана Симонову монастырю⁶². С февраля по ноябрь 1568 г. Кирилло-Белозерский монастырь приобрел целый ряд финансовых и судебных привилегий для своих вотчин в Белозерском уезде⁶³.

В 1566—1568 гг. формы податных освобождений были весьма разнообразны. Шире, чем раньше, стало практиковаться отарханизание монастырских вотчин, т. е. бессрочное освобождение от главных налогов и повинностей. Тарханные грамоты были даны на многие (но не на все) вотчины Симонова монастыря. Тарханом пользовались также владения Шаровкиной пустыни, Московского Богоявленского, Переславского Федоровского монастырей. Возможно, на часть своих вотчин имел тарханные грамоты и Чудов монастырь. Другой принцип, получивший распространение в это время, — освобождение от податей за оброк. Тарханно-оборочные привилегии предоставлялись Чудову и Троице-Сергиеву монастырям. Кирилло-Белозерскому монастырю давалось, как и прежде, не полное освобождение от податей, а только право самому платить их в казну без сношения с местной администрацией (но и это не для всех его вотчин). Иногда феодалы добивались временного освобождения своих владений от главных налогов. Монастырские вотчины неоднократно получали освобождение от натуральной ямской повинности и от ряда сравнительно мелких налогов и пошлин. Монастырские обозы освобождались от таможенных пошлин.

Но иммунитетные привилегии предоставлялись лишь тем корпорациям, на поддержку которых царь рассчитывал. Такие влиятельные духовные учреждения, как митрополичий дом и Иосифо-Волоколамский монастырь, не получили от Ивана IV в 1565—1568 гг. ни одной жалованной грамоты. Враждебная по отношению к опрочинине позиция митрополита Филиппа привела к тому, что жалованные грамоты, выданные в июне—сентябре 1564 г. митрополиту Афанасию, не были подтверждены Филиппу. Вероятно, произошёл разрыв царя и с Иосифо-Волоколамским монастырем. Во всяком случае, до 1575/76 г. монастырь не получал царских жалованных грамот⁶⁴. Это нельзя объяснить только тем, что монастырь имел общую тарханную грамоту 1563 г. на все вотчины (кроме старицких), ибо он продолжал получать многочисленные

⁵⁹ АФЗХ. Ч. IV. № 157 (ХП-II. № 901), 162 (ХП-II. № 911); ХП-II. № 903.

⁶⁰ ЦГАДА. ГКЭ. По Свяжску № 2/11460 (ХП-II. № 905).

⁶¹ ХП-III. № I—282.

⁶² ГИМ. Снм. кн. 58. По Ярославлю № 5. Л. 406 об. — 408 об. (ХП-II. № 909; АФЗХ. Ч. IV. № 160).

⁶³ ХП-II. № 919, 920, 923, 924; ХП-III. № I—414.

⁶⁴ ХП-II. № 989.

вклады от частных лиц и эти новые монастырские владения оставались вне действия жалованной грамоты 1563 г.

В то же время удельный князь Владимир Андреевич, приобретая в 1566 г. в обмен на свой удел (Старицу, Верею, Алексин) города Дмитров, Звенигород, Стародуб и Боровск с волостями⁶⁵, стал проводить в этих уездах весьма активную имунитетную политику. Он выдавал грамоты с податными привилегиями не только явным противникам Ивана IV (митрополит Филипп⁶⁶), или тем, кто не пользовался царской милостью (Иосифо-Волоколамский монастырь⁶⁷), но и монастырям, входившим в орбиту щедрой имунитетной политики царя (Чудов⁶⁸, Симонов⁶⁹, Троице-Сергиев⁷⁰, Кирилло-Белозерский⁷¹, Горицкий Переславль-Залесский⁷²).

Среди известных нам грамот земельно-имунитетного характера, исходивших от лица Владимира Андреевича, последняя датирована 31 августа 1568 г.⁷³ Именно в сентябре 1568 г. Иван IV начал готовить процесс против митрополита Филиппа⁷⁴. Следовательно, прекращение с сентября 1568 г. выдачи грамот Владимиром Андреевичем совпадает с открытой царской опалой на Филиппа. Видимо, политическая активность удельного князя в 1566—1568 гг. была в значительной мере обусловлена поддержкой, которую он находил у митрополита. Удар по митрополиту явился одновременно ударом по удельному князю.

Осенью 1568 г. Иван IV разделался с боярином И. П. Федоровым, которого он считал главой заговора (казнен в сентябре 1568 г.), и с митрополитом Филиппом (окончательно свергнут 4—8 ноября 1568 г.). 11 ноября 1568 г. новым митрополитом был избран архимандрит Троице-Сергиева монастыря Кирилл⁷⁵. В сентябре 1568 г. князь Владимир Андреевич был послан с войском в Нижний Новгород. Через год, в сентябре 1569 г., он был по приказу царя схвачен и 9 октября 1569 г. казнен (принял яд). Вместе с ним погибли его жена и дочь, а несколько позднее, в том же октябре 1569 г., мать — Ефросинья Старицкая⁷⁶.

Имунитетные грамоты Ивана Грозного, выданные между сентябрем 1568 и октябрем 1569 г., касались уездов севера (Бело-

⁶⁵ ДДГ. № 102, 103; ПСРЛ. Т. 13, 2-я пол. С. 400.

⁶⁶ АФЗХ. Ч. III. № 14 (ХП-II. № 899).

⁶⁷ АФЗХ. Ч. II. № 317 (ХП-II. № 865).

⁶⁸ Кобрин В. Б. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // ЗОР. М., 1962. Вып. 25. С. 321—322 (ХП-II. № 877); ЦГАДА. ГКЭ. По Переславлю-Залесскому № 235/8959 (ХП-II. № 921).

⁶⁹ ХП-II. № 866, 871 (АФЗХ. Ч. IV. № 151, 152).

⁷⁰ ХП-II. № 878—885, 887—892.

⁷¹ Там же. № 864.

⁷² Там же. № 917. Неизвестно, какой характер носили отношения между Иваном IV и Романовским Островским монастырем, получившим в 1568 г. жалованную грамоту от Владимира Андреевича (ХП-III. № 1—415).

⁷³ ХП-II. № 921.

⁷⁴ Зимин А. А. Опричнина. С. 254—255.

⁷⁵ Там же. С. 255—256.

⁷⁶ Там же. С. 290—291; Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 21—23.

озеро ⁷⁷, Вологда ⁷⁸, Каргополь ⁷⁹, Новгород ⁸⁰, Псков ⁸¹), запада (Белая ⁸²), Тверского края (Тверь, Кашин, Клин, Старица ⁸³), центра (Москва ⁸⁴), востока (Нижний Новгород ⁸⁵, Владимир ⁸⁶, Стародуб-Ряполовский ⁸⁷). В апреле 1569 г. Иван IV подтвердил митрополиту Кириллу грамоты, выданные в 1564 г. митрополиту Афанасию. Тем самым закреплялись: 1) иммунитет всей митрополичьей вотчины в разных уездах ⁸⁸; 2) привилегии митрополичьей слободки в Переславле-Залесском ⁸⁹; 3) особый статус половины Ржевской десятины ⁹⁰; 4) таможенные освобождения для митрополичьих обозов, следовавших в юго-западном (Москва — Боровск — Малый Ярослав — Калуга — Воротынский — Серенск — Брянск — Почеп — Новгород-Северский — Стародуб-Северский) — Путивль — Чернигов — Рильск — Трубчевск — Радогощь ⁹¹), северо-западном (Москва — Новгород — Псков — Ивангород — Старая Русса — Ругодив — Юрьев [Ливонский] — Полоцк ⁹²) и восточном (Нижний Новгород — Клязьма — Гороховец — Стародуб-Ряполовский — Владимир — Рогожа — Москва ⁹³) направлениях.

Районом Белоозера правительство особо интересовалось в 1568/69 г. в связи с тем, что на Белоозере было расположено родовое гнездо боярина И. П. Федорова, казенного по обвинению в заговоре против царя. В одном из белозерских монастырей — Горницком, приписном к Кирилло-Белозерскому, — пребывала Ефросинья Старицкая, мать удельного князя Владимира Андреевича. Восточная окраина привлекала внимание потому, что с осени 1568 г. в Нижнем Новгороде находился с войсками сам Владимир Андреевич, а Стародуб-Ряполовский он получил в удел по обмену 1566 г. Возможно, опасение роста политической роли Владимира Андреевича в этом районе побудило Ивана IV предоставить Гороховец в удел Михаилу Темрюковичу, царскому шурина — брату царицы Марии Темрюковны, одному из руководителей опричнины (о его удельном управлении Гороховцом свидетельствует грамота от 15 ноября 1568 г. ⁹⁴).

С попытками преодолеть влияние старицкого князя связаны также выдача и подтверждение Иваном Грозным грамот, касав-

⁷⁷ ХП-II. № 923, 924; ХП-III. № I—420.

⁷⁸ ХП-II. № 933, 935.

⁷⁹ Там же. № 929, 934.

⁸⁰ Там же. № 931, 932.

⁸¹ Там же. № 930.

⁸² Там же. № 928.

⁸³ Там же. Ч. I. № 223. Здесь опубликована копия без позднейшего подтверждения. Последнее см.: ЛОИИ СССР. Собр. Беллүстина. № 12; ХП-II. № 841.

⁸⁴ АФЗХ. Ч. III. № 58. С. 99.

⁸⁵ Там же. Дополнения. № 1. С. 359—360.

⁸⁶ Там же. Дополнения. № 2. С. 360—363.

⁸⁷ Там же. № 12. С. 31.

⁸⁸ ХП-II. № 922; ХП-III. № I—419; Назаров В. Д. Из истории аграрной политики царизма в XVI в. // Сов. арх. 1968. № 3. С. 110—111. № 2.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. № 927 (АФЗХ. Ч. IV. № 178).

⁸⁵ ХП-III. № I—418.

⁸⁶ ХП-II. № 926 (АФЗХ. Ч. IV. № 176).

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ АФЗХ. Ч. III. № 11.

шихся Тверского края, особенно Старицы, недавнего удела Владимира Андреевича, и Боровска, отданного ему в 1566 г.

В районе Вологды, которую Иван Грозный сделал северным центром опричнины, велась борьба за укрепление царской власти и умаление политического веса крупных местных феодалов. Показательна в этом плане выдача в июле 1569 г. жалованной грамоты Никольскому Катромскому монастырю в Вологодском уезде. Монастырь находился в вотчине князя Ивана Васильевича Пенкова и имел жалованные грамоты Пенковых. Ставя его под свой сюзеренитет, Иван IV стремился ослабить вассальную зависимость этой корпорации от князей Пенковых. Таким образом, в пределах опричнины велась острая борьба за подрыв удельнокняжеской и княжеско-боярской политической власти. Активизацию опричной политики на севере (Псков, Новгород) в 1569 г. стимулировала и опасная обстановка, создававшаяся на северном фронте: в январе 1569 г. литовцы захватили пригород Пскова Изборск, около которого развернулись затем военные действия⁹⁵.

В сентябре 1568—октябре 1569 г. широкого предоставления податных привилегий не было. В некоторых грамотах подчеркивается необходимость внесения налогов не в земскую, а в опричную казну. Это приобретало особое значение в связи с подрывом власти Владимира Старицкого. Так, в феврале 1569 г. запрещалось брать подати в земщине с сел Симонова монастыря во Владимирском и Стародубском уездах по причине того, что подати с этих сел уплачиваются в опричнине⁹⁶. Владимир Андреевич как номинальный владетель Стародуба (с 1566 г.) здесь игнорируется, его интересы никак не оговариваются. В опричных Каргопольском и Вологодском уездах податных привилегий добились Кирилло-Белозерский монастырь (на двор в Турчасове) и Корнильев Комельский (право безоборочной рыбной ловли в р. Оназиме)⁹⁷. Отдельным светским лицам давались временные льготы на запустевшие земли⁹⁸.

Единственную «тарханную» грамоту в собственном смысле слова получил в это время Успенский Старицкий монастырь. В ней содержалось освобождение от дани, яма, посохи, посошного корма, бражного и др., разрешалась безоборочная рыбная ловля⁹⁹. Успенский Старицкий монастырь был до 1566 г. придворной богомольей старицкого удельного князя и его двора. Выдача щедрой тарханной грамоты этой корпорации знаменует попытку Ивана IV на заключительном этапе борьбы с Владимиром Андреевичем лишить его прежних союзников и склонить их на свою сторону, чем и объясняется исключительность пожалования, в целом мало-

⁹⁵ Синбирский сборник. М., 1844. С. 23; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 58; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, ч. II. С. 239—241.

⁹⁶ АФЗХ Ч. IV. № 178 (ХП-II. № 926).

⁹⁷ Садиков П. А. Из истории. С. 235—237. № 37 (ХП-II. № 929); ЦГАДА. ГКЭ. По Вологде № 33/2604 (ХП-II. № 935).

⁹⁸ ХП-II. № 931, 932.

⁹⁹ ЦГАДА. ГКЭ. По Симбирску № 23/11663 (ХП-II. № 928).

характерного для финансовой политики данного периода. Рядом с этим пожалованием можно поставить только подтверждение в апреле 1569 г. митрополиту Кириллу тарханной грамоты 1564 г. на переславскую Борисоглебскую слободку, освобожденную от уплаты основных налогов¹⁰⁰.

Вообще выдача ряда грамот митрополиту Афанасию накануне опричнины в 1564 г. и подтверждение их в 1569 г. митрополиту Кириллу не позволяют безоговорочно присоединиться к мнению А. А. Зимина о том, что борьба с церковью, т. е. прежде всего с митрополичьей кафедрой, являлась одной из основных задач опричнины¹⁰¹. Субъективно было как раз наоборот. В борьбе с уделом Владимира Андреевича царь старался привлечь на свою сторону и монастыри, и церковь (митрополичью кафедру) — последнюю, может быть, даже в большей степени, чем монастыри. Только сопротивление иерархов опричной политике, несмотря на царские льготы, вынуждало Ивана IV бороться с кафедрой и объективно привело к резкому ослаблению ее. Сопротивление же митрополитов понятно — опричина была призвана усилить самодержавие, уничтожить последний крупный удел, а именно это и не устраивало иерархов: сохранение уделов отвечало кровным интересам церкви, ибо при нескольких светских суверенах она оставалась единственной общерусской силой, арбитром со всеми вытекающими отсюда преимуществами¹⁰².

Б. Н. Флоря высказал предположение, что митрополит Афанасий поссорился с Иваном IV из-за ограничения царем в июне 1564 г. (т. е. в грамоте на все митрополичьи вотчины) иммунитетных привилегий кафедры¹⁰³. Однако трудно думать, что выданная Афанасию в июне 1564 г. жалованная грамота¹⁰⁴ уменьшала объем податного иммунитета, закрепленный в грамоте его предшественнику Макарию. Упомянутая в описи 1658 г. грамота Макарию «59-го (т. е. 1550/51. — С. К.) году» («всех вотчин крестьяном во всяких государевых доходах») ¹⁰⁵ не сохранилась, но едва ли она могла быть щедрее обельной грамоты Афанасию 1564 г. на все митрополичьи вотчины — грамота 1550/51 г. выдавалась в период общего пересмотра и ограничения тарханов, когда даже Иосифо-Волоколамский монастырь получал грамоты, не содержавшие основных освобождений (эти грамоты отнесены нами к категории обельных, а не тарханных)¹⁰⁶.

В конце 1569—первой половине 1570 г. выдача земельно-иммунитетных грамот резко пошла на убыль. Грамоты этого периода касаются уездов Вологодского¹⁰⁷, Старицкого¹⁰⁸, Дмитровского¹⁰⁹,

¹⁰⁰ ХП-II. № 841.

¹⁰¹ Зимин А. А. Опричнина. С. 257—259.

¹⁰² Подробнее об этом см.: Каптанов С. М. История. С. 191—193.

¹⁰³ Мнение Б. Н. Флоря приведено в кн.: Зимин А. А. Опричнина. С. 240

¹⁰⁴ АФЗХ. Ч. III. № 11.

¹⁰⁷ ХП-III. № 1—421.

¹⁰⁵ Там же. С. 375.

¹⁰⁸ Там же. № 1—422.

¹⁰⁶ Там же. Ч. II. № 226, 231, 232

¹⁰⁹ ХП-II. № 937.

(ХП-II. № 623, 644, 645).

Серпуховского¹¹⁰, Владимирского¹¹¹, Рязанского¹¹² и Новгородского¹¹³. Царь стремился укрепить свои позиции в недавних сферах влияния казенного Владимира Андреевича Старицкого и на южных окраинах, подвергавшихся угрозе крымских набегов. В грамотах речь идет в основном о пресечении злоупотреблений и неправильностей в сборе податей¹¹⁴, но широкие тарханы не предоставляются. Есть один случай временного освобождения от податей пустых деревень¹¹⁵. С лавок шести крестьян Серпуховского Высоцкого монастыря запрещалось брать пищальные деньги в Серпухове, но эти торговые крестьяне платили полабочное, сторожевое и все необходимые пошлыны «с товару»¹¹⁶.

Следовательно, ликвидация последнего удела заметно отразилась на финансовой политике: она стала менее благоприятной для крупного землевладения. Полное прекращение выдачи иммунитетных грамот наступило после летних казней и расправ 1570 г., жертвой которых пали многие видные руководители земщины. В августе 1570 г. правительство затребовало в Москву жалованные грамоты новгородских монастырей, но отменить их, видимо, не решилось¹¹⁷.

Этот «мертвый сезон» в иммунитетной политике¹¹⁸ длился до марта 1571 г., когда жалованные грамоты получили дьяк Василий Шелкалов¹¹⁹, Троице-Сергиев¹²⁰ и Махрицкий¹²¹ монастыри. Грамоты относились к Переславль-Залесскому уезду и к запустевшим частям тронцких владений в разных уездах (конкретно они не перечислены). Таким образом, в это время заметно сближение царя с влиятельными переславско-радонежскими феодалами. Возможно, уже в марте 1571 г. вотчины Махрицкого монастыря в Великой слободе и Кинеле Переславского уезда было велено вводить в опричнине (сведения о несохранившейся мартовской грамоте содержатся в грамоте июня 1571 г., выданной из опричнины). По-видимому, после новгородского погрома 1570 г. и покушений на земельно-иммунитетные права новгородского духовенства Иван Грозный считал необходимым усилить свои позиции в центре, и прежде всего в Переславском уезде, где находилась Александрова слобода — царская опричная резиденция. В марте же 1571 г. Иван IV выдал подтверждающую грамоту на подворье

¹¹⁰ *Воронцова Л. Д.* Два документа (XVI в.) из архива Серпуховского Высоцкого монастыря // *Древности: Тр. Археогр. комис. имп. Моск. Археол. о-ва. М., 1900. Т. II, вып. 1—2. Стб. 175—176. № 2.*

¹¹¹ *ХП-II. № 936, 938.*

¹¹⁴ Там же. № 938, 939.

¹¹² Там же. № 939.

¹¹⁵ Там же. № 940.

¹¹³ Там же. № 940.

¹¹⁶ *Воронцова Л. Д.* Указ. соч. Стб. 175—176. № 2.

¹¹⁷ *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 101.

¹¹⁸ Едва ли можно считать существенным исключением из правила отправку 22 ноября 1570 г. в Данков грамоты, разрешающей рязанскому епископу владеть церковными зданиями и вводить весь причт церковный (ХП-III. № I—426). Данков был расположен в районе, подверженном набегам крымских татар (об этом см.: *Зимин А. А.* Опричнина. С. 450—451).

¹¹⁹ *ХП-II. № 941.*

¹²⁰ Там же. № 942.

¹²¹ Там же. № 943.

в Москве афонскому Хиландарскому монастырю¹²². Возвращение Ивана IV к союзу с монастырями могло быть вызвано в это время разочарованием царя в опричнине после неудачной осады Ревеля, снятой 16 марта 1571 г.¹²³

Контакт с московско-переславскими монастырями наблюдается и летом — осенью 1571 г. В июне и июле 1571 г. жалованные грамоты приобрели Махрицкий¹²⁴ и Московский Новодевичий¹²⁵ монастыри. Жалованная грамота последнему охватывала большой круг земель в ряде бывших удельных уездов (Бежецкий Верх, Дмитров, Звенигород, Кашин, Верея), в уездах Оболенском, Ростовском и опричном Вяземском. Эти грамоты выдавались в период, когда Иван IV после майского набега на Москву крымского хана Девлет-Гирея производил чистку опричных рядов и казнил виднейших опричников — своего шурина Михаила Темрюковича Черкасского, П. В. Зайцева, В. И. Темкина и др.¹²⁶

В сентябре — октябре 1571 г. грамоты с финансовыми освобождениями были пожалованы Серпуховскому Высоцкому¹²⁷, Муромскому Спасо-Преображенскому¹²⁸ и Троице-Сергиеву¹²⁹ монастырям. Объектом иммунитета оказались монастырские вотчины в уездах Серпуховском, Муромском, Московском, Дмитровском, Звенигородском, Малоярославецком, Верейском, Боровском и, вероятно, Ржевском (или Новоторжском)¹³⁰. Опять-таки бросается в глаза внимание к бывшим уделам (Дмитров, Звенигород, Верея, Боровск) и опричным территориям (Малый Ярославль). Думается, что Иван IV опасался новых удельных притязаний и пытался опереться на монастыри в пределах опричнины и земщины. По одним летописным известиям, в 1571/72 г., а по другим в 1573/74 г. царь отдал Дмитровский удел Василию Владимировичу, сыну казненного Владимира Андреевича Старицкого¹³¹. Скорее всего, передача была номинальной, по существу же царь стремился сохранить за собой все нити управления уездами, входившими некогда в Дмитровский удел.

Что касается содержания иммунитетных пожалований 1571 г.,

¹²² Порфирий Успенский. Восток христианский. Афон. СПб., 1892. Ч. III, отд. 2. С. 942—944. № 69 (ХП-III. № I—429).

¹²³ Зимин А. А. Опричнина. С. 461.

¹²⁴ ХП-II. № 944.

¹²⁵ Там же. № 945.

¹²⁶ Подробнее см.: Зимин А. А. Опричнина. С. 462—463.

¹²⁷ Воронцова Л. Д. Указ. соч. Стб. 172—175. № 1. Грамота датирована 7080 г. без указания месяца. Однако, поскольку срок льготы начинался с сентября 7079 г., можно предположить, что грамота была составлена в сентябре 7080, т. е. 1571 г.

¹²⁸ ХП-III. № I—430.

¹²⁹ ХП-II. № 946.

¹³⁰ В этой грамоте не сказано, в каком уезде находилось то или иное из перечисленных сел. Определение их уездной принадлежности см.: Каштанов С. М. Очерки. С. 171, примеч. 12.

¹³¹ Зимин А. А. Опричнина. С. 446—447, примеч. 4. Согласно Р. Г. Скрынникову (Опричный террор. С. 194), Дмитровский удел был восстановлен не ранее весны 1572 г. и не позже 1573 (7081) г.

то наиболее щедрой была грамота Московскому Новодевичьему монастырю, дававшая бессрочное освобождение его вотчин от дани, ямских денег, примета, посошной службы, помера (померно-го), пятна, явки, наместничьих и волостелиных кормов, а неторговых обзов — от мыта, тамги, померного, весчего¹³². Июньская грамота Махрищскому монастырю предоставляла свободу от дани, мыта, тамги и др. (но уплата ямских денег, примета и выполнение посошной службы здесь не отменялись). Грамота Муромскому Спасо-Преображенскому монастырю до нас не дошла; она упоминается в грамоте 1613 г. как «тархалная», однако объем пожалования не указан, в самой же грамоте 1613 г. монастырским людям разрешалось лишь не тянуть с тяглыми людьми ни в какие проторы и розметы.

Обе грамоты Троице-Сергиеву монастырю были льготными, т. е. освобождение от податей ограничивалось в них тем или иным сроком. В мартовской грамоте царь «с троецкие вотчины с сел и с деревень с пуста дани и кормов и всякие пошлыны имати на них не велел до тех мест, как оне на те пустые места жилищов назовут». В октябрьской грамоте давалась на три года льгота от дани, ямских и приметных денег, денег за городовые, засечные и ямчужные дела, за посошную службу и т. д. В льготной грамоте Серпуховскому Высоцкому монастырю срок освобождения от «даней и всяких податей, и посохи» был определен в пять лет. И в высоцкой, и в троицких грамотах льгота мотивировалась жестоким разорением вотчин — многие дворы были сожжены во время татарского набега в мае 1571 г., другие запустели в результате хозяйственного кризиса.

Новая активизация имунитетной политики наблюдается в марте 1572 г. К 20—30 марта относятся две грамоты, касающиеся финансового статуса вотчин Троице-Сергиева монастыря на восточной окраине — в Гороховце¹³³ и Свияжском уезде¹³⁴. В 1571/72 г. получил грамоту и Свияжский Богородицкий монастырь (о ней имеется только упоминание)¹³⁵. Весной 1572 г. уже не составлялись отдельные разряды опричных и земских воевод, что рассматривается исследователями как непосредственное преддверие конца опричнины¹³⁶. Однако в грамоте от 20 марта 1572 г. различие опричного и земского финансовых ведомств проводится. Значит, в марте опричина еще существовала, хотя и близилась к закату. Политические причины выдачи мартовских грамот выяснить сложно. Гороховец, принадлежавший на правах удела князю Михаилу Темрюковичу Черкасскому — первому лицу в

¹³² ГПБ. Собр. актов и грамот. № 1—168 (ХП-П. № 945).

¹³³ ХП-П. № 948.

¹³⁴ *Кашианов С. М.* К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI в.: (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.) // *Историография и источниковедение: Вопросы методики исследования*. Казань, 1978. (Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та; Вып. 184). С. 132—136. № 1 (ХП-П. № 949).

¹³⁵ *Суворов Н. И.* Опись Свияжского Богородицкого мужеского монастыря, составленная в 1614 г. // *Изв. имп. Археол. о-ва*. СПб., 1863. Т. IV, вып. 6. Стб. 587.

¹³⁶ *Зимин А. А.* Опричина. С. 469; *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 179.

опричнине, казенному в 1571 г., являлся в глазах царя районом, откуда могло исходить противодействие отмене опричной политики. Свияжский уезд представлял собой важную часть Казанской земли, которая находилась в 1571—1572 гг. под определенной угрозой в связи с крымскими планами отторжения Астрахани¹³⁷. В Свияжском уезде, так же как и в Казанском, имелись владения влиятельных феодалов, выселенных из центральных уездов.

Грамота, посланная в Гороховец, не освобождала троицкие села от податей вообще. В ней лишь запрещалось взимать налоги на местах, поскольку монастырь имел право вносить их в Москве. Радикальнее были фискальные освобождения вотчин Троице-Сергиева монастыря в Свияжском уезде. С них разрешалось не платить дань, ямские и приметные деньги, но требовалось исполнять городовое, острое и засечное дела¹³⁸.

Продолжением имунитетной политики марта 1572 г. явилось подтверждение 21 мая того же года новоизбранному митрополиту Антонию тарханной грамоты 1564 г. на Борисоглебскую слободку в Переславле-Залесском¹³⁹. По объему основных освобождений эта грамота была довольно близка к грамоте Троице-Сергиеву монастырю на вотчины в Свияжском уезде. Подтверждение заверил дьяк Данило Граворнов, подпись которого находится также на грамоте марта 1572 г., посланной в Гороховец. Ссылаясь на мартовскую грамоту, С. Б. Веселовский утверждал, что Данило Граворнов был дьяком Большого Прихода в опричнине¹⁴⁰. Мартовская грамота различает уплату денег «на Москве и в Слободѣ в Большом Приходе» применительно ко всей троицкой вотчине вообще, а не к гороховецким землям в частности — с них налоги предписывается платить как раз в Москве, где грамота и была выдана. Это лишает мнение Веселовского убедительности. Если считать Данилу Граворнова опричным в 1572 г. дьяком, получится, что Гороховецкий уезд и г. Переславль-Залесский входили в 1572 г. в опричнину и царь стремился улучшить положение церковно-монастырского землевладения именно в опричнине. Однако, скорее всего, в марте и мае 1572 г. речь шла о территории, подведомственной земщине.

Несколько позже, в 1572/73 г., Иван IV подтвердил митрополиту Антонию уставную грамоту на половину Ржевской десятины¹⁴¹. Вместе с тем четыре другие грамоты 1564 г. (обельная на все вотчины и три проезжих¹⁴²) подтверждения на имя Антония не имеют. Видимо, в обстановке 1572 г. союз с митрополитом был для Ивана IV менее важен, чем в апреле 1569 г., когда еще оставался в живых князь Владимир Андреевич Старицкий, и царь подтвердил все шесть грамот 1564 г. митрополиту Кириллу.

¹³⁷ Зимин А. А. Опричнина. С. 465.

¹³⁸ Каштанов С. М. К истории феодального землевладения. С. 135.

¹³⁹ ХП-П. № 841.

¹⁴⁰ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII. вв. М., 1975. С. 129.

¹⁴¹ ХП-П. № 843.

¹⁴² АФЗХ. Ч. III. № 11, 12; Дополнения. № 1, 2.

Последним месяцем опричнины, по мнению большинства исследователей, был август 1572 г. За день до своего отъезда из Новгорода, 16 августа, царь выдал жалованную грамоту новгородскому архиепископу Леониду на села и деревни в Новгородском и Псковском уездах¹⁴³. Тем самым возобновление политического союза между царем и вторым по рангу церковным иерархом России получило юридическое оформление. Впрочем, податные привилегии, закрепленные за архиепископской кафедрой, не отличались чрезмерной щедростью. Крестьяне архиепископа освобождались от ряда второстепенных повинностей (косьбы сена для царских коней, строительства наместничьих и волостелиных дворов, устройства прудов) и платежей (мыта, выводной куницы и др.). Однако в грамоте ничего не сказано об отмене основных податей (ямских, приметных денег и т. д.) и повинностей (посошной службы, городского дела и т. п.).

Таким образом, финансовая политика опричного периода характеризуется непоследовательностью и противоречивостью. Довольно многим влиятельным духовным феодалам удалось в это время добиться существенных податных освобождений. Наряду с более или менее широкими бессрочными пожалованиями бытовали временные льготы, тарханно-оброчные привилегии, освобождения только от мелких повинностей, иногда лишь облегчения в порядке уплаты податей, а часто и полное отсутствие податных привилегий. По сравнению с политикой, проводившейся в 50-х — начале 60-х годов XVI в., опричнина явилась в целом периодом расширения финансового иммунитета. Это расширение достигало особенно заметных масштабов в моменты острой политической борьбы. Вместе с тем полный иммунитет практически почти никогда не предоставлялся. Такая повинность, например, как городское дело, обычно оставалась обязательной даже для самых привилегированных вотчин.

СОСТОЯНИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В КОНЦЕ 1572—1575 г.

После отмены опричнины в августе 1572 г. выдача иммунитетных грамот приостановилась. Из точно датированных грамот осени 1572 г. известна одна — от 1 сентября. Она предписывала взимать с Матигорского стана Двинского уезда ружной хлеб (рожь и ячмень) для выдачи Михаило-Архангельскому монастырю¹. Есть, правда, сведения о четырех грамотах с неопределенной датой, которые могли появиться между 1 сентября 1572 г. и 31 августа 1573 г. Они касались районов Рязани, Суздаля (и, возможно, Владимира и Нижнего Новгорода), Двины, Новгорода и Холмогор². Шесть грамот было выдано в феврале—августе 1573 г. Они посвящены главным образом северным уездам — Ярославскому, Важскому, Белозерскому, Обонежской пятине и Бежецкому Верху³. Правда, в бежецкой грамоте фигурировал еще и Московский уезд⁴. Одна грамота относится к району Астрахани⁵, которая впервые попадает в сферу иммунитетной политики именно в это время.

Грамоты сентября 1572—августа 1573 г. затрагивали права и привилегии ряда монастырей. В их число входили: на севере — кроме упомянутого Михаило-Архангельского, Новгородский Антоньев, Никольский Корельский, Важский Клоновский, Ярославский Спасский и Кирилло-Белозерский; в центре — Московский Новодевичий, Суздальский Спасо-Евфимьев; к югу от Москвы — Рязанский Солотчинский; на крайнем юге — Астраханский Троицкий.

Наиболее крупные податные, судебные и таможенные привилегии получил Новодевичий монастырь. В конце июля и августе 1573 г. ему были даны две жалованные грамоты: на рыбные ловли и деревни в Обонежской пятине⁶, на два села — в Бежецком Верхе и Московском уезде⁷. Закрепление этих сел в составе монастырской вотчины имело для правительства известное политическое значение, так как раньше они принадлежали крупнейшим кня-

¹ ГПБ. Погост. 1911. Л. 5-6 об. (ХП-III. № 1—433).

² ХП-II. № 952, 953; ХП-III. № 1—431, 1—432.

³ ХП-II. № 954, 956, 957, 958; ХП-III. № 1—434.

⁴ ХП-II. № 958.

⁵ Там же. № 955.

⁶ Садиков П. А. Очерки. С. 455—461. № 19 (ХП-II. № 957).

⁷ АИ. Т. I. № 188. С. 350—352 (ХП-II. № 958).

жатам — Шуйским и Бельским⁸. Рассматриваемые грамоты Новодевичьему монастырю имеют почти одинаковый формуляр, интересной особенностью которого является, в частности, экстраординарный характер отдельных статей в несудимом разделе. Формально вотчинная юрисдикция монастыря не ограничивалась ничем⁹. Понять причины предоставления прав сеньориальной юстиции в таком необычном еще для периода опричнины объеме помогает наличие в грамотах специальной оговорки в статье о сроках вызова в царский суд. Монастырских людей, крестьян и попов разрешалось вызывать в царский суд по исковым делам только один раз в году, «оприч тех людей, что есми бояром своим приказал на Москве обыскивати лихих людей татей и розбойников, и на которых слово лихое взмолвят в татьбе и в розбое, и яз сам, царь и великий князь, по тех людей пошлю или мой дворецкой, а сужу яз, царь и великий князь, или мой дворецкой Большого дворца». Как известно, появление этой довольно редкой формулы в жалованных грамотах XVI в. обычно свидетельствует о резком обострении классовой борьбы в тех районах, к которым относятся грамоты. Очевидно, рост «розбойного» движения в северных районах и обусловил необходимость наделить влиятельный монастырь весьма широкими правами внутривотчинной юрисдикции.

Что касается денежных податей, то в 1573 г. Новодевичий монастырь получил освобождение от дани, ямских денег, примета (для бежецко-московских вотчин; новгородские его владения не освобождались от примета). Несмотря на существенность указанного освобождения, его вряд ли можно считать полным. Это показывает сравнение новодевичьих грамот с льготной грамотой 1574 г. И. Ю. Грязному на земли в Городецком стане Бежецкого Верха¹⁰, т. е. там, где помещалось одно из привилегированных сел Новодевичьего монастыря. В грамоте Грязному, содержавшей льготу на пять лет от всех денежных податей, перечислялись следующие пять налогов: ямские деньги, примет, деньги за городовое, ямчужное и засечное дела. Таким образом, в грамотах Новодевичьему монастырю архаика формуляра использовалась для того, чтобы не

⁸ Село в Бежецком Верхе определено в грамоте как «наше данье по княж Васильеве княгине Васильевича Шуйского Настасье да по княж Иванове Дмитриевича Бельского княгине Марфе»; московское село было «княж Ивановское Дмитриевича Бельского».

⁹ В одной статье прямо сказано, что наместники, волостели и их тиуны «не судят и приставов своих не дают и не посылают ни в чем». В следующей статье, где рассматривается вопрос о штрафах за душегубство, совершенное в пределах вотчины, предписано давать наместникам 2 руб. «веры» (т. е. штрафа) в случае невыдачи убийцы. Казалось бы, статья предполагает наместничий суд по душегубным делам. Вместе с тем в этой статье, обычно разбирающей три казуса (когда душегубец не выдан; когда он выдан; когда установлена случайность смерти), пропущен средний казус (когда душегубец выдан). Таким образом, здесь не декларируется прямо необходимость выдачи убийцы наместникам; право суда по душегубным делам дается монастырю как бы на откуп (в счет веры, выплачиваемой за невыдачу душегубцев).

¹⁰ ХП-II. № 963.

включить в эти акты освобождение от денег за ямчужное и засечное дела — двух крупных налогов второй половины XVI в.

В обеих грамотах Новодевичьему монастырю имеется освобождение от обязанности тянуть к сотским и десятским с черными людьми во всякие «проторы» и «розметы»; кроме того, на монастырских крестьянах не разрешалось «повозов, ни иных никоторых дел разметных розметывати». Новодевичий монастырь пользовался также свободой от посошной службы, городского и ямского дела. В грамотах 1573 г. говорилось, что его крестьяне города не делают, мостов не мостят, на яму с подводами не стоят. Из таможенных пошлин вотчины Новодевичьего монастыря освобождались только от померного, пятна и явки. Взимание тамги, по-видимому, находилось в руках правительственных агентов. Это показывает, что, несмотря на широту иммунитетных привилегий, предоставленных Новодевичьему монастырю, в некоторых вопросах правительство прочно стояло на позициях, отвоеванных у монастырей в 1551 г., когда под влиянием развития товарно-денежных отношений и централизации финансовой системы была проведена в общем порядке отмена права монастырской тамги.

Вместе с тем хозяйственный упадок 70-х годов требовал определенной стимуляции монастырской вневотчинной торговли. Поэтому Новодевичий монастырь получил весьма льготные права беспошлинной (в частности, безмытной и бестаможенной) купли и продажи «какого ни буди» товара в Москве, Новгороде и «в котором городе ни буди». По существу грамоты не содержали никаких ограничений этой торговли (ни количеством транспорта, ни маршрутом, ни требованием покупать только на монастырский обиход). Это подкреплялось запрещением ямщикам и гонцам брать подводы и проводников у новодевичьих попов, дьяконов, слуг и крестьян в Москве, Новгороде и в каком бы то ни было другом городе.

Возвышение в 1573 г. Новодевичьего монастыря при менее льготной политике по отношению к центральным мужским монастырям, вероятно, было обусловлено борьбой против княжат, закладывавшихся за крупные мужские монастыри. Этот факт находится также в несомненной связи с приговором октября 1572 г., который подтверждал запрещение вклада в монастыри «княжеческих и боярских» вотчин. Кроме того, поддержка со стороны Новодевичьего монастыря, возможно, была нужна Ивану IV в его матримониальных планах, расходившихся с церковными канонами.

Противоречия Ивана IV с церковью составляли в начале 70-х годов весьма острую проблему. По грамотам 1573 г. Новодевичьему монастырю мы ясно видим, что царь стремился к ограничению власти церкви. В грамоте на владения в Обонежской пятине, находившейся в составе Новгородской епархии, монастырским священникам разрешалось не давать новгородскому архиепископу дань и другие пошлины, а его судебным агентам — десятильникам и заезжикам — запрещалось въезжать в монастырскую вотчину. В грамоте на владения в Бежецком Верхе и Московском уезде содержа-

лось более общее постановление, ущемлявшее интересы не только местных архиереев, но и главы русской церкви — митрополита: «кто у их храмов попов и дьяконов их учнут служити, и те их попы и дьяконы митрополиту и архиепископу новгородскому и ростовскому, и епископом суздальскому, и крутицкому, и тверскому дани и иных некоторых пошлин не дают. И десятильники и заезщики к ним не въезжают ни по что». Таким образом, новодевичий иммунитет существенно расширился за счет церковной юрисдикции, хотя сам монастырь попадал в результате этого в более тесную зависимость от правительства.

Из других монастырей более или менее существенных привилегий добился в 1572/73 г., кажется, Спасо-Евфимьев, расположенный в бывшем опричном Суздальском уезде. В описной книге Спасо-Евфимьева монастыря упоминается не дошедшая до нас указная грамота в Суздаль о невзимании «с монастырские вотчины всяких податей» согласно «прежней» жалованной грамоте¹¹. Такой «прежней» грамотой могла быть несохранившаяся «тарханная» грамота 1548/49 г., подтвержденная в 1567/68 г. опричным дьяком Дружиной Володимеровым¹². Едва ли здесь имелась в виду жалованная грамота 1551 г., которая содержала освобождение от «проторов» и «розметов», «опричь ямских денег и посошны службы, и тамги, и пишалных денег: то им давати»¹³.

Освобождались от податей некоторые опустевшие владения. Так, у Солотчинского монастыря в Перевитском стане Переславль-Рязанского уезда запустело «от татарской войны» 7 ¹/₂ сохи, а живущего осталось 1 ³/₄ сохи. В грамоте 1572/73 г. было запрещено взимать ямские деньги и наряжать посошных людей с запустевших сох Солотчинского монастыря¹⁴.

В феврале 1573 г. довольно важную привилегию получил Ярославский Спасский монастырь. С его слободки не разрешалось брать крестьян в целовальники к денежному сбору¹⁵. Белозерские посадские земские старосты при обмене Кирилло-Белозерскому монастырю одного дворового места в Белоозере на другое явно учитывали иммунитетный статус монастыря в городе. Новое монастырское дворовое место они предписывали «держати... по государеве... жалованной грамоте по белой»¹⁶.

Таможенные проездные привилегии наряду с Новодевичьим получил также Николаевский Корельский монастырь. Есть упоминание о грамоте Ивана IV 1572/73 г., которая предписывала с судов этого монастыря «тамги и пошлин не имать»¹⁷.

В отдельных случаях фиксировались только землевладельче-

¹¹ Описная книга. С. 47 (ХП-II. № 953).

¹² Описная книга. С. 48 (ХП-III. № I—282).

¹³ ЦГАДА. Ф. 1203 (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. I. Кн. I. Л. 420—422 об. (список XVIII в.); АСЭИ. Т. II. № 497 (ХП-II. № 643). В списке XVIII в. ошибочно «тарен» вместо «тамги».

¹⁴ Воздвиженский Т. Историческое обозрение рязанской иерархии. М., 1820. С. 309—310 (ХП-II. № 952).

¹⁵ Вахрамеев И. А. № 41 (ХП-II. № 954).

¹⁶ ХП-III. № I—434.

¹⁷ Там же. № I—432.

ские и судебные права монастырей. Грамота, посланная в марте 1573 г. в Важский уезд, в Подвинье, содержала указ о размежевании земель Клоновского монастыря и волостных крестьян, причем последним запрещалось «вступаться» в монастырскую пашню, леса, сенные покосы и рыбные ловли¹⁸. Астраханский Троицкий монастырь получил в марте 1573 г. несудимую и двусрочную грамоту¹⁹.

Грамоты без точной даты, выданные между 1 сентября 1573 г. и 31 августа 1574 г., относятся к Корельской волости, г. Коломне, уездам Пошехонскому, Белозерскому, Углицкому, Бежецкому Верху, Московскому²⁰. Грамоты октября 1573 — августа 1574 г. касались уездов Переславль-Рязанского, Ростовского, Романовского, Ярославского, Галичского, Новгородского, Белозерского, Каргопольского, Угличского, Бежецкого Верху, Нижегородского, Казанского, а также Сибири (земель по Тоболу, Иртышу и Оби). Грамоты затрагивали интересы монастырей Никольского Корельского²¹, Спасо-Прилуцкого²², Кирилло-Белозерского²³, Московского Чудова²⁴, Рязанского Богословского²⁵, Ярославского Спасского²⁶, Соловецкого²⁷, Казанского Илантова²⁸, Рязанской Федосьевой пустыни²⁹, светских лиц³⁰ — «окольных ловцов» в Галицком озере³¹, И. Ю. Грязного³², Якова и Григория Строгановых³³.

За это время мы не встречаем тарханских грамот с безусловным освобождением от податей. Однако Кирилло-Белозерскому монастырю удалось получить право неуплаты податей с его запустевших владений. В двух указных грамотах — от 20 ноября 1573 г. и 1573/74 г., направленных в ряд городов, — говорилось, чтобы с кирилловских вотчин ямские и приметные деньги, деньги за городное, засечное и ямчужное дела, а также пошнные люди взимались только с живущего³⁴. В грамоте от 16 февраля 1574 г. с новоприкупного Никольского погоста в Каргопольском уезде Кирилло-Белозерскому монастырю разрешалось платить оброчные деньги в Москве, а не местным сборщикам³⁵.

Интересным показателем взаимоотношений между Иваном Грозным и Кирилло-Белозерским монастырем служит указная грамота от 7 февраля 1574 г.³⁶ В грамоте приказывалось вернуть Кирилло-Белозерскому монастырю с Воскресенское Белозерского уезда. Это село, принадлежавшее некогда боярину И. П. Федорову,

¹⁸ Сборник ГКЭ. Т. II. № 204 (ХП-II. № 956).

¹⁹ АИ. Т. I. № 184 (ХП-II. № 955).
²⁰ ХП-III. № I—435—438.

²¹ Там же. № I—435.

²² Там же. № I—436.

²³ ХП-II. № 961; ХП-III. № I—437, I—441, I—443, I—444.

²⁴ ХП-III. № I—438.

²⁵ Там же. № I—440.

²⁶ ХП-II. № 959, 962, 964.

²⁷ ХП-III. № I—442.

²⁸ ХП-II. № 966.

²⁹ Там же. № 965.

³⁰ Среди них были представители разных сословий.

³¹ ХП-II. № 960.

³² Там же. № 963.

³³ ХП-III. № I—445.

³⁴ Там же. № I—437, I—441.

³⁵ Там же. № I—443.

³⁶ ГПБ. Q—IV—113 а. С. 235—236 (ХП-II. № 961).

попало в монастырь после казни в сентябре 1568 г. Федорова, обвиненного в заговоре против царя. Вероятно, довольно резкое обострение отношений между царем и монастырскими властями в 1572—1573 гг., о чем свидетельствует послание Ивана IV 1573 г. в Кириллов монастырь, ослабило землевладельческие позиции монастыря. В указной грамоте 1574 г. говорилось, что Воскресенское отписали «на нас» незаконно, «не по нашему указу». Однако самое уязвимое место в кирилловском землевладении было выбрано настолько точно, что с трудом верится, чтобы этот акт не санкционировался, если не инспирировался, правительством. В 1574 г. положение изменилось. Иван IV не хотел доводить свои отношения с Кирилло-Белозерским монастырем до разрыва, и село осталось за монастырем.

Наряду с землевладением укреплялся и податной иммунитет Кирилло-Белозерского монастыря. В грамоте 1574 г. о возвращении с. Воскресенского сказано: «ты б... ни в какие доходы не вступался. А будет еси что на монастырских крестьянех каких доходов взял, и ты б то все однолично отдал, чтобы нам игумен о том вперед не бил челом».

Продолжалось также усиление контактов с Ярославским Спасским монастырем. В декабре 1573 г. правительство отправило в Ярославль грамоту о запрещении притягивать слободку Ярославского Спасского монастыря в черные проторы и разметы, кроме посошной службы, пищального наряда и городского дела³⁷. Здесь вновь фиксировался тот объем иммунитета, который был закреплен за этим объектом еще в 1511 г.³⁸ и подтвержден в 1551 и 1555 гг.³⁹ Пресекались попытки приписать владения Спасского монастыря к Шепецкому яму Ростовского уезда, поскольку они уже были приписаны «ямской стряпней и дворовой поделькой» к Якольскому яму (указная грамота от 19 февраля 1574 г.)⁴⁰. Запрещалось брать подмогу ямским охотникам Вокшерского яма с крестьян сельца Захарьина Спасского монастыря (указная грамота от 17 марта 1574 г.)⁴¹. Внимание к Ярославскому Спасскому монастырю могло находиться в связи с попытками нейтрализации ярославских княжат.

В феврале 1574 г. была дана льготная грамота светскому феодалу Ивану Юрьевичу Грязному на запустевшие «от поветрея и хлебного недороду» земли сельца Кузьмодемьянского в Бежецком Верхе⁴². Льгота представлялась на пять лет в «ямских и приметных деньгах, и в городовом, и засечном, и в ямчужном деле». Освобождались от податей 233 пустые переложные чети, в то время как со 100 четей «паханные земли» следовало «ямские и приметные деньги, и за городовое, и за засечное, и за ямчужное

³⁷ Вахрамеев И. А. № 42 (ХП-II. № 959).

³⁸ ХП-I. № 95.

³⁹ ХП-II. № 716.

⁴⁰ Вахрамеев И. А. № 44 (ХП-II. № 962).

⁴¹ Вахрамеев А. А. № 43 (ХП-II. № 964).

⁴² ХП-II. № 963.

дело платити с иными сохами ровно ежегод». Грязной обязывался заселить пустые места: «А он в те лготные лета в той своей вотчине на пусте учнет крестьян называти и пашню розпахивати. А как отойдет лгота, и он учнет с тое своей вотчины государевы подати платити с ыными соха [ми] вместе сполна».

30 мая 1574 г. «в Слободе» была выдана жалованная льготная грамота Якову и Григорию Строгановым на их обширные владения в Зауралье «на Тахчеях и на Тоболе реке». В целях борьбы с сибирским ханом («салтаном») Строгановым разрешалось «крепости делати, и сторожей наймовати, и вогняной наряд держати собою, и железо делати, и пашни пахати, и угодыи владети», а также оборонять от сибирского хана тех остяков, «кои... от сибирского отступят и нам дань давати учнут». Освобождение от податей и повинностей предоставлялось на 20 лет, с троицына дня 1574 г. до троицына дня 1594 г.: «и в те лготные лета с тех мест не надобе моя, царя и великого князя, дань, ни ямские, ни емчужные денги, и посошная служба, ни городовое дело, ни иные некоторые подати, ни оброк съ их промыслов и угодей в тех местах до урочных лет»⁴³. Длительность и полнота льготы объясняются слабой освоенностью и малой заселенностью зауральских владений Строгановых, постоянной военной опасностью со стороны сибирского хана. Податная привилегия дополнялась неограниченным судебным иммунитетом.

Пользование угодыями обычно облагалось оброком. По январской грамоте 1574 г. различные «окольные» ловцы (княжеские, боярские, монастырские) могли ловить рыбу в Галицком озере только при условии уплаты оброка государству⁴⁴. 9 февраля 1574 г. Иван IV выдал уставную грамоту «черемисе» (вероятно, чувашам) Верхней Сюндюрской волости и волости Ишлей в «Казанской земле», в районе Чебоксар. С этих волостей предписывалось поставлять в царскую казну медвяный и куний оброк, т. е. оброк медом и куницами (в списке XVIII в. «куниной»). Предусматривалась возможность вместо меда платить деньгами: «за батман по десяти алтын да пошлин з батмана» (батман составлял 1 1/2 пуда)⁴⁵.

Некоторые объекты были приобретены в оброчное владение монастырями. В феврале 1574 г. новгородские дьяки дали Соловецкому монастырю оброчную грамоту на пустое место в Новгороде на Запольской улице⁴⁶. В апреле того же года правительство удовлетворило просьбу Рязанской Федосьевой пустыни, передав ей на оброк «из наддачи» (т. е. с увеличением размера вносимого госу-

⁴³ ГПБ. Собр. актов и грамот. № 1—328 (ХП-III. № 1—445).

⁴⁴ ААЭ. Т. I. № 286 (ХП-II. № 960).

⁴⁵ Димитриев В. Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI—начала XVII веков // Учен. зап. НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1963. Вып. XXII. С. 134; ср. С. 131.

⁴⁶ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М., 1930. С. 125. Л. 284—284 об. (ХП-III. № 1—442).

дарству оброка) половину озера Велья, бывшую до этого на оброке за дехтянскими бортниками⁴⁷.

Руга назначалась Никольскому Корельскому и Казанскому Илантову монастырям. Согласно грамоте 1573/74 г., первый из них должен был получать ежегодно по 50 четвертей ржи и по 50 четвертей овса⁴⁸. Илантов монастырь и до 1574 г. имел право на денежную и хлебную ругу, однако местные власти в Казани давали ее нерегулярно и с большими задержками — «переволачивая года в два в три». Царская указная грамота от 4 августа 1574 г. подтверждала и увеличивала монастырские привилегии⁴⁹.

Илантов монастырь был одним из опорных пунктов правительства на территории бывшего Казанского ханства. Обстановка в этом районе отличалась большой напряженностью вследствие волнений среди местного населения, главным образом в стране непокорных черемис, куда еще в апреле 1574 г. царь «посылал... воевод ставити нового Кокшаского города»⁵⁰. В самой грамоте говорится, что монастырских крестьян «изменники» в полон понимали, а «дворы деи наши изменники выжгли и вывоевали». Кроме того, монастырь терпел притеснения от князей, детей боярских и посадских людей, которые, в частности, вырубали монастырский лес. Царская администрация не только уклонялась от регулярной выдачи монастырю руги, но и запрещала варить квас на монастырский обиход. Правительство взяло монастырь под свою защиту. В грамоте было велено давать монастырю ругу «не изволоча» и не препятствовать варке кваса на монастырский обиход (но не на продажу).

Интересно решался вопрос о пользовании монастыря лесом. В своей челобитной игумен указывал, что после уничтожения монастырского леса боярами, детьми боярскими и посадскими людьми «им (т. е. монастырю.— С. К.)... князи и дети боярские в своем лесе на монастырское строенье, на обиход, и их крестьяном лесу сечи не дадут и их крестьян в своих лесех грабят». Как видим, тут ничего не сказано относительно реакции посадских людей на попытки монастыря сечь лес. Правительство учло это обстоятельство и, сохраняя иммунитет светских феодалов в их лесах, позволило монастырю пользоваться только посадским лесом: «а лес бы естя сечи велели на монастырской на всякой обиход из того лесу, которой к посаду велели отвести у помещиков».

Очень большое значение для монастыря имело пожалование ему в дополнение к руге р. Мешкалы с озерками. Эти воды «были преж того и ныне на оброке»: с них собиралась значительная сумма в размере 25 руб. и 2 гривен. Илантов монастырь по грамоте 1574 г. стал владеть ими безоброчно.

В августовской грамоте 1574 г. о привилегиях Илантова мона-

⁴⁷ ЦГАДА. ГКЭ. По Переславлю-Рязанскому № 9/9829 (ХП-II. № 965).

⁴⁸ ХП-III. № 1—435.

⁴⁹ АИ. Т. I. № 191 (ХП-II. № 966).

⁵⁰ Сибирский сборник. М., 1844. С. 44; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 106.

стыря имеется постановление, показывающее остроту борьбы за рабочие руки на восточной окраине. Восставшие увели монастырских крестьян в плен («наши изменники... в полонь поймали»), а населить вотчину новыми крестьянами оказалось делом трудным. Монастырь жаловался царю на бояр и детей боярских, которые задерживают при помощи больших размеров «пожилого» и «полувытного» («по пяти рублей») своих крестьян, перезываемых монастырскими властями «на пусто». Правительство указало: «А коли лучится за монастырь крестьянину пойти из-за кого ни буди, и вы б с тех крестьян пошлин и пожилого велели имать с ворот со крестьянина по полтине да по два алтына по Судебнику, как и в лесных местах, а мимо б уложения, как по сроку за монастырь крестьянин пойдет, пошлин и пожилого не имали».

Проездные и таможенные освобождения давались в 1573/74 г. не слишком щедро. Правда, в описи имущества Спасо-Прилуцкого монастыря 1638 г. упоминается указная грамота Ивана IV 1573/74 г. «на Коломну и в ьные города о соляном торгу на чetyренатцеть тысяч пуд соли»⁵¹. Может быть, в этой грамоте шла речь о праве Спасо-Прилуцкого монастыря беспошлинно провозить и продавать 14 тыс. пудов соли.

В указной грамоте Ивана IV в Углич от 28 февраля 1574 г.⁵² говорится, что два старца Кирилло-Белозерского монастыря везли в судах соль в Дмитров, но под Угличем суда сели на мель, и старцы часть соли «з дву судов» «положили на берегу на Угличе в монастырском онбаре». Амбар этот был расположен «на белом месте, а не на гостином дворе». Весьма трудно предположить, чтобы Кириллов монастырь отправлял соль в Дмитров не для продажи, а ради вотчинных расходов.

Каковы были таможенные условия торговли солью и провоза ее, из грамоты не вполне ясно. «Наперед сего», сообщает грамота при изложении монастырского челобитья, пошлину за хранение соли в амбаре — «онбарщину» — с монастыря не брали, но в 1573/74 г. при отъезде старцев из Углича в Дмитров с солью таможенные целовальники «с монастырского онбара онбарщину и с тое соли весчее взяли», хотя старцы на Угличе соль не продавали. Торговля кирилловской солью в Угличе не была освобождена от пошлин: «а которую де соль старцы на Угличе продают, и с тое де они соли пошлину вескою и тамгу платят, оприч онбарщины»⁵³. Согласно монастырской версии, с непродажной соли в Угличе весчее давать не полагалось.

Грамота ставит решение вопроса в зависимости от того, действительно ли в монастырской жалованной грамоте написано о невзимании весчего и амбарщины с непродажной кирилловской соли. Если да, то таможенным целовальникам следовало отдать

⁵¹ РИБ. Т. 35. № 470. Стб. 965 (ХП-III. № I—436).

⁵² ЛОИИ СССР. Ф. 260 (Колл. Н. К. Никольского). Оп. 1. № 886. Л. 2—3 (за копирование грамоты выражаю признательность Л. И. Ивиной и Б. Н. Флоре). Ср.: ХП-III. № I—444.

⁵³ В цитируемой рукописи по ошибке «плататят» и «опричу».

монастырю деньги за взятые пошлины (амбарщину и весчее) и впредь не принуждать старцев к уплате этих пошлин; если нет, то не отдавать амбарщину и весчее и взимать их в дальнейшем. Какая прежняя грамота имеется тут в виду, сказать довольно трудно.

Из грамоты 1574 г. можно сделать вывод, что монастырю не удалось восстановить утраченное в 1556 г. право беспошлинной продажи 20 тыс. пудов соли по городам от Каргополя до Москвы (см. выше, гл. VII).

В цитированной выше жалованной грамоте от 30 мая 1574 г. Якову и Григорию Строгановым⁵⁴ щедрость податной льготы сочеталась с отсутствием освобождения от таможенных пошлин. В грамоте прямо сказано, что братья Строгановы и их «люди» обязаны платить таможенные пошлины с товаров «по городом»: «А товары, которые Яков и Григорей, и те люди, которые на новые места придут жити, повезут или пошлют куда по иным городом, и им пошлина давати, как и с ьных торговых людей по нашим указом».

Вместе с тем приезжим бухарцам и представителям «Казацкие орды» разрешалось торговать в вотчинах Строгановых беспошлинно. Очевидно, беспошлинность была взаимной: Строгановы тоже не платили пошлин с торговых сделок, заключенных со среднеазиатскими купцами. Во всяком случае, постановление о торговле иноземных купцов рассматривается в грамоте как пожалование Строгановым: «Такъже есми Якова да Григорья пожаловал: почнут к ним в те новые места приходи ти торговые люди бухарцы и Казацкие орды и из ьных земель с лошадми и со всякими товары, а к Москве которые не ходят, и им у них торговати всякими товары волно, беспошлинно».

Таким образом, в 1573/74 г. освобождения от податей давались на запустевшие или неосвоенные места, иногда без указания срока льготы (как, вероятно, в грамотах о вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря), иногда же с точным определением срока (пять лет в грамоте Грязному на сельцо в Бежецком Верхе, 20 лет в грамоте Строгановым на земли по р. Тоболу в Зауралье). Таможенные привилегии предоставлялись редко и в ограниченном объеме. Среди пожалованных в это время не видим крупнейших духовных феодалов центра — монастырей Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, Симонова.

Из грамот, выданных с осени 1574 по осень 1575 г., до возведения на великокняжеский престол Симеона Бекбулатовича в октябре 1575 г., многие не имеют точной даты и могут быть отнесены ко времени между 1 сентября 1574 и 31 августа 1575 г. Таких грамот, известных в основном по упоминаниям, мы насчитали девять. Они касаются уездов Владимирского, Суздальского, Клинского, Дмитровского, Ряжского, Казанского и Шелонской пятины. Эти грамоты затрагивают права и интересы казан-

⁵⁴ ХП-III. № I—445.

ского архиепископа⁵⁵, рязанского епископа⁵⁶, Спaso-Евфимьева⁵⁷ и Чудова⁵⁸ монастырей, церкви Георгия страстотерпца в с. Сологине на р. Ламе в Клинском уезде⁵⁹, Московского Успенского собора⁶⁰, светских феодалов, Шелонской пятины⁶¹.

Более точно датированные грамоты были выданы в сентябре—декабре 1574 г. на земли Клинского, Волоцкого, Тверского, Кашинского, Угличского, Казанского, Вымского уездов и Шелонской пятины. Речь в них шла о правах Клинской Изосиминой пустыни⁶², Калязина монастыря⁶³, черной волости Ужги⁶⁴ и помещика, Шелонской пятины⁶⁵. Грамот январия — сентября 1575 г. нам известно 27. Одна из них исходит от лица валашского воеводы Богдана Александровича⁶⁶. Грамоты относятся к уездам Московскому, Дмитровскому, Переславль-Залесскому, Юрьев-Польскому, Суздальскому, Владимирскому, Нижегородскому, Тарусскому, Переславль-Рязанскому, Угличскому, Пошехонскому, Каргопольскому, Устюжскому, Свияжскому, а также к Мещере, Шелонской пятине и Кольскому полуострову, к городам от Астрахани до Ярославля. В грамотах рассматриваются или фиксируются права Троице-Сергиева⁶⁷, Новодевичьего⁶⁸, Покровского Суздальского⁶⁹, Соловецкого⁷⁰, Устюжского Михаило-Архангельского⁷¹, Астраханского Троицкого⁷², Серпуховского Владычного⁷³, Кирилло-Белозерского⁷⁴, Солотчинского⁷⁵, Горницкого Переславль-Залесского⁷⁶, Новгородского Опочского⁷⁷ монастырей, Андреяновской пустыни в Пошехонье⁷⁸, Петропавловской церкви на р. Поное (Кольский полуостров)⁷⁹, Нижегородского Спасского собора⁸⁰, светских лиц⁸¹, г. Шуи⁸².

В сентябре 1574 г. Клинской Изосиминой пустыни была дана тарханная грамота в подтверждение жалованной тарханной грамоты Василия III 1518 г., подписанной на имя Ивана IV без ограничений в 1534 и 1551 гг. В новой грамоте говорилось, что царь «на их монастырских, и на сельских, и на деревенских людях дани своей и ямских денег, и подвод, и посошные службы, ни поспу, ни мыта, ни тамги и всех церковных и иных некоторых пошлин, ни розвинского, ни поворотнаго, ни поплашнаго, ни посошнаго корму, ни городчиковых пошлин во Твери и в Клине, и на Волоце

⁵⁵ ХП-II. № 968.

⁵⁶ ХП-III. № 1—450.

⁵⁷ ХП-II. № 967, 969.

⁵⁸ ХП-III. № 1—449.

⁵⁹ Там же. № 1—447.

⁶⁰ Там же. № 1—451.

⁶¹ Там же. № 1—448, I—452.

⁶² Там же. № 1—446.

⁶³ ХП-II. № 970.

⁶⁴ ХП-III. № 1—453.

⁶⁵ Там же. № 1—454.

⁶⁶ ХП-II. № 982.

⁶⁷ Там же. № 973, 974, 981.

⁶⁸ Там же. № 978, 983.

⁶⁹ Там же. № 979.

⁷⁰ Там же. № 975.

⁷¹ Там же. № 972, 980.

⁷² Там же. № 976.

⁷³ Там же. № 982.

⁷⁴ Там же. № 985; ХП-III. № 1—458.

⁷⁵ ХП-II. № 987.

⁷⁶ Там же. № 988, 992.

⁷⁷ XII-III. № 1—460.

⁷⁸ Там же. № 1—457.

⁷⁹ ХП-II. № 977.

⁸⁰ ХП-III. № 1—461.

⁸¹ ХП-II. № 984, 986; ХП-III. № 1—455, I—456, I—459.

⁸² ХП-III. № 1—462.

имати у них не велел»⁸³. Возможно, две другие грамоты, относящиеся к Клинскому уезду и датированные неопределенно 1574/75 г., появились тоже осенью 1574 г. Одна из них характеризуется в грамоте 1624 г. как «тарханная»: это грамота церкви страстотерпца Георгия в с. Сологине на р. Ламе⁸⁴. Грамоту на сельцо Селютино Клинского уезда получил в 1574/75 г. Чудов монастырь. Содержание ее неизвестно, но можно думать, что она была указной или послушной («у ней печать черного воску, а знаку на ней нет»)⁸⁵.

Внимание к району Клина, Волока, Твери в XVI в. обычно являлось показателем стремления правительства усилить свои позиции вблизи Старицкого удела. Осенью 1574 г. такое стремление могло вызываться смертью князя Василия Владимировича, сына погибшего в 1569 г. старицкого князя Владимира Андреевича. Имеются летописные известия о том, что Василий Владимирович получил в 1572 или 1573 г. в удел Дмитров (которым в 1566—1569 гг. владел его отец, князь Владимир Андреевич). Но в 1574 г. князь Василий умер (как думает Р. Г. Скрынников, в начале года)⁸⁶, в результате чего старицкое и дмитровское наследство оказалось вакантным. Хотя нам трудно сказать, кто именно мог претендовать на это наследство, ясно, что данная проблема беспокоила Ивана IV.

В 1574/75 г. жалованную грамоту на три села в Дмитровском уезде получил Московский Успенский собор⁸⁷. Текст документа не сохранился, неизвестны его точная дата и суть пожалования. Было бы соблазнительно и эту грамоту отнести к осени 1574 г., связав ее выдачу с выдачей грамот на клинско-волоцко-тверские земли. Может быть, именно после смерти Василия Владимировича у Ивана IV стала формироваться идея создания собственного «удела» на основе старицкого и дмитровского удельного наследства.

Указная грамота, посланная в октябре 1574 г. в Кашин и Углич, предписывала не «имать» в целовальники дворников белых дворов Калязина монастыря⁸⁸. Эта грамота опять-таки свидетельствует об активной политике по отношению к бывшим удельным центрам. Калязин монастырь, как и Клинская Изосиминая пустынь, получил подтверждение освобождения от податей: «с тех... они своих дворов наши денежные подати не дают ничего». В указной грамоте говорилось, что по старым грамотам «их дворники с черными людьми не тянут ничем, опричь решоточные сторожи»,

⁸³ Леонид. Клинская Изосименская пустынь и ее акты // Чтения ОИДР. М., 1876. Кн. II. Отд. V. Смесь. С. 90 (ХП-III. № I—446).

⁸⁴ См. грамоту 1624 г.: ЦГАДА. ГКЭ. По Клину № 30/5661 (ср.: ХП-III. № I—447).

⁸⁵ ХП-III. № I—449.

⁸⁶ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 194—195; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 10.

⁸⁷ ХП-III. № I—451.

⁸⁸ ЦГАДА. Ф. 1193 (Калязин м-рь). Кн. 4. № 161, 162, 163 (три экземпляра) (ХП-II. № 970).

поэтому попытки городских приказчиков заставить калязинских дворников «сидети у ларца в целовальниках у наших денежных зборов» рассматривались в 1574 г. как незаконные.

Если с дворов Калязина монастыря в Кашине и Угличе вообще запрещалось брать дворников в целовальники, то для с. Коврова эта повинность ограничивалась в 1574/75 г. необходимостью давать во Владимир «одного человека» «целовальника в пошлинах»⁸⁹. Поскольку Коврово было расположено в Стародубе-Ряполовском⁹⁰, который в 1566—1569 гг. принадлежал Владимиру Андреевичу Старицкому, внимание к данному району в 1574/75 г. можно связать с активизацией политики в отношении территорий, являвшихся дмитровским и старицким удельным наследством. С. Коврово в середине 70-х годов XVI в. находилось, вероятно, в составе вотчин Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря⁹¹.

В марте 1575 г. другой влиятельный суздальский монастырь — Покровский девичий — получил важную податную привилегию: с его сел Суздальского и Владимирского уездов запрещалось брать пососных людей и подводы к царской хлебной молотбе и возке⁹². Эта привилегия давалась в порядке подтверждения прежней тарханной грамоты, нарушаемой местными властями.

Несохранившаяся грамота 1574/75 г. казанскому архиепископу Тихону также касалась вопроса о выборе целовальников. Крестьяне архиепископской слободки в Казани освобождались от дачи целовальников «в таможино и на кабаки, и на пропуск, и на рыбная ловли, и к иным ко всяким делам». Вместе с тем они принуждались к исполнению городского и острожного дел, «как... при прежних архиепископах»⁹³. Грамота от 22 октября 1574 г. разрешала Казанскому Илантову монастырю ловить рыбу в р. Мешкале, ее притоках и озерах. Монастырь получил исключительное право сдавать рыбные ловли на оброк посторонним лицам⁹⁴. Таким образом, он не только освобождался сам от уплаты оброка (по грамоте августа 1574 г., рассмотренной выше), но еще и мог взимать оброк в свою пользу, эксплуатируя воды при посредстве окольных ловцов.

Грамоты 1575 г., затрагивавшие интересы Троице-Сергиева и Новодевичьего монастырей, были посвящены почти исключительно монастырским промыслам и дворам. В январской грамоте 1575 г. царским приказчикам в московские села Здвиженское и Богородское о разрешении Троице-Сергиеву монастырю ловить

⁸⁹ Описная книга. С. 62 (ХП-II. № 967).

⁹⁰ См.: Зимин А. А. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря (1506—1612 гг.) // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 385. № 192.

⁹¹ В 1571/72 г. княгиня Мария Коврова дала Спасо-Евфимьеву монастырю селцо Андреевское с деревнями в Коврове (Там же.)

⁹² ХП-II. № 979.

⁹³ Там же. № 968.

⁹⁴ ЦГИА СССР. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 2. Кн. 1906. Л. 75 об. (ср.: ХП-II. 970).

рыбу в р. Воре⁹⁵ отмечалось, что еще по жалованной грамоте Ивана III игумену Спиридонию (1467—1474 гг.) Троицкий монастырь имел монопольное право рыбной ловли во всей р. Воре до Черноголовли. Монастырские власти платили в Большой дворец с воровской ловли оброк в размере 4 гривен с пошлинами (по 1 деньге с гривны — 4 деньги). Однако «диаак... Иосиф Ильин тое реку заповедал на... царя... и рыбы ловити монастырским людям и крестьяном не велел». Датировка «заповеди», наложенной дьяком Ильиным на р. Вору, не представляет особых затруднений.

Очевидно, это произошло в 1574 г. В известных нам грамотах, касающихся оброчных пожалований, дьяк Иосиф Ильин фигурирует всего один раз: им была подписана указная грамота от 5 апреля 1574 г. об отдаче Рязанской Федосьевой пустыни на оброк половины озера Велья⁹⁶. Мы видим, таким образом, что удовлетворение экономических требований отдельных местных корпораций сочеталось в 1573—1574 гг. с совершенно противоположной политикой по отношению к некоторым крупнейшим мужским монастырям центра. Однако сама грамота 1575 г. уже знаменует отход от этой политики.

В грамоте так характеризуется современное ей положение: «И с тое реки оброку не емлют для того, что ловцы в поветрее вымерли. А после их тое реки на оброк не взял ниhto, и на нас в той реке рыбы не ловят же». Не ясно, чьи ловцы вымерли — монастырские или великокняжеские, зато не вызывает сомнений уверенность правительства не только в способности Троице-Сергиева монастыря направить на рыбную ловлю новых «ловцов», но и в возможности получать с них правительственный оброк на прежних основаниях («вы б... их монастырским людям и крестьяном велели рыбу ловити по реке по Воре до Черноголовли по тому, как в той реке Троицы Сергиева монастыря слуги и крестьяне ловили по нашей жалованной грамоте наперед сего»). Итак, в обстановке разорения и запустения, когда никто, кроме Троице-Сергиева монастыря, не оказался в состоянии взять рыбные ловли на оброк («а после их тое реки на оброк не взял ниhto») и даже само правительство не смогло организовать там рыбную ловлю («и на нас в той реке рыбы не ловят же»), царю пришлось пойти на первую (после опалы 1573—1574 гг.) крупную сделку с Троице-Сергиевым монастырем и вернуть ему конфискованные рыбные ловли. Это было важно как для экономического оживления запустевшего района, так и для увеличения государственных казенных доходов.

В марте 1575 г. была послана указная грамота во Владимир Ивану Кореневу относительно казачьих (наймитских) дворов при соляных варницах Троице-Сергиева монастыря во Владимирском уезде на Холуйском посаде⁹⁷. Эти дворы считались старинными («стали... лет с сорок») и пользовались иммунитетом:

⁹⁵ АСЭИ. Т. I. № 376 (ХП-II. № 973).

⁹⁶ См.: ХП-II. № 965.

⁹⁷ Дьяконов М. А. АТН. Вып. II. № 23. С. 21—22 (ХП-II. № 981).

«у них... наша жалованная грамота, что у них в те дворы не вступатись ни во что... А соловаров... и козаков и всяких соловарских людей и дворников... володимерским наместником судити не велено и не вступатись ни во что». Однако «ныне», т. е., вероятно, с 1573—1574 гг., владельческие и иммунитетные права монастыря в отношении указанных дворов начали резко нарушаться: «бояре и дьяки наши те у них козацьи дворы отымают, норовя царевичу Михаилу Кайбуловичю, чтоб им под суд ему их дати». Эти нарушения не могли иметь места раньше 1572/73 г., когда Михаил Кайбулович был поставлен во главе Земской думы. «Норовя» Михаилу Кайбуловичю, бояре проводили в 1573—1574 гг. неблагоприятную политику по отношению к крупным мужским монастырям, но политика эта, безусловно, вдохновлялась самим Иваном Грозным.

При рассмотрении грамоты 1574 г. о кирилловском селе Воскресенском мы подчеркивали, что отобрание его было ударом по весьма уязвимому месту в землевладении Кирилло-Белозерского монастыря. У Троице-Сергиева монастыря отбирались тоже те владения, права на которые отличались наименьшей бесспорностью: не села, а промыслы и дворы на посаде, т. е. места, являвшиеся в XVI в. объектами острой классовой борьбы между монастырями, с одной стороны, посадскими людьми и промысловыми корпорациями — с другой. Однако в 1575 г. отношение к Троице-Сергиеву монастырю изменилось. В грамоте 1575 г. Ивану Кореневу предписывалось, чтобы он «из дворов людей на посад выводити не велел и в дворы в соловарские и в козацьи вступатись холуйским посадским людем не велел же для троецкого обиходу и варничного дела».

Интересный материал содержат грамоты марта — апреля 1575 г., касающиеся привилегий Новодевичьего монастыря. Как мы помним, две щедрые тарханно-несудимые грамоты Новодевичий монастырь получил в 1573 г., но они относились в основном к северным территориям. Судя по апрельской грамоте 1575 г.⁹⁸, вероятно, в 1573 же году в связи с казнью М. И. Воротынского Новодевичьему монастырю был отдан нижегородский двор Воротынского, причем правительство сначала даже допустило, чтобы на этом дворе жили в дворниках «для монастырского промыслу» посадские люди с тяглых мест. Однако, несмотря на привилегированность Новодевичьего монастыря, общая линия борьбы с монастырским иммунитетом в центре в 1574 г. отразилась и на нем.

Во-первых, последовала правительственная грамота, по которой нижегородские земские целовальники взяли у монастыря посадских дворников обратно в тяглые дворы. Во-вторых, вскоре после того, как монастырь перезвал на место отнятых у него дворников трех «крестьян нижегородцов», живших, видимо, на посаде и поселивших вместо себя в оставленных ими черных дворах «иных жильцов», нижегородские целовальники стали брать

⁹⁸ Дьяконов М. А. АТН. Вып. II. № 22 (в дате — 7082 год); Кабанов А. К. С. 36. № 32 (ХП-II. № 983).

этих монастырских дворников в те черные дворы, откуда они ушли. Последнее обстоятельство показывает, что «иные жильцы» в покинутых нижегородскими крестьянами дворах оказались фикцией. Прикрепление к земле новых тягловцев было делом нелегким в условиях экономического кризиса, господствовавшего в стране (в грамоте, правда, конкретно не говорится о разорении Нижегородского уезда).

Какое же решение приняло правительство в апрельской грамоте 1575 г.? Оно видело выход из положения не в дальнейшем притеснении крупного монастыря-вотчинника, начатом нижегородскими целовальниками, а в настойчивых попытках заселить пустые посадские дворы другими тяглоспособными жильцами, что и предписывалось сделать местным властям. Дворников, которые должны были жить в монастырском дворе «для монастырского промыслу», запрещалось брать на посад в их старые дворы, «и на ям, и к земским делом». Вместе с тем правительство строго подчеркивало недопустимость увеличения числа монастырских дворников за счет «торговых людей и промысленных», «чтоб вперед всяким нашим податем убыли не было».

В грамоте имелось также следующее постановление: «А промышляли б они... (монастырские дворники.— С. К.) монастырскою казною, а с их бы есте товаров имали всякие наши пошлыны по нашим уставным грамотам и по своим розводом и по их промыслу». Таким образом, эти дворники в известном смысле продолжали рассматриваться правительством как посадские люди: в привилегированном положении находилась только та сфера их деятельности, которая составляла доходные статьи непосредственно монастыря, операции же с личной собственностью или «товаром» дворников облагались всеми пошлинами, взимаемыми с посадских людей. Подобное ограничение могло быть тесно связано с тем, что правительство резервировало за собой право снова вывести дворников на посад: царь не велел их возвращать в тяглые посадские дворы только «до своего указу». Не случайно эти лица даже не назывались в грамоте монастырскими дворниками, а фигурировали под собственными именами.

Охарактеризованная политика представляет собой крайне любопытный образец компромиссного решения острых вопросов классовой борьбы в городе, сочетавшегося с попыткой усилить финансовый нажим на посад. Ставя монастырских дворников в весьма двойственное положение, правительство частично достигало своих фискальных целей и при удовлетворении основного требования монастыря шло как будто на уступку и посадку.

Более решительно подтверждались монастырские привилегии в отношении старинных промыслов и земель Новодевичьего монастыря, находившихся не в черте города, а в сельской местности. Мартовская жалованная грамота 1575 г. Новодевичьему монастырю, касавшаяся мельницы под с. Болтином на р. Клязьме и д. Дубровки «на приезд» в Московскому уезде, показывает, что в 1574 г. и в эти монастырские владения «вступались»

местные власти⁹⁹. Прежняя жалованная грамота, которая определяла иммунитет названных объектов, «в московской пожар сгорела» и «дворцовой Тонинского села приказчик... с тое... деревни... правит на них наш посопной хлеб и всякие наши дела велит делати с нашими з дворцовыми ж крестьяны ровно». Грамота сгорела в 1571 г., следовательно, отмеченные в грамоте действия дворцового приказчика можно датировать 1572—1574 гг. Такие нарушения иммунитета особенно вероятны для 1574 г., когда борьба с монастырскими привилегиями в центре вообще приобрела довольно широкий размах. В 1575 г. правительство уже шло на уступки. Царь запретил брать в казну какие бы то ни было «доходы» с новодевичьей мельницы и деревни и не велел в них вступаться «никому» и «с тое их деревни з Дубровки их монастырского мелника с собою ни в какие тягли и к делом нашим ни х которым притягивати ни во что не велели».

Как мы видим из рассмотренных выше грамот, борьба с монастырским иммунитетом в центре в 1574 г. была направлена прежде всего к укреплению дворцового хозяйства (и троицкая и новодевичья грамоты адресовались приказчикам московских дворцовых сел, являвшимся практическими нарушителями монастырских привилегий, покровская грамота марта 1575 г. тоже имела в виду умоленную и повозную повинности в пользу дворца). Конечно, ограничение монастырского иммунитета в центре могло преследовать и более далеко идущие цели, а именно облегчение борьбы светских феодалов за рабочие руки.

Вместе с тем не следует переоценивать и степень льготности политики Ивана Грозного в отношении монастырей центра и Ополя в 1575 г. Ведь из всех перечисленных грамот 1575 г. ни одна не давала монастырям каких-либо новых привилегий. В этих документах проводилось лишь восстановление нарушенных прав монастырей. Данный вывод подтверждается наблюдением над оброчной политикой в восточном Замосковье в 1575 г. Монастыри не получали здесь оброчных держаний в изучаемое время. Вакантный оброчный объект — бортный лес и озера в Нижегородском уезде, — освободившийся после убийства «казанскими людьми» его держателя Якуша Бабеина, был передан в апреле 1575 г. нижегородцу Юшке Андрееву по просьбе последнего. Андреев брал на себя обязательство службу служить и давать ежегодный оброк в размере 2 руб. с пошлинами¹⁰⁰. Важность передачи этого объекта светскому лицу объясняется еще и военно-стратегическими соображениями. Интересной особенностью рассматриваемой оброчной грамоты является содержащееся в ней требование «служба ему государю служить», обычно не включавшееся в оброчные. Вспомнив, однако, об убийстве прежнего держателя «казанскими людьми», нетрудно понять, что территория, где находились объекты пожалования, имела серьезное обо-

⁹⁹ ГПБ. Собр. актов и грамот. № I—173 (ХП-II. № 978).

¹⁰⁰ Катаев И. М., Кабанов А. К. № I/49 (ХП-II. № 984).

ронное значение и нуждалась в заселении ее военными слугами правительства.

Уже из оброчной грамоты Андрееву вырисовывается картина запустения, усугублявшаяся в Нижегородском уезде опасным военным положением: «тот... лес бортной... до и озера стоят пусты, и не ходит их ништо, и оброку государю с того ухоежа и с озер не дает ништо, и службы не служит». Льготные грамоты 1575 г., выданные двум крупным светским феодалам — князю Ив. Гр. Нагому и княгине Аксинье Телятевской, показывают рост разорения в более близких к Москве уездах — Юрьев-Польском и Дмитровском. Хотя грамота Нагому на его юрьев-польские владения была выдана в июне¹⁰¹, а грамота Телятевской на пашню в Дмитровском уезде — в сентябре¹⁰², оба документа почти в одинаковых выражениях характеризуют причины запустения: «от лихово поветрея, от мору и от хлебново недороду». Как Нагой, так и Телятевская просили льготу, обязуясь назвать крестьян, поставить дворы, распахать пашню и огородить огороды. Нагому льгота была дана на пять лет, а Телятевской на четыре года — от основных податей: ямских и приметных денег, городского, ямчужного и засечного дел.

Эти две грамоты являются ценнейшими источниками для изучения форм борьбы за рабочие руки в центре в середине 70-х годов XVI в. Грамоты указывают, что феодалам в льготное время следует «на пусе дворы поставити и огороды огородити, и пашню розпахати, и крестьян назвати; а называти... крестьян в тое свою вотчину на лготу от оцов детей и от братьей братью, и от дядь племянников и захребетников, а не с тяглых с черных мест; а с тяглых с черных мест на лготу крестьян не называти»¹⁰³. Мы видим здесь совершенно новую постановку вопроса о перезыве крестьян. Раньше в таких случаях правительство недифференцированно подходило к понятию «крестьянин», т. е. фактически имело в виду как нетяглых людей, так и крестьян-тяглецов, пользовавшихся правом перехода в неделю до и после Юрьева дня. Теперь же правительство исходило из того факта, что крестьяне-тяглецы (дворовладельцы) вообще не должны осуществлять свое право перехода, перезываться могут только захребетники, дети и племянники, которые не включались и в писцовые книги. Это показывает большую степень закрепощенности населения центра.

Предоставление грамот Нагому (18 июня) и Телятевской (1 сентября) сопровождалось выдачей грамот Горицкому монастырю на владения в Переславль-Залесском уезде (7 июля и 15 сентября)¹⁰⁴. Вероятно, территория ближайшего к Москве восточного Замосковья (Юрьев-Польский, Переславль-Залесский, Дмитровский уезды) находилась в наиболее опасном экономическом и политическом положении именно в середине июня —

¹⁰¹ Дьяконов М. А. АТН. Вып. II. № 24. С. 22—24 (ХП-II. № 986).

¹⁰² Там же. № 25. С. 24—25 (ХП-II. № 991).

¹⁰³ Цит. по подлиннику грамоты Телятевской (ГБЛ. Акты Беляева. № I/155).

¹⁰⁴ ХП-II. № 988, 992.

начале июля и первой половине сентября 1575 г. Крупные монастыри центра в это время уже не получали иммунитетных грамот. По-видимому, после восстановления весной 1575 г. их погранных в 1572—1574 гг. прав государство не пошло им на дальнейшие уступки, желая получить побольше доходов с монастырских вотчин и боясь прикрыть монастырским иммунитетом светских феодалов, стремившихся заложиться за монастыри.

Светскими грамотчиками центральных уездов оказались близкие к Ивану IV крупные вотчинники И. Г. Нагой и А. Телятевская, на которых важно было опереться в соседних с Москвой районах, охваченных голодом и социальным брожением. Иван Григорьевич Нагой, получивший грамоту в июне 1575 г., был из того же «колена» Нагих, что и Афанасий Федорович Нагой, который играл очень крупную роль в событиях конца 1575—1576 г.— периода великого княжения Симеона Бекбулатовича и политики «удела». Можно предположить, что выдача льготной грамоты представителю рода Нагих и выдвижение А. Ф. Нагого в ряд виднейших деятелей 1575/76 г.— два взаимосвязанных факта, выражающих одну политическую тенденцию. Акимья Телятевская, получившая льготную грамоту в сентябре 1575 г., была вдовой князя Андрея Петровича Телятевского, умершего в 1569 г. А. П. Телятевский приходился племянником Василию Ивановичу Телятевскому, который, подобно А. Ф. Нагому, приобрел большой политический вес в конце 1575—1576 г.

По грамоте Телятевской легко заметить, что царь проводил льготную политику только вследствие жестокого запустения земель. С «живущего» крестьяне Телятевской обязывались «ямские и приметные деньги и за городовое, и за засечное, и за ямчужное дело, и за всякие государевы подати платити с ыными сохами ровно». Требование платить подати «с ыными сохами ровно» содержится и в заключительной части обеих грамот, характеризующей обязательства населения привилегированных вотчин после истечения льготных сроков.

На севере одним из привилегированных землевладельцев оказался Великоустюжский Михаило-Архангельский монастырь. В январе 1575 г. он получил оброчную грамоту на половину перекопного наволока в Уфтюжской волости¹⁰⁵. Грамота показывает острую борьбу монастыря с черносошными крестьянами. Из документа выясняется, что эта половина наволока принадлежала монастырю по данной грамоте крестьянина Мигужевской волости, но два других крестьянина, «ложно» бив челом, приобрели право на оброчное держание данного объекта. Вероятно, отдача половины наволока на оброк крестьянам имела место в 1574 г. и входила в общий круг мероприятий, направленных против монастырей. Право монастырской собственности в отношении половины наволока настолько ослабло, что монастырь просил воз-

¹⁰⁵ Акты Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря / Изд. В. П. Шляпиным. Великий Устюг, 1912. Ч. I. С. 158—159. № 132 (ХП-II. № 972).

вратить ему ее, обязуясь платить тот же оброк. Только при этом условии правительство и вернуло монастырю его владение, которое, таким образом, из статуса полной монастырской собственности переводилось в статус оброчного держания, т. е. неполной собственности. Значит, уступки монастырям в 1575 г. были отступлением с боем; правительство пыталось закрепить за собой некоторые завоеванные ранее позиции, особенно когда дело касалось финансовых вопросов.

В марте 1575 г. Великоустюжский Михаило-Архангельский монастырь получил льготную грамоту на шесть деревень в Сухонском стане¹⁰⁶. Эта грамота отражает стяжательскую деятельность монастыря в районе чернососного землевладения. Деревни, являвшиеся объектом пожалования, названы «монастырскими черными». Вероятно, монастырь совсем недавно захватил или приобрел их у местных крестьян. В этих шести деревнях насчитывалось всего 11 дворов, а пашня была переложной. Отсюда можно заключить, что владения сильно запустели. Может быть, именно вследствие запустения пожалованных деревень правительство укрепило монастырские права собственности на них, чтобы добиться с помощью монастыря разработки захудавших земель. В грамоте предписывалось в льготные четыре года, на которые давалось освобождение от оброка, дани, ямских денег «и всяких государевых доходов», «в деревнях дворы поставить и огородити, и пашня роспахати, и жильцов посадить неписмянных и нетяглых». Таким образом, хотя на севере борьба за рабочие руки была чрезвычайно острой, решение связанных с ней вопросов находило здесь выражение еще в старой формуле о жильцах «неписмянных и нетяглых», между тем как в грамотах на владения в центре проводились уже совершенно новые принципы, характеризующие гораздо большую прикрепленность тяглого населения к земле. По истечении льготного срока предписывалось «с тех деревень оброк государя царя и великого князя и с сох дань, и ямския, и приметныя денги, и всякие государевы доходы платить по книгам».

Другой территорией на севере, привлечшей внимание правительства в 1575 г., был Каргополь. В указной грамоте Ивана IV каргопольским данщикам, датируемой 29 января 1575 г., предписывалось обелить двор Соловецкого монастыря в Каргополе¹⁰⁷: «наших никоторых податей, и за наместнич присуд, и никоторых податей не имати». Политика благоприятствования городским владениям монастырей, которая наблюдалась в северных уездах в 1573—1574 гг., а в 1575 г. коснулась и восточного Замосковья, в 1575 г. не имела большого размаха на севере. Достаточно сказать, что соловецкой грамотой исчерпывается число иммунитетных грамот 1575 г., относящихся к городам этого района.

¹⁰⁶ Акты Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. I. С. 60. № 48 (ХП-II. № 980).

¹⁰⁷ ЦГАДА. ГКЭ. По Каргополю № 7/5914; ЛОИИ СССР. Солов. 136. Л. 413—414 об. (ХП-II. № 975).

Для Соловецкого монастыря двор в Каргополе имел значение перевалочного пункта, особенно важного при провозе, продаже и закупке товаров. Правительство, видимо, было в какой-то степени заинтересовано в оживлении монастырской торговли. Поэтому оно освободило соловецкий двор «на приезд» от уплаты денег ямских, приметных, за наместничий присуд, но, следуя принципам ограничения состава жителей монастырских дворов, разрешило жить здесь всего одному дворнику.

Известным вниманием правительства пользовались в 1575 г. земли Кольского полуострова. В условиях хозяйственного разорения освоение диких северных земель казалось правительству весьма важной задачей. В феврале 1575 г. была послана грамота старцу Феогносту о восстановлении Петропавловской церкви в Терском наволоке на р. Поное, в Поморье (Кольский полуостров)¹⁰⁸. Составление грамоты мотивировалось челобитьем лопарей этого района, которые не все успели креститься, «потому что та церковь божья запустела от сильных людей насилства». В конце грамоты понятие «сильные люди» расшифровывается как царские «данщики и... посланники»: «от сильных бы еси людей, от данщиков и от наших посланников, и от корелян, и от варзужан, и от двинян, и от иных всяких людей насилства тех лопян берег накрепко».

Смысл грамоты состоял в стремлении подчинить лопарей (при посредстве крещения) православной церкви и превратить таким образом в обычных черных тяглов. Методы взимания налогов, применявшиеся в отношении некрещеных лопарей данщиками и посланниками, вызывали возмущение местного населения, не давая, видимо, значительного эффекта и для государственной казны. Поэтому царь прежде всего обложил лопарей поборами в пользу церкви за крещение, свадебное венчание и т. п. Петропавловская церковь, по существу, становилась, вероятно, и судебно-административным центром района. В пересказе челобитья приведено пожелание «меж ими управа чинити тебе, Феогнасту». В грамоте ничего не сказано о взимании казенных налогов с лопарей, но само крещение их уже предполагало это. Следовательно, укрепление правопорядка в стране лопарей шло по линии усиления финансового и судебно-административного нажима на местное население.

В 1575 г. общий курс уступок крупным духовным корпорациям отразился и на Кирилло-Белозерском монастыре. В грамоте от 15 февраля 1575 г., посланной из Слободы на Чаронду Аргуну Захарьину¹⁰⁹, сообщалось о нарушении интересов Кирилло-Белозерского монастыря в районе р. Золотицы в «82» (1573/74 г.), когда Аргун Захарьин, описывая «пустое и живущее», отписал у Кириллова монастыря две варницы: одну — «на островку на Сатаницком», другую — «на морском берегу в Лопалохте» — и отдал

¹⁰⁸ ААЭ. Т. I. № 288; РИБ. Т. 32. № 258 (ХП-II. № 977).

¹⁰⁹ ГПБ. Собр. СПб. Д/А. № А II/48. Л. 50 об.—51.

их Соловецкому монастырю. Было ли это собственной инициативой Аргуна Захарьина или он учитывал недовольство царя старцами Кирилло-Белозерского монастыря в 1573 г., сказать трудно. Во всяком случае, такая политика в 1575 г. была расценена как «воровство» («а то варуешь, делаешь, чего тебе не веле-но»), и грамота угрожала Аргуну «великой опалой». В грамоте 1575 г. упоминалась царская жалованная грамота на купленные Кирилло-Белозерским монастырем «Никольской погост в Золотице з дворы и с варницами, и пожни, и лес на морском берегу и по рекам, и реку Золотицу со всеми угоды». Жалованная несудимая и односрочная грамота на пожни, рыбные ловли и варничные дворы в бассейне р. Золотицы была действительно выдана Кирилло-Белозерскому монастырю 26 августа 1569 г.¹¹⁰ Но в ней содержались еще и тарханные привилегии для кирилловского двора в Турчасове на посаде, о котором грамота 1575 г. не говорит ничего.

В указной грамоте от 9 июня 1575 г., адресованной в Углич и Пошехонье городовым приказчикам, отмечалось при пересказе челобитья Кирилло-Белозерского монастыря, что с монастырских владений — с. Кабанова Угличского уезда и селец Санникова, Семеновского, Тутановского, Ескина и Чижова Пошехонского уезда — крестьян берут в целовальники к денежному сбору и «наши ямские деньги и всякие подати емлете на Угличе и в Пошехонье»¹¹¹. Правительство предписало городовым приказчикам целовальников с кирилловских сел к денежному сбору не брать и ямских денег не взимать, ибо монастырь будет вносить их сам в Большой Приход. Надо сказать, что для упомянутого в грамоте сельца Санникова это не было новой льготой: именно такой порядок уплаты денег ямских (и еще приметных, о которых грамота 1575 г. молчит) устанавливался грамотами 1555¹¹² и 1556 гг.¹¹³ Значит, в отношении некоторых кирилловских владений грамота 1575 г. только восстанавливала старую привилегию, нарушенную, скорее всего, в 1572—1574 гг., когда Кирилло-Белозерский монастырь находился в опале.

15 июня 1575 г. Кирилло-Белозерский монастырь получил жалованную грамоту о невзимании царскими «посланниками» лошадей в подводы с монастырских сел и деревень Московского, Дмитровского и Углицкого уездов. Однако в случае посылки людей для постройки мостов накануне царского похода «те наши посланники к мостовому делу людей и на наши обиходы столотые запасы и конские кормы с тех их сел и деревень емлют з живущего на наш на один стан по розчету». Брать людей, запасы и кормы «с пуста» запрещалось. Неясно, к «пусту» или ко всей вотчине относилось разрешение не косить сено, не сечь и не возить

¹¹⁰ ХП-П. № 934; ср. № 929.

¹¹¹ ЛОИИ СССР. Собр., Шегрена. № 16 (ХП-П. № 985).

¹¹² Катаев И. М., Кабанов А. К. № 1/36, 1/37; Садилов П. А. Очерки. С. 422—423 (ХП-П. № 709, 710).

¹¹³ ЛОИИ СССР. Собр., Шегрена. № 10 (ХП-П. № 749).

лес: «И закосишки наши и лесовщики их крестьян наших сен косити и лесу сетчи и возити не наряжают, и прежних наших жаловальных грамот не рушат некоторыми делы»¹¹⁴.

В июне же 1575 г. было восстановлено право Успенской Андриановой пустыни на сбор пошлин с торговых людей, приезжающих торговать «на их роспаши на речке на Пертуе у живоначальные Троицы да у Ивана Богослова» в Пошехонском уезде¹¹⁵. Раньше пустынь владела этим правом за откуп в размере полтины. Хотя торг производился один раз в неделю и сюда приезжали белозерцы, вологжане, романовцы, ярославцы, угличане и иные «торговые люди», Андрианова пустынь все же недобирала таможенных пошлин на полтину: «они деи ту полтину за тамгу платят своими денгами». Убыточность таможенного откупа для монастыря была, по-видимому, связана с тем, что наиболее частые гости торгога — крестьяне соседнего дворцового села Белого — отказывались платить тамгу монастырским сборщикам: «а приезжая деи торгуют у них на торгу нашего... подклетного села... Белого крестьяне, а тамги де им своих товаров ни с каких не дают».

В грамоте 1575 г. откупной порядок отменялся, и пустынь могла собирать таможенные пошлины исключительно на свои нужды, без уплаты полтины в казну. Царь «велел им тое тамгу збирать в дом Успения Пречистые на ладон и на воск, и на вино на церковное, а откупщиком у них тое тамги откупать вперед не велел никому».

В 1574/75 и 1575 гг. льготная политика в отношении светского и монастырского землевладения проводилась в Шелонской пятине. Здесь ряд помещиков получили временное освобождение от податей для запустевших земель¹¹⁶. Была дана также льготная грамота Опоцкому монастырю на 4 1/2 выти в Шелонской пятине¹¹⁷.

Интерес правительства к восточной окраине обнаружился в самом начале 1575 г. Характерный для 1575 г. поворот имунитетной политики в сторону крупных монастырей центра проявился и здесь. Единственным грамотчиком этих мест в 1575 г. оказался Троице-Сергиев монастырь. В январе 1575 г. он получил тарханно-несудимую грамоту на целый ряд владений в Свияжском уезде, где находился приписной к нему Троицкий Свияжский монастырь¹¹⁸. Грамота отражает острую борьбу за землю в пределах недавно завоеванного Казанского ханства. Местные власти, вероятно с ведома правительства, отнимали у монастыря часть его земель для раздачи служилым людям — детям боярским и стрельцам: «И боярин... наш князь Петр Булгаков, ис Казани перелезчи

¹¹⁴ ГПБ. Собр. СПб. Д/А. № А II/47. Л. 315—316 (ХП-III. № I—458).

¹¹⁵ ЦГИА СССР. Ф. 834. Оп. 3. № 1916. Л. 477 об.—479 об. (ХП-III. № I—457).

¹¹⁶ ХП-III. № I—488, I—452, I—454, I—455, I—459.

¹¹⁷ Там же. № I—460.

¹¹⁸ *Каштанов С. М.* К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI в.: (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.) // Историография и источниковедение: Вопросы методики исследования. Казань, 1978. (Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та; Вып. 184). С. 136—142.

на Свияжскую сторону, да и те их монастырские пожни некоси... наше жалованье, у них отъимают и отдают детям боярским и стрелцом казанским»¹¹⁹. Судя по тому, что эта жалоба изложена в настоящем времени, указанное в грамоте нарушение землевладельческих прав монастыря следует отнести к 1574 г. — времени наступления на землевладельческие и иммунитетные права крупных мужских монастырей.

В грамоте 1575 г. правительство подтвердило права монастырского землевладения. Отдельные выражения, содержащиеся в рассматриваемой грамоте, показывают заинтересованность правительства в развитии помещичьего землевладения в этом районе. Так монастырь, зная установки правительства, специально отмечал в своей челобитной, что его «новопоставленные починки и конюшенные и коровьи дворцы стали на монастырской же земле, а не на помещиковых землях»¹²⁰. Любопытно и отсутствие в грамоте какого бы то ни было осуждения действий П. А. Булгакова, запрещения поступать аналогичным образом. Имеющееся в грамоте подтверждение права монастырской рыбной ловли («ловити им двема неводы по прежнему нашему указу») весьма характерно для политики 1575 г., когда страна переживала серьезные хозяйственные трудности.

Иммунитетная часть грамоты, вероятно, в значительной мере совпадала с текстом более ранней, сгоревшей в 1571 г. жалованной грамоты, выданной игумену Гурию (1553—1555 гг.) на некоторые из владений, упомянутых в жалованной грамоте 1575 г. Грамота 1575 г. освобождала от дани, ямских и приметных денег, всяких черных «проторов» и «розметов», кроме трех важнейших оборонных повинностей — городского, острожного и засечного дел. Эти крайне обременительные повинности должны были выполняться населением монастырских вотчин даже по общей уездной раскладке, «с ыными сохами вместе». Весьма категорическое постановление относительно городского, острожного и засечного дел объясняется особенно напряженным положением в пределах территории бывшего Казанского ханства, где еще в 1574 г. строились крепости против непокорных черемисов. Вспомним, что грамота 1574/75 г., касавшаяся иммунитета архиепископской слободки в Казани, предписывала слобожанам исполнять городское и острожное дела.

В этой связи большой интерес представляет несудимый раздел рассматриваемой грамоты 1575 г. Прежде всего в нем оригинально сформулирована традиционная статья, определяющая объем сеньориальной юрисдикции. Грамота указывала, что бояре и воеводы или наместники, волостели и их тиуны Свияжского, Казанского и Чебоксарского города, и приказные люди всех понизовских городов монастырских слуг и крестьян «не судят ни в чем, опричь татбы и розбоя с поличным». «Розбой с поличным» — это

¹¹⁹ Там же. С. 137.

¹²⁰ Там же. С. 139.

одна из наиболее опасных форм «розбоя», упоминание о которой является свидетельством остроты социальных противоречий в данном районе. Но еще интереснее исключение душегубства из ведомства всех перечисленных представителей местной власти. Вряд ли это случайный пропуск в тексте. Сомнительно также, чтобы душегубство передавалось в сферу монастырского суда. Скорее всего, надо предположить наличие в Казанско-Свияжском районе новых органов по борьбе с душегубством, типа губных учреждений.

Весьма многозначительна оговорка, сделанная в статье о невъезде в монастырскую вотчину доводчиков и праведчиков: «кроме наших имянных дел». Та же оговорка имеется в статье о вызове монастырских властей, приказчиков и крестьян в царский суд по исковым делам только один раз в году — «кроме нашего именного дела». Эта формула является совершенно новой для жалованных грамот. В срочном разделе грамоты 1575 г. она стоит на месте формулы, вводившей аналогичную оговорку в отношении лихих людей, татей и разбойников. Можно полагать, что новая формула служила определенным эквивалентом редкой формулы о лихих людях, татях и разбойниках, включавшейся в жалованные грамоты с 20-х годов XVI в. и всегда означавшей резкое обострение классовой борьбы в тех районах, на которые выдавалась грамота¹²¹.

В иммунитетной политике 1575 г., проводившейся правительством на южной окраине, наблюдается характерное еще для 1573 г. сочетание интереса к Рязанской земле и к Астрахани. В районе Рязани неизменным вниманием Ивана IV с 1570 г. пользовался Солотчинский монастырь. Вероятно, правительство установило с ним известный контакт, вследствие того что в условиях частых крымских набегов он имел значение укрепленной крепости на подступах к Московской земле и принимал участие в мобилизации сил, содействовавших охране южных границ. Впрочем, и он не получал новых иммунитетных прав. Правительство только несколько ограничивало произвол своих местных агентов, которые, пользуясь людскими ресурсами монастыря как учреждения, возможно менее разоренного по сравнению с другими соседними феодалами, часто попирали его интересы. Сохранилась одна грамота 1575 г. (июня) о невзимании ямских охотников с сох Солотчинского монастыря¹²². Она весьма интересна тем, что показывает, как ухудшение экономического положения в стране приводило не к ослаблению, а к усилению финансового гнета. Оказывается, в 1568/69 и 1569/70 гг. с вотчин Солотчинского монастыря было взято по человеку с сохи, а «после... мору и татарские войны», в 1572/73 г. — по два человека с сохи. Вероятнее всего, это объясняется сокращением числа платежеспособных монастырских сох за счет «пуста», так как грамота подчеркивает, что в 1572/73 г. ямских охотников собирали «с живущего», которого осталось толь-

¹²¹ Каптанов С. М. История. С. 272.

¹²² РИБ. Т. 2. № 240. Стб. 1028—1029 (XII-II. № 987).

ко 2 сохи. Следовательно, запустение приводило к резкому увеличению окладов налоговых сборов и натуральных повинностей «с живущего».

Вместе с тем рассматриваемое известие подтверждает наш вывод о 1572/73 г. как времени политики, неблагоприятной для крупных мужских монастырей. В 1575 г. правительство запретило рязанскому осадчику взимать с Солотчинского монастыря дополнительных охотников — на другой ям — и предписало не требовать ямских охотников «с пуста». Но очень показательно концовка грамоты, исключающая возможность каких-либо поблажек в пользу монастыря: «А в избылых бы у тебя ниhto не был, чтоб нашим посланником и гонцомь за подводами мотчанья не было».

В грамотах, касающихся других рязанских феодалов, иммунитетные постановления отсутствуют. В 1574/75 г. было велено выделить двор в г. Рязске для десятильников рязанского епископа Леонида¹²³. В указной грамоте от 25 июня 1575 г., посланной на Рязань городовому приказчику Ивану Тютчеву, предписывалось дать землю с. Волкова в поместье Александру Ляпунову, Григорию, Юшке и Гавриле Остафьевым детям Лашина¹²⁴.

Как и в 1573 г., наряду с территорией бывшего Казанского ханства правительство проявило интерес к территории другого присоединенного в 50-х годах ханства — Астраханского. Грамоты на казанские и астраханские земли были выданы в 1575 г. почти одновременно (казанская — в конце января, астраханская — в начале февраля). Кроме времени выдачи, казанскую и астраханскую жалованные грамоты 1575 г. сближает своеобразие несудимых разделов. Если казанская грамота оперирует понятием царского «именного дела», то астраханская грамота говорит о душегубстве, разбое и татьбе, прилагая к последней (или последним?) тоже особую характеристику — «ведомые доведенные с поличным». Очевидно, «именное» и «ведомое» дела — близкие между собой понятия. Акцент, сделанный на них в жалованных грамотах начала 1575 г., которые касались территории присоединенных татарских ханств, свидетельствует о значительном обострении здесь социальной борьбы в это время, когда внутренние неурядицы усугублялись угрозой отпадения татарских областей под натиском Крыма.

Грамотчиком 1575 г. в Астрахани оказался тот же Астраханский Троицкий монастырь, который получил несудимую грамоту в 1573 г. Астраханский Троицкий монастырь, основанный по указу Ивана IV старцем Кириллом в 1567/68 г., являлся важным опорным пунктом правительства в Астраханской земле. По основании ему была назначена денежная и хлебная руга, дана рыбная ловля на Волге — остров Чюрка и Колкомановский учуг¹²⁵.

¹²³ ХП-III. № I—450.

¹²⁴ Гос. архив Калининской обл. Ф. 103 (Тверская ученая архивная комиссия). № 2086 Л. 1 (указал В. А. Кучкин).

¹²⁵ Учуг (*тюрк.* ucug — нить) — преграда с сетями, устанавливаемая поперек реки для ловли рыбы.

Но «того же году» астраханские воеводы и дьяки отобрали у него остров Чюрку и Колкомановский учуг, аннулировали право на получение руги, взамен которой дали два учуга — Иванчюк и Бурунтай («с морскими устьи» и угодыями), находившиеся на оброке за местными татарами¹²⁶. Очевидно, астраханские власти произвели указанную замену с санкции правительства, ибо грамота 1573 г., выданная по челобитью игумена, не высказывается на этот счет и только констатирует как официальное положение тот факт, что «опроче... тех дву учюгов, нашего денежного жалованья и хлебного ему... не идет ничего»¹²⁷.

Не вполне ясно, в оброчное или безоброчное владение получил монастырь учуги¹²⁸, но если даже он приобрел их в безоброчное пользование, правительству было выгодно заменить ругу учугами, потому что размер руги (19 руб., 51 четверть муки, 51 четверть овса) примерно в три раза превосходил размер оброка с двух учюгов (7 руб. 4 алтына). Кроме того, это имело и важное политическое значение, так как расширяло землевладение православного монастыря в Астраханском крае за счет сокращения экономических позиций астраханских татар.

Согласно монастырскому челобитью, изложенному в грамоте 1575 г., астраханские воеводы и дьяки «порудили» грамоту 1573 г., которая предоставляла монастырю судебный иммунитет «опричь душегубства и розбоя и татбы с поличным» и устанавливала два срока вызова в суд по исковым делам. Свидетельство грамоты 1575 г. входит в общий круг известий о нарушении монастырских привилегий в 1574 г. Однако в отличие от большинства грамот 1575 г. астраханская грамота не просто восстанавливала поправные права и привилегии, но и значительно их увеличивала.

Во-первых, грамота расширяла монастырское землевладение, возвращая монастырю отобранные у него около 1567/68 г. остров Чюрку и Колкомановский учуг¹²⁹. Во-вторых, создавались благоприятные условия для торговой деятельности монастыря. Монастырь получил право бестаможенной и беззьявочной торговли солью, рыбой и «всяким товаром», провозимым в одном судне Волгою от Астрахани до Ярославля и оттуда Окою до Калуги. Астраханские воеводы и дьяки по царскому указу должны были

¹²⁶ АИ. Т. I, № 193 (ХП-II. № 976).

¹²⁷ АИ. Т. I, № 184 (ХП-II. № 955).

¹²⁸ Говоря об отдаче учюгов монастырю в 1567/68 г., грамота 1575 г. указывает: «А оброку де с тех учюжков шло в нашу казну на год по семи рублев и по четыре алтыны» (АИ. Т. I, № 193). Пожалуй, эта фраза характеризует положение до 1567/68 г., когда учужки были «за» астраханскими татарами, тем более что, судя по грамоте 1573 г., игумен производил монастырские постройки, организовывал монастырское общежитие и вотчинное хозяйство на деньги, поступавшие от доходов «с нашего жалованья, с дву учюгов рыбных» (Там же. № 184).

¹²⁹ Может быть, при этом, правда, учужки Иванчюк и Бурунтай снова возвращались в статус оброчного держания. Грамота 1575 г. настойчиво подчеркивает, что они должны находиться «за» монастырем, «как были за прежними татарами». Но, возможно, приведенное выражение относится только к границам и размерам объектов пожалования.

ко 2 сохи. Следовательно, запустение приводило к резкому увеличению окладов налоговых сборов и натуральных повинностей «с живущего».

Вместе с тем рассматриваемое известие подтверждает наш вывод о 1572/73 г. как времени политики, неблагоприятной для крупных мужских монастырей. В 1575 г. правительство запретило рязанскому осадчику взимать с Солотчинского монастыря дополнительных охотников — на другой ям — и предписало не требовать ямских охотников «с пуста». Но очень показательна концовка грамоты, исключающая возможность каких-либо поблажек в пользу монастыря: «А в избылых бы у тебя ниhto не был, чтоб нашим посланником и гонцомь за подводами мотчанья не было».

В грамотах, касающихся других рязанских феодалов, иммунитетные постановления отсутствуют. В 1574/75 г. было велено выделить двор в г. Рязске для десятильников рязанского епископа Леонида¹²³. В указной грамоте от 25 июня 1575 г., посланной на Рязань городовому приказчику Ивану Тютчеву, предписывалось дать землю с. Волкова в поместье Александру Ляпунову, Григорию, Юшке и Гавриле Остафьевым детям Лашина¹²⁴.

Как и в 1573 г., наряду с территорией бывшего Казанского ханства правительство проявило интерес к территории другого присоединенного в 50-х годах ханства — Астраханского. Грамоты на казанские и астраханские земли были выданы в 1575 г. почти одновременно (казанская — в конце января, астраханская — в начале февраля). Кроме времени выдачи, казанскую и астраханскую жалованные грамоты 1575 г. сближает своеобразие несудимых разделов. Если казанская грамота оперирует понятием царского «именного дела», то астраханская грамота говорит о душегубстве, разбое и татьбе, прилагая к последней (или последним?) тоже особую характеристику — «ведомые доведенные с поличным». Очевидно, «именное» и «ведомое» дела — близкие между собой понятия. Акцент, сделанный на них в жалованных грамотах начала 1575 г., которые касались территории присоединенных татарских ханств, свидетельствует о значительном обострении здесь социальной борьбы в это время, когда внутренние неурядицы усугублялись угрозой отпадения татарских областей под натиском Крыма.

Грамотчиком 1575 г. в Астрахани оказался тот же Астраханский Троицкий монастырь, который получил несудимую грамоту в 1573 г. Астраханский Троицкий монастырь, основанный по указу Ивана IV старцем Кириллом в 1567/68 г., являлся важным опорным пунктом правительства в Астраханской земле. По основании ему была назначена денежная и хлебная руга, дана рыбная ловля на Волге — остров Чюрка и Колкомановский учуг¹²⁵.

¹²³ XII-III. № I—450.

¹²⁴ Гос. архив Калининской обл. Ф. 103 (Тверская ученая архивная комиссия). № 2086 Л. 1 (указал В. А. Кучкин).

¹²⁵ Учуг (тюрк. *uçuğ* — нить) — преграда с сетями, устанавливаемая поперек реки для ловли рыбы.

Но «того же году» астраханские воеводы и дьяки отобрали у него остров Чюрку и Колкомановский учуг, аннулировали право на получение руги, взамен которой дали два учуга — Иванчюк и Бурунтай («с морскими устьи» и угодьями), находившиеся на оброке за местными татарами¹²⁶. Очевидно, астраханские власти произвели указанную замену с санкции правительства, ибо грамота 1573 г., выданная по челобитью игумена, не высказывается на этот счет и только констатирует как официальное положение тот факт, что «опроче... тех дву учугов, нашего денежного жалованья и хлебного ему... не идет ничего»¹²⁷.

Не вполне ясно, в оброчное или безоброчное владение получил монастырь учуги¹²⁸, но если даже он приобрел их в безоброчное пользование, правительству было выгодно заменить ругу учугами, потому что размер руги (19 руб., 51 четверть муки, 51 четверть овса) примерно в три раза превосходил размер оброка с двух учугов (7 руб. 4 алтына). Кроме того, это имело и важное политическое значение, так как расширяло землевладение православного монастыря в Астраханском крае за счет сокращения экономических позиций астраханских татар.

Согласно монастырскому челобитью, изложенному в грамоте 1575 г., астраханские воеводы и дьяки «порудили» грамоту 1573 г., которая предоставляла монастырю судебный иммунитет «опричь душегубства и розбоя и татбы с поличным» и устанавливала два срока вызова в суд по исковым делам. Свидетельство грамоты 1575 г. входит в общий круг известий о нарушении монастырских привилегий в 1574 г. Однако в отличие от большинства грамот 1575 г. астраханская грамота не просто восстанавливала поправные права и привилегии, но и значительно их увеличивала.

Во-первых, грамота расширяла монастырское землевладение, возвращая монастырю отобранные у него около 1567/68 г. остров Чюрку и Колкомановский учуг¹²⁹. Во-вторых, создавались благоприятные условия для торговой деятельности монастыря. Монастырь получил право бестаможенной и безъявочной торговли солью, рыбой и «всяким товаром», провозимым в одном судне Волгою от Астрахани до Ярославля и оттуда Окою до Калуги. Астраханские воеводы и дьяки по царскому указу должны были

¹²⁶ АИ. Т. I. № 193 (ХП-II. № 976).

¹²⁷ АИ. Т. I. № 184 (ХП-II. № 955).

¹²⁸ Говоря об отдаче учугов монастырю в 1567/68 г., грамота 1575 г. указывает: «А оброку де с тех учужков шло в нашу казну на год по семи рублев и по четыре алтыны» (АИ. Т. I. № 193). Пожалуй, эта фраза характеризует положение до 1567/68 г., когда учужки были «за» астраханскими татарами, тем более что, судя по грамоте 1573 г., игумен производил монастырские постройки, организовывал монастырское общежитие и вотчинное хозяйство на деньги, поступающие от доходов «с нашего жалованья, с дву учугов рыбных» (Там же. № 184).

¹²⁹ Может быть, при этом, правда, учужки Иванчюк и Бурунтай снова возвращались в статус оброчного держания. Грамота 1575 г. настойчиво подчеркивает, что они должны находиться «за» монастырем, «как были за прежними татарами». Но, возможно, приведенное выражение относится только к границам и размерам объектов пожалования.

дать монастырю место под лавку в астраханских торговых рядах, которая освобождалась от обложения таможенными пошлинами при купле и продаже товара «для монастырского годового обиходу», но операции с «большим товаром» подлежали таможенному обложению. Несмотря на регламентацию монастырской беспошлинной торговли (размерами транспорта и торговых операций — лишь в соответствии с интересами «монастырского обихода»), перед монастырем открывалась довольно широкая перспектива обогащения.

Наконец, число сроков вызова в суд по исковым делам сокращалось до одного (в грамоте 1573 г. устанавливались два срока). Это должно было способствовать более прочному прикреплению к земле монастырских крестьян и существенно укрепляло судебный иммунитет монастыря, хотя объем внутривотчинной юрисдикции оставался прежним¹³⁰.

Рассмотренный материал приводит нас к выводу, что в конце 1572 и 1573 г. финансовый иммунитет большинства духовных феодалов, особенно крупных мужских монастырей центра, переживал состояние кризиса. Новые привилегии предоставлялись скупой, местные агенты правительства часто покушались на монастырские земли и стремились разрушить их податную изолированность. В исключительно благоприятном положении находился в 1573 г. только Московский Новодевичий монастырь. Постепенное изменение отрицательного отношения к крупным мужским монастырям наблюдается уже в 1573/74 и 1574 гг. (грамоты о праве Кирилло-Белозерского монастыря не платить подати «с пуста»). В 1575 г. резко возрастает количество грамот, освобождающих монастыри от податей и тех или иных повинностей. В число привилегированных корпораций вновь входят Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Новодевичий, Покровский Суздальский, Соловецкий монастыри. Правда, никаких царских грамот в это время не получили Иосифо-Волоколамский и Симонов монастыри.

Основной смысл жалованных грамот 1575 г. сводился к попыткам правительства поставить проводившуюся в условиях хозяйственного разорения борьбу феодалов за земли, промыслы и рабочие руки на службу интересам казны. Отсюда особенное внимание к монастырским дворам и промыслам, к слабо освоенным, «диким» землям в отдаленных районах юга, востока и севера при общем усилении крепостного права в центре. Отсюда и значительная скупость в предоставлении новых прав и льгот, скорее возвращение старого (часто в урезанном виде), чем пожалование нового.

В 1574/75 и 1575 гг. можно отметить рост внимания к территориям, составившим в конце 1575 и 1576 г. «удел» Ивана IV (Дмитров, Шелонская пятина и др.).

¹³⁰ Правительство не учло содержавшуюся в челобитной монастыря просьбу, чтобы местные власти не судили и не ведали монастырских старцев, слуг и людей «ни в чем».

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕНИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕНИЯ СИМЕОНА И УДЕЛА ИВАНА IV

30 октября 1575 г. Иван IV обратился с челобитной к «великому князю всеа Русии» Симеону Бекбулатовичу, в которой называл себя князем Иваном Васильевичем Московским¹. Первоначальный состав удела Ивана Московского выясняется из указной грамоты Ивана IV на Двину от 19 ноября 1575 г. Иван IV выступает здесь с титулом «государя... Московского и Псковского и Ростовского»². В грамоте сказано, что «нынечи Двина обе половины, весь Двинской уезд... поместили есмь к собе в удел»³. По содержащемуся в этой же грамоте распоряжению относительно правил описания Устюжского уезда⁴ можно думать, что и Устюг вошел в удел Ивана IV.

Грамота от 19 ноября 1575 г. ярко характеризует финансовые аспекты политики удела. Иван IV потребовал неукоснительно собрать с Двинского уезда и доставить в Москву на Николин день осенний, 6 декабря, т. е. практически немедленно, большую сумму — 4839 руб. 31 алтын 4 деньги. Заметно ослабла в это время и практика выдачи грамот, освобождающих от уплаты налогов.

По весьма незначительному количеству грамот, касающихся финансовых вопросов, период правления Симеона Бекбулатовича (1575/76 г.) резко отличается как от предшествующего 1574/75 г., так и от последующего 1576/77 г. 14 марта 1576 г. Симеон послал указную грамоту шуйскому городовому приказчику о невзимании

¹ ПИГ. С. 372—373. О княжении Симеона Бекбулатовича см.: *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси» // Ист. арх. 1959. № 2; *Он же.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопр. историн. 1967. № 5; *Каштанов С. М.* О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Тр. МГИИ. М., 1961. Т. 16; *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. IV. (Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та; Вып. 80); *Он же.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 24—43; *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 22—39; *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977.

² *Шmidt С. О.* Неизвестные документы XVI в. // Ист. арх. 1961. № 4. С. 155.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 156.

лишних податей с поместья В. Каблукова⁵. 27 марта 1576 г. Симеоном была выдана грамота, содержащая аналогичное постановление в отношении поместья Ив. Ив. Любовникова в Унженском стане Муромского уезда⁶. В указной грамоте Симеона от 2 апреля 1576 г. белозерскому городовому приказчику предписывалось не привлекать крестьян Кирилло-Белозерского монастыря к исполнению ямчужной повинности⁷. Известны также две послушные грамоты Симеона Бекбулатовича: января 1576 г. — на деревни князя Д. И. Засекина в Ильмехотском стане Владимирского уезда⁸; от 9 февраля 1576 г. — на часть д. Просек Степана Меркулова в Чернском стане Мценского уезда⁹.

К отмеченным послушным грамотам примыкают две ввозные грамоты помещикам на земли в Обонежской пятине, которые были выданы по приказу Симеона: одна — вскоре после 29 марта 1576 г.¹⁰, другая — 18 июля 1576 г.¹¹ 7 июня 1576 г. «по... наказу» Симеона «государев (т. е. Симеона. — С. К.) посланник» Василий Никифоров продал Климу Леонтьеву сыну Юрюпина «немецкой двор Ивановской Агафонова» с хоромами и огородом в Костроме на посаде, а деньги взял «государю в казну»¹². Б. Н. Морозов обнаружил в ЦГАДА список XVII в. жалованной тарханной грамоты Симеона Бекбулатовича Суздальскому Александру девичьему монастырю. Грамота не имеет конца и поэтому лишена даты¹³.

Во всех перечисленных документах Симеон Бекбулатович называется великим князем всея Руси.

В разрядах 7084 г. указано, что князю Ивану Васильевичу и его сыну князю Ивану Ивановичу Московским следует стоять в Калуге, и далее сообщается: «А с ними на берегу великого князя Симеона Бекбулатовича всея Руси бояре и воеводы на берегу по полком...» Предыдущий текст датирован «зимую» 7084 г.¹⁴ Значит, приведенная роспись относится, скорее всего, к весне 1576 г. Действительно, опубликованная В. И. Корецким выдержка из разрядов, касающаяся калужского стояния Ивана IV, помечена 28 апреля 1576 г.¹⁵

Последующая история взаимоотношений между Иваном IV и Симеоном отражена в переписке, содержащейся в местническом деле Василия Зюзина с окольничим Федором Нагим. Эта перепис-

⁵ АИ. Т. I. № 195 (ХП-II. № 994).

⁶ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 472 (ХП-II. № 996).

⁷ РИБ. Т. 32. № 261 (ХП-II. № 997).

⁸ ЦГАДА. ГКЭ. По Владимиру № 62/1839; ААЭ. Т. I. № 290.

⁹ Полевой Н. Русская вивлиофика. М., 1833. Т. I. С. 201—203 (в тексте публикации опечатка: «7087» вместо «7084»; сам издатель в заголовке правильно датирует грамоту 1576 г.).

¹⁰ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона. С. 154—155.

¹¹ Там же. С. 155.

¹² Садилов П. А. Из истории. С. 278. № 69.

¹³ Морозов Б. Н. Жалованная грамота Симеона Бекбулатовича // Сов. арх. 1977. № 2. С. 89.

¹⁴ ДРВ. 2-е изд. Ч. XIV. С. 292, 293.

¹⁵ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона. С. 151.

ка датируется маем—июнем 1576 г. 25 мая 1576 г. «государь князь Иван Васильевич Московской» распорядился о доставке ему в Старицу жалованной грамоты Ивана Ивановича Молодого на тверскую вотчину Афанасия Шетнева и галицкого доходного списка на кормление А. И. Шетневу и М. В. Тучкову¹⁶. Того же числа и по тому же вопросу из Старицы была послана грамота «от князя Ивана Васильевича Московского, великого князя Семиона Бекбулатовича всеа Русии Петру Ивановичу Шетневу»¹⁷. 29 мая из Старицы от имени тех же, с теми же титулами, по тому же вопросу была направлена грамота дьяку Андрею Шелкалову¹⁸. Наконец, 2 июня Андрей Шелкалов получил грамоту с предписанием сделать выписку из разрядов по местническому делу П. И. Шетнева¹⁹. В этой грамоте содержалось точно такое же определение титулов Ивана IV и Симеона Бекбулатовича, как и в двух предшествующих грамотах, но откуда была послана грамота, из Старицы или из другого города, неясно, так как место выдачи в ней не указано.

Отметим теперь время и место выдачи жалованных грамот Ивана IV изучаемого периода.

С 1 декабря 1575 по 31 октября 1576 г. Троице-Сергиев монастырь получил пять жалованных грамот. Они касались исключительно Казанского края и были выданы в Москве (1 декабря 1575 г.²⁰, 15 марта²¹, 15 мая²², сентября²³, 31 октября 1576 г.²⁴). Имеется также одна неточно датированная грамота Ивана IV 7084 г. (сентября 1575 — августа 1576 г.), выданная в Москве Троице-Сергиеву монастырю (на рыбные ловли в Свияжском уезде)²⁵. К этому же отрезку времени относится грамота Свияжскому Богородицкому монастырю на д. Бритвину, которая известна лишь по упоминанию в описи 1615 г.²⁶

Во всех троицких актах 1575 — 1576 гг. Иван IV назван царем и великим князем всеа Руси, а в грамоте декабря 1575 г. к этому титулу присоединена торжественная преамбула «Божиею милостию». В невместной грамоте от 29 декабря 1575 г., касающейся службы воеводы Ждана Ивановича Квашнина и Лобана Бутурлина в районе г. Салача²⁷ (на «Немецкой украине»²⁸), Иван IV

¹⁶ РИС. Т. V. С. 7—8; ср.: АСЭИ. Т. III. № 180, 250, 251.

¹⁷ РИС. Т. V. С. 8—9.

¹⁸ Там же. С. 9; *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 469.

¹⁹ РИС. Т. V. С. 20.

²⁰ АИ. Т. I. № 194 (ХП-II. № 993).

²¹ ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 111 об.—112 об.; Кн. 526. Л. 27 об.—29; Книги 527—529. № 333 (ХП-II. № 995).

²² ХП-II. № 998.

²³ ГБЛ. Акты Беляева. № I—157 (ХП-II. № 1000).

²⁴ Там же. Тр. кн. 519. Л. 99 об.—101 об.; Кн. 526. Л. 34 об.—36 об. (ХП-II. № 1002).

²⁵ ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 113 об.—144 об.; Кн. 526. Л. 2—3 (ХП-II. № 990).

²⁶ ХП-III. № I—463.

²⁷ *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 469; Прил. С. 11—12; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. II, ч. II. С. 390—391.

²⁸ В разрядах 1576 г. Салач упоминается между Перновом и Перколом (ДРВ. 2-е изд. Ч. XIV. С. 333), Перновом и Копорьем (Там же. С. 317).

также выступает с титулом царя и великого князя всея Руси. Царем и великим князем титулуется Иван IV в посланной 2 сентября 1576 г. из Москвы в Новгород грамоте о расследовании жалобы Вяжицкого монастыря на Соловецкий монастырь по вопросам, связанным с совместным пользованием доходными рыбными ловлями «за Онегом у моря на реке на Выгу»²⁹.

В сентябре 1576 г. уже и в разрядах Иван IV назван царем и великим князем всея Руси, а его сын Иван Иванович — царевичем³⁰.

Кроме сохранившихся иммунитетных грамот, выданных Иваном IV в конце 1575—1576 г. (до ноября), имеются два упоминания о грамотах Ивана IV, которые относятся к изучаемому времени. В жалованной грамоте Ивана IV 1578 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю говорится, что в 7084 г., «как есмя в уделе были», монастырь получил тарханную грамоту на свои села Дмитровского и Старицкого уездов³¹. Апрельская указная грамота Симеона на Белоозеро о привилегиях Кирилло-Белозерского монастыря утверждает, что «их князь Иван Васильевич Московский пожаловал, оторханил Кирилова монастыря вотчину ото всяких податей»³². Нам неизвестно никаких ближайших по времени общих тарханных грамот Кирилло-Белозерскому монастырю 60-х — первой половины 70-х годов, которые могли бы тут иметься в виду. Вряд ли эта грамота была выдана до начала великого княжения Симеона, так как, вероятнее всего, указная грамота Симеона просто повторяет титул Ивана IV, употребленный в упоминаемой тарханной грамоте. Возможно, и в удельной грамоте Ивана IV Иосифо-Волоколамскому монастырю Иван IV назывался только князем Московским. Думаем, не случайно обе эти грамоты не сохранились. По-видимому, еще при Грозном, может быть, вскоре после смещения Симеона, они были изъяты правительством из монастырских хранилищ и уничтожены как документы, дававшие материал для сомнений в царском достоинстве московского государя. Так же не случайно не сохранился и подлинник челобитной Ивана IV Симеону Бекбулатовичу³³.

То, что в уездах Северо-Восточной Руси (Старица, Белоозеро) Иван IV фигурировал в первой половине 1576 г. в качестве князя Московского, подтверждается грамотой ростовско-ярославского архиепископа Ионы от 27 июня 1576 г. церкви «государевых, благоверного князя Ивана Васильевича Московского» крестьян Суярской волости³⁴ (Суярская волость находилась, видимо, в районе нынешнего поселения Суры, расположенного между Холмогорами и Устюгом).

²⁹ РИБ. Т. 32. № 269 (ХП-П. № 1001).

³⁰ ДРВ. 2-е изд. Ч. XIV. С. 318; ср.: Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II, ч. II. С. 408.

³¹ АФЗХ. Ч. II. № 367 (ХП-П. № 1049).

³² ААЭ. Т. I. № 292; РИБ. Т. 32. № 261 (ХП-П. № 997).

³³ ЦГАДА. Госархив. Разряд XXVII. № 12; РИБ. Т. 22. № XI. Стб. 76—77; ПИГ. С. 372—373.

³⁴ ААЭ. Т. I. № 294; РИБ. Т. 32. № 266.

Проследим развитие внутренней политики с осени 1575 до осени 1576 г.

Судя по октябрьской челобитной Ивана IV, предполагалось, что только помещики, избранные Иваном, потеряют свои поместья на территории Симеона и получают новые поместья в уделе; вотчинники же, которых Иван IV назначит служить в уделе, сохраняют свои вотчины в пределах территории, поступавшей в ведение Симеона, и, следовательно, не получают земли в уделе Ивана IV. Таким образом, многочисленные вотчинники, состоявшие на службе у Ивана, должны были целиком сохранить свои экономические позиции в «великом княжестве» Симеона, а этим Симеон ставился в теснейшую политическую зависимость от царя.

Декабрьские документы 1575 г. показывают значительную активность Ивана IV как в области внутренней политики, так и в сфере военного руководства. Никаких данных о реальном вступлении Симеона в великокняжеские права в ноябре—декабре 1575 г. у нас нет. С декабря 1575 г. Иван IV возобновил установленный еще в первой половине 1575 г. (см. гл. IX) политический контакт с крупнейшим духовным феодалом страны — Троице-Сергиевым монастырем. 1 декабря 1575 г. Троицкий монастырь получил жалованную грамоту от Ивана IV, в которой последний выступает с подчеркнуто пышным титулом «божиею милостию» царя и великого князя всея Руси. Очевидно, не зря именно в этой жалованной грамоте, хронологически наиболее близкой к челобитной Ивана IV Симеону, Иван счел нужным особо отметить божественность своего права царской власти (формула «божиею милостию» совершенно нетипична для жалованных грамот 60—70-х годов XVI в.). Документ ясно давал понять, во всяком случае виднейшему феодалу-землевладельцу и влиятельнейшему религиозно-идеологическому центру страны, что вся полнота верховной власти остается в руках Ивана, «божиею милостию» царя и великого князя всея Руси. Грамота разрешала Троицкому монастырю взимать пятенную пошлину с продажи ногойских лошадей в Казани и на Свияге, а также с продажи русских лошадей³⁵. Грамота 1575 г. не только подтверждала старую привилегию, полученную монастырем еще в 1553 г.³⁶, но и прибавляла к ней новые права: в грамотах 1553 г. ничего не говорилось о взимании пошлин на Свияге и о продаже русских лошадей.

Заботясь об укреплении западного фронта, Иван IV послал 29 декабря 1575 г. невместную грамоту воеводе Ждану Ивановичу Квашнину с требованием, чтобы тот отложил свои местнические споры с воеводой Лобаном Бутурлиным до окончания службы и по-

³⁵ АИ. Т. I. № 194 (ХП-II. № 993).

³⁶ Каштанов С. М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае: (Документы) // Из истории Татарии. Казань. 1973. Сб. V. (Учен. зап. Казан.) гос. пед. ин-та; Вып. 116). С. 18—21. № 3—4.

могал г. Салачу (на «Немецкой украине») «для нашего дела и земского»³⁷

История раздела территории между Иваном IV и Симеоном Бекбулатовичем до сих пор остается неясной. Уже в январе 1576 г. Симеон Бекбулатович ведал Владимирским уездом. Он выдал послушную грамоту на владение князя Данилы Ивановича Засекина в Ильмехотском стане³⁸. В грамоте сказано: «Пожаловал есми теми деревнями князя Данила Ивановича Засекина в вотчину против его ярославские вотчины, что у него взято з городом с Ярославлем вместе». Слова «что у него взято з городом с Ярославлем вместе» могут служить намеком на взятие Ярославля в удел Ивана IV³⁹. Это предположение подтверждается некоторыми косвенными данными. Во-первых, как отмечалось выше, еще до апреля 1576 г. «князь Иван Васильевич Московской пожаловал, оторханил Кирилова монастыря вотчину»⁴⁰, значит, Белоозеро первоначально вошло в удел; во-вторых, Суряжская волость, находившаяся в ярославско-белозерской архиепископии, считалась в июне 1576 г. в ведении «князя Московского» Ивана⁴¹. Таким образом, можно предполагать, что в самом начале 1576 г. вся ростовская и ярославско-белозерская епархия была включена в удел Ивана IV.

Если возвышение Спасского Ярославского монастыря в 1573—1574 гг. явилось новой формой нейтрализации сепаратизма ярославских княжат после ликвидации опричнины, то включение Ярославля в удел в 1576 г. означало прямое возобновление выделения крупных ярославских княжат из их родовых вотчин. Д. И. Засекин, очевидно, не без ведома Ивана IV оказался «под рукой» татарского царевича и был наделен землей в уезде, никогда не отдававшемся в удел. Служба Симеону и поселение в более «централизованном» районе в корне подрывали те формы политической независимости, которыми Засекин еще мог бы пользоваться в Ярославском уезде.

Наделение Засекина землями именно в Ильмехотском стане соответствовало целям Ивана IV, имевшего здесь надежных приверженцев в лице привилегированных бобровников Ильмехотского стана, чье соседство было неблагоприятно для распространения сепаратистских тенденций в среде местных землевладельцев. Но изоляция Засекина устраивала и Симеона, надеявшегося усилить

³⁷ Лихачев Н. П. Указ. соч. С. 469; Прил. С. 11—12; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II, ч. II. С. 390—391.

³⁸ ААЭ. Т. I. № 290.

³⁹ Некоторыми исследователями это выражение воспринималось как свидетельство о взятии Ярославля в опричнину. А. А. Зимин склонялся к нашему допущению, что здесь имеются в виду события рубежа 1575—1576 гг. (Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 318, примеч. 2). С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский считают нуждающимся в дополнительной аргументации мнение о вхождении Ярославля в удел в 1575/76 г. (Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 155).

⁴⁰ ААЭ. Т. I. № 292.

⁴¹ Там же. № 294.

в этих условиях личную зависимость от него перемещенного князя. Предоставление в вотчину Засекину бывшего поместья турка Янова, возможно взятого Иваном IV к себе на службу для того, чтобы Симеон не сделал из своего бывшего единоверца особо преданного вассала, отвечало интересам Ивана IV, так как вотчинник, поселенный на поместной земле, не находил на ней традиций иммунитетной автономии в том объеме, в каком они могли сохраняться в вотчинах⁴².

Еще до 29 марта 1576 г. Иван IV выслал ряд детей боярских «из Зубцова и из Ржевы», которые, следовательно, входили в его удел. Симеон должен был испомещать их на землях, оставшихся после взятия в удел других служилых людей⁴³.

Таким образом, если Иван IV высылал из удела «ненадобных» ему княжат, то Симеон, применяя к ним меры вполне в духе политики Ивана IV, стремился достичь и определенной личной цели — пополнить ими состав своих военных слуг в тайном расчете, что, недовольные Иваном IV, они будут более преданы своему новому сюзерену.

Исследование грамот Симеона наталкивается на трудность особого рода, связанную с тем, что мы никогда не сможем узнать точно, какие постановления в них определялись волей Ивана IV и какие моменты характеризуют политику самого Симеона. Во всяком случае, недостаточно ограничиваться констатацией «подставной» роли Симеона, ибо в его руках на некоторое время оказалась реальная власть в отношении ряда районов страны. Очевидно, Иван IV учитывал это и не только для красного словца предупреждал Симеона в своей челобитной, чтобы тот не препятствовал перебору «людишок»: «А которых людишок примем, и ты б, государь, милость показал, вотчиннишок у них отнимати не велел, как прежде сего велось у уделных князей. А ис поместьишок их им хлебишко и денженка и всякое их рухлядишко пожаловал велел отдати, и людишок их, не ограбя, велел выпустити. И которые похотят к нам, и ты б, государь, милость показал, ослободил им быти у нас безопадно и от нас их имати не велел. А которые от нас пондут и учнут тебе, государю, бити челом, и ты б, государь, пожаловал, милость показал, по их челобитью к себе, ко государю, тех наших людишок, которые учнут от нас отходити, пожаловал не принимал».

Уже из послушной грамоты Д. И. Засекину становится ясной большая острота борьбы за землю и рабочие руки в 1576 г.

Засекин получил пашенной земли во Владимирском уезде почти вдвое меньше, чем у него было в ярославской вотчине (178 четвертей против 295 четвертей). Некоторая компенсация этого ущерба пашенным лесом выражала не что иное, как попытку дать вместо земли с крестьянами землю без крестьян. Но даже с такой

⁴² Формально, впрочем, князю разрешалось «ведати... та своя вотчина по старым своим крепостям, по которым крепостям ведал старую свою ярославскую вотчину».

⁴³ *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона. С. 154—155. № 3.

компенсацией «не дошло его против старые вотчины пашни штидесят семи четверей, сена ста пятидесяти копен, лесу пашенного и непашенного десяти десятин». С. В. Рождественский считал этот обмен чуть ли не эквивалентным⁴⁴. Он не оценил должным образом замену пашенной земли пашенным лесом как способ решения крестьянского вопроса явно в ущерб Засекину.

Мартовские указные грамоты Симеона знаменуют известную активизацию внутренней политики великого князя всея Руси, стремление урегулировать финансовые неурядицы и при посредстве уступок наиболее влиятельным из помещиков⁴⁵ добиться поддержки в служилой среде. Обратим внимание на то обстоятельство, что из четырех грамот Симеона января—марта 1576 г. три относятся к одной и той же области — восточному Замосковью (уезды Владимирский, Шуйский, Муромский). Возможно, именно в этот промежуток времени Симеон выдал жалованную тарханную грамоту Суздальскому Александру девичьему монастырю на слободку под монастырем в Суздале. Грамота содержала освобождение от дани, ямских денег, посошной службы, помера, пятна, тамги, явки, наместничьих и волостелиных кормов⁴⁶. Пожалование было весьма щедрым.

Усиление влияния Симеона в восточном Замосковье, по-видимому, стимулировало Ивана IV укреплять свои позиции в Казанском крае. 15 марта 1576 г., на следующий день после посылки Симеоном указной грамоты в Шую, Иван IV выдал жалованную грамоту архимандриту Троице-Сергиева монастыря Варлааму на безоброчное владение деревней Большие Петрецы, мельницей у д. Кадышевой и рыбными ловлями в Волге и Тетюшских плесах Казанского уезда⁴⁷. Деревня Большие Петрецы и мельница были «в поместье за боярином за князем Петром за Булгаковым», казненным осенью 1575 г. Таким образом, передача указанных объектов Троице-Сергиеву монастырю имела большое политическое значение.

Вероятно, около этого времени Троице-Сергиев монастырь получил еще одну грамоту на безоброчную ловлю рыбы в Волге и Тетюшском плесе⁴⁸. Грамота датируется 7084 г. (без месяца). Если в грамоте от 15 марта 1576 г. право безоброчной «вешней» и «летней» рыбной ловли в Волге и Тетюшских плесах 15-ю «свяскими» давалось Троицкому приписному Казанскому монастырю, то в грамоте 7084 г. такое же право предоставлялось Троицкому приписному Свияжскому монастырю. Следовательно, фактически Троице-Сергиев монастырь получил право безобро-

⁴⁴ *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897. С. 169—170.

⁴⁵ *Ив. Ив. Любонников*, о котором шла речь в указной грамоте, посланной 27 марта 1576 г. в Муром, был довольно привилегированным феодалом. В 1533 г. он (или его отец *Ив. Ив. Любонников*) получил оброчную грамоту на борт «по слову» *Василия III* (АЮБ. Т. II. № 175/1. Стб. 557—559; ХП-I. № 289).

⁴⁶ *Морозов Б. Н.* Указ. соч. С. 89.

⁴⁷ ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 111 об.—112 об. (ХП-II. № 995).

⁴⁸ ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 113 об.—114 об.; Кн. 526. Л. 2—3 (ХП-II. № 990).

чной рыбной ловли в Волге и Тетюшских плесах 30-ю «свясками». Приобретение монастырем указанных льгот в отношении рыбной ловли именно в 1576 г. стоит в явной связи с особой политикой, которую проводил Иван Грозный в 1576 г. в Казанском крае, опираясь здесь главным образом на Троице-Сергиев монастырь. До этого времени, как подчеркивается в грамоте 7084 г., монастырь не мог добиться получения рыбных ловель в казанско-свияжской части Волги, хотя ему их велено было дать сразу после завоевания Казани⁴⁹.

Выше уже отмечалось, что 27 марта 1576 г. Симеон выдал грамоту, касавшуюся земель в районе Муром, непосредственно близкого к Казани. Возможно, это была политическая акция в ответ на действия Ивана IV: царь укреплялся в Казани, Симеон стремился упрочить свои позиции на подступах к ней. Хотя документация 1576 г., которой располагают в настоящее время исследователи, чрезвычайно скудна, столкновение интересов Ивана IV и Симеона на рубеже восточного Замосковья и Казанского ханства косвенно подтверждается. Весьма интересно, что уже с конца марта — первых чисел апреля прекратилась выдача Симеоном грамот на земли в центральных уездах. Все грамоты Симеона апреля—июля 1576 г. относятся к северным уездам — Белозерскому, Костромскому и Новгородской земле. Между тем до апреля 1576 г. Симеон не выдавал грамот, которые касались бы этих и других северных территорий. Можно думать, что в конце марта — начале апреля 1576 г. Иван IV, обеспокоенный активизацией Симеона в восточном Замосковье и особенно на подступах к Казани, переменял ему область «великого княжения».

2 апреля 1576 г. Симеон послал указную грамоту белозерскому городовому приказчику о неисполнении ямчужной повинности крестьянина Кирилло-Белозерского монастыря⁵⁰. Значит, не позже этого времени Белозерским уездом стал владеть Симеон. Весьма сложно сделать вполне определенные выводы из наблюдений над материалами, относящимися к Новгородской земле. Еще 7 марта 1576 г. помещик Бежецкой пятины Феодосий Бачманов обращался с челобитной на своего брата Григория Бачманова к «государю царю, великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси...»⁵¹.

Однако в июле 1576 г. Вотская⁵² и Обонежская⁵³ пятины находились в подведомственности у Симеона Бекбулатовича. О време-

⁴⁹ «...к Свияжскому их монастырю, что в Свияжском монастырь во имя живона-
чальные Троицы и чудотворца Сергия, за все их рыбные ловли, что им велено
было дати после Казанского взятия в реке в Волге рыбных ловель на 20-ти
верстах, и им тех вод дати невместно потому, что во всей Волге рыбной ловле
и всем ловцам притон большой. И мы велели им на монастырской обиход
ловити в реке в Волге и в Тетюшском плесе 15 свясками».

⁵⁰ ААЭ. Т. I. № 292; РИБ. Т. 32. № 261. (XII-II. № 997).

⁵¹ Самоквасов Д. Я. Т. I, отдел II. С. 116.

⁵² Там же. Т. II, ч. II. С. 444.

⁵³ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона. С. 155. № 4.

ни перехода Обонежской пятины в руки Симеона позволяет судить ввозная грамота помещикам Обернибесовым на земли в Обонежской пятине, выданная «по... грамоте» Симеона Бекбулатовича князем В. И. Телятевским, П. И. Волынским (исполнявшими, вероятно, должность новгородских наместников) и новгородским дьяком Ильей Осеевым⁵⁴. Конец списка с грамоты, в котором дошел до нас ее текст, не сохранился, и поэтому мы не знаем точной даты грамоты. Вместе с тем в грамоте указана дата грамоты Симеона, послужившей юридическим основанием для выдачи рассматриваемого акта, а именно 29 марта 1576 г. («писал князь великий Симеон Бекбулатович всея Руси в Великий Новгород к нам... в нынешнем в 84-м году, марта в двадцать девятый день...»). Таким образом, Обонежская пятина перешла в ведение Симеона не позднее последних чисел марта 1576 г.

Положение Шелонской пятины в рассматриваемый отрезок времени характеризуется писцовой книгой Шелонской пятины письма Владимира Безобразова, сохранившейся без начала⁵⁵. На л. 2 рукописи написано: «Книга Шелонские пятины Володимера Безобразова...», далее обрыв текста, после чего на л. 3 читаем: «...князя Ивана Васильевича Московского наказу за приписью псковских дьяков...»⁵⁶. В начале этой фразы не могло быть упоминания о Симеоне Бекбулатовиче, ибо, как показывает анализ документов, исходивших от объединенного лица Ивана IV и Симеона⁵⁷, а также разрядной записи 1576 г. относительно Калужского похода Ивана IV и Симеона⁵⁸, имя и титул «князя Московского» всегда ставились раньше имени и титула «великого князя всея Руси». Даты писцовой книги в рукописи мы не находим, но определение Ивана IV в качестве «князя Московского» и две ссылки на льготы, предоставленные двум местным землевладельцам с июня 7083 (1575) г.⁵⁹, позволяют отнести данный источник к концу 1575/76 г.

От апреля 1576 г. сохранилось очень мало известий, характеризующих взаимоотношения Ивана IV и Симеона. 2 апреля датируется указная грамота Симеона на Белоозеро о привилегии Кирилло-Белозерского монастыря. Нам кажется, что выдача грамоты была вызвана исключительными обстоятельствами. Внезапная перемена области великого княжения наглядно показала Симеону всю непрочность его положения и привела к попытке заручиться поддержкой влиятельного духовного вотчинника. Симеон запретил требовать с крестьян Кирилло-Белозерского монастыря исполнения натуральной ямчужной повинности вследствие

⁵⁴ Там же. С. 154—155. № 3.

⁵⁵ НПК. Т. V. Стб. 571—696.

⁵⁶ Там же. Стб. 571.

⁵⁷ РИС. Т. V. С. 8, 9, 20.

⁵⁸ ДРВ. 2-е изд. Ч. XIV. С. 293; *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона. С. 151.

⁵⁹ НПК. Т. V. Стб. 657, 681.

большой удаленности монастырских деревень от ямчужных амбаров (за 50—70 верст) и непроходимой дороги («и за мхи и за болоты, и проезду деи к ямчужным онбаром нет»).

28 апреля 1576 г. датирован в разрядах поход Ивана IV в Калугу⁶⁰. Калужский поход, в котором участвовало и войско Симеона (правда, без самого великого князя), отражает особо серьезную попытку Ивана IV предотвратить опасность татарского набега. Меры, принятые царем, оправдали себя. В 1576 г. крымский хан, узнав о мощном заслоне, выставленном против него, не решился вторгнуться в Россию и вернулся с Молочных вод в Крым. Из разрядной записи ясно, что именно факт калужского стояния Ивана IV имел решающее значение для ухода хана⁶¹.

Экстраординарный Калужский поход нельзя не поставить в прямую связь с пребыванием Симеона Бекбулатовича на троне великого князя всея Руси. Ведь такое положение Симеона крайне устраивало крымского хана, который мог на этот раз предпринять не простой набег на Русь, а набег с далеко идущими целями — сделать Симеона своим вассалом и тем самым подчинить Россию крымскому диктату.

В мае 1576 г. особым вниманием Ивана IV продолжал пользоваться Казанский уезд. 15 мая Троице-Сергиев монастырь получил жалованную тарханно-несудимую, заповедную от ездоков и односрочную грамоту на д. Тевелдю и на те объекты, которые поступили в монастырь по грамоте, выданной 15 марта 1576 г., т. е. на бывшую ранее за князем П. А. Булгаковым д. Большие Петрецы, мельницу у д. Кадышевой и рыбный 15-связковый промысел. Основные разделы формуляра майской грамоты 1576 г.⁶² совпадают с текстом жалованной грамоты Троице-Сергиеву монастырю от 22 апреля 1575 г. на сельцо Городище с деревнями и починками в Свияжском уезде⁶³. Население монастырских владений освобождалось от дани, ямских и приметных денег, но было принуждено к исполнению городского, острожного и засечного дел, имевших для правительства исключительно важное значение в Казанском крае, где наблюдалось определенное социальное брожение (прежде всего в среде нерусских народов) и классовая борьба достигла большого накала. В связи с этой борьбой в судебном разделе грамоты повторяется применение специального понятия «наших именных дел» в статье о невъезде

⁶⁰ *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и поставление Симеона. С. 151.

⁶¹ «да пошел в Крым для того, что сказали царю на Поле многих государевых людей, а государь царь и великий князь с сыном своим с царевичем Иваном Ивановичем стоит в Колуге, бережет своего дела и земскаго, и крымской царь для того с Молошных вод поворотился в Крым» (Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II, ч. II. С. 414; ср.: ДРВ. 2-е изд. Ч. XIV. С. 304—305). XII-П. № 998.

⁶³ *Каштанов С. М.* К истории феодального землевладения в Свияжском уезде в 70-х годах XVI в.: (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.) // Историография и источниковедение: Вопросы методики исследования. Казань, 1978 (Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та; Вып. 184). С. 136—142. № 2.

доводчиков и праведчиков и в статье о сроке явки в Москву по исковым делам (см. гл. IX).

Степень изъятия из юрисдикции местных властей определена в грамоте 1576 г. иначе, чем в грамоте 1575 г. Грамота 1575 г. передавала в руки местных агентов суд по татьбе и разбою с поличным, не упоминая душегубство. Грамота 1576 г. указывает и его: «опричь душегубства и разбоя, и татьбы с поличным». Чем объясняется разница формулировок в грамотах 1575 и 1576 гг.? Грамота 1576 г. не называет в числе судей наместников и волостелей, как это делается в грамоте 1575 г. По грамоте 1575 г. судьями были «бояря наши и воеводы, или наместницы, и волостели и их тиуни Свияжского и Казанского, и Чебоксарского города и всех понизовских городов приказные люди». Грамота 1576 г. говорит: «...бояре наши и воеводы, и дьяки, и всякие приказные люди казанские не судят...»⁶⁴ При разборе грамоты 1575 г. уже высказывалось предположение (см. гл. IX), что в Свияжском уезде душегубство могло вестись какими-то специальными органами типа губных учреждений. Обычными судьями, в чью компетенцию не вошла функция расследования душегубства, оказались там бояре, воеводы или наместники, волостели, их тиуны и «приказные люди». Из грамоты 1576 г. выясняется, кто представлял новые органы, разбиравшие душегубные дела. Это, по-видимому, дьяки, упомянутые в грамоте 1576 г. и не названные в грамоте 1575 г. Назвав дьяков, составитель грамоты 1576 г. мог дать уже трафаретное определение изъятий из вотчинной юстиции, включив сюда и изъятие душегубства.

Дополнительной (по сравнению с жалованной грамотой 1575 г.) статьей в грамоте 1576 г. был пункт о беспошлинной торговле (купле и продаже соли и рыбы «и всякого товару») «на монастырской обиход». Эта привилегия давалась монастырю со ссылкой на монастырскую «большую» жалованную грамоту. Под «большой» жалованной грамотой в данном случае могла подразумеваться подтвержденная в 1551 г. с ограничением грамота 1545 г., содержащая права беспошлинного провоза по всем уездам троицких повозов и запасов (см. г. V)⁶⁵. Помимо упоминания о «большой» грамоте, говорилось: «как у них в грамотах писано». Известно, что в 1556 и 1561 гг. посылались грамоты в Нижний Новгород, которые предписывали не взимать таможенные пошлины с провозимых «запасов» Троице-Сергиева монастыря (см. гл. VII)⁶⁶. Использование этих грамот в качестве юридического обоснования новых пожалований показывает сохранение старыми грамотами Ивана IV в 1576 г. своей действительности, несмотря на установление в части страны власти другого великого князя всея Руси.

«Удельная» политика Ивана Грозного развернулась в конце мая, когда он находился в Старице. По дошедшим данным, Иван

⁶⁴ ХП-II. № 998.

⁶⁵ ААЭ. Т. I. № 203 (ХП-I. № 484).

⁶⁶ Кабанов А. К. С. 20—21. № 18 (ХП-II. № 811; ср. № 754).

был в Старице около 25—29 мая⁶⁷, хотя не исключено, что он приехал туда несколько раньше (однако не ранее 15 мая, так как его грамота от 15 мая 1576 г. Троице-Сергиеву монастырю была выдана «на Москве»). Вероятно, до «старицкого» периода деятельности царя между Иваном IV и Симеоном Бекбулатовичем продолжалось размежевание территорий и служилых кадров на севере. Сохранилась интересная перепись поместья Андрея Клобукова в Петровском погосте Обонежской пятины, датированная 20 мая 1576 г.⁶⁸ В заключительной части записи сказано, что поместье Клобукова «отписано на государя; и приказано то поместье беречи до указа...». Неизвестно, какой «государь» имелся тут в виду — Иван IV или Симеон, но не появилась ли сама перепись в связи с новыми перетасовками служилых людей?

Пересмотру служилых кадров посвящалась и переписка, которую вели из Старицы в конце мая 1576 г. Иван IV и Симеон Бекбулатович с московскими приказными людьми. Для выяснения права Петра Ивановича Шетнева на боярство Иван и Симеон требовали привезти им грамоту великого князя Ивана Ивановича Молодого Афанасию Шетневу на тверскую вотчину и галицкий доходный список на кормление А. И. Шетневу и М. В. Тучкову (см. выше). Обе упоминаемые в грамотах территории — и Тверь, и Галич — имели прямое отношение к Симеону Бекбулатовичу. Тверь вскоре стала его княжением, а частично, может быть, попала к нему уже в момент рассматриваемой переписи. Галич, судя по пребыванию соседней с ним Костромы в составе великого княжества в июле 1576 г.⁶⁹, тоже был подведомствен Симеону во второй период его правления. Крайне интересно, что великий князь Симеон, соправитель Ивана Грозного, выступает здесь в качестве наследника великого князя Ивана Ивановича Молодого, соправителя Ивана III. Иван Иванович, будучи великим князем, ведал именно Тверской землей и некоторыми галицко-костромскими территориями⁷⁰.

В майской переписке 1576 г. Иван IV еще сам активно распоряжался делами, связанными с Тверской и Галицкой землями. Однако участие Симеона в переписке позволяет думать, что эти территории находились уже в недостаточно определенном положении, на повестке дня стояла передача их в руки великого князя всея Руси. Укрепление позиций Симеона в Тверской земле требовало от Ивана IV создания политических гарантий в местах, смежных с Тверской областью. Нам кажется, что появление «тарханной» грамоты Ивана Грозного 7084 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю на села Луковниково и Кузьмодемьянское Старицкого уезда, выданной «как есмя в уделе были», относится, скорее всего, к моменту пребывания царя в Старице в конце мая 1576 г. Грамота 1578 г., повторяющая, по-видимому, имму-

⁶⁷ РИС. Т. V. С. 7—9.

⁶⁸ Самоквасов Д. Я. Т. II, ч. II. С. 474—475.

⁶⁹ Садилов П. А. Из истории. С. 278. № 69.

⁷⁰ Подробнее см.: Каштанов С. М. История. С. 22—43.

нитетную часть грамоты 1576 г., содержала освобождение от дани, ямских денег, посолной службы, городского дела, мыта, явки, тамги и других пошлин и повинностей; судебный иммунитет монастыря ограничивался изъятием из него лишь права разбора душегубных дел. Грамота фиксировала монастырские податные и судебные привилегии в том объеме, в каком они были закреплены для большинства земельных владений Иосифо-Волоколамского монастыря в восьми других уездах по общей тарханной грамоте монастырю 1563 г. (о ней см. гл. VII) ⁷¹.

Известное политическое равновесие, достигнутое между Иваном IV и Симеоном к июню 1576 г., оказалось недолговременным. В июле 1576 г. мы наблюдаем попытки Симеона Бекбулатовича продолжать активную деятельность. Смысл продажи им «немецкого двора» на посаде в Костроме 7 июля 1576 г. ⁷² недостаточно ясен. Может быть, в этом акте проявилось мелкое корыстолюбие татарского князька, владевшего в свое время кабаком в Темникове ⁷³, а теперь стремившегося извлечь доходы из своего высокого положения. Возможно, впрочем, что тут имелась и более серьезная подоплека, нуждающаяся в дополнительном исследовании. Во всяком случае, два других документа, отражающих деятельность Симеона в июле 1576 г., показывают его попытки усилить политический контакт с подвластными ему светскими землевладельцами. 18 июля по приказу Симеона В. И. Телятевский и П. И. Волынский выдали ввозную грамоту Третьяку Боранову на поместье в Дмитровском и Никольском погостах Обонежской пятины ⁷⁴. 27 июля по распоряжению новгородских дьяков П. Хворощина и И. Осеева «в Вотскую пятину приеждал сын боярский в Дягилинской погост, в село Порсково, Субота Путилов, обыскивати про Богдана про Боскакова и про его поместье Дягилинского погоста...» ⁷⁵. В этом «обыске» содержится последнее известное нам упоминание Симеона Бекбулатовича в качестве великого князя всея Руси. Вероятно, к осени 1576 г. он был уже сведен с великокняжеского престола.

В грамотах Ивана IV сентября—октября 1576 г. обнаруживается тенденция ликвидировать следы политического влияния Симеона в Новгородской земле и в Казанском крае. В грамоте, посланной 2 сентября от имени «царя» Ивана IV в Новгород, новгородским дьякам предписывалось расследовать жалобу Вяжицкого монастыря на Соловецкий монастырь. Речь шла о рыбной ловле

⁷¹ АФЗХ. Ч. II. № 302.

⁷² Садиков П. А. Из истории. С. 278. № 69.

⁷³ Сохранилась грамота Ивана IV от 1 октября 1572 г. князю Еникею Тенишевичу на кабак в Темникове. В грамоте сказано, что после царя Шигаляева Шигаляевича этим кабаком завладел «царь Саинбулат Бекбулатович, и обиде Еникею от царя Саинбулата в том кабаке великая». В грамоте 1572 г. кабак был пожалован Еникею, а царю Саинбулату повелевалось своих пошлинных людей «с того кабака... свести» (XII-III. № I—439; неверно указано под 1573 г.).

⁷⁴ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона. С. 155. № 4.

⁷⁵ Сажоков Д. Я. Т. II, ч. II. С. 444.

«за Онегом у моря на реке на Выгу»⁷⁶, т. е. в Обонежской пятине⁷⁷, где находился ряд помещиков, получивших от Симеона ввозные грамоты (отдельные земли пожалованных Симеоном помещиков Обернибесовых даже прямо граничили с частью владений Вяжицкого монастыря⁷⁸).

Особым покровительством Ивана Грозного в Казани осенью 1576 г. продолжал пользоваться Троице-Сергиев монастырь. В сентябре он приобрел по правительственной грамоте 123 четверти земли в с. Царицыне Казанского уезда и мельницу на р. Ноксе в безоборочное и безоткупное пользование⁷⁹. В октябре 1576 г. троичное землевладение в Казанском уезде расширилось за счет конфискованных поместий князей Григория и Петра Булгаковых. Монастырь получил находившееся в поместье за Григорием Булгаковым озеро Шалбы с малыми озерками и пожнями, а также принадлежавшее Петру Булгакову огородное место, «да мельничное пустое место, что была мельница Преображенского монастыря». Казанским боярам, воеводам и дьякам запрещалось взимать со всех указанных объектов оброк и давать их на оброк или на откуп⁸⁰. Таким образом, по сентябрьской и октябрьской грамотам устанавливалось право полной собственности монастыря на пожалованные ему землю и промыслы. Удовлетворение экономических интересов привилегированного монастыря правительство сочетало с ликвидацией землевладельческих прав опальных светских феодалов и их возможных наследников на владения в Казанском крае.

Для уточнения представлений об имунитетной политике Симеона важно сравнить отрывок выданной от его имени жалованной грамоты Суздальскому Александрову монастырю⁸¹ с жалованной грамотой Ивана IV, полученной тем же монастырем вскоре после сведения Симеона Бекбулатовича с престола, 30 октября 1576 г.⁸² Отрывок грамоты Симеона и начало грамоты Ивана IV почти полностью текстуально совпадают. И тут, и там одинаковая вотчинная часть, указывающая слободку из пяти дворов, и одинаковый набор освобождений, следующих в грамоте Ивана IV в таком же порядке, как и в грамоте Симеона. Небольшие различия вызваны дефектностью списка XVIII в., в котором сохранилась царская грамота. В ней говорится «полонянничная служба» вместо «посошная служба» и «тягло» вместо «тамга». Правда, в дальнейшем тексте грамоты Ивана IV посошная служба упоминается особо наряду с городовым делом, что заставляет

⁷⁶ ААЭ. Т. I. № 295; РНБ. Т. 32. № 269 (ХП-II. № 1001).

⁷⁷ Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853. С. 154—173 и карта.

⁷⁸ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона. С. 154.

⁷⁹ ГБЛ. Акты Беляева. № 1/157 (ХП-II. № 1000).

⁸⁰ Там же. Тр. кн. 519. Л. 99 об.—101 об.; Кн. 526. Л. 34 об.—36 об. (ХП-II, № 1002).

⁸¹ Морозов Б. Н. Указ. соч. С. 89.

⁸² ЦГИА СССР. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 3. № 1920. Л. 121—123 об. (ХП-III. № 1—469).

думать, не была ли в начале этой грамоты «посошная служба» заменена на «полонянничные деньги».

Грамота октября 1576 г. предоставляла монастырю широкие податные и судебные привилегии. Она была тарханно-несудимой, односторонней, заповедной и тарханно-проезжей. Судя по совпадению ее начала с отрывком грамоты Симеона, можно предположить, что в основе грамоты Ивана IV Александрову монастырю лежала грамота Симеона. Отсюда возникает аналогичное предположение для двух близких к александровской по щедрости тарханных привилегий грамот Ивана IV монастырям того же района: Суздальскому Спасо-Евфимьеву от 1 ноября 1576 г. и Владимирскому Рождественскому от 30 ноября⁸³. Грамоты касались уездов Суздальского, Владимирского, Гороховецкого, Нижегородского, Муромского, Юрьев-Польского, Угличского и Московского. Все это была, по-видимому, территория великого княжения Симеона, и, вероятно, он проводил здесь очень льготную иммунитетную политику. Поэтому едва ли есть основания говорить об отмене тарханов при Симеоне Бекбулатовиче. Не исключено, что после сведения Симеона его жалованные грамоты изымались и заменялись царскими грамотами.

Скорее всего, изъятию подлежали и «удельные» жалованные грамоты Ивана IV, где он фигурировал с титулом князя Московского. Эти грамоты также предоставляли довольно широкие тарханные привилегии, о чем свидетельствуют последующие грамоты на земли, бывшие в уделе (Старица, Дмитров). Кроме жалованной грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю⁸⁴, по «удельной» грамоте была, очевидно, выдана и тарханно-несудимая грамота Кирилло-Белозерскому монастырю на его села в Дмитровском уезде⁸⁵.

Грамоты на казанско-свияжские земли, выдававшиеся от имени Ивана IV как царя и великого князя всея Руси, отличались значительной щедростью податных освобождений.

Сделанные наблюдения позволяют заключить, что во время великого княжения Симеона Бекбулатовича и удела Ивана IV ряд крупных монастырей (Троице-Сергиев, Иосифо-Волоколамский, Кирилло-Белозерский и др.) получили существенные податные освобождения. Как и в период опричнины, раздел государственной территории не способствовал проведению ограничительной иммунитетной политики, а попытки обоих правителей заручиться поддержкой монастырей приводили к расширению фискальных привилегий влиятельных духовных феодалов.

⁸³ ХП-П. № 1003, 1004.

⁸⁴ АФЗХ. Ч. II. № 367 (ХП-П. № 1049).

⁸⁵ ХП-П. № 1006; Каштанов С. М. Очерки. С. 152—161.

Глава одиннадцатая

ФИНАНСОВЫЕ ПРИВИЛЕГИИ ФЕОДАЛОВ
В КОНЦЕ 1576—НАЧАЛЕ 1584 г.

После окончания около сентября 1576 г. эксперимента с «великим княжением» Симеона Бекбулатовича Иван IV переходит от политики «удела» к политике «двора», явившейся продолжением политики «удела». Территория удела составила основу территории «двора». Иван Грозный проводил активную финансовую политику в отношении как дворовых, так и земских уездов.

В конце октября — ноябре 1576 г. он выдал щедрые тарханные грамоты трем владими́ро-суздальским монастырям — Александру девичьему¹, Владимирскому Рождественскому² и Спасо-Евфимьеву (последнему на новые монастырские села, деревни, слободки и дворы во Владимирском, Суздальском, Гороховецком, Нижегородском, Угличском, Юрьев-Польском и Московском уездах)³.

1577 год был моментом крайнего напряжения военных и финансовых сил России. Иван IV предпринимал новый большой поход на Ливонию. Несмотря на это, широкий поток указных и жалованных грамот с иммунитетными привилегиями, хлынувший на север с декабря 1576 г., не прекращался до ноября 1577 г. В орбиту царских пожалований конца 1576—1577 г. вошли прежде всего территории, составлявшие некогда опричнину: Галич⁴, Вологда⁵, Вага⁶, на западе Можайск⁷. Политика «двора» 1577 г. представляла собой расширенный вариант опричнины: в состав «дворовых городов» были включены не только мелкие удельные центры на юге, севере и западе, но и крупные бывшие уделы (Дмитров, Вологда), а также бывшие самостоятельные княжества (Ростов)⁸, входившие в состав удела Ивана IV в 1575/76 г. Серьезное внимание правительства было обращено на финансовое положение в Вологодском и Белозерском уездах.

¹ ЦГИА СССР. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 3. № 1920. Л. 121—123 об. (ХП-III. № I—469).

² ЦГАДА. ГКЭ. По Владимиру № 65/1842 (ХП-II. № 1004).

³ ЦГАДА. Ф. 1203. (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. 1. Кн. 1. Л. 423—426; ГИМ. ОПИ. Ув. карт. 41/23. № 29, 30; Карт. 41/13. № 29 (ХП-II, № 1003).

⁴ АЮ. № 359/I (ХП-II, № 1005).

⁵ ЛОИИ СССР. Собр. актов до 1613 г. № I—359 (ХП-II. № 1013); АСЭИ. Т. III. № 278 (ХП-II. № 1014).

⁶ Сборник ГКЭ. Т. II. № 205 (ХП-II. № 1016).

⁷ АЮ. № 171. С. 191 (ХП-II. № 1012).

⁸ Сади́ков П. А. Из истории. № 73 (ХП-II. № 1017).

Кирилло-Белозерский монастырь добился больших податных преимуществ — сначала для отдельных вотчин в декабре 1576 — феврале 1577 г.⁹, потом для всей вотчины в дворовых и земских уездах в марте 1577 г.¹⁰ Ему давались крупные налоговые освобождения и позже: в апреле¹¹ и мае¹² 1577 г. Наряду с Кирилло-Белозерским монастырем тарханские, льготные и другие привилегии были получены в 1577 г. вологодской пустыней Николы Мокрого (февраль)¹³, монастырями Важским Клоновским (март)¹⁴, Новгородским Спасо-Хутынским (октябрь)¹⁵, Московским Симоновым на с. Едому Белозерского уезда (ноябрь)¹⁶, Троице-Сергиевым (май)¹⁷.

В декабре 1576 г. в специальной грамоте, посланной в Галич, предписывалось беречь бортный ухажай светского вотчинника Василия Шумалкина¹⁸, в июльской указной грамоте 1577 г. за-прещалось брать подати с запустевшей части вотчины И. Ю. Грязного в Бежецком Верхе¹⁹. В 1576/77 г. был сложен оброк с двора Соловецкого монастыря в Новгороде²⁰. В октябре 1577 г. тарханно-несудимую и односрочную грамоту получила церковь Успения Богородицы на Завеличье во Пскове²¹, который в 1575/76 г. числился в уделе Ивана IV.

Обилием предоставленных иммунитетных привилегий политика 1577 г. заметно отличалась от финансовых мероприятий предшествовавших лет.

Промежуток времени с ноября 1577 по февраль 1578 г. отмечен большим вниманием правительства не только к северным, но и к восточным замосковным уездам. Очевидно, это связано с неспокойным положением в Казани и ожиданием крымского нашествия. В ноябре 1577 г. Симонов монастырь получил льготную грамоту на с. Кузьминское Юрьев-Польского уезда²², в феврале 1578 г. Спасо-Евфимьеву монастырю было разрешено посылать судно бестаможенно из Владимира до Астрахани и обратно через Нижний Новгород, Васильсурск, Чебоксары, Свияжск и Казань²³. Тогда же тарханно-несудимую грамоту на архиерейские вотчины получил суздальский епископ Варлаам²⁴. Таким образом,

⁹ ХП-II. № 1006—1011, 1013, 1015; ср.: ХП-III, № 1—466, 1—473.

¹⁰ Садиков П. А. Из истории. № 72, 73 (ХП-II. № 1017, 1018).

¹¹ ХП-II. № 1020, 1021.

¹² Там же. № 1022, 1023.

¹³ АСЭИ. Т. III. № 278 (ХП-II. № 1014).

¹⁴ Сборник ГКЭ. Т. II. № 205 (ХП-II. № 1016).

¹⁵ ЛОИИ СССР. Акты Новгородской казенной палаты. № 10-I, 11-I; ср. № 38-I (ХП-II. № 1031).

¹⁶ АФЗХ. Ч. IV. № 191 (ХП-II. № 1032).

¹⁷ ГБЛ. Тр. книги 527—529. № 335 (ХП-II. № 1024).

¹⁸ АЮ. № 359/1 (ХП-II. № 1005).

¹⁹ Дьяконов М. А. АТН. Вып. II. № 26 (АФЗХ. Ч. IV. № 190; ХП-II. № 1026).

²⁰ ХП-III. № 1—467.

²¹ Там же. № 1—479.

²² АФЗХ. Ч. IV. № 192 (ХП-II. № 1033).

²³ ЦГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Кн. 1. Л. 735—736 об. (ХП-II. № 1034).

²⁴ АИ. Т. I. № 200 (ХП-II. № 1035).

в 1577 г. устанавливается тесный союз правительства как раз с теми монастырями, которые являлись в свое время опорой опричнины (Кирилло-Белозерский, Симонов). Только если в период опричнины первая роль принадлежала Симонову монастырю, то теперь она перешла к Кирилло-Белозерскому.

Бурный расцвет феодального иммунитета имел место в 1578 г., когда щедрое обеление монастырских вотчин достигло своего апогея. Объектом иммунитетных пожалований в апреле — декабре 1578 г. были многие северные территории, а также некоторые земли в центре и на востоке. Уделялось внимание монастырским владениям в Орешковском, Двинском, Холмогорском, Каргопольском, Белозерском, Вологодском, Соль-Вычегодском и других уездах, в Новгородской земле. Щедрое освобождение и привилегии получили в это время на севере Николаевский Корельский²⁵, Александров Ошевнев²⁶, Кирилло-Белозерский²⁷, Коневский Ореховский²⁸, Новгородский Валаамский²⁹, Антониев Сийский³⁰, Спасо-Прилуцкий³¹ и другие монастыри, а также Петропавловская Холмогорская церковь³².

В 1578 г. правительство расширяло и укрепляло права некоторых монастырей в центре страны. Тесный союз Ивана IV с Иосифо-Волоколамским монастырем восстановился, вероятно, еще в 1576 г. В августе 1578 г. монастырь получил тарханно-несудимую и заповедную грамоту на села в Дмитровском и Старицком уездах, входивших в 1575/76 г. в удел Ивана IV³³. В 1578—1579 гг. приобрели массовый характер вклады в Волоколамский монастырь со стороны приближенных Ивана Грозного³⁴. Щедрое пожалование 1578 г. в значительной мере обуславливались всеобщей разрухой и запустением. Так, в апреле 1578 г. Иван IV выдал Троице-Сергиеву монастырю тарханно-несудимую грамоту на всю монастырскую вотчину (в 30 уездах)³⁵ вследствие ее запустения³⁶.

Правительство шло на предоставление влиятельным монастырям таможенных привилегий для торговых поездок по Волге до Астрахани и обратно. В июле 1578 г. тарханно-проезжую грамоту получил Троице-Сергиев монастырь³⁷, а в октябре 1578 г.

²⁵ РИБ. Т. 32, № 277 (ХП-II. № 1037).

²⁶ ЛОИИ СССР. Собр. рукописных книг. № 41. Л. 3, 5—7 об. (АИ. Т. I. № 202; ХП-II. № 1046).

²⁷ ХП-II. № 1044, 1048, 1055; ср.: ХП-III. № I—482.

²⁸ ДАИ. Т. I. № 112 (ХП-II. № 1042).

²⁹ ААЭ. Т. I. № 300 (ХП-II. № 1043).

³⁰ ХП-II. № 1056, 1057.

³¹ ЛОИИ СССР. Ф. 260 (Собр. Никольского). Оп. I. № 740 (ХП-III. № I—491).

³² Сборник ГКЭ. Т. I. № 221 (ХП-II. № 1041).

³³ АФЗХ. Ч. II. № 367 (ХП-II, № 1049; ср. № 989)

³⁴ Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в. // Ист. зап. М., 1938. Кн. 3. С. 134.

³⁵ В грамоте не указаны только троицкие владения в Казанском и Свияжском уездах, на которые имелись действующие тарханные грамоты 1575—1576 гг. (см. главы IX—X).

³⁶ ХП-II. № 1039.

³⁷ Там же. № 1045.

были подтверждены аналогичные прерогативы Спасо-Евфимьева монастыря³⁸.

В конце декабря 1578 — апреле 1579 г. в сфере иммунитета политики находились Белоозеро, Пошехонье, Калуга, Клин, восточное Замосковье, район Среднего Поволжья. Пошехонская Андреанова пустынь получила тарханно-несудимую грамоту на земли в Белоозерском и Пошехонском уездах³⁹. Ярославский Спасский монастырь освобождался от дачи дополнительных людей в ямские охотники⁴⁰, а Ярославскому Толгскому монастырю разрешался беспошлинный проезд по Волге для судов и двух плотов⁴¹. В декабре 1578 г. по грамоте Ивана IV воевода М. Ф. Ростовский отдал в безоброчное владение Покровскому Суздальскому монастырю воды в р. Волге и озера⁴². В январе 1579 г. Казанскому Спасо-Преображенскому монастырю была предоставлена жалованная грамота на проезд из Казани до Астрахани и обратно с товаром⁴³, а в апреле 1579 г. Троице-Сергиев монастырь получил в безоброчное владение рыбную ловлю в р. Волге у Тетюш⁴⁴. В конце 1578 г. правительство Ивана IV интересовалось и контактом с корпорациями к западу от Москвы. В декабре 1578 г. царь подтвердил тарханные привилегии Клинской Иосиминой пустыни и запретил взимать с ее крестьян ямские и приметные деньги⁴⁵.

После бурного взрыва финансовых «милостей» конца 1576 — начала 1579 г. наступает резкий спад выдачи жалованных и узаконных грамот, регулирующих вопросы налогообложения.

Новый этап финансовой политики начался летом 1579 г. и продолжался до осени 1580 г. Север оставался главным объектом распространения иммунитетных привилегий. Жалованные грамоты монастырям давались преимущественно на новгородские и псковские вотчины, причем в большинстве случаев дело касалось землевладения в самих городах Новгороде и Пскове. В июне 1579 г. тарханно-несудимую грамоту на двор в Новгороде Великом получил Кирилло-Белозерский монастырь⁴⁶. В сентябре 1579 г., когда Иван Грозный стоял с войском во Пскове и оттуда посылал своих воевод против немцев⁴⁷, правительство шло навстречу интересам крупных монастырей во Пскове. Наверное, именно в сентябре 1579 г. была дана оброчная грамота игумену Псковского Печерского монастыря Сильвестру на дворовое место во

³⁸ Там же. № 1052.

³⁹ ЦГИА СССР. Ф. 834. Оп. 3. № 1916. Л. 480—486 (ХП-III. № I—492).

⁴⁰ ХП-II. № 1061.

⁴¹ ХП-III. № I—493.

⁴² Катаев И. М., Кабанов А. К. № I/51. С. 59—60 (ХП-II. № 1059).

⁴³ ЦГАДА. ГКЭ. По Казани № 21/6249. Л. 171—172 об. (ХП-II. № 1060).

⁴⁴ ХП-II. № 1063.

⁴⁵ Сборник Хилкова. № 4 (ХП-II. № 1058).

⁴⁶ ЛОИИ СССР. Собр. Шегрена. № 19 (это не подлинник, как говорится в ХП-II. № 1064, а список XVII в.).

⁴⁷ Сибирский сборник. М., 1844. С. 69; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 167; Разрядная книга 1475—1605 [гг.]. М., 1984. Т. III, ч. I. С. 87.

Пскове «в Середнем городе»⁴⁸. 11 сентября 1579 г. тарханно-несудимую грамоту на псковский двор приобрел Кирилло-Белозерский монастырь⁴⁹. В ноябре 1579 г. сад Соловецкого монастыря в его новгородском дворе был освобожден от поставки яблок⁵⁰; на сельцо и деревни Спасо-Хутынского монастыря в Деревской пятине распространялось действие тарханной грамоты⁵¹.

Имунитетная политика лета — осени 1579 г. отличается в общем большой сдержанностью. Малочисленность актов на сельские вотчины свидетельствует о подготовке уже в это время уложения, ограничивавшего монастырское землевладение. Некоторые пожалования имели стратегическое значение, сами масштабы пожалований были гораздо более узкими по сравнению с мероприятиями 1577—1578 гг., а в территориальном отношении ограничивались главным образом районами Новгорода и Пскова. Делались, правда, и распоряжения, не касающиеся этих уездов. Так, в июне 1579 г. приписной к Кирилло-Белозерскому Афанасьев монастырь получил на оброк сельцо Курицыно в Горетовском стане Московского уезда. Оно предоставлялось ему временно, «до помесные отдачи»⁵². Крестьянам Троице-Сергиева монастыря были отданы в декабре 1579 г. пустые земли в Сенежской волости Владимирского уезда⁵³. Некоторые облегчения в несении ямской повинности делались в ноябре и декабре 1579 г. для населения вотчин Ярославского Спасского монастыря⁵⁴. В июле 1579 г. запрещалось вторично брать ямские деньги с с. Буйгород Иосифо-Волоколамского монастыря в Волоцком уезде⁵⁵. Эта грамота показывает, что в принципе с. Буйгород не пользовалось свободой от уплаты ямских денег.

1580 год начался с соборного приговора, ограничивавшего рост церковно-монастырского землевладения. Из-за существующей неполной ясности в вопросе о дате приговора, относимого во всех списках дополнительных статей Сводного Судебника к 15 января 1581 г.⁵⁶, следует еще раз подчеркнуть правильность даты подлинника — 15 января 1580 г.⁵⁷ Косвенным доказательством этого служит тарханно-несудимая грамота, полученная Спа-

⁴⁸ ГБЛ. Румянц. кн. 54. Л. 4 об.—5 (ХП-II. № 1066). Грамота датируется сентябрем 1579 — августом 1580 г.

⁴⁹ ДАИ. Т. I. № 224 (ХП-II. № 1066).

⁵⁰ ЛОИИ СССР. Солов. 136. Л. 142—143 (ХП-II. № 1070).

⁵¹ Там же. Акты Новгородской казенной палаты. № 13—I (ХП-II. № 1069).

⁵² ЛОИИ СССР. Колл. 249. № 1 (ХП-III. № I—494).

⁵³ ГБЛ. Тр. книги 527—529. № 423 (ХП-II. № 1073).

⁵⁴ ХП-II. № 1071, 1072.

⁵⁵ РИБ. Т. 32. № 285; АФЗХ. Ч. II. № 369 (ХП-II. № 1065).

⁵⁶ ПРП. Вып. IV. С. 559.

⁵⁷ Новое издание текста подлинника: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. № 40. С. 57—59. См. также: *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика правительства Ивана IV // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 185—186.

со-Евфимьевым монастырем 9 февраля 1580 г.⁵⁸ Она целиком повторяла жалованную грамоту тому же монастырю 1576 г. на новые владения в разных уездах к востоку от Москвы и в Московском уезде⁵⁹. В грамоте 1576 г. указывалось: «...а на те... у них села и деревни наши жалованные тарханские грамоты нет, что те у них села и деревни покупаны, а иные по душе иманы после наши жалованные тарханские грамоты». Постановление 1580 г. поставило под сомнение монастырские права собственности на «княжеческие» земли, в которых «волен бог да государь, как своих богомолцев пожалует». Спасо-Евфимьев монастырь имел в составе своей вотчины земли, приобретенные у княжат. Его заботой в 1580 г. было закрепить за собой хотя бы те владения, которые фигурировали в грамоте 1576 г. Этим можно объяснить переписку текста грамоты 1576 г. в 1580 г. с указанием всех перечисленных в грамоте 1576 г. новых вотчин без упоминания других, ставших собственностью монастыря между 1576 и 1580 гг.

Внимание к вотчинам Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, расположенным в районах Суздаля, Владимира, Стародуба, Гороховца, Нижнего Новгорода, Юрьева-Польского, Углича и Москвы, показывает, что в 1580 г. Иван IV придавал большое значение укреплению союза с крупнейшим монастырем Суздальского уезда, входившего в 1565—1572 гг. в опричнину. Как мы помним, Суздаль и Владимир в начале 1576 г. составляли часть великого княжения Симеона Бекбулатовича, а осенью 1576 г. именно на эти территории Иваном Грозным был выдан ряд щедрых тарханских грамот (монастырям Александрову, Рождественскому и Спасо-Евфимьеву). Жалованная грамота февраля 1580 г. Спасо-Евфимьеву монастырю свидетельствует о его особом положении в это время, ибо грамот другим монастырям на земли Центра от 1580 г. не дошло.

За исключением жалованной грамоты Спасо-Евфимьеву монастырю, в 1580 г. продолжалась в основном «северная» иммунитетная политика. Характерной особенностью жалованных грамот 1580 г. является почти полное отсутствие в них податных привилегий. Большинство иммунитетных актов этого времени представляют собой проезжие грамоты на монастырские экспедиции. Освобождались от пошлин обозы Новгородского Антониева монастыря (февраль)⁶⁰, Троице-Сергиева монастыря, посылавшего свои торговые экспедиции на Двину, в Устюг и Тотьму (апрель)⁶¹, Соловецкого монастыря, чьи насады курсировали между Холмогорами и Вологодой (май)⁶². Судебные права закреплялись

⁵⁸ ЦГАДА. Ф. 1203. Оп. 4. Грам. № 1; Оп. 1. Кн. 1. Л. 427—429 об. (ХП-II. № 1076).

⁵⁹ Там же. Оп. 1. Кн. 1. Л. 423—426 (ХП-II. № 1003).

⁶⁰ *Амвросий*. Ч. III. С. 149—154 (ХП-II. № 1077).

⁶¹ Сборник ГКЭ. Т. I. № 228 (ХП-II. № 1079).

⁶² ЛОИИ СССР. Солов. 136. Л. 401 об.—402 об. (ХП-II, № 1080).

за Великоустюжским Успенским собором⁶³ и Чердынским Богословским монастырем в районе Перми Великой⁶⁴. К числу привилегированных северных корпораций принадлежал в 1580 г. и Ярославский Спасский монастырь⁶⁵.

В тяжелых условиях военного времени при истощении кадров дворянской конницы русское правительство было заинтересовано в поддержке служилых татар, являвшихся поставщиками военной силы. В марте 1580 г. Иван IV выдал жалованную грамоту Ишее-мурзе на право взимать яsak, собиравшийся его отцом с тядемской мордвы в Мещере⁶⁶. В июле 1580 г. служилые горodeцкие татары Куsmеневы получили тарханную грамоту на д. Каракадышеву в Борисоглебском стане Мещерского уезда⁶⁷.

В 1581 г. в связи с новыми закрепостительными мероприятиями большое внимание было уделено размежеванию черного и беломестного землевладения. На этой почве возникали сыски, нашедшие отражение в указных и жалованных грамотах. Главной сферой приложения новых принципов имунитетной политики в 1581 г. были уезды к востоку от Москвы вплоть до Казани, а также земли на севере. Переславль-Залесский Данилов монастырь получил в 1581 г. две грамоты, из которых одна предоставляла монастырю пустоши с тарханым правом⁶⁸, а другая подтверждала законность владения монастыря слободками в Переславле-Залесском, однако при этом одна слободка была от монастыря отписана⁶⁹. В феврале 1581 г. царь потребовал произвести сыск относительно озер и вод Спасо-Евфимьева монастыря на р. Волге для отдачи их ему в зависимости от результатов сыска в оброчное или безоброчное пользование⁷⁰. Свяязский Богородицкий монастырь приобрел в безоброчное владение мельничное место и озера в истоках р. Шуки⁷¹. То же размежевание чернососного и беломестного землевладения шло в это время на севере. В апреле 1581 г. было запрещено судить и облагать податями наравне с черными людьми жителей двора Архангельского монастыря в Неноксе на посаде и деревни в Двинском уезде⁷². Корнилиев Комельский монастырь получил заповедную грамоту на лес в Вологодском уезде⁷³.

Московскому Чудову монастырю земли предоставлялись в 1581 г. «со всеми угодами и с доходы... и с медвяным и с денежным оброком»⁷⁴. Чудовских крестьян запрещалось притягивать к

⁶³ Румовский Н. С. 61 (ХП-II. № 1074).

⁶⁴ АИ. Т. I. № 207 (ХП-II. № 1084).

⁶⁵ Шумаков С. А. Обзор. Вып. IV. № 1358.

⁶⁶ ДРВ. 2-е изд. Ч. XV. С. 81—82 (ХП-II. № 1078).

⁶⁷ ГБЛ. Акты Беяева. № I/162 (ХП-II. № 1083).

⁶⁸ Добронравов В. Г. С. 33—34. № 15 (ХП-II. № 1093).

⁶⁹ ПРП. Вып. IV. С. 108—110 (ХП-II. № 1101).

⁷⁰ АИ. Т. I. № 209/I (ХП-II. № 1090).

⁷¹ ЦГАДА. ГКЭ. По Свяязску № 6/11464 (ХП-II. № 1096).

⁷² ЛОИИ СССР. Собр. актов по 1613 г. № I/390 (ХП-II. № 1091).

⁷³ ЦГАДА. ГКЭ. По Вологде № 42/2613 (ХП-II. № 1097).

⁷⁴ ГБЛ. Собр. ОИДР. Картон 266. № 4 (ХП-III. № I—505); ср.: ХП-II. № 1095; ХП-III. № I—507.

езовому и другими делам ⁷⁵. Троице-Сергиев монастырь приобрел в 1581 г. ряд рыболовных угодий в Двинском уезде на оброчном праве ⁷⁶. Между сентябрем 1581 и августом 1582 г. Троице-Сергиев монастырь получил тарханно-проезжую грамоту на торговые экспедиции из Вологды на Двину, в Холмогоры, Каргополь, Устюг, Тотьму и обратно до монастыря и до Москвы ⁷⁷. Монастырю разрешалось провозить в четырех насадах с подвозками хлеб, мед, хмель «и всякой товар» для продажи его в северных городах и покупки там соли и рыбы. Проезд и торговые операции монастыря освобождались от тамги, мыта и других пошлин. Хотя грамота 1581/82 г. давалась «по» грамоте Василия III, фактически она подтверждала грамоту Ивана IV 1554 г. ⁷⁸, возможно нарушенную уже в середине 50-х годов XVI в. (см. гл. VII).

В 1582—1583 гг. продолжалось предоставление проездных привилегий. В марте 1582 г. наместникам и пошлинникам от Москвы до Астрахани запрещалось брать пошлины с откупщика Тереха Ситникова, взявшегося перевозить царский хлебный запас ⁷⁹. Тогда же Корнилий Комельский монастырь получил жалованную грамоту на провоз и продажу 5000 пудов соли ежегодно ⁸⁰. В июле 1582 г. в указной грамоте на Тотьму сообщалось о разрешении Троице-Сергиеву монастырю поставить амбар у р. Сухоны, на усть Толшмы, под монастырские запасы и двор на приезд ⁸¹. В указной грамоте на Двину от 5 мая 1583 г. предписывалось не нарушать жалованную проезжую грамоту Троице-Сергиеву монастырю (вероятно, 1581/82 г.) и не брать пошлины с троицких старцев и слуг ⁸². Очевидно, с согласия Ивана IV старица Леонида, вдова царевича Ивана Ивановича, позволила в августе 1583 г. Троице-Сергиеву монастырю беспошлинно покупать железо и другие товары на монастырский обиход в Устюжне Железопольской ⁸³. В указной грамоте, посланной в ноябре 1582 г. в Каргополь, Иван IV запретил облагать пошлинами «обиходную» и продажную соль Кирилло-Белозерского монастыря ⁸⁴.

Указная грамота в Ярославль от 30 декабря 1582 г. содержала распоряжение принуждать англичан и поморских торговых людей к уплате перевозной пошлины Ярославскому Спасскому монастырю за пользование его перевозом через реки Волгу и Которосль ⁸⁵.

В грамотах 1582—1583 гг. можно встретить освобождения мо-

⁷⁵ ЦГАДА. ГКЭ. По Костроме № 150/5117 (ХП-II. № 1095).

⁷⁶ ХП-II. № 1087, 1089, 1092.

⁷⁷ Там же. № 1100; см. также: ГПБ. Погод. 1905. Л. 113—116 об.

⁷⁸ ХП-II. № 688.

⁷⁹ ААЭ. Т. I. № 314 (ХП-II. № 1112).

⁸⁰ Амвросий. Ч. IV. С. 712—716. № III (ХП-II. № 1113).

⁸¹ ААЭ. Т. I. № 315 (ХП-II. № 1115).

⁸² Сборник ГКЭ. Т. I. № 267 (ХП-II. № 1130).

⁸³ ААЭ. Т. I. № 320 (ХП-II. № 1131).

⁸⁴ ГПБ. Q—IV—113 а. С. 1076—1081 (ХП-II. № 1122).

⁸⁵ Вахрамеев И. А. № 55 (ХП-II. № 1126).

настырских вотчин от тех или иных податей и повинностей. В феврале 1582 г. запрещалось брать пищальные деньги со слободки Ярославского Спасского монастыря в Ярославле⁸⁶. В указной грамоте 1582/83 г. в Суздаль предписывалось не взимать с вотчин Спасо-Евфимьева монастыря сора, дров и поделочных денег к новому Шуйскому прибавочному амбару⁸⁷. В декабре 1583 г. Соловецкий монастырь освобождался от обязанности поставлять людей к острожному делу⁸⁸. В грамоте, выданной между сентябрем 1583 и мартом 1584 г., с владений Никольского Вязицкого монастыря было не велено «имати» кормщиков и гребцов и «на розвоску подвод» в Ладугу⁸⁹.

От главнейших податей и повинностей большинство феодалов не освобождалось. Так, в грамоте октября 1582 г. Кирилло-Белозерскому монастырю устанавливался порядок варки и поставки ямчуги с его вотчин в целом ряде уездов: Белозерском, Бежецком, Верхнем, Угличском, Костромском, Ростовском, Дмитровском, Пошехонском, Клинском и Вологодском⁹⁰. В некоторых грамотах указывалось не привлекать монастырских дворников к посадскому тяглу и не брать с них подати наравне с черными людьми⁹¹.

Правда, в конце 1582—1583 г. наблюдается известное расширение тарханной практики. Тарханные грамоты были в это время выданы Ошевневу монастырю на земли в Каргопольском уезде⁹², Коряжемскому монастырю на слободки в Вычегодском уезде⁹³, Кириллову Новоезерскому монастырю на деревни и другие владения в Белозерском уезде⁹⁴, Брянскому Свенскому монастырю на всю вотчину⁹⁵. В 1583 г. местным сборщикам запрещалось брать подати с «полоски земли» Антониева Сийского монастыря, прикупленной к его двору в Холмогорах, и с его же «пустой деревеньки» Горки в Двинском уезде, причем с последней монастырь сам платил оброк в Москве⁹⁶. В указной грамоте от 18 марта 1583 г. содержалось предписание не взимать подати с двора Авраамиева монастыря в Галиче в случае, если этот двор был обелен прежде⁹⁷. Имелась какая-то указная грамота Ивана IV сентября 1583 — марта 1584 г. на Белоозеро о том, чтобы «с Ферাপонтова монастыря с вотчин податей не имати никаких»⁹⁸.

Как видим, тарханные привилегии касались в конце 1582—1583 г. окраинных, главным образом северных, территорий.

⁸⁶ Там же. № 53 (ХП-II. № 1108).

⁸⁷ Описная книга. С. 47 (ХП-II. № 1117).

⁸⁸ ХП-II. № 1137.

⁸⁹ ХП-II. № I—514.

⁹⁰ ААЭ. Т. I. № 317 (ХП-II. № 1121).

⁹¹ ХП-II. № 1107, 1118, 1120.

⁹² ЛОИИ СССР. Акты Новгородской казенной палаты. № 14—I (ХП-II. № 1123).

⁹³ ЛОИИ СССР. Ф. 72 (Коряжемский м-рь). Оп. 1. № 6 (ХП-III. № I—513).

⁹⁴ ЦГАДА. ГКЭ. По Белоозерску № 161/861 (ХП-II. № 1133).

⁹⁵ ХП-III. № I—511.

⁹⁶ ЛОИИ СССР. Ф. 5 (Антониев-Сийский м-рь). № 515, 523. (ХП-II. № 1128, 1136).

⁹⁷ ЛОИИ СССР. Собр. актов от 1613 г. № I/421 (ХП-II. № 1129).

⁹⁸ ХП-III. № I—516.

Пожалования монастырям угодий в безоборочное владение были немногочисленны и относились тоже преимущественно к окраине — Нижегородскому уезду⁹⁹, Хлынову¹⁰⁰ и Новгороду¹⁰¹. На севере земли и угодья отдавались в некоторых случаях на оброк и на откуп¹⁰².

Предоставляя в 1583 г. тарханные грамоты отдельным монастырям, правительство вместе с тем не скрывало возможности близкой отмены тарханов. Так, в тарханной грамоте сентября 1583 г. Кириллову Новоезерскому монастырю, дававшей освобождение от дани, посохи, полоняничных и подможных денег, подводной, ямчужной и целовальной повинностей, говорилось: «А коли ... велю взяти со всех тарханов свои подати, и тогда Кириловы пустыни Белого подати с тех монастырских деревень и с починков, и с пустошей, и с угодей платити по тому ж, как и с иных тарханов, по расчету»¹⁰³.

Местные власти, возможно, опережали правительство в реализации его антимонастырских намерений. 10 ноября 1583 г. появились две указные грамоты Ивана IV, адресованные во Владимир и Дмитров, из которых явствует, что местные власти стали «вступаться» в пустоши Троице-Сергиева монастыря у разных его сел. Отобранные пустоши они раздавали на оброк посторонним лицам¹⁰⁴. Правительство пресекло эти действия как незаконные.

Резюмируя все сказанное по поводу финансовой политики конца 1576 — начала 1584 г., надо отметить ее волнообразный характер. Щедрые иммунитетные пожалования конца 1576 — 1578 г. сменились более скупыми и редкими освобождениями в 1579 — 1580 гг. Вместе с тем и после собора 1580 г. предоставление податных привилегий практиковалось; довольно выраженный характер оно приобрело в 1583 г. Сокращение объема податных освобождений до некоторой степени компенсировалось предоставлением прав беспощинного провоза, продажи и купли товаров. В этом плане правительство далеко отступило от ограничительных принципов середины 50-х годов. Экономический кризис 70-х — начала 80-х годов создал условия, в которых правительство вынуждено было идти на серьезные уступки крупным монастырям как наиболее устойчивым и жизнеспособным хозяйственным организациям. Вместе с тем у правительства всегда имелось искушение поправить свои дела за счет монастырских вотчин. Собор об отмене тарханов, состоявшийся в июле 1584 г., уже после смерти Ивана Грозного, явился одной из таких попыток. Рассмотрение итогов отмены тарханов в 1584 г. и последующей иммунитетной политики не входит, однако, в задачи настоящего исследования, будучи темой, которая требует самостоятельной монографической разработки.

⁹⁹ АИ. Т. I. № 209/II (ХП-II. № 1111). ¹⁰¹ ХП-III. № I—512.

¹⁰⁰ ХП-II. № 1114.

¹⁰² ХП-II. № 1109, 1113, 1132.

¹⁰³ ЦГАДА. ГКЭ. По Белозерску № 160/861.

¹⁰⁴ ЦГАДА. ГКЭ. По Дмитрову № 159/3871; ГБЛ. Тр. книги 527—529. № 173, 350 (ХП-II. № 1134, 1135).

УВЕЛИЧЕНИЕ БРЕМЕНИ
НАЛОГОВ И ПОВИННОСТЕЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Известным показателем признанной в середине XVI в. нормы обычного права духовных землевладельцев в их сельских вотчинах служит содержание жалованных грамот, выданных 17 мая 1551 г., в день общей ревизии тарханов, когда была сделана попытка унифицировать податной иммунитет монастырей. Грамоты от 17 мая 1551 г. Иосифо-Волоколамскому и Московскому Богоявленскому монастырям фиксируют, во-первых, свободу монастырских вотчин от натуральных повинностей, связанных с уходом за царскими конями («коня моего не кормят, ни сен моих не косят»), во-вторых, право феодала на поборы, обеспечивавшие личную зависимость от него крестьян (свадебные пошлыны — розвинское и выводная куница) и административный контроль за наиболее частыми формами торговых сделок между крестьянами — обменом и продажей лошадей (пятно). Наконец, в-третьих, эти грамоты закрепляют изолированность монастырских вотчин от чернотяглого мира (право не тянуть к сотским и десятским) и свободу от пошлин в пользу местной администрации (поворотного, дворского корму и городчиковых пошлын)¹.

Мелкие различия в рассматриваемых грамотах² свидетельствуют о том, что полного единообразия финансовых норм в середине XVI в. не было.

В 1551 г. правительство произвело пересмотр жалованных грамот, отменив в общем порядке свободу иммунитетных владений от ямских денег, посошной службы и тамги (см. выше, гл. VI). Грамоты на новые городские слободы феодалов вообще не подтверждались, а сами слободы подлежали отписке «на» государя³. В грамотах на монастырские городские дворы подчеркива-

¹ ХП-II. № 644, 646.

² Грамота Богоявленскому монастырю начинается с освобождения от дани, не имевшей в это время прежнего значения (само освобождение, возможно, было номинальным). Кроме того, в ней содержится отсутствующая в волоцкой грамоте статья «двора моего не ставят», но зато нет упоминаний о дворском корме и городчиковых пошлынах, а право пятна не декларировано прямо: «...хто у них в тех селех и в деревнях промеж себя лошадь купит или менит, и оне являют игумену или их прикащику» (АММС. I. № 21. С. 112). В волоцкой грамоте не находим обобщающей формулы, которая читается в богоявленской грамоте: «ни к сотским, ни к десятским с тяглыми людьми не тянут ни во что, ни в которые пошлыны» (Там же. С. 110).

³ ПРП. Вып. IV. С. 116, 159 (ХП-I. № 510).

лось, что, кроме дворника — монастырского представителя на городском дворе, все остальные монастырские люди, живущие во дворах, должны быть уравнены в тягломом отношении с черными посадскими людьми⁴. Эти постановления, вызванные острой борьбой горожан с феодалами-беломестцами, открывали дорогу для освобождения города от пут сеньориальных отношений.

Грамоты, выданные в 50-х годах, в большинстве случаев не предоставляли свободы от основных налогов и пошлин. В нескольких жалованных данных грамотах середины 50-х годов подчеркивалась необходимость уплаты посошного корма, ямских и полоняничных денег⁵. Как видим, вновь введенный в середине XVI в. налог — полоняничные деньги (предназначавшиеся для выкупа русских пленных из Крыма и др.) — был распространен на иммунитетные владения⁶.

Некоторый отход от строго ограничительных принципов иммунитетно-финансовой политики наметился уже в середине 50-х годов и затем в полной мере проявился в годы опричнины. Ревизия тарханов 1551 г. нанесла удар по остаткам оброчного права, ликвидировав повсеместно оброчный принцип⁷ и поставив иммунитетные владения под еще более жесткий, чем прежде, контроль местных финансовых властей. Вместе с тем тенденция к ослаблению этого контроля ясно обнаружилась с конца 30-х годов, когда Троице-Сергиев монастырь добился для отдельных своих вотчин права самостоятельного сбора и уплаты в казну ямских денег и примета (модификация старого оброчного принципа)⁸. В 1550 г. Троице-Сергиев монастырь получил разрешение самому платить ямские деньги в Москве и поставлять посошных людей со всех своих владений⁹. Подтверждение 1551 г.

⁴ ХП-I. № 326, 327, 565 и др.

⁵ ХП-II. № 699, 705, 715, 721, 751; ср. ХП-III. № I—318 (см. гл. VII).

⁶ Как налог, подлежащий уплате, полоняничные деньги впервые упоминаются в жалованной грамоте от 2 июня 1554 г. Никольскому Песношскому монастырю в формуле: «з доходом з денежным и с хлебным, оприч посошного корму и ямских и полоняничных денег и всяких податей» (ЦГАДА. ГКЭ. По Дмитрову № 80/3792; ХП-II. № 699). Эта же формула повторена в жалованной грамоте от 9 декабря 1554 г. Чудову монастырю (ЦГАДА. ГКЭ. По Дмитрову № 83/3795; ХП-II. № 705) и в грамотах 1555 и 1556 гг. (см. гл. VII). Г. В. Абрамович называет одну из последних грамот этой серии — 1556 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю (АФЗХ. Ч. II. № 261) — в качестве документа, содержащего первое упоминание о полоняничных деньгах (Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3. С. 73). Ограничительная формула песношской и других грамот 1554—1556 гг. цитировалась нами еще в дипломной работе 1954 г. Интересно, что в сотной 1552 г. на владения Чудова монастыря в Московском уезде полоняничные деньги в числе налогов не упоминаются: «...а давати им за дань, и за посошной корм, и за ямские денги, и за всякие подати». Эта формула приведена в сотной пять раз (ЛОИИ СССР. Собр. Погодина. Оп. I. № 6).

⁷ ХП-I. № 313. Еще в 1548 г. было отменено оброчное право Песношского и Отмицкого монастырей, пожалованное (или подтвержденное) им в 1547 г. (Там же, № 543, 551).

⁸ Там же. № 366, 374.

⁹ ХП-II. № 625.

уничтожило эту привилегию¹⁰ (подробнее см. главы V, VI). Однако в 1555—1556 гг. другой крупный духовный землевладелец — Кирилло-Белозерский монастырь, все вотчины которого находились под прикрытием оброчного права во второй половине XV в., обратился к царю с жалобами на местных финансовых сборщиков. В царской грамоте 1556 г., посланной в Романов выборному старосте и целовальникам, говорилось: «...преж сего приказщики городовые, а ныне вы емлете сь их хрестьян наши ямские и приметные денги и за посошные и за ямчюжные дело, и в том деи их хрестьяном чинятца убытки и волокита великая». Грамота запрещала уездным властям взимать указанные налоги с кирилловских вотчин. Право уплаты их в Москве в Большом Приходе предоставлялось самому игумену¹¹. Уже грамоты 1555 г. разрешали Кирилло-Белозерскому монастырю платить ямские и приметные денги с его белозерских и вологодских сел не местным финансовым органам, а дьякам Большого Прихода, в Москве¹².

В середине 50-х годов появляются также льготные и обельные грамоты, пока еще немногочисленные¹³.

В 60—70-х годах наблюдается сосуществование трех принципов иммунитета политики: 1) отсутствие освобождения от основных обязательных налогов, 2) наличие его в том или ином объеме, 3) право иммунитетов самостоятельно собирать и поставлять со своих владений в центральные финансовые органы ямские, приметные и другие денги (в том числе денги за наместничий посошный корм), посошных людей и т. п.¹⁴ Третий, компромиссный принцип занимает видное место в иммунитетной политике конца царствования Ивана IV и начала царствования Федора Ивановича¹⁵, хотя проводится далеко не последовательно¹⁶.

Интересно, что такая общеобязательная в первой половине XVI в. повинность, как городовое дело, во второй половине века переводится на денги. «Денги за городовые и за засечные и за ямчюжное дело» собираются и вносятся некоторыми феодалами самостоятельно, без вмешательства местных властей¹⁷. Переводится на денги и посошная служба («за посошных людей службу»)¹⁸. Когда она требовалась в натуральной форме, проводилась посошная (в сельской местности) или подворная (в городах) раскладка. Так, для Казанского похода 1547 г.

¹⁰ Каштанов С. М. Общие жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1550, 1577 и 1578 гг. на все вотчины (соотношение текстов) // ЗОР. М., 1966. Вып. 28. С. 141.

¹¹ ХП-II. № 749; ср. № 710.

¹² Там же. № 709—711.

¹³ Там же. № 722, 723, 736, 737, 750.

¹⁴ Там же. № 818, 823, 834, 835, 874, 875, 877, 887, 890 и др.

¹⁵ Там же. № 926, 927, 948, 1035, 1039 и др.; ЦГАДА, ГКЭ. По Переяславлю-Залескому № 284/9008; ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 240—273 об.

¹⁶ См. об иммунитете вотчин Кирилло-Белозерского монастыря в 70-х годах XVI в.: Каштанов С. М. К вопросу об отмене тарханов в 1575/76 г. // Ист. зап. М., 1965. Кн. 77. С. 219—220; Он же. Очерки. С. 152—165.

¹⁷ ХП-II. № 834, 835, 876 и др.

¹⁸ Там же. № 749, 809 и др.

городовые приказчики разных городов собрали с вотчин Троице-Сергиева монастыря «съ их сел и з деревень... с сохи по два человека — по конному да по пешему, а з слобот з десяти дворов по человеку по конному, по тому ж, как с ыных сох и з слобод»¹⁹ (мы в данном случае отвлекаемся от того факта, что действия городских приказчиков противоречили монастырской тарханной грамоте и потому были признаны правительством незаконными). Взимание человека с 10 дворов, возможно, отражает старинную десятично-сотенную систему обложения. А. Поссевино в трактате «Московия» (1583 г.) утверждал: «В войско набирают каждого десятого»²⁰. Под «каждым» он, очевидно, подразумевал каждого взрослого мужчину.

В «памяти» 1553/54 г. Михаилу Колупаеву сообщалось о количестве посошных людей, которых поуездные сборщики должны были доставить в Тулу «к засекам»: с Углича — 376 человек, из Дмитрова — 349, из Зубцова — 216, из Твери — 156, с Белой — 80; всего 1177 человек. Далее в «памяти» говорилось: «...а у них у дву человек лошадь с колесы и с хомуты и з дугами и с ужищи, да у всякого человека по топору по большему по плотному...»²¹. Фигурирующая здесь норма конного обеспечения — одна лошадь «у дву человек» — может восприниматься как свидетельство сбора двух человек с сохи, конного и пешего, как это расшифровано в грамоте 1547 г. Отсюда число сох, поставлявших посошных людей: в Угличском уезде — 188, в Дмитровском — 174 или 175, в Зубцовском — 108, в Тверском — 78, в Бельском — 40.

Несмотря на отмену оброчного принципа в начале 50-х годов XVI в., он все же сохранял жизненную силу в монастырских вотчинах. Так, по сотной 1552 г. с владений Чудова монастыря в Московском уезде собиралось «за дань, и за посошной корм, и за ямские денги, и за всякие подати» по 2 руб. с сохи, а «за взруб, и за городовые лесницы, и за воротные жиковины, и за замки, и за мостовое дело» приблизительно по полтине (100 денег) с сохи²². Оброчная норма 2 руб. с сохи за дань, ямские деньги и посошный корм являлась средней окладной нормой еще в первой половине XVI в. Оклад за городовое и мостовое дело был, как видим, в четыре раза меньше, чем за дань, ямские деньги и посошный корм (100:400).

Когда подати не переводились на оброк, каждая из них составляла значительную сумму с сохи. Так, в отписи Никольского Вяжицкого монастыря от 27 июля 1571 г. приводятся размеры налогов, взятых с 5 ¹/₄ сохи и ¹/₁₂ обжа в Егорьевском погосте Заонежской половины Обонежской пятины²³: 1) ямских денег

¹⁹ ГБЛ. Тр. кн. 519. Л. 17 об.—18 (ХП-І. № 554).

²⁰ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 42.

²¹ ЦГАДА. Ф. 135 (Древлехранилище). Приложение. Рубр. 3. № 24. Документ любезно указан мне В. Д. Назаровым, по копии которого и используется.

²² ЛОИИ СССР. Собр. Погодина. Оп. 1. № 6. Посошные нормы выведены нами, в документе указано количество сох и сумм сборов.

²³ ЛОИИ СССР. Собр. актов до 1613 г. № 1/323.

и примету 74 руб. 6 $\frac{1}{2}$ денег; 2) за городовые и за засечные дела 7 руб. 10 алтын 3 $\frac{1}{2}$ деньга; 3) за хлеб и за оброк и за розданные волости 2 руб. 30 алтын 5 $\frac{1}{2}$ денег; 4) за подьячих и за земского дьяка и за плотников и кузнецов 1 руб. 7 алтын 1 деньга; 5) за подмогу ямских охотников 9 руб. 9 алтын 5 денег; 6) за пятно и душегубство новгородских наместников 8 руб. 26 алтын; 7) за ямчужное дело 2 руб. 14 алтын 4 $\frac{1}{2}$ деньга. Всего 106 руб. 20 деньга. При подсчете на соху это дает в целом немногим более 20 руб., из которых на ямские деньги и примет приходится более 14 руб., на деньги за городовые и засечные дела 1 руб. 13 алтын, на деньги за хлеб и оброк — полтина и 11 денег, на деньги за подьячих, земского дьяка и т. д. — 7 алтын 4 деньга, на деньги за подмогу ямских охотников — 1 руб., полтина и 9 алтын, на деньги за пятно и душегубство — 1 руб., полтина и 5 алтын, на деньги за ямчужное дело — более 15 алтын.

В вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в 1581/82 г. данные деньги собирались в размере 25 руб., а полоняничные в размере 13 руб. 15 алтын с сохи²⁴. В 1583/84 г. данных денег брали с полусохи 12 руб. с полтиной, с чети сохи — 6 руб. 8 алтын 2 деньга, с трети сохи — 8 руб. 11 алтын с деньгой²⁵, следовательно, с сохи 25 руб. В 1589 г. взималось данных и полоняничных денег 22 руб. с полтиной с сохи²⁶. Ямские деньги составляли в 1592 г. 10 руб. с сохи²⁷, а в 1602 г. 11 руб. с сохи²⁸. «Кормовые деньги» (за наместничий белый корм) в 1592 г. брались в размере 20 алтын 10 денег с полусохи и 10 алтын 5 денег с чети сохи²⁹, т. е. 40 алтын 20 денег, или 1 руб. 10 алтын с сохи.

Мы не знаем всех субъективных целей авторов реформы сошного письма середины XVI в. Возможно, она проводилась с целью усиления власти местных сборщиков. Об этом, во всяком случае, свидетельствуют принципы отмены тарханов в 1551 г. Но надо посмотреть на результаты сошной реформы и с иной точки зрения. Приобретение сохой поземельного четвертного выражения облегчило контроль за суммами налоговых сборов, а это открыло перспективы для контролируемой центральными органами поставки податей самими имунистами. Неопределенность земельных размеров сохи конца XV — первой половины XVI в., напротив, затрудняла возможность эффективного контроля центра и предопределяла активное вмешательство местных органов в сбор налогов с частных владений.

²⁴ ЛОИИ СССР. Ф. 284 (Иосифо-Волоколамский м-рь). № 3. Л. 177—197; Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря 1573—1595 гг. М.; Л., 1978. I. С. 28—38.

²⁵ ЦГАДА. Ф. 1192 (Иосифо-Волоколамский м-рь). Кн. 8. Л. 11, 13 об.; Вотчинные хозяйственные книги. I. С. 39—42.

²⁶ ЛОИИ СССР. Ф. 284. № 3. Л. 181—195 об.; Вотчинные хозяйственные книги. I. С. 78—90.

²⁷ ЦГАДА. Ф. 1192. Кн. 10. Л. 178—189; Вотчинные хозяйственные книги. I. С. 130—133.

²⁸ ЦГАДА. Ф. 1192. Кн. 12. Л. 140.

²⁹ Там же. Кн. 10. Л. 185; Вотчинные хозяйственные книги. I. С. 133—136.

Так или иначе, но тенденция изоляции иммунитетных вотчин, несмотря на все ограничительные мероприятия, нарастает именно во второй половине XVI в. В середине века возник ряд новых обременительных повинностей — постройка тюрем и охрана их, участие в качестве целовальников в губной службе, в сборе налогов и таможенных пошлин. Правительство постепенно освобождает полностью или частично крестьян иммунитетных владений от этих повинностей³⁰.

Уже в первой половине XVI в. наблюдается достаточно широкий комплекс повинностей — как сохранившихся от эпохи феодальной раздробленности, так и введенных вновь. В это время существовали, во-первых, дорожные повинности крестьян (строительство мостов и гатей) и специфические повинности городского населения (служба в уличных сторожах); во-вторых, дворцово-княжеские повинности (косьба сена для княжеских лошадей, кормление охотничьих собак и т. п.); в-третьих, повинности в пользу местной администрации (строительство наместничьих, волостелиных дворов и др.); в-четвертых, повинности общегосударственного значения, связанные а) с ямским делом, б) с посошной службой, в) с городовым делом³¹.

Для первой половины XVI в. характерно разрастание посошных и городских дел. Уже в грамотах 1515 г. в числе «городовых дел» назывались обмолот и доставка в нужные пункты великокняжеского «хлеба» (зерна), строительство прудов и т. п.^{31а} Появление тюремной и других повинностей XVI в. можно рассматривать в известной мере как результат дальнейшего увеличения объема «городовых дел». Об этом свидетельствует и формуляр жалованных грамот, в которых постановления, касающиеся новых повинностей, включались в пункт, посвященный городовому делу. Впервые, кажется, тюремная повинность упомянута в общей жалованной грамоте сентября 1550 г. Троице-Сергиеву монастырю на все вотчины, где, в частности, сказано: «ни камни, ни извести к городу не везут, ни к зелейным анбаром дров и земли не возят, ни аньбара зелейнова не делают, ни мостов не мостят, ни тюрем по городом не ставят, ни сторожей к тюрьмам не дают ни х которым делам»³². Зелейная повинность известна уже из более ранних грамот — 40-х годов XVI в.³³ Поэтому можно предположить, что и тюремная повинность, фигурирующая в одном контексте с зелейной, возникла до 1550 г. Своим происхождением тюремная повинность обязана, вероятно, резкому усилению классовой борьбы в последние годы боярского правления и реакцией на нее со сто-

³⁰ ХП-II. № 625, 657, 967, 968, 970, 1003, 1008, 1016—1018, 1023, 1035, 1039, 1042—1044, 1076, 1091.

³¹ Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М., Л., 1957. С. 66—149; Каштанов С. М. Отражение. С. 258—260, 269—270.

^{31а} АФЗХ. Ч. II. № 62, 63.

³² Каштанов С. М. Общие жалованные грамоты. С. 139.

³³ Катаев И. М., Кабанов А. К. № 1/27

роны правительственного аппарата (отсюда — строительство тюрем)³⁴.

В виде целостного комплекса новые натуральные повинности предстают в сентябрьской грамоте 1551 г. Путивльскому Спасо-Преображенскому монастырю на вотчины в Новгород-Северском и Путивльском уездах: «целовальников им к губному делу, и к денежному збору, и к³⁵ тюрьмам, ни к засекам пожаловал посошных людей ни в которой город не давать»³⁶. По месту своего исполнения новые повинности являлись преимущественно городскими, и упоминаются они часто в грамотах, где в числе объектов пожалования указаны как сельские, так и городские владения. Однако эти повинности, подобно городовому делу, раскладывались не только на посадском населении, но и на крестьянах. Согласно цитированной грамоте Спасо-Преображенскому монастырю, «посошные люди» давались для выполнения названных повинностей «в город» (под «городом» мог подразумеваться и город с уездом). Эта формулировка предполагает наличие широкой сельской сферы, откуда «давались» «посошные люди». Ограничивать состав населения, принуждаемого к выполнению новых повинностей, лишь посадскими людьми тем более нельзя, что в грамотах монастырям речь идет обычно о всех тяглецах, а не о монастырских дворниках, живших в городских дворах монастырей. В майской жалованной грамоте 1577 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на сельские вотчины прямо сказано: «в город их крестьян в целовальники и в таможную не выбирают»³⁷. В упоминании об указной грамоте 1574/75 г. так определяется ее содержание: «в Володимер с села Коврова целовальника в пошлинах... имать»³⁸.

Освобождение от новых повинностей вотчин некоторых влиятельных духовных феодалов являлось частной формой компромисса между государством и феодалами, не получившей широкого распространения, по крайней мере до 1574 г. Даже такой привилегированный духовный феодал, как митрополичий дом, жаловался в 1564 г. на тяжелое положение митрополичьих слобожан в г. Переславле-Залесском, где «посадские люди тянут их...» «...и в тюремные сторожи, и в наем губных дьячков...», и «емлют посадские ж люди к земскому черному и к губному делу, и к тамгам, и к иным нашим делом целовальников с трети сохи по четыре человека на год»³⁹. Тут крайне интересно сообщение о размерах повинности (хотя они, конечно, были произвольно увеличены посадскими людьми): если с $1/3$ сохи бралось 4 чело-

³⁴ Интересно показание одной грамоты августа 1548 г. о том, что трое крестьян Троице-Сергиева монастыря были посажены в тюрьму за неуплату податей (Дьяконов М. А. АТН. Вып. II. № 14). За более раннее время подобных сведений нет.

³⁵ В публикации по ошибке «в» вместо «к».

³⁶ ХП-II. № 657.

³⁷ Там же. № 1023.

³⁸ Описная книга. С. 62 (ХП-II. № 967).

³⁹ АФЗХ. Ч. I. № 223; ЛОИИ СССР. Собр. Беллюстина. № 12.

века, значит, с сохи взималось 12 человек. Учитывая, что для ямского дела в привилегированных вотчинах взималось по 1—2 человека с сохи⁴⁰, можно понять крайнюю обременительность новых повинностей по сравнению с такой широко распространенной и тяжелой повинностью, как «ямская стряпня и дворовая поделка».

После отмены опричнины в 1572 г. наблюдается новый подъем борьбы феодалов за крестьянские «рабочие руки», приобретшие особую ценность в обстановке растущего разорения. 70-е годы — время широкого проникновения в иммунитетные грамоты постановлений, освобождавших вотчинных крестьян от ряда натуральных повинностей. Очевидно, экономические трудности в стране заставляли правительство идти на уступки влиятельным монастырям в вопросе о самых обременительных повинностях. Дело в том, что платежеспособность владений светских феодалов, мелких монастырей и черных крестьян к 70-м годам резко снизилась в результате разорения, которое выдерживали в основном крупные монастыри, обычно имевшие наряду с «пустом» и какую-то «живущую» часть.

Правительство и его местные представители довольно бесцеремонно облагали двойными окладами «живущие» монастырские земли, а борьба с такими нарушениями не всегда была успешной⁴¹. Очевидно, соглашаясь на уплату определенного денежного оброка за ямские деньги и другие основные налоги, монастыри упорно добивались отмены натуральных государственных повинностей для своих крестьян, с тем чтобы получить возможность их усиленной эксплуатации в рамках монастырских вотчин. Н. К. Никольский привел весьма интересные данные относительно последствий освобождения в 1577 г. крестьян трех «подмонастырных» ключей Кирилло-Белозерского монастыря от государственных податей и повинностей (в том числе и от целовальнотаможенной повинности)⁴²; игумен и старцы в связи с предоставленными льготами приговорили «за то им (крестьянам. — С. К.) в монастыре по вся лета монастырское дело делати — пашня им пахати... и навоз возити... и пожни косити... а дрова хлебные и угольные и овинные сечи и возити» и т. д.⁴³, т. е. был резко увеличен объем отработочной ренты, барщины. В этом случае мы имеем дело, кажется, с полным освобождением от налогов и его соответствующей компенсацией. Можно полагать, что менее полные освобождения (в частности, от рассматриваемых нами повинностей) тоже приводили к усилению внутривотчинной эксплуатации, хотя и в иной степени.

По грамотам 1574—1578 гг. довольно ясно прослеживается

⁴⁰ См.: например: *Вахрамеев И. А.* № 47, 50; РИБ. Т. 2. № 240.

⁴¹ См. указную грамоту 1575 г. о невзимании ямских охотников с сох Солотчинского монастыря (РИБ. Т. 2. № 240. Стб. 1028—1029; ХП-II. № 987).

⁴² ГПБ. Собр. СПб. Д/А. № А 1/16. Л. 47—47 об. (ХП-II. № 1023).

⁴³ *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625). СПб., 1910. Т. 1, вып. 2. С. 59.

политика облегчения или отмены для владений ряда духовных корпораций тюремной, губной и целовально-таможенной повинностей. В указной грамоте 1574/75 г. во Владимир предписывалось с с. Коврова (Спасо-Евфимьева монастыря) взимать всего одного человека «целовальника в пошлинах»⁴⁴. В указной грамоте октября 1574 г. запрещалось брать в целовальники к денежному сбору дворников белых дворов Калязина монастыря в Кашине и Угличе⁴⁵. Аналогичное постановление содержится в грамоте 1574/75 г. казанскому архиепископу Тихону на слободку в Казани⁴⁶ и в указной грамоте 1575 г., касающейся сел и деревень Кирилло-Белозерского монастыря в Углицком и Пошехонском уездах⁴⁷. В грамоте 1575 г. Новодевичьему монастырю на мельницу в Московском уезде монастырского мельника «ни в какие тягли и к делу нашим ни к которым притягивати ни во что не велели»⁴⁸. В грамоте 1575 г. Астраханскому Троицкому монастырю сказано: «и к нашим делам их ни к которым не емлют»⁴⁹. В указной грамоте 1576 г. запрещалось взимать целовальников к ямчужному амбару с белозерских вотчин Кириллова монастыря⁵⁰.

В грамоте 1576 г.⁵¹ и повторяющей ее грамоте 1580 г.⁵² Спасо-Евфимьеву монастырю сформулировано освобождение от всех рассматриваемых повинностей: «...и тюрьмы не ставят, ни у тюрем сторожи не стерегут, и целовальников к губному делу и к денежному збору, и в тамги, и к мыту, и к перевозу не емлют...» Та же формула содержится в грамоте 1576 г. Владимирскому Рождественскому монастырю⁵³ и в грамоте 1577 г. Луховской Тихоновой пустыни⁵⁴. Почти тождественная формулировка имеется в грамоте 1578 г. суздальскому епископу: «и тюрьмы не ставят, и у тюрем сторожи не стерегут, и целовальников к губному делу и к ямчужному амбару, и к денежному, ни в тамги, ни к мыту к сбору, и к перевозу не емлют»⁵⁵. Такая же формула — в грамоте 1578 г. Троице-Сергиеву монастырю на всю вотчину (нет только слов «и к ямчужному амбару») ⁵⁶. В грамотах

⁴⁴ Описная книга. С. 62 (ХП-П. № 967).

⁴⁵ ЦГАДА. Ф. 1193 (Калязин м-рь). Кн. 4. № 161, 162, 163 (ХП-П. № 970).

⁴⁶ Покровский И. Казанский архиерейский дом. Казань, 1906. Прил. С. XIV (ХП-П. № 968).

⁴⁷ ЛОИИ СССР. Собр. Шегрена. № 16 (ХП-П. № 985).

⁴⁸ ГПБ. Собр. актов и грамот. № I—173 (ХП-П. № 978).

⁴⁹ АИ. Т. I. № 193. С. 358 (ХП-П. № 976).

⁵⁰ РИБ. Т. 32. № 261 (ХП-П. № 997).

⁵¹ ЦГАДА. Ф. 1203. (Спасо-Евфимьев м-рь). Оп. 1. Кн. I. Л. 423—426 (ХП-П. № 1003).

⁵² ЦГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Кн. I. Л. 427—429 об.; Оп. 4. Гр. № 1 (ХП-П. № 1076).

⁵³ ЦГАДА. ГКЭ. По Владимиру № 65/1842 (ХП-П. № 1004).

⁵⁴ Илинский П. Луховская Тихонова пустынь Костромской губернии. Кострома, 1898. Прил. С. I—VI (ХП-П. № 1025).

⁵⁵ АИ. Т. I. № 200 (ХП-П. № 1035).

⁵⁶ ГПБ. Погод. 1564. Л. 92—103; Погод. 1905. Л. 97—112; ГБЛ. Тр. книги 527—528. № 336; Сборник ГКЭ. Т. I. № 220-а, 402. (ХП-П. № 1039); см. также: Каштанов С. М. Общие грамоты... С. 97, примеч. 6.

1577⁵⁷ и 1578 гг.⁵⁸ Кирилло-Белозерскому монастырю на земли в Поморье указано: «...и к нашим государским ни х которым [делом]⁵⁹, к тамге и ко всяким збором монастырских крестьян не выбирают и не посылают некоторыми делы». В двух мартовских грамотах 1577 г. тому же монастырю на все его владения формулировка лаконичнее: «...и в целовальники во всякие дела не емлют»⁶⁰. В грамоте 1577 г. Важскому Клоновскому монастырю употреблена другая формула: «ни в выборы, ни в земские судьи, ни в тамошники, ни в данные целовальники их монастырских крестьян не выбирают»⁶¹ (специфика терминологии этой грамоты отражает характерные черты управления на чернососном севере — наличие земских судей, данных старост и др.). Особую формулу находим в грамотах 1577 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на шехонские земли⁶², 1578 г. Коневскому монастырю на владения в Ореховском уезде⁶³ и Валаамскому монастырю на земли в волости Ковде⁶⁴: «и целовальников к губному делу, ни к денежному збору, к мыту и к томгам, ни к душегубному делу ни в какие зборы крестьян их не выбирают»⁶⁵. В грамоте 1581 г. разрешалось не брать целовальников к денежному сбору из крестьян Архангельского монастыря Двинского уезда⁶⁶.

Упомянутые грамоты охватывают основную территорию Русского государства, свидетельствуя о том, что рассматриваемые повинности во второй половине XVI в., во всяком случае к 70-м годам, приобрели общерусское распространение. Различия в формулах, употребляемых в грамотах разным корпорациям, возможно, отражают различия в степени важности отдельных повинностей для разных регионов страны. Так, вотчины Спасо-Евфимьева, Владимирского Рождественского, Троице-Сергиева монастырей, Луховской пустыни и суздальского епископа, расположенные преимущественно в центральных уездах, освобождались от всех новых повинностей: тюремной, целовально-губной и целовально-пошлинной. Грамоты Кирилло-Белозерскому, Важскому Клоновскому и Двинскому Архангельскому монастырям на земли в северных уездах, представлявших собой первоначальную сферу проведения губной реформы, не содержат освобождения от тюремной и губной повинностей. Вероятно, здесь монастырские крестьяне не получили освобождения от губного дела вследствие его исключительной важности, ибо северные уезды уже с 20-х годов XVI в. отличались особенно большим накалом классовой

⁵⁷ Сборник ГКЭ. Т. I. № 217-а (ХП-II. № 1008).

⁵⁸ Там же. № 221-а. (ХП-II. № 1044).

⁵⁹ Цит. по грамоте 1577 г., где «делом» пропущено; в квадратных скобках добавлено из грамоты 1578 г.

⁶⁰ Садиков П. А. Из истории. № 72—73 (ХП-II. № 1017, 1018).

⁶¹ Сборник ГКЭ. Т. II. № 205 (ХП-II. № 1016).

⁶² ЛОИИ СССР. Собр. актов до 1613 г. № 1/360. Л. 2 (ХП-II. № 1021).

⁶³ ДАИ. Т. I. № 122 (ХП-II. № 1042).

⁶⁴ ААЭ. Т. I. № 300 (ХП-II. № 1043).

⁶⁵ Цит. по кирилловской грамоте 1577 г. (ХП-II. № 1021).

⁶⁶ ЛОИИ СССР. Собр. актов до 1613 г. № 1/390 (ХП-II. № 1091).

борьбы. Для крайних северо-западных районов — Ореховского уезда и волости Ковды, возможно, характерен менее высокий уровень классовой борьбы, и поэтому в грамотах на вотчины Валаамского и Коневского монастырей крестьянам давалось освобождение от участия в губном и «душегубном» делах.

Политика резкого ограничения податного иммунитета, проводившаяся московским правительством на рубеже XV—XVI вв. и в начале 50-х годов, оказалась трудно осуществимой как последовательный курс. Переоценив свои централизаторские возможности, правительство несколько недооценило тенденции экономического развития, не позволившие унифицировать податной иммунитет в деревне и освободить город от засилья феодального права. Основной тенденцией экономического развития XVI в. было все усиливающееся закрепощение крестьян. Именно в интересах увеличения экономической власти феодалов над крестьянами требовалось уменьшить вмешательство местных финансовых органов в сбор налогов с иммунитетных вотчин, и правительство постепенно приходит к осознанию этой необходимости, разрешая феодалам самим собирать налоги и вносить их в соответствующие центральные учреждения. Уже в 1551 г., когда проводилась строго ограничительная политика, правительство больше считалось с закрепостительной тенденцией, чем это было на рубеже XV—XVI вв. Не случайно в упоминавшихся грамотах Иосифо-Волоколамскому и Богоявленскому монастырям фиксируются привилегии, вошедшие впоследствии в состав крепостного права XVII—XVIII вв. (взимание свадебных пошлин, контроль за внутривотчинной торговлей лошадьми и др.).

Право феодалов самим собирать и вносить важнейшие налоги, явившись модификацией старинного оброчного принципа, в целом нарушенного московским великокняжеским правительством последней трети XV — первой половины XVI в., отражало объективную закономерность экономического развития в направлении усиления крепостничества. Это право было, по существу, источником принципов, положенных в основу финансовой реформы Петра I, который, введя подушную подать, закрепил право дворян самим вести раскладку и сбором налогов со своих крепостных.

Путь от изучаемых порядков XVI в. к порядкам, установленным в XVIII в., не входит в тему нашего исследования и составляет предмет слишком обширный и слишком сложный, чтобы судить о нем бегло. Здесь хочется подчеркнуть другое: отличие податного статуса феодальных владений XVI в. от финансового положения дворянских имений XVIII в.

В условиях абсолютизма XVIII в. податные привилегии господствующего класса были унифицированы и определены общим законом, чем достигалось вполне четкое компромиссное решение финансового вопроса за счет интересов крепостного крестьянства. В XVI в. мы не видим общесословного иммунитетного права. В это время существует несколько принципов решения иммунитетно-финансовой проблемы, а каждое отдельное решение отли-

чается от другого решения, ибо зависит от местной традиции, соотношения политических сил и иных привходящих моментов.

Не вполне доказано высказанное С. Б. Веселовским мнение об унификации иммунитета светских феодалов в XVI в. и полном размежевании в это время государственного и частного тягла⁶⁷. Автор исходит из своего наблюдения относительно прекращения выдачи грамот с податными привилегиями светским феодалам после 1505 г. Уже А. А. Зимин⁶⁸ указал, кроме отмеченной самим Веселовским тарханной грамоты 1547 г. кн. М. И. Кубенскому⁶⁹, две тарханные грамоты, полученные светскими феодалами после 1505 г. (в 1519—1537 и 1548 гг.⁷⁰). Имеются и другие акты, предоставляющие податные привилегии светским феодалам: льготная грамота 1548 г. путному ключнику Василию Дурову (освобождение на четыре года от всех налогов)⁷¹, льготная грамота 1551 г. Титу Мартыанову (освобождение на два года от оброка)⁷², обельная грамота 1552 г. Ивану Едемскому (право платить «дань» на Москве «за все доходы» и свобода от сбора наместничьего корма)⁷³. Кроме того, во второй половине XVI в. светские землевладельцы неоднократно получали льготные грамоты (обычно от писцов, по царскому наказу) на свои запустевшие земли⁷⁴. Не всегда одинаковые права закреплялись за светскими феодалами, брашмии земли в оброчное держание⁷⁵.

Но если для светских феодалов еще можно предполагать наличие каких-то более или менее общих иммунитетных прав, приближающихся в силу своего единообразия к правам уже не корпоративного, а сословного типа, то иммунитет духовных феодалов представлен варьирующимися корпоративными правами. Говорить о существовании единообразных норм монастырского податного иммунитета в конце XV — начале XVI в. нельзя из-за того, что, во-первых, в это время выдавались удельно княжеские грамоты с различным объемом привилегий; во-вторых, сохраняли силу (по крайней мере, при Иване III) многие ранее выданные грамоты. Более унифицированным было положение монастырского иммунитета в 50-х годах после майской ревизии тарханов 1551 г., но и тогда быстро появились исключения из общего правила.

Словом, в XVI в. не нашлось удовлетворительной общей платформы для выработки унифицированного податного права иммунитетов. Это объясняется переходным характером эпохи, когда усилившееся самодержавие уже было способно на проведение общерусской политики, однако сохранение экономической раздробленности препятствовало созданию, а главное, проведению в жизнь единообразных норм финансового права.

⁶⁷ Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 98—113.

⁶⁸ Зимин А. А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // Вспр. истории. 1950. № 3. С. 75—76.

⁶⁹ XII-I. № 558.

⁷⁰ Там же. № 215, 585.

⁷¹ Там же. № 577.

⁷² XII-II. № 654.

⁷³ Там же. № 674.

⁷⁴ Там же. № 986, 991, 1026; НПК. Т. V. Стб. 640, 643, 644, 657, 681.

⁷⁵ XII II. № 634, 635, 655, 678, 685, 876 и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение нам хотелось бы высказать некоторые общие соображения о характере феодальных финансов, выходящие за хронологические рамки данного исследования. Прежде всего нужно отметить, что установление дани, а затем и других налогов не было мирным процессом, бесконфликтно протекавшим в условиях разложения родового строя и возникновения классов и государства. Никакими конкретными данными не подтверждается бытующее представление о добровольном согласии одной части общества — подавляющего большинства непосредственных производителей — материально содержать (посредством приношений и даров) другую часть общества — военную знать, якобы вследствие развившегося сознания необходимости ее для защиты всего населения. Ни в одном из древнерусских союзов племен мы не застаем такую идиллическую картину ранненалоговых отношений, хотя нередко в литературе она предполагается как нечто само собой разумеющееся.

Добровольные приношения как первичная форма налогов — миф буржуазной историографии, реконструировавшей раннеклассовые общества по образцу общества буржуазного, где все граждане — налогоплательщики, а налог интерпретируется как средство на содержание публичной власти, избранной населением и признанной общественно необходимой, при этом налоговые отношения между государством и подданными не носят характера производственных отношений между собственником средств производства, с одной стороны, и их владельцем — с другой.

Достаточно беглого знакомства с историей финансов рабочего-владельческого мира, чтобы убедиться, что на ранних стадиях общественного развития налог не являлся обычной обязанностью свободных граждан. Приведем некоторые наблюдения П. П. Гензеля относительно существа налоговых отношений при рабстве: «В древнем мире не было финансового *права*, т. е. тогда не знали податного распорядка в современном смысле. Тогда знали финансовое *насилие*, практиковавшееся по отношению к покоренным народам»¹. «Личные налоги вообще противоречат понятию древних, и нести налог могло только имущество, но и последнее облагалось лишь в исключительных случаях и вообще в почетной

¹ Гензель П. Очерки по истории финансов. М., 1913. Вып. 1. С. 21. Курсив автора.

форме»²; налог мог взиматься только с покоренных, «подданных» в узком смысле слова³.

При возникновении феодализма налог первоначально тоже устанавливается как форма прямого насилия одних союзов племен над другими. Однако дальнейшая его эволюция сложнее, чем простое превращение в ренту. Элемент насилия сохраняется по отношению не только к производящим классам, но и к вассалам князя-сюзерена, при всей подчас переплетенности и запутанности вассально-сюзеренных связей. На Западе вассал платил сюзерену «рельеф» в знак признания своего подданства по лену. На Руси бояре тоже не были вполне и безусловно свободны от денежных взносов в казну сюзерена, особенно в период монголо-татарского ига. В XV—XVI вв. монастыри нередко выплачивали князю-сюзерену «оброк», являвшийся по существу разновидностью феодального «рельефа». Разница между платежами феодалов и непосредственных производителей заключалась в коренной противоположности способов добычи средств платежа: непосредственные производители получали их в результате личного труда и обмена, феодалы — в результате частичного присвоения личности непосредственного производителя и его прибавочного труда или продукта.

Стремление феодального государства во второй половине XV—XVI в. взимать налоги непосредственно с частновладельческих и церковно-монастырских крестьян показывает разрушение системы феодального «рельефа» и процесс постепенного превращения крестьян, населявших частные земли, в подданных государства. Однако процесс этот был противоречивым. Тенденция укрепления сословной власти феодалов способствовала сохранению за земельным собственником в том или ином объеме функции налогового сборщика, обеспечивая ему роль посредника в финансовых отношениях между феодальным государством и крестьянами.

Только сравнение с буржуазным обществом, где юридически свободные подданные являются одновременно налогоплательщиками, дает основания для утверждений, что черносошный крестьянин, платящий налог государству, лично свободен. Сравнение с рабовладельческим обществом говорит об ином: уплата налога — признак несвободы, неполноправия в том случае, когда налог регулярный и не обставлен почетными аксессуарами, а главное — когда он платится за счет доходов от собственного, а не чужого, эксплуатируемого труда. Платежи феодалов в XIV—XV вв. носили налет нерегулярности, позднее вообще свелись на нет, обставлялись почетными условиями, в то время как платежи черносошных крестьян — непосредственное выражение их зависимого от государства положения.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 9—10.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. АРХИВЫ И АРХИВНЫЕ СОБРАНИЯ

- ГАВО — Государственный архив Владимирской области.
ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.
ГИМ — Отдел рукописей Государственного Исторического музея в Москве.
ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии в ЦГАДА.
ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шchedрина в Ленинграде.
ЛОИИ СССР — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.
МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.
ОИДР — Собрание Общества истории и древностей российских в ГБЛ.
ОЛДП — Собрание Общества любителей древней письменности в ГПБ.
ОПИ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея в Москве.
ПДСЛ — Приказные дела старых лет в ЦГАДА.
СПб. Д/А — Собрание Санкт-Петербургской духовной академии в ГПБ.
Тр. кн. — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ф. 303.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов в Москве.
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде.

2. ИЗДАНИЯ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологического экспедицией имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. I.
АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. I.
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I.
Акты Юшкова — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Изд. А. Юшков. М., 1898.
Амвросий — Амвросий. История российской иерархии. М., 1811. Ч. III; М., 1812. Ч. IV; М., 1815. Ч. VI.
АММС — Акты московских монастырей и соборов 1509—1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984. [I].
АРГ — Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975.
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. I; М., 1958. Т. II; М., 1964. Т. III.
АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. I; М., 1956. Ч. II; М., 1961. Ч. III; Л., 1983. Ч. IV.
АЮ — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857. Т. I; СПб., 1864. Т. II.

- БРК — Разрядная книга 1475—1598 гг. / Подгот. к печати В. И. Буганов. М., 1966.
- Вахрамеев И. А. — Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. 1.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Голубцов И. А., Назаров В. Д. — Голубцов И. А., Назаров В. Д. Акты XV — начала XVI в. // Сов. архивы. 1970. № 5.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
- Добронравов В. Г. — Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переяславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908.
- ДРВ — Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1790. Ч. XIII, XIV, XV.
- Дьяконов М. А. АТН. — Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве / Изд. М. [А]. Дьяконовым. Юрьев, 1897. Вып. II.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- Зимин А. А., Дьяч. ап. — Зимин А. А. Дьяческий аппарат второй половины XV — первой трети XVI в. // Ист. зап. М., 1971. Кн. 87.
- Зимин А. А. Новые документы — Зимин А. А. Новые документы по истории местного управления в России первой половины XVI в. // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966.
- Зимин А. А. Опричнина — Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
- Зимин А. А. ХДДГ — Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI.
- ЗОР — Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- Кабанов А. К. — Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов / Под ред. А. К. Кабанова // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1913. Сб. XIV, вып. 3, ч. 1.
- Калайдович К. Ф. — Калайдович К. Ф. Историческое и топографическое описание монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше. М., 1837.
- Катаев И. М., Кабанов А. К. — Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. М., 1905.
- Каштанов С. М. История — Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.
- Каштанов С. М. Отражение — Каштанов С. М. Отражение в жалованных и указных грамотах финансовой системы Русского государства первой трети XVI в. // Ист. зап. М., 1961. Кн. 70.
- Каштанов С. М. Очерки — Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Каштанов С. М. Финансовая проблема — Каштанов С. М. Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «удела» // Ист. зап. М., 1968. Кн. 82.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
- Можайские акты — Дионисий. Можайские акты. СПб., 1892.
- НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1859. Т. I; СПб., 1862. Т. II; СПб., 1868. Т. III; СПб., 1886. Т. IV; СПб., 1905. Т. V; СПб., 1910. Т. VI.
- Описная книга — Описная книга Спасо-Евфимьева монастыря 1660 г. // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1878. Т. II.
- ПИГ — Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951.
- ПРП — Памятники русского права. М., 1953. Вып. II; М., 1955. Вып. III; М., 1956. Вып. IV.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб., 1853. Т. 6; СПб., 1859. Т. 8; СПб., 1901. Т. 12; СПб., 1904. Т. 13, 1-я пол.; СПб., 1906. Т. 13, 2-я пол.; СПб., 1863. Т. 15; СПб., 1911. Т. 22, ч. 1; М.; Л., 1949. Т. 25; М., 1962. Т. 27; М., 1963. Т. 28.

- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 2; СПб., 1894. Т. 14; СПб., 1908. Т. 22; Пг., 1915. Т. 32; Пг. 1917. Т. 35.
- РИС — Русский исторический сборник. М., 1842. Т. V.
- Румовский Н.* — *Румовский Н.* Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862.
- Садиков П. А.* Из истории — *Садиков П. А.* Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. III.
- Садиков П. А.* Очерки — *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
- Самоковасов Д. Я.* — *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1905. Т. I; М., 1909. Т. II.
- Сборник ГКЭ — Сборник грамот Коллегии экономии. Пб., 1922. Т. I; Л., 1929. Т. II.
- Сборник Хилкова — Сборник князя Хилкова. Пб., 1879.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2.
- Смирнов М. И.* Соль Пересл. — *Смирнов М. И.* Соль Переславская // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1917. Кн. XVII.
- Тр. МГИАИ — Труды Московского государственного историко-архивного института.
- ХП-I — *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. [Часть первая] // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958.
- ХП-II — *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть вторая // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962.
- ХП-III — *Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть третья // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.
- Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- Шумаков С. А.* Обзор — *Шумаков С. [А.]* Обзор «Грамот коллегии экономии». М., 1899. Вып. I; М., 1900. Вып. II; М., 1912. Вып. III; М., 1917. Вып. IV.
- Шумаков С. А.* Сотницы — *Шумаков С. [А.]* Сотницы, грамоты и записи. М., 1902. [Вып. I]; М., 1903. Вып. II; М., 1904. Вып. III; М., 1909. Вып. IV; М., 1910. Вып. V; М., 1911. Вып. VI.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая</i> Основные направления налоговой политики в XIV—XV вв.	6
<i>Глава вторая</i> Земельные описания второй половины XV — середины XVI в. как инструмент финансово-экономической и политической централизации.	22
<i>Глава третья</i> Тенденции централизации и децентрализации финансов в политике великокняжеского правительства и удельных князей в начале XVI в.	41
<i>Глава четвертая</i> Эволюция налогов, повинностей и пошлин.	59
<i>Глава пятая</i> Финансовая политика в начале правления «Избранной Рады».	92
<i>Глава шестая</i> Отмена тарханов в середине XVI в.	111
<i>Глава седьмая</i> Финансовая политика в 1551—1564 гг.	137
<i>Глава восьмая</i> Финансовая политика периода опричнины.	163
<i>Глава девятая</i> Состояние налогообложения в конце 1572—1575 гг.	177
<i>Глава десятая</i> Финансовые аспекты внутренней политики времени великого княжения Симеона и удела Ивана IV.	205
<i>Глава одиннадцатая</i> Финансовые привилегии феодалов в конце 1576 — начале 1584 г.	221
<i>Глава двенадцатая</i> Увеличение бремени налогов и повинностей во второй половине XVI в.	231
Заключение	243
Список сокращений.	245